

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№22. Июль 2006 г.**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(этноконфессиональные конфликты
и вызовы XXI века)**

Материалы международной
научно-практической конференции

*Издательство Алтайского университета
Барнаул 2006*

ББК 66.3(2 Рос-4 Алт) я431

Д 541

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Чернышов Ю.Г.**
(отв. редактор), кандидат исторических наук,
доцент **Аршинцева О.А.**, кандидат исторических наук,
доцент **Бетмакаев А.М.**, кандидат исторических наук,
профессор **Глушков А.Е.**, **Исакова С.Н.** (отв. секретарь),
кандидат исторических наук **Рубцов П.В.**

Д 541 **Дневник Алтайской школы политических исследований. №22. Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века): материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 314 с.**

ISBN 5–7904–0592–4

Двадцать второй выпуск «Дневника АШПИ» посвящен материалам международной научно-практической конференции по проблемам этноконфессиональных конфликтов. Конференция состоялась 4–5 июля 2006 г. в Алтайском государственном университете. Помимо докладов и стенограммы их обсуждения опубликованы тезисы, представленные на Интернет-конференцию учеными из 5 стран (Азербайджан, Германия, Казахстан, Россия, Украина) и 19 городов России. Кроме этого, в приложении дана стенограмма встречи с московскими экспертами, на которой обсуждались проблемы ксенофобии и толерантности.

Издание предназначено не только для специалистов (международников, историков, политологов, психологов, юристов, социологов, этнологов), но и для всех, кто интересуется межнациональными и межконфессиональными отношениями, внутренней и внешней политикой России.

ISBN 5–7904–0592–4

© Алтайская школа политических исследований, 2006
© Издательство Алтайского университета,
оформление 2006

Дискуссии о ксенофобии и этноконфессиональных конфликтах (предисловие ответственного редактора)

Данный сборник статей включает в себя материалы научно-практической конференции и стенограмму встречи с московскими экспертами¹. По сути, оба мероприятия были связаны общей тематикой, становящейся в последнее время все более актуальной. Обсуждались, в частности, причины обострения этноконфессиональных конфликтов, источники и проявления ксенофобии в современном обществе.

Использование этнической и религиозной вражды в политических целях становится в условиях XXI века все более опасным фактором, способным дестабилизировать международную обстановку. Не удивительно, что эта тема все больше привлекает внимание и политиков, и научной общественности.

Мы приводим здесь краткий обзор итогов дискуссий, чтобы читателям было легче ориентироваться в структуре публикуемых материалов.

Поскольку **ВСТРЕЧА С ЭКСПЕРТАМИ** состоялась раньше конференции (15 апреля 2006 г.), мы вначале охарактеризуем дискуссию о ксенофобии.

Встречи с приезжими экспертами регулярно проводятся в Алтайском государственном университете при помощи молодежного отделения АШПИ – студенческой организации «Международник». На этот раз присутствовало более 50 человек – не только студенты, но и преподаватели, в основном исторического факультета АлтГУ.

Перед ними выступили находившиеся в Барнауле на семинаре по местному самоуправлению доктор политических наук, генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований, руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращения экстремизма Института социологии РАН **Э.А. Паин** и кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований МГУ **И.В. Карацуба**.

Э.А. Паин во вступительном слове заметил, что его интересует ксенофобия прежде всего как политическая технология, неоднократно использовавшаяся при авторитарных режимах. В целом же есть три типа ксенофобов: ветренные, кожные и головные. «Ветренные» – это те, которые сегодня ксенофобы, завтра – друг, брат и товарищ. Это крайне неустойчивые формы и они ненадолго. А вот

¹ Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-02-14072г. Стенограммы дискуссий в ряде случаев даны в сокращенном виде.

устойчивые формы – «кожные» – возникли в тех местах, где исторически существовала память о неких стычках. И, наконец, «головные». Это те, которые не верят ни в бога, ни в чёрта, ни в ксенофобию, ни в антиксенофобию, но которые используют ксенофобию в политических целях.

И.В. Карацуба напомнила о существовании имагологии, один из выводов которой заключается в следующем: чем меньше мы знаем о другом народе, тем хуже бывают наши представления о нем.

Затем были ответы на вопросы, поступившие от аудитории. Спрашивали о религиозных праздниках, сделанных государственными, об имидже России за рубежом, об исторически позитивных формах этнического национализма, о способах преодоления негативных этнических стереотипов и др. На все вопросы оба гостя ответили весьма аргументированно и подробно.

Завершающий вывод, пожалуй, содержался в следующих словах **Э.А. Паина**: «Я уверен, что в России преодолеют эту ксенофобию. В историческом плане у меня нет ни грана сомнения. Этот переход будет первоначально состоять: а) в переходе от изменений типа «они» от этнических к социально-политическим характеристикам; б) в расширении позитивной консолидации. Вместо проблемы «свободы от» будет «свобода для», когда появится огромная сфера, расширяющаяся сфера самоорганизации, сфера проявления инициативы, цели новые, перспективы новые, в том числе и внешнеполитические».

Конференция, состоявшаяся 4–5 июля, имеет довольно богатую предысторию. Традицию проведения ежегодных международных конференций АШПИ поддерживает с 1996 г.² В течение последних трех лет на российском образовательном портале AUDITORIUM.RU проводились и «предварительные» Интернет-версии конференций под общим названием «Современная Россия и мир: альтернативы развития». В этом году, продолжая традицию обсуждения наиболее актуальных проблем, оргкомитет принял решение уделить основное внимание теме этноконфессиональных конфликтов.

Предметом обсуждения на конференции стал широкий круг вопросов, связанных с влиянием этноконфессиональных конфликтов на современные международные отношения. Это проблемы сосуществования мировых религий; религиозный экстремизм и международный терроризм; этноконфессиональная ситуация в странах СНГ и в регионе «Большого Алтая»; отношение гражданского общества и власти к проявлениям религиозной нетерпимости и ксенофобии; проблемы воспитания толерантности и др.

² Подробнее см. информацию об АШПИ в конце сборника.

ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ проводилась с 1 марта по 31 мая 2006 года³. Тема конференции вызвала большой интерес и в нашей стране, и за рубежом. Поступило 46 докладов из 5 стран (Азербайджан, Германия, Казахстан, Россия, Украина) и 19 городов России (Барнаул, Белгород, Владивосток, Владимир, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Казань, Кострома, Краснодар, Москва, Нижний Новгород, Омск, Саранск, Саратов, Таганрог, Тверь, Томск, Ярославль). В дискуссии приняли участие ученые разных специальностей – историки, международники, политологи, психологи, религиоведы, социологи, филологи, экономисты, юристы и др. Все поступившие тексты докладов вместе с дискуссиями, которые они вызвали в Интернете, опубликованы в данном сборнике.

Эта «предварительная» дискуссия была продолжена 4–5 июля на традиционной летней конференции АШПИ в Барнауле. Ее организаторами и учредителями стали: Алтайская школа политических исследований (ответственный организатор), Администрация Алтайского края, Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки, Конгресс интеллигенции Алтайского края. Конференция была проведена при поддержке РГНФ.

Выступили 22 докладчика, в том числе 6 – из других городов страны (Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Краснодар, Омск и Томск). Общее число участников конференции – 78, среди них эксперты из ведущих вузов Алтайского края.

На **КОНФЕРЕНЦИИ** работали две основные секции:

1) **этноконфессиональные аспекты международных конфликтов: история и современность** (религиозное, национальное и политическое: соотношение и взаимодействие в истории цивилизаций; проблемы сосуществования мировых религий; религиозный экстремизм и международный терроризм);

2) **этноконфессиональная ситуация на постсоветском пространстве** (национализм и сепаратизм; этноконфессиональная ситуация в странах СНГ и ее влияние на миграционные потоки, на процессы интеграции и дезинтеграции; отношение гражданского общества и власти к проявлениям религиозной нетерпимости и ксенофобии; проблемы воспитания толерантности; этноконфессиональные отношения в регионе «Большого Алтая»).

На **ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ** выступили: *Ю.Г. Чернышов*, д.и.н., профессор, зав. кафедрой ВИМО АлтГУ, директор АШПИ (вступи-

³ См.: http://www.auditorium.ru/v/index.php?vconf_id=101.

тельное слово) и **В.Н. Владимиров**, к.и.н., доцент, декан исторического факультета АлтГУ (приветствие), затем были заслушаны три доклада.

Г.П. Зырянов, начальник управления Администрации Алтайского края по работе с обращениями граждан и общественными объединениями, рассказал о деятельности Администрации Алтайского края по профилактике и предупреждению конфликтов в этноконфессиональной среде. Было отмечено, что обстановка в регионе остается относительно стабильной.

Н.В. Греков, профессор кафедры «История, философия и культурология» Омского государственного университета путей сообщения, выступил с докладом «Мираж русского национализма и его политическое значение». По его мнению, устрашающий миф о русском национализме нужен, прежде всего, определенным политическим силам, борющимся за власть в самой России. Ссылки на государственный национализм начала XX в. и искусственное моделирование современного русского национализма позволяют заинтересованным авторам переключаться на критику проектов укрепления российской государственности, выстраивать прямые связи между спецификой формирования российской политической элиты начала XXI в. и ростом этнофобий.

С.В. Голунов, к.и.н., доцент, директор Центра региональных и трансграничных исследований Волгоградского государственного университета, коснулся вопроса о стереотипах в оценке роли этнического фактора в наркотрафике через границы РФ. На основе анализа статистических данных и косвенной информации автор пришел к выводу, что, хотя этнический фактор играет довольно существенную роль, нет никаких оснований возлагать коллективную ответственность на целые группы этнических мигрантов. Спекуляции на данную тему в средствах массовой информации не приносят никакой практической пользы в деле борьбы с распространением наркотрафика, внося, вместе с тем, немалый вклад в снижение толерантности в российском обществе.

Всем докладчикам были заданы вопросы. Были даны ответы, в частности, об уровне остроты межэтнических и межконфессиональных противоречий на Алтае (и о перспективах развития ситуации в случае «укрупнения регионов»), об использовании в политике карты «русского национализма», о влиянии наркоторговли на формирование этнических стереотипов и т.д.

НА ПЕРВОЙ СЕКЦИИ (ведущий – к.и.н., проф. **А.Е. Глушков**) были заслушаны и обсуждены 6 докладов. Основное внимание здесь было обращено к теоретическим вопросам и изучению опыта зарубежных стран.

Так, с обобщением опыта конфессионализма в послевоенной Германии выступили три автора с кафедры всеобщей истории и международных отношений АлтГУ – *О.А. Аришницева* (к.и.н., доцент), *А.М. Бетмакаев* (к.и.н., доцент), и *А.Е. Глушков* (к.и.н., профессор). Как отметил *А.М. Бетмакаев*, складывание парламентских партий современного типа в западных странах началось еще во второй половине XIX в. в ответ на вызовы и задачи политической мобилизации масс, которые были продиктованы расширением представительных основ выборных органов власти. Универсальной платформой объединения групп интересов стали наиболее распространенные политические идеологии либерализма, консерватизма и социализма. Их универсальный характер проявлялся, в частности, в стремлении преодолеть иные, более частные и разделяющие массового избирателя факторы, в том числе религиозный, конфессиональный.

А.В. Кротов, к.г.н., доцент кафедры экономической географии и картографии АлтГУ, в докладе «Этноконфессиональные конфликты сквозь призму глобализации и постиндустриализации» высказал мнение, что этноконфессиональные конфликты стимулируются как внутренними, так и внешними (геополитические и геоэкономические факторы) предпосылками. Получая постоянный импульс фрустрации, подпитанный в том числе извне (геополитический фактор), достаточно большое количество мигрантов разных поколений уходит в религию и этничность. Там они не ощущают себя людьми второго сорта. Предполагаемый мусульманский альянс («халифат»), китайская цивилизация теоретически могут составить западному миру конкуренцию, создав и отстояв свои общественно-политические ценности, тем более, что они имеют высокие темпы прироста населения и более высокую пассионарность, чем у населения западного мира.

И.Д. Сахурия, аспирант исторического факультета АлтГУ, в докладе «О роли религиозного фактора в формировании Образа Чужого» отметила детерминированность образов Чужого и Собственного категорией культуры, а также их тесную связь между собой, и даже взаимообусловленность. Историчность Образа Чужого выражается в том, что в разных конкретно-исторических условиях ведущую роль играют разные критерии отчуждения, и вся схема Образа Чужого имеет уникальную фактологическую наполненность.

Тема терроризма в глобализованном мире была затронута в докладе *К.В. Фадеева*, ассистента кафедры истории и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. Он, в частности, отметил, что, наряду с партиями и группами интересов, теперь можно выделить новые субъекты политики – террористические организации, которые действуют самостоятельно, ставя под сомнение авторитет государств во внутренней и внешней политике.

Вместе с тем докладчик подверг сомнению существование «международного» терроризма, чем вызвал немало вопросов аудитории.

О.В. Степанова, старший преподаватель кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета им.И.И. Ползунова, остановилась на природе этнополитических конфликтов. Локализованный в начале как внутривнутриполитический, этнополитический конфликт по мере развития часто приобретает международно-политический характер. Факторами, определяющими особую роль и значение этнополитических конфликтов в современных международных отношениях, являются: фактор насилия в этнополитических конфликтах и связанные с этим гуманитарные проблемы, тенденции интернационализации внутренних конфликтов и вмешательство «третьей стороны», усилившаяся взаимозависимость современного глобального общества.

Политика Великобритании и межэтнические отношения в Югославии в годы Второй мировой войны были рассмотрены в докладе **А.В. Сквородникова**, аспиранта исторического факультета АлтГУ. Автор считает, что во многом непродуманная и непоследовательная политика Англии, иногда граничащая с простым невмешательством, приводила к эскалации напряженности и еще большей жесточенности в межэтнических отношениях сербов и хорватов. Накопленный в годы войны конфликтный потенциал нерешенных вопросов этнического характера во многом повлиял на послевоенную судьбу Югославии и сказался на причинах современного югославского кризиса.

Во время работы **ВТОРОЙ СЕКЦИИ** (ведущая – к.и.н., доцент **О.А. Аршинцева**) прозвучало 8 докладов, посвященных анализу этноконфессиональной ситуации на постсоветском пространстве.

Большой интерес вызвал доклад консультанта управления Администрации края по работе с обращениями граждан и общественными объединениями, к.филос.н., доцента, заведующей кафедрой религиоведения и теологии АлтГУ **М.М. Волобуевой**. Она остановилась на вопросе о критериях проявлений конфликтности и экстремизма в этнорелигиозных средах субъектов РФ.

Не менее дискуссионным оказалось и следующее выступление по теме «О некоторых особенностях формирования в России образа ислама и мусульманина». Автор – к.и.н., доцент АлтГУ **В.Н. Козулин** – попытался, в частности, показать специфику восприятия мусульманства в православной среде.

С обзором конфессиональных процессов в Краснодарском крае выступила **Е.В. Волосенкова**, к.п.н., старший научный сотрудник лаборатории политической социологии Южного научного центра РАН, доцент кафедры политологии и политического управления КубГУ. Автор представила результаты, основанные на включенном наблюдении, материалах

текущих архивов НКО, государственных органов, публикациях СМИ, базах данных Краснодарстата, материалах, полученных в ходе реализации проекта «Конфликтный и интеграционный потенциал на Кавказе», проводившегося ЮНЦ РАН. После доклада состоялся оживленный обмен мнениями о региональной специфике и общих для России тенденциях.

А.С. Чесноков, к.п.н., старший преподаватель Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург) посвятил свой доклад сравнительному анализу миграционных процессов на постсоветском пространстве. Автор проанализировал «выталкивающие» и «притягивающие» факторы, определяющие миграционную мобильность в странах региона. Основной акцент был сделан на этническом измерении миграционных процессов, этической композиции миграционных потоков, проблеме соотечественников и положении русской диаспоры в странах СНГ. В ходе дискуссии было отмечено, что само содержание термина «соотечественники» нуждается в уточнении.

Гостью из Воронежа – к.с.н., директор Института общественного мнения «Квалитас» **Н.А. Романович** – остановилась на вопросе о причинах того, почему в российских городах (и, в частности, в Воронеже) все чаще происходят нападения на иностранцев. По ее мнению, основанному на материалах опросов, причины негативного отношения русских к представителям других национальностей можно разделить на три группы: экономические, бытовые и идеологические. Экономические – сторонники этого объяснения указывают на низкий уровень материального достатка жителей региона. Бытовые – сторонники этих взглядов утверждают, что в случаях избиения иностранцев молодыми людьми нет никакой идеологической подоплеки. Идеологические причины усматриваются в «кризисе идентичности», характерном для постсоветской России.

Интересные страницы истории взаимоотношений православия и ислама на Алтае во второй половине XIX – начале XX вв. рассмотрела в своем докладе **Ю.А. Лысенко**, к.и.н., доцент кафедры востоковедения АлтГУ. Была дана характеристика деятельности Алтайской и Киргизской духовных миссий, призванных распространять христианство среди казахов-мусульман.

Пожалуй, наибольшие дискуссии вызвал доклад «Проект «сбережения народа»: консервативный и либеральный подходы» (автор – **И.А. Еремин**, к.и.н., доцент кафедры политической истории Барнаульского государственного педагогического университета). Противопоставляя консервативный подход либеральному, автор считает идейным лидером консерватизма А.И. Солженицына. Свое видение демографической катастрофы в современной России имеет и возглавляемая В.В. Путиным правящая элита, стоящая, по утверждению автора, на идейных позициях либерализма.

В завершающем докладе соавторов – *Н.А. Краснобаевой* (к.и.н., заведующая кафедрой философии и социально-политических теорий Восточно-Казахстанского государственного технического университета) и *Е.В. Тарасовой* (к.и.н., доцент кафедры архивоведения и исторической информатики АлтГУ) – шла речь об этноконфессиональной ситуации в Восточном Казахстане. В сравнении с другими регионами Казахстана Восточно-Казахстанская область отличается относительной стабильностью этнополитической ситуации. Мониторинг межэтнических отношений, проводимый департаментом внутренней политики ВКО, и данные независимых экспертов показывают низкий уровень конфликтности в этноконфессиональной сфере. Сейчас власти стали оказывать большую поддержку традиционным религиям (прежде всего исламу и православию), соседство которых определяет культурно-исторические особенности региона, и в то же время пытаются усилить контроль над всеми другими религиозными объединениями.

При **ЗАКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ** были подведены основные итоги. Прозвучали оценки уровня прошедшей конференции (*Н.А. Романович*: «Понравилась сама организация конференции, за что хотелось бы поблагодарить руководителей. Понравилась четкость проведения конференции»; *Г.П. Шейда*: «Присоединяюсь к словам о том, что конференция прошла очень успешно. Действительно, АШПИ выбрала одну из острых и актуальных тем, и, думаю, что в ближайшие годы эта проблема не иссякнет и будет нарастать»; *О.Ю. Курныкин*: «Работа конференции прошла успешно, и радуется, что к нам приезжают гости из других городов»; *А.Н. Устюгов*: «Конференция была интересной и прошла очень эффективно»; *Е.В. Волосенкова*: «Мне хотелось бы поблагодарить оргкомитет за систематичность проведения этих конференций, за упорство, с которым каждое лето проводятся конференции»).

Действительно, оргкомитетом была проделана очень большая работа. Хочется высказать слова благодарности *А.М. Бетмакаеву, М.М. Волобуевой, С.Н. Исаковой, В.Н. Козулину, П.В. Рубцову, И.Д. Сахурии, Т.А. Ситниковой, А.В. Сквородникову*, студентам из «Международника» (*Э. Аббасовой, А. Звягольской, Д. Куницину, И. Лябухову*) и всем другим, кто внес свою лепту в успех конференции и в издание этого сборника.

При закрытии конференции ее участниками были высказаны пожелания по тематике следующей конференции. Предполагается, что она будет посвящена теме восприятия образа России в мире.

Ю.Г. Чернышов, август 2006 г.

**Международная
научно-практическая конференция
«СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ
(этноконфессиональные конфликты
и вызовы XXI века),
4–5 июля 2006 г.**

Секция 1. Этноконфессиональные аспекты международных конфликтов: история и современность

О.А. Аршинцева, А.М. Бетмакаев, А.Е. Глушков
Конфессионализм и эволюция христианской демократии в Германии

Как известно, универсальной платформой объединения групп интересов в современном обществе стали наиболее распространенные политические идеологии – либерализм, консерватизм и социализм. Их универсальный характер проявлялся, в частности, в стремлении преодолеть иные, более частные и разделяющие массового избирателя факторы, в том числе религиозный, конфессиональный. Степень и формы влияния конфессионального фактора зависели от национальной традиции, особенностей политической культуры, условий формирования политической системы и других причин. Особый вариант воздействия конфессионализма на политику сложился в истории Германии.

После создания Германской империи в 1871 г. страна оказалась конфессионально смешанной. В условиях централизаторской политики Бисмарка происходила политическая консолидация по конфессиональному признаку. Католическая партия Центра превратилась в одну из самых массовых и популярных у избирателей партий страны. Политический католицизм выполнял функции оппозиции государственным попыткам придать национальной идее евангелическое (протестантское) толкование. Эта тенденция в политическом смысле маскировала прусскую гегемонию. В противовес этому в программе партии Центра предлагалась автономия земель, общин, конфессиональных организаций, индивидуальные и коллективные свободы. Либеральной составляющей программы и практики партии Центра была ее социальная концепция, которая включала идеи создания рабочих объединений и законодательной «защиты рабочего сословия», условий труда и жизни рабочих. В это русло целиком укладывалась инициатива Центра по созданию профсоюзов рабочих-католиков, а в начале XX в. и межконфессиональных христианских профсоюзов. Лидеры партии не скрывали при этом стремления противостоять влиянию социалистов в рабочем движении.

Однако эти цели не исчерпывали мотивации социальной политики партии, которая ориентировалась не только на рабочие, но и крестьянские слои населения. Центр выступил с инициативой создания крестьянских объединений с подчеркнутой целью защиты интересов аграриев. Исследователи отмечают в качестве отличительной особенности партии ее массовую, сложную по составу избирательную базу, спра-

ведливо связывая ее с тем, что изначально лидеры Центра ориентировались на объединение всех католиков независимо от социального статуса. Однако в перспективе стремление сохранить устойчивый электорат при столь широком социальном охвате вынуждало партию дифференцировать свою социальную программу и политику. В этом направлении Центр заметно опередил другие нерадикальные парламентские партии кайзеровской Германии и к веймарскому периоду обладал значительным опытом и соответствующей репутацией.

Однако Центр еще оставался в рамках католического конфессионализма и политического клерикализма. Только накануне Первой мировой войны в партии сложилось так называемое «кёльнская» группа политиков, которая повела борьбу за секуляризацию, превращение Центра в чисто политическую организацию. Поражение Германии в войне и начавшаяся демократическая революция закрепили лидирующее положение «кёльнской» группы. Её отличали высокий политический прагматизм и ориентация на ценностные принципы демократии и парламентаризма. Избавившись от ярлыка политического изгоя времен монархии, Центр в годы Веймарской республики оставался системообразующей партией и входил в правительственные коалиции различных составов. После революции Центр стал официально называться Христианско-демократической народной партией.

В 1920-е гг. партия продолжала опираться на католические просветительские, благотворительные организации и профсоюзы, претендуя на межсословный «народный» характер и выражение разнородных социальных интересов. Центр оставался длительное время стабильной партией, ибо уровень его электоральной поддержки менялся мало. В Веймарской Германии на выборах в рейхстаг за него постоянно голосовали 11–13% избирателей. Регионами традиционного партийного преобладания Центра были Вестфалия, Рейнская область, Баден, Вюртемберг, Верхняя Силезия. Центр нередко шел на парламентские и правительственные коалиции с другими партиями страны, которые придерживались противоположных взглядов на республику.

Превращение Центра по своим параметрам в традиционную политическую партию еще не означало, что Центр совсем отказался от своей конфессиональной особенности. Пытаясь сохранить за собой католический электорат, летом 1927 г. имперское правительство, возглавляемое председателем Центра В. Марксом, разработало законопроект о школьном образовании. Он предусматривал создание школ одного вероисповедания и утверждал преимущественное положение конфессиональной школы. Проект вызвал резкую критику в обществе и не был принят рейхстагом.

Проект школьной реформы стал первым звонком об усилении клерикальных тенденций в партии Центра. Потерпело поражение левое крыло, которое в 1920-е гг. выступало за деконфессионализацию партии. В исторической литературе внутренние события в партии Центра в конце 1920-х гг. оцениваются как поворот вправо. Однако этого явно недостаточно, чтобы обвинять Центр в открытом пособничестве национал-социалистам Гитлера. В условиях кризиса парламентаризма руководство Центра рассчитывало «контролировать» Гитлера путем установления «президентской республики», но этот расчет не оправдался. С приходом нацистов к власти партия Центра самораспустилась, связанные с ней конфессиональные организации были распущены, либо унифицированы в годы Третьего рейха.

Христианская демократия смогла возродиться только после поражения нацизма. В западных зонах оккупации группой политиков бывшего Центра был создан Христианско-демократический союз (ХДС), который вместе с Христианско-социальным союзом (ХСС) составил парламентскую фракцию в бундестаге ФРГ. ХДС/ХСС превратился в несущую опору Боннской Республики: за почти 56 лет истории ФРГ христианскими демократами были 5 из 9 федеральных президентов (32 г.) и 5 из 8 канцлеров (37 лет).

Успех ХДС/ХСС (на выборах 1957 г. коалиция получила более 50% голосов) основывался на реализации концепции массовой «народной партии», которая объединила в своих рядах не только членов христианских конфессий, но и большие группы рабочих и крестьян, ремесленников и торговцев, мелких предпринимателей, собственников и менеджеров предприятий крупной промышленности. Этой концепции соответствовала достаточно размытая идеология, которая, как правило, следовала за реальной политикой.

Вместо идеологических изысков, ХДС предлагал избирателям поддержать первого канцлера К. Аденауэра, одного из ярких деятелей прежней партии Центра. ХДС как организация исполнял, в первую очередь, функцию «предвыборного объединения канцлера» («Kanzlerwahlverein»). С начала 1960-х гг. ХДС постепенно превращался из «канцлерской партии» в современную массовую партию с независимой от правительственного аппарата центральной организацией. Только партийные функционеры смогли стать канцлерами (Г. Коль и А. Меркель были председателями ХДС).

Влияние конфессионализма на эволюцию христианской демократии заметно сократилось, поскольку качественно менялись соотношения между конфессиями и роль церквей в обществе. Прежнее географически четкое деление на протестантов и католиков было сглажено

ввиду массовой эвакуации женщин и детей из городов, которым угрожали бомбардировки, и прибытием в Западную Германию почти 8 млн. чел., изгнанных из стран Восточной Европы, и 1,5 млн чел., бежавших из советской зоны оккупации, и более 2 млн. беженцев из ГДР. Смешивание конфессий отразилось в росте доли смешанных браков между протестантами и католиками с 10% (1913 г.) до более 30% (1970 г.).

Показательно, что после войны епископы не сделали серьезных попыток возродить католические общественные организации. Начавшийся в католической церкви процесс «обновления» II Ватиканского собора узаконил тенденцию к ограничению политической роли церкви. Один из последних оплотов конфессионализма рухнул, когда в 1960-е гг. конфессиональные школы были заменены межконфессиональным школами.

Евангелические церкви в Германии были затронуты национал-социализмом сильнее, чем католическая церковь, и скомпрометированы членством священников в НСДАП. Поэтому после 1945 г. деятели протестантизма подчеркивали самостоятельность и независимость церкви. Акцент на самостоятельности в отношениях с государством увязывался с усилением влияния церкви на общественную жизнь.

И на рубеже XX–XXI вв. религиозно-конфессиональная принадлежность оставалась важным, хотя и постоянно теряющим значение фактором электорального поведения. Опросы на выборах в бундестаг в октябре 1994 г. показали, что 74% католиков, которые ходят каждое воскресенье в церковь, проголосовали за ХДС/ХСС, однако, эти католики составляли только лишь 14% избирателей указанных партий в Германии.

Д.Г. Балув **Этничность и национализм** **в условиях глобализации**

Главным фактором, влияющим на мировую политику в конце XX – начале XXI вв., является глобализация. Без рассмотрения ее сущности, причин, основных форм и возможных последствий для мировой системы анализ современной мировой политики и политики в области безопасности будет, по меньшей мере, неполным.

Как писали Ерин и Станслоу, «возникает новая действительность. Это не процесс, а условие – глобальность, мировая экономика, в которой традиционные и знакомые границы преодолеваются или становятся неуместными. Конец Советского Союза и коммунизма переkreпил карту мировой политики и подчинил идеологию как доминирующий фактор в международных делах».

Если глобализация есть движение к этому глобальному состоянию, тогда ее основной характеристикой будет являться интегра-

ция.Т. Фридман определял глобализацию как «интеграцию рынков, национальных государств и технологий в степени, которая не встречалась ранее». Интеграция означает в данном контексте процесс, состоящий из двух элементов. Одно из значений интеграции означает интенсификацию контактов, но вовсе не обязательно наличие общих ценностей. Более высокая форма интеграции означает общую идентичность, основывающуюся на нормах, а не на принципах, вроде общности языка или этничности. Интеграция в этом значении является основой для плюралистического общества.

Хотелось бы отдельно подчеркнуть достаточно конфликтный характер, который принимает процесс глобализации в последние годы. Один из становящихся все более распространенных типов конфликтов – конфликт по поводу распределения ее плодов. Растущее благосостояние и интеграция могут даже увеличивать политическую нестабильность, поскольку ведут к большей экономической зависимости, что создает ощущение опасности. Рост благосостояния и нестабильность очень часто идут рука об руку. Классическим примером может служить период с 1900 по 1914 г., когда уровень межгосударственной торговли достиг беспрецедентных масштабов при постоянно усиливающейся напряженности в политической сфере. Поэтому в ближайшем будущем растущее глобальное процветание может привести к росту нестабильности. Сама глобализация кроме очевидных преимуществ может иметь негативные последствия.

Одно из них – усиление этнических конфликтов. Как писал Г. Киссинджер, «мир может превратиться в двухъярусную систему, в которой глобализирующиеся элиты связаны общими ценностями и технологиями, в то время как большая часть населения чувствует себя исключенной [из процесса глобализации] и обращается к национализму и этничности в попытках освободиться от того, что она считает американской гегемонией». По мнению М. Кастельса, «националистические движения как движения, рационализирующие интересы определенной элиты, создают национальную идентичность, которая, в случае ее успеха, поддерживается государством-нацией, затем распространяется пропагандой среди его граждан до такой степени, что они готовы отдать жизнь за свою нацию». Национализм не обязательно является элитным феноменом. Более того, чаще всего в настоящее время национализм является реакцией против глобальных элит. Конечно, глобализация не является единственной причиной обострения этнических конфликтов, однако информационная прозрачность делает их доступными широкой аудитории и усиливает их.

Национализм может быть определен как теория политической легитимности, постулирующей, что политическое объединение (государство) и национальное объединение должны совпадать. Национализм подразумевает коллективную национальную идентичность. Он нацелен на сохранение и защиту государства, которое защищает нацию и которое является единственным легитимным источником власти.

Численность существующих этнических групп в начале XXI в. оценивается в 2–5 тыс. Большинство из существующих 191 государств являются этнически гетерогенными, причем имеется тенденция к росту этой гетерогенности. Следствием этого и является усиление конфликтного потенциала.

Сущность национализма заключается в идентификации индивида с нацией или национальным государством. Глобализация приводит к личной идентификации с глобальным сообществом и не требует личной идентификации с государством. Государство, формирующееся без национальной идентификации, с населением, которому по-прежнему требуется идентификация с какой-либо группой, подвержено общественному расколу. Индивиды идентифицируют себя не с государством, а с кланами, семьями, территориями, определенной культурой или субкультурой.

В этих условиях, несомненно, роль этноконфессионального фактора в международных конфликтах в обозримой перспективе будет лишь возрастать.

Литература

1. Castells M. The Power of Identity. Blackwell Publishers, 1998.
2. Friedman Th. The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. N.Y., 1999.
3. Gellner E. Nations and Nationalism. Cambridge, 1995.
4. Held D. et al. Global Transformation: Politics, Economics and Culture. Stanford, CA, 1999.
5. Yergin and Stanislaw. The Commanding Heights. N.Y., 1998.

С.Н. Борисов

К вопросу о традиционной природе современного терроризма

Вектор развития современной «западной» цивилизации, неизбежно сопряженный с методологическими и теоретическими построениями классического и постклассического рационализма, на практике обернулся «потерей» человека. И действительно, в теоретических построениях XIX–XX вв. обнаруживался различный человек – «массовый», «одномерный», «тоталитарный» и т.п., но живой человек, с его желаниями, чувствами и мыслями оставался «за кадром». От имени этого

«абстрактного» «неуловимого» и потому непонятого человека создавали политические режимы и теории, вели избирательные кампании и войны, творили художественные произведения и распространяли массовую культуру. И никто в реальности не видел и не слышал живого человека. В цивилизации индустриализма – и в теории, и в практике – человек был превращен в схему.

Потерянность человека во многом и предопределила тот постмодернистский бунт, которому мы стали свидетелями, который выразился не только в теоретических экспериментах философов, лингвистов и психологов, но и в молодёжной контркультуре, этнических конфликтах и региональном сепаратизме, религиозном возрождении и оккультном шарлатанстве. А между тем, живой человек эпохи так и не был найден. Он остался одиноким уже не в толпе индустриального города, а на шумной ярмарке постиндустриальной «глобальной деревни». И только громкий «хлопок дверью» глобального террора заставил обратить на него внимание.

Однако при определении современного терроризма, осмыслении его как довольно специфического феномена, возникают определенные сложности. Прежде всего, они связаны с самой возможностью определения терроризма, его сути и истоков (что проявляется уже в способности дать внятное определение терроризма). Велик соблазн использовать старые схемы интерпретации и объявить терроризм порождением атавистических сил мира традиционализма. Реанимировать удобную и понятную модель противостояния секулярного «Запада» и фундаменталистского «Востока» и тем самым снять все возможные подозрения в собственном соучастии в возникновении данной проблемы. Иначе говоря, основной вопрос, который предстоит разрешить, это вопрос о принадлежности терроризма к миру традиционализма и только к нему, или же доказать обратное. Это позволит прояснить ряд вопросов о сути и истоках современного терроризма.

Для разрешения поставленного вопроса нам необходимо опереться на некоторое исходное положение, характеризующее терроризм, очевидное и потому бесспорное. Таким условиям, на наш взгляд, отвечает тезис о публичности терроризма.

Действительно, публичность современного терроризма есть факт непреложный. Терракт всегда есть некая презентация альтернативы существующей реальности. Террористический акт есть та точка, в которой происходит «диалог» «человека террористического» и «массового»: не только террорист, но и общество становится субъектом террора, и именно таким путем «новая» реальность вторгается в повседневность системы. Причина, по которой становится возможным появление

альтернативы реальности-системы – утрата этой системой реальности, утрата подлинного основания, составляющего истинность – сакрально-го. Террорист ставит под сомнение прежде всего легитимность, но также право на существование системы.

Более того, возможность альтернативы, возможность антимира изначально содержится в логике развития системы. Легитимность, основанная на «сакральных запретах», обусловлена четким разделением сакрального и профанного, святого и скверного, дозволенного и запретного. Кризис сакрального, конец цикла в традиционном обществе запрограммирован таким свойством сакрального, как угасание и растворение в профанном. Поэтому периодическое проявление насилия внелегитимности, террора изначально присуще системе. Циклическое угасание и возрождение сакральности, чередование «Вызова» и «Ответа» есть неперемutable условие развития системы. Несοизмеримость «Вызова» «Ответу» и вызывает к жизни терроризм.

В данных условиях герой, воссоздающий систему, «превращается» в антигероя – «человека террористического». Образ антигероя, «тени» героя – трикстера имманентно содержится в потенциях системы, периодически испытывающей циклические кризисы. Отражая базовую дуальность: сакральное–профанное, святое–скверное, верх–низ, право–лево, две фратрии архаического общества – герой и его функциональный антипод трикстер – обеспечивают существование общества как в стабильные, так и в кризисные периоды.

То есть, терроризм, следуя логике рассмотрения проблемы, как некая архаическая поведенческая модель, есть атрибут общества традиционного. И «человек террористический» чужд современности, с которой он борется. В этом случае поле данной борьбы также должно быть традиционным.

Мироощущение «*homo religiosus*» характеризуется определенными пространственными представлениями, которые, прежде всего, будут характеризоваться наличием противостояния пространства «сакрального» и «профанного», «центра» и «периферии». «Центр» как вмещище сакрального, наделенного значимостью, противопоставит «периферии», аморфной и профанной.

Однако, говоря о современном терроризме, мы видим совершенное безразличие в выборе места проведения теракта. Поле применения нелегитимного насилия предельно размыто и безразлично, что не оставляет сомнений в отказе от постулирования архаичности современного террористического проекта.

Говоря о топосе терроризма дня сегодняшнего, мы фиксируем не только и не столько размытость его пространственных характеристик,

сколько его «нереальность». Мир постмодерна, «оставивший» тотальное насилие в прошлом веке вместе с тоталитаризмом, не желает верить в реальность происходящего. Жесткая табуизация насилия внутри «золотого миллиарда» оборачивается «миротворческими акциями» в странах-«изгоях», которые носят названия «специальных операций», «миротворческих миссий» и чего угодно, кроме «войны», «официально» изжитой, как и насилие. Оттого глобальный терроризм и обезличен, а его «бренд» У. Бен Ладен представляется скорее виртуальным персонажем, который присутствует «везде и нигде».

Террористические акты оставляют впечатление нереальности, фантастически жестокой игры. Неуловимый и абстрактный террорист, архаичность образа и действий которого позволяют соотнести его с мифическим культурным героем (его отрицательным вариантом – трикстером), в условиях сакрально-символического кризиса «оборачивается» антигероем, как носителем антисистемности, и функциональность его носит те же черты сходства-различия (амбивалентность «превращенных» антисистемных форм откладывает отпечаток на всем: от образа героя-антигероя, до легитимного-нелегитимного насилия), как трикстер традиционного общества является медиатором между сферами сакрального и профанного, так антигерой-террорист есть определенный посредник между мирами традиционализма (исламский терроризм как носитель сакральности) и модерна-постмодерна (рафинированное секулярное современное общество лишённое сакральности). То есть, современный терроризм во многом порожден современной культурой и обществом. Рожденный в недрах эпохи модерна, с ее установками на развитие рационализма, постмодерн «расколдовал» культуру, которая утратила естественные и эффективные сакральные запреты на применение насилия, в том числе и пространственные.

Однако мы не беремся утверждать, что современная культура на чисто лишена сакральности, ведь без этой «категории чувствительности» трудно представить человека, пусть и далеко «ушедшего» от «человека религиозного». Скорее всего, можно вести речь о некой распыленности сакрального, ситуации, когда ранее стабильные блоки сместились и перемешались, раздробились на мелкие куски, став мозаикой. Наглядным примером этой мозаичной сакральности постмодерна может служить современная религиозная ситуация.

Лишившись «диктата» сакрального, живя в перманентном сакрально-символическом кризисе, человек постмодерна избавился также и от сути легитимности, которая теперь поддерживается скорее в силу привычки, традиции. Легитимность, являвшаяся тем маркером, который указывал на грань запретного, легитимность, являвшаяся

внешним выражением категорий дозволенного и запретного, их четко-го разделения, вместе с утратой сакрального также теряет суть и основу, становится только формой, лишенной содержания, которая может наполняться чем угодно. Пространство террора как бы выпадает из реального пространства и переносится в область символов и мифов (неких искусственных идеологических конструктов).

Тем самым вопрос, поставленный нами в самом начале, получает достаточно определенный ответ. Современный терроризм во многом есть порождение современного общества и культуры, а отнюдь не является «пережитком» традиционализма.

Обсуждение в Интернете

Тема: Традиционный взгляд на природу терроризма (// 2006–06–01).

Сообщение: Уважаемый Сергей Николаевич!

Меня привлекли Ваши суждения о природе терроризма. Тема актуальная, поэтому я, после некоторых колебаний, все же решил написать вам ответ. Иначе, зачем же мы свою виртуальную сходку докладов называем конференцией, если в ней нет дискуссии. Другие не пишут, а я все же напишу. Возможно, что сейчас не принято спорить, так как при мультипарадигмальном подходе в социальной науке «у каждого своя истина». Но я не считаю, что такой подход в науке возможен. Высказываю только свои возражения, так как то, с чем я согласен, не нуждается в моем публичном подтверждении.

1. В процессе познания человека всегда происходит абстрагирование от одних свойств и качеств и выделение других. Поэтому понятие человека всегда будет односторонним, хотя чувственным образом мы представляем себе человека как нечто целостное. Однако это иллюзия, что исследователь способен идеально, но научно смоделировать человека в целом, во всей его полноте. Даже художественное познание, с самого начала ориентированное на познание целостности, не способно это сделать. Поэтому каждый художник дает свой образ живого человека. Стремление получить понятие и образ человека в целом, во всем его живом виде есть гносеологическая утопия.

Но та же самая ситуация и в практике отношений людей. Никогда отношения людей друг к другу не были и не будут как отношения людей в целом. Каждый из нас в отношении с другими представлен односторонне и не всегда самой важной стороной. Даже самые близкие люди, муж и жена, мать и ребенок не имеют состояния симбиоза, хотя между ними может возникнуть желание иметь некое тождество.

Таким образом, и в познании и в практике отношений людей люди представлены в живом виде, но с какой-то одной стороны. Поэтому вполне справедливо суждение, что «в цивилизации индустриализма – и

в теории, и в практике – человек был превращен в схему». Без такой схематичности было невозможно ни познание человека, ни его активизация в системе общественных отношений. Например, через систему разделения и кооперации труда.

Поэтому и нечего удивляться, что «никто в реальности, – как пишет автор, – не видел и не слышал живого человека». Но если существует такая тоска по «естественному человеку», как это называлось в социальной науке XVIII – XIX вв., если захочется «увидеть и услышать» живого человека, то надо отбросить все плоды цивилизации и одичать где-нибудь в лесу, или отправиться жить к австралийским аборигенам. Вообще-то уже Д. Дефо предложил цивилизованным европейцам другую возможность: он написал «Робинзона Крузо», чтобы показать, что без цивилизации человек не только не целостный, но и не человек вообще. Но сейчас есть возможности кино, телевидения, видеосъемки, которые позволяют перенестись на тысячи километров и без проблем увидеть «живых людей». Правда, многие племена, зная интерес европейцам к «живым людям», делают из этого интереса свой бизнес: они устраивают платные зрелища о живой жизни живых людей.

Утрата своей целостности – это цена за достигнутый прогресс, за плоды цивилизации. Почитайте книгу «О процессе цивилизации» Н. Элиаса и Вы увидите, как трудно было превратить целостного человека, который все свои эмоции проявлял спонтанно, бурно и сугубо индивидуально. Трудно было все это живое богатство превратить в цивилизованную «фигурацию» (термин Элиаса) и затем воспроизводить ее на каждом новом этапе исторического развития. Следовательно, это была не утрата живого человека, а его приобретение как культурного человека.

2. Поэтому неверно суждение автора, что «потерянность человека во многом и предопределила тот постмодернистский бунт, которому мы стали свидетелями...».

Красиво сказано. Но только из этого вывода следует, что терроризм имеет не социально-экономическую и даже не политическую природу, а культурную или культурантропологическую. Этот вывод можно понять так, что истоком терроризма является бунт «живого человека» против нашествия постмодернизма и глобализма. Правда, тут какая-то логическая путаница, так как здесь же утверждается, что «живой человек эпохи так и не был найден». Кто же бунтует тогда? Но бунтует ли, если верить автору? Ведь в следующей строке утверждается, что «он остался одиноким». Как же он может бунтовать, если одинокий? Против кого он бунтует? Если все такие, как он, то чего же бунтовать? А если не такие, как он, то тогда вывод автора неверен. Я

тут, честно сознаюсь, совсем запутался. Видимо, логика у меня не совсем постмодернистская.

Можно понять так, что в современном обществе есть люди, от характера восприятия и решения которых зависит, как будут восприняты другие люди: в живом виде или в виде схемы. Но что это за люди, которые стоят над другими людьми? Маркс называл это господствующими классами. Сейчас чаще всего называют социальными элитами. Но возникает вопрос: они-то живые или нет? Если они живые, то кто их «нашел», а если не живые, то кто же будет искать живых людей, если отсутствуют люди, способные на эти поиски?

3. Однако при определении современного терроризма, осмыслении его как довольно специфического феномена, возникают определенные сложности. Прежде всего, они связаны с самой возможностью определения терроризма, его сути и истоков (что проявляется уже в неспособности дать внятное определение терроризма). Велик соблазн использовать старые схемы интерпретации и объявить терроризм порождением атактистических сил мира традиционализма. Реанимировать удобную и понятную модель противостояния секулярного «Запада» и фундаменталистского «Востока» и тем самым снять все возможные подозрения в собственном соучастии в возникновении данной проблемы. Иначе говоря, основной вопрос, который предстоит разрешить, это вопрос о принадлежности терроризма к миру традиционализма и только к нему, или же доказать обратное; что позволит прояснить ряд вопросов о сути и истоках современного терроризма.

4. «Действительно, публичность современного терроризма есть факт непреложный».

Как сказать. Разумеется, СМИ нам быстро сообщают о теракте, иногда кажется, что даже до совершения самого акта. На том основании, что СМИ делают теракт публичным, их можно даже рассматривать в роли элемента теракта, как его завершение и смысл. Но все же это не так. Это внешняя сторона явления. Терроризм опасен тем, что устрашает людей, а результаты устрашения приобретают самые разные формы и, главное, латентные. Терроризм, устрашая, рождает встречную реакцию агрессии, разжигая самые дикие эмоции. Не нужно говорить, что это за формы и эмоции, так как они всем известны по тем приметам «профилактики» терроризма, которые нас окружают в городской среде. Но сама профилактика терроризма, которая сейчас существует, и есть тот результат, который хочет получить террорист: устрашение. Если на улице, в транспорте, в домах и везде-везде Вы видите какие-то предупреждения о террористах, везде идут встречные акции по «зачистке», то, значит, теракт совершен удачно. Народ запу-

ган. Если в 50-е гг. был патологический страх атомной войны, и строились в огромном количестве бомбоубежища, создавались органы ГО и т.д., то сейчас в любом проявлении акта силы или насилия видят проявление терроризма. Так что пока борьба с терроризмом ведет лишь к его усилению. Точно так же, как борьба с организованной преступностью в России ведет к ее росту, а борьба с бедностью ведет к росту бедности. Почему так происходит? Вопрос отдельный и я не могу здесь на него отвечать.

5. «Теракт всегда есть некая презентация альтернативы существующей реальности...».

Как говорится в одном мультфильме, «он и меня сосчитал». Если верить логике автора, я теперь террорист, поскольку я – часть общества. Правда, не ясно, «живая» часть или «схема». Но ведь и автор доклада тоже террорист! Все мы – террористы. А что спросишь с террористов?

Но я все же рискну не согласиться с автором доклада. Не считаю себя террористом, да и его тоже. Хотя бы потому, что не считаю, что «теракт всегда есть некая презентация альтернативы существующей реальности». Теракт есть разрушение существующей реальности: разрушение неожиданное, с целью устрашения населения, с презентацией бессмысленности бытия самого человека, поскольку орудием теракта выступает часто сама жизнь террориста, а главной целью теракта – жизнь вообще.

Вообще-то говоря, я не считаю, что есть какой-то терроризм вообще, терроризм в идеальном виде, который не имеет ни исторической, ни какой другой реальной привязки. Если исходить из того, что он есть, такой терроризм, то любое несогласие с существующей системой есть уже теракт или его подготовка. Автор так и пишет: «Террорист ставит под сомнение прежде всего легитимность, но также право на существование системы». Это же просто тезис-мечта для спецслужб!

6. Насилие не обладает субстанциональностью и о нем нельзя рассуждать так, как будто это какой-то субъект. Насилие есть следствие, есть симптом чего-то, а не самостоятельный фактор истории.

Поэтому все разговоры о насилии вообще и терроризме вообще – это разговор идеологический, а не научный. «Обзывая» какое-то действие словом «теракт», мы сразу закрываем себе возможность научного изучения явления, которое приводит к насилию. Кроме того, позиционирование акта насилия (скажем это идеологическим языком) как акта терроризма (еще одно идеологическое допущение), мы тем самым развязываем руки действию спецслужб, призванных бороться с терроризмом. Как? С помощью еще большей силы, но легитимной силы,

поэтому не квалифицируемой как насилие. Но кто может контролировать действия этих спецслужб, когда они находятся «в деле»? Это сложнее, чем контроль боксеров на ринге со стороны рефери. Те хоть могут только ударить, а тут могут и убить.

7. «Постмодерн «расколдовал» культуру, которая утратила естественные и эффективные сакральные запреты на применение насилия, в том числе и пространственные».

Ничего себе! Это при тысячах войн в течение тысячелетий, когда сакральности было хоть отбавляй! Сама церковь благословляла насилие при всей ее сакральности. И сейчас благословляет. Я вот всегда думал, что церковь служит Богу, а тут читаю на первой полосе газеты, что «армия и церковь служат народу». Короче, теперь на длиннющей растяжке можно вывесить постмодернистский лозунг: «Народ, партия, армия и церковь – едины». Идея единства сейчас модна. У нас даже правящая партия называется «Единая Россия».

Но дело тут не в сакральности и не в ее утрате. Утверждать, что «современный терроризм во многом порожден современной культурой и обществом», очень круто, но неразумно. Мы тем самым только представляем себя и оправдываем терроризм. А вообще, в Ваших рассуждениях и выводах чувствуется влияние образа супермена, который разгуливает по экранам ТВ, во всей масскультуре. Только под его воздействием можно написать, что «современный терроризм во многом порожден современной культурой и обществом».

В. Козырьков

А.Б. Бушев **Языковые аспекты дискурса** **о беспорядках во Франции**

Посмотрим на общественный дискурс, связанный с результатом политики построения мультикультурального общества во Франции – массовыми беспорядками во французских городах осенью 2005 г. В нашем исследовании используются методы контент-анализа и семантико-интерпретационные методы. Материал представляет собой актуальные публикации периодической печати (см. список литературы, материалы сайтов французских телевизионных каналов и др.).

1. Четко выделяются голос правых и левых, голос доминирующих и протестующих. Публичные политики представляют определенные политические и социальные силы и зарабатывают баллы к предстоящим выборам на вербализации своей позиции: *Nicolas Sarkozy, qui a vu sa popularité grandir à droite mais aussi à l'extrême droite et même à gauche, estime que les trois semaines de émeutes urbaines valident sa théorie de la «rupture» en 2007.*

Широко представлена точка зрения на истоки кризиса правых (наркотрафик и законы преступных стай), воплощаемая фигурой Н. Саркози (обратим внимание на риторическую фигуру, подчеркивающую всю сентенцию): *Devant les nouveaux adhérents du parti, samedi à Paris, le président de l'UMP a donné sa vision des événements. «La première cause du chômage, de la désespérance, de la violence dans les banlieues, ce n'est pas la crise économique, ce ne sont pas les discriminations, ce n'est pas l'échec de l'école. La première cause du désespoir dans les quartiers, c'est le trafic de drogue, la loi des bandes, la dictature de la peur et la démission de la République», a-t-il affirmé.*

Отлична точка зрения его оппонента (демонстрируется «рынок публичной политики»): *Et Dominique de Villepin de livrer des événements une analyse radicalement différente de celle que fera le lendemain Nicolas Sarkozy. Pour le Premier ministre, le malaise des quartiers sensibles est dû à «la crise des valeurs», au chômage, à un «urbanisme inhumain» et au recul des services publics.*

2. Голос арабов и мусульман, сколь бы этого ни хотели видеть правые политологи, все же входит как составная часть в голос протестующих, объединенных скорее требованиями, социальной базой, организацией, мобильной связью, образованием (низким), местом жительства, социальным статусом, резентментом. Так, левые старательно подчеркивают, что к потомкам иммигрантов присоединялись белые бедняки из французских окраин, имеющие, впрочем, как и большинство современных потомков католиков, «остывающую религиозность» (*white working-class post-Christian French*).

3. Как мы уже отмечали в своих публикациях, любой социально-политический (идеологический) дискурс чрезвычайно широко использует штампы, клише, речевые стереотипы, эвфемизмы, избитые метафоры и эпитеты, языковые оценочные коннотации, неясность терминов, перенасыщенность (включаемую нами в семантико-синтаксическое явление сверхсатиации), определенные риторические приемы. Оценим некоторые их них.

Семантика номинации участников. Используется в зависимости от политической позиции средства масс-медиа или комментатора в ряду «восставшие – погромщики».

Оценим характерные номинации – часть из них имеет положительные коннотации, часть нейтральна, часть имеет отрицательную характеристику. Сравним типичные номинации в их семантическом потенциале: *Sans-papiers, immigrants, rioters, extremists, gangsters, arsonists, attackers, young gangsters, protesters, gangs of youths, present-day brownshirts, blood-crazed goons.*

Сравним номинации Д. Рогозина:

I. Местные мигранты-молодчики.

II. Несколько сотен приезжих, которым что-то не понравилось.

III. Рабы-гастарбайтеры (Д. Рогозин о таджиках, для которых установлен безвизовый режим въезда в Россию).

Рисуется социальный портрет участников движения. Место жительства описывается коннотационно отягощенными словами, создающими цветистый ряд: ghettos = impoverished banlieues = shacks = miserable slums = urban inequities = dilapidated housing projects.

В ходу прямые и косвенные оценки:

I. Весь мир увидел безнаказанность вандализма приезжих, объединившихся в банды мародеров и поджигателей Франции.

II. The loud-mouthed ideological intolerance, the contempt for democratic institutions, the Anti-Americanism, the even more vicious anti-semitism, the ever-present willingness to resort to violence, the obvious organised nature of their «spontaneous demonstrations».

Характерна семантика номинации самих выступлений: violences urbaines, la crise des banlieues, les trois semaines d'émeutes urbaines tension, revolution, violence, unrest, Muslim uprising, extremists, riots, insurrection. Используется термин intifada – так, как известно, транслитерированным заимствованием с арабского обозначается палестинское восстание на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, начавшееся в 1987 г.

Власть называет выступление urban crisis, журналист Associated Press К. Оливер – a nationwide insurrection by disillusioned suburban youths, spontaneous demonstrations. Такая номинация выполняет определенную стигматизацию. Оценим ее:

I. A poor neighbor hood with a high immigrant population.

II. Rampage.

III. An act of rage.

IV. Mayhem.

Сами участники действия и дискурса – против стигматизации: Il faut éviter certains amalgames (...) Une majorité des populations de ces quartiers ne veut pas être stigmatisée (...) Les habitants ne veulent pas que leur quartier soit frappé du sceau de l'infamie», a-t-il affirmé, mettant en garde contre la recherche d'une «cause unique» à la colère des banlieues.

Часты оппозиции, антитезы, оппозиция «свой-чужой», «друг-враг», христиане-мусульмане». Скажем, в большинстве репортажей первой характеристикой погибшим подросткам – детонаторам событий 2005 г. является их этничность: of Mauritanian and Tunisian descent.

Противопоставление проводится по линии authorities = officials VERSUS rioters:

I. These boys will march until they get what they want or until they – re stopped.

II. Obviously if the criminals and thugs do not like our security policy, – Sarkozy said, as quoted by the Financial Times, – The French support it.

Постоянны избитые «сильные» эпитеты типа irrational, blatant, exceptional, destructive, worst riot-hit.

В дискурсе власти присутствует эвфемизация: marginalised = under-represented= effectively shut. Эвфемизация чрезвычайно широко распространена в политическом дискурсе, практически это характерное его свойство, ее роль двоякая. Приведем характерные примеры:

I. Dans les quartiers difficiles, les quartiers défavorisés, démantèlement des bandes.

II. Inflammatory language, the tense atmosphere, the violence erupted (=violences qui avaient éclaté dans les banlieues).

III. The victims were physically pursued.

IV. President Chirac warned that «an escalation of disrespectful behaviour would lead to dangerous situation» and asserted that «there can be no area existing outside the law» in France.

Семантика сообщения привлекает внимание рекуррентностью, семантической изотопией. Описание состояния бастующих (погромщиков = поджигателей = революционеров) – через строчку в газетах кочуют слова семантической группы «гнев»: frustration, anger, rage, resentment, resignation, discontent, oppression, direct clashes. Стандартны упоминания о проблемах участников беспорядков – семантическое поле «страдание»: suffer from explicit and implicit racism, discrimination, poor housing and education, long ignored. Вербализуются критика, негодование, резентмент всякого рода, широко проводится описание действий погромщиков. Используются количественные данные, суждения о подъеме/ спаде для заклинания («Волна насилия спадает») или с целью запугивания (чрезвычайно высокие масштабы бедствия).

Статистические данные – неперемный атрибут и аргумент сообщений масс медиа подобного рода: French media reported that 274 towns experienced attacks and police made 395 arrests. Характерно использование избитых метафор типа desperate and moody winds of human frustration, to clean out the rabble, an attempt to extinguish a rampage, shocking discovery, still raging fires, violences qui avaient éclaté dans les banlieues.

Политические заявления также содержат штампы: Le ministre de l'Intérieur Nicolas Sarkozy avait alors noté un progressif retour au calme, même si rien n'est encore définitivement acquis.

Характерна сама постановка вопроса о представленности голоса (в традиции представительской демократии): *The immigrants are denied any representation politically, culturally or economically*. Стереотипен дискурс угнетенных: «У меня учиться нет денег, а у белых и так все это есть, потому что они белые. Французы угнетали сто лет мою страну, выкачали из нее богатства. Пускай теперь отдадут все, что украли, иначе мы их тут всех сожжем. И полицейские в наших районах пусть будут только мусульмане – мы не пустим к себе неверных, нас это оскорбляет. Эх, жалко, у нас оружия нет – мы бы им всем показали!».

В сообщениях используется религиозная символика и религиозный фактор:

I. Журналист популярного еженедельника, оказавшийся в эти дни в Париже, свидетельствует: бросают коктейль Молотова с криками «Во имя Аллаха! Аллах акбар!».

II. Парижане в шоке: они не понимают, как проглядели ситуацию, что рядом со столицей возник «пояс» исламских эмигрантов, где реальная власть – не мэр-француз, а имам местной мечети.

III. Корреспондент пишет, что арабские подростки спрашивали его, какого черта «белой свинье» надо в их районе. (Он отмечает, что цитата из Корана, что гостей посылает Аллах, слегка смягчает ситуацию).

Корреспондент пишет, прибегая к интересному сравнению «До Парижской Чечни – департамента Сен-Дени – можно за полчаса доехать на метро от Елисейских полей». Французской речи не услышишь, торговцы сидят на земле на стихийных рынках в пестрой национальной одежде. Характерен невербальный язык: граффити – горящая христианская церковь.

Традиционно отводится много места выводу общества из создавшейся ситуации – с политикой кнута и пряника. Левые ориентируются на социальную политику преодоления дискриминации: в их дискурсе частотны *welfare state, social programs*. Традиционно в либеральном дискурсе ведется речь о демократических процедурах: *enabling democratic politics in order to marginalise violence, grassroots level, deligitimize violence*. Трудно понять, что скрывается за словами *tactics of appeasal: policies of redevelopment and reconciliation* (феномен эффемизации и семантической неясности). Много слов посвящается планам реализации широких социальных программ.

Тактика со стороны государства описывается так: *strong arm tactics, law and order, repression, state of emergency, curfew*. Правые – за усиление полицейских мер, высылки (*upping the enforcement*). Традиционны метафоры, используемые истеблишментом: *to clean out the suburbs etc*. Пуб-

ликуются мнения опросов, легитимирующих определенные меры – например, высылки: Dans un sondage CSA pour Le Parisien dimanche, 68% se disent favorables à la prolongation pour trois mois de l'application de la loi de 1955 sur l'état d'urgence, votée la semaine passée par le Parlement. 55% des sondés se déclarent favorables à l'expulsion des étrangers, même en situation régulière, s'ils ont été condamnés pour violences urbaines.

Возможный кандидат на пост президента Н. Саркози называет революционеров scum, потом признает факт дискриминации по «нефранцузской фамилии». Потом толкует о высылках – демонстрируется многообразие мнений. Показательна представленность различных точек зрения – от Ле Пена до мусульман – профессоров Оксфорда, высказывающихся по вопросам мультикультурализма в Британии и Франции. Постоянно подчеркивается неблагодарность потомков иммигрантов: «Мы понастроили им бесплатного жилья, платим пособия на детей (а в семьях по десять отпрысков). Пособия по безработице – и что получили в ответ».

Европейцы думали, что выходцы из нищих стран, которые миллионами селились у них, будут благодарны за хлеб и жилье, примут их культуру и стиль жизни, но все случилось по-другому – «гости с юга» требуют, чтобы Европа жила по их правилам.

Такой дискурс выплескивается и в политический дискурс. Не надо забывать, что обсуждение этих вопросов социально значимо и ответственно.

Литература

1. Зотов Г. Париж: «Ребята! Не Москва ль за нами?» // Аргументы и факты. 2005. №46.
2. Кассель П. Париж в огне // Завтра. 2005. №45.
3. Проханов А. Москва поскользнулась на арбузной корке // Завтра. 2005. №46.
4. Rogozin D. Ответ клеветникам // Завтра. 2005. №46.
5. Oliver C. French Hoping Curfews Bring End to Unrest // AP Writer Nov., 8. <http://www.yahoo.com>.
6. Bridge R. France on Fire // The Moscow News. 2005. №43.

М.Ю. Калинкина

Положение детей в вооруженных конфликтах на территории стран бывшего социалистического лагеря

Не дети являются причинами войн, но именно эта категория населения больше других страдает от их страшных последствий и зачастую вынуждена спасаться бегством, покидая свои дома, быть очевидцами творимых злодеяний или даже совершать военные преступления. Дети не несут ответственности за войны, но, тем не менее, война отнимает у них детство.

Вооруженные конфликты всегда затрагивают детей как одну из уязвимых групп населения. Даже если дети не гибнут и не получают ранения, они могут лишиться обоих родителей, быть похищенными либо испытать психологический или психосоциальный шок, связанный с тем, что они оказались жертвами насилия, были вынуждены покинуть прежние места жительства, очутились в условиях нищеты либо потеряли близких и любимых ими людей. В частности, в военных действиях в Первую мировую войну на 95% страдали военнослужащие противоборствующих сторон и на 5% население, во Вторую мировую войну уже 50% военнослужащих и 50% мирного населения составили всю численность погибших. В настоящее время эта цифра возросла, при этом 90–95% потерпевших в результате локальных вооруженных конфликтов и террористических актов, как правило, гражданское население [1].

Примерно 90% погибших в ходе конфликтов, которые происходили в 1990-е гг., были гражданскими лицами, из них 80% составляли женщины и дети [2]. Необходимо отметить, что чаще сражения ведутся в местах проживания людей. Причиной военного конфликта может являться межэтническая ненависть. В этом смысле уязвимыми становятся все лица, принадлежащие враждебной этнической группе независимо от пола и возраста, поэтому в некоторых случаях целью нападения избиралось гражданское население, а в других – оно становилось косвенной жертвой случайных пуль или взрывоопасных остатков войн.

Тем, кто уцелел, нередко приходится бороться за выживание, столкнувшись с другими проблемами: болезнями, необустроенностью жилья, отсутствием базовых услуг и недостаточным питанием. Акты насилия, нередко с трагическими последствиями, могут происходить в школах. Детей могут насильно вербовать в качестве солдат или обращать в рабство, подвергать сексуальному насилию или сексуальной эксплуатации. В некоторых странах детей заставляют принимать участие в боевых действиях или исполнять обязанности прислуги, посыльных либо разведчиков. Кроме того, дети нередко сталкиваются с взрывоопасными остатками войны, от которых каждый год гибнут и калечатся тысячи людей.

Не секрет, что сексуальное насилие часто сопутствует ведению военных действий. Оно может включать изнасилование, нанесение увечий, эксплуатацию и надругательство. Девочки особенно уязвимы перед сексуальным насилием, жестоким обращением и эксплуатацией, а также чаще, чем мальчики, подвергаются стигматизации во время и по окончании конфликтов. Многие девочки в войну находятся на линии фронта [3]. Так, в ходе конфликтов, имевших место в начале 1990-х гг.

в Боснии и Герцеговине, а также в Хорватии, намеренно проводилась политика, предусматривающая изнасилование девочек-подростков и женщин с целью принудить их к рождению детей, которых нередко называли «детьми врагов» [4]. Объектом насилия выбирают эту категорию населения, потому что они молоды и беззащитны, и с меньшей вероятностью могут оказаться ВИЧ – инфицированными. Как обратная сторона этого, связанные с конфликтами нищета, голод и отсутствие чувства защищенности могут вынудить детей к занятию проституцией.

В вооруженных конфликтах получают увечья и гибнут дети и те, кто их защищает. Так, ежегодно от взрывов противопехотных мин погибают или получают ранения 15–20 тыс. чел., а число людей, получивших ранения от взрывов противопехотных мин, в настоящее время составляет более 300 тыс. чел. [5]. Заметим, что расходы по изготовлению одной противопехотной мины составляют 3 долл. США, а ее обезвреживание стоит до 1 тыс. долл. США.

Результаты исследований показывают, что в течение пяти лет по окончании конфликта коэффициент смертности детей в возрасте до 5 лет остается в среднем на 11% выше, чем соответствующий показатель до начала конфликта [6]. Дети, оказавшиеся в районе военных действий, и дети, вынужденные покинуть свои дома из-за вооруженных конфликтов, относятся к тем группам населения, которые подвержены риску в регионе. Война и перемещение населения ведут к тому, что семьи теряют работу и дом, а общество-многие элементы своей традиционной роли по оказанию поддержки и предупреждению воздействия факторов риска, включая иммунизацию от болезней. В этом регионе погибли тысячи детей, а миллионы других испытывают серьезные тяготы, включая связанные с войной психологические травмы. Начиная с конца 1980-х гг. вооруженные конфликты в странах бывшего Советского Союза и в бывшей Югославии вынудили примерно 7 млн. чел. – более трети из них дети в возрасте до 18 лет – покинуть свои дома. По оценке Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, на регион приходится примерно 30% всех беженцев и перемещенных лиц в стране [7].

Во время военных действий увеличиваются затраты, которые покрываются из необходимых ресурсов национальных бюджетов. Войны лишают семьи средств к существованию, усугубляют бедность и вследствие этого растет социальное неравенство.

Право на жизнь в семье является одним из основных прав ребенка. Война заставляет покидать свои дома и бежать из зон боевых действий или спастись от прямых нападений, оставляя при этом не только свое имущество, но и семьи и друзей. Нередко ребенок лишается элемен-

тарных средств человеческого существования – жилья, тепла, питания, одежды. Спасаясь от конфликтов, многие семьи оказываются разбросанными. Угроза насилия может вынудить целые общины покинуть места своего проживания, вследствие чего большие массы людей становятся беженцами и внутренне перемещенными лицами, для которых велик риск столкнуться с голодом и болезнями, в том числе и ВИЧ/СПИДом.

Слишком часто время изгнания растягивается на годы и даже десятилетия. Целые поколения вырастают в лагерях, где перенаселенность, плохие санитарные условия и слабое соблюдение законности подвергают жизнь детей особой опасности. Оставшиеся в одиночестве дети в большей степени подвержены риску стать жертвами сексуального надругательства или быть завербованными для участия в боевых действиях. Лишившись поддержки семейного окружения, они с большей вероятностью будут страдать от голода и болезней. Некоторым семьям удается сохраниться в целостности, пока они не найдут себе убежища, но плохие условия, в которых оказываются многие семьи беженцев, повышают для детей риск получить недостаточное питание или заболеть.

Из насчитывающихся в мире 40 млн. людей, вынужденных бежать из родных мест, примерно треть составляют беженцы, которым пришлось искать убежища за рубежом [8]. Другие две трети – это лица, перемещенные внутри страны, причем доля внутренне перемещенных лиц постоянно увеличивается с ростом масштабов гражданских войн. Гуманитарным организациям трудно оказывать им помощь, так как правительства соответствующих стран зачастую рассматривают её как «вмешательство». В отличие от беженцев, пользующихся международно-правовой защитой, низкий правовой статус (отсутствие документов) и дискриминация внутренне перемещенных лиц во многих странах не обеспечивает для них надлежащий уровень помощи и защиты со стороны национальных органов власти [9].

Последствия вооруженных конфликтов выходят за рамки зон военных действий. Разрушение инфраструктуры может помешать проведению мероприятий по плановой иммунизации или затруднить доступ в зоны конфликтов лицам, производящим вакцинацию. В результате, дети могут умереть от болезни, если своевременно не оказать помощь. Возникают новые проблемы, которые требуют повышенного внимания, особенно в Российской Федерации: прессинг от соседства с войной; такое безжалостное явление, как терроризм, грубо попирающий основное право человека – право на жизнь, похищение с целью выкупа, привлечение детей к идеологии ваххабизма. К сожалению, мы никогда не возместим ущерб в связи с гибелью людей, поэтому надо

стремиться ее предотвращать. В глобальном масштабе необходимо распространять на все государства общепризнанные принципы современного международного права, в первую очередь – принципы суверенного равенства стран, неприменения силы, равноправия и самоопределения народов, невмешательства в их внутренние дела [10].

Представляется, что, согласно своим обязательствам по международному гуманитарному праву, связанным с защитой гражданского населения во время вооруженных конфликтов, государства-участники должны принимать все возможные меры с целью обеспечения защиты затрагиваемых вооруженным конфликтом детей и ухода за ними [11]. Известно, что военные действия на Северном Кавказе принесли много горя жителям этого региона, нарушив привычный уклад жизни и заставив их покинуть свои дома. Сотни тысяч вынуждены были спасаться. Подавляющее большинство из них – женщины и дети. Видимо, было бы логично признать, что каждый пятый из опрошенных российских детей лично знаком с жертвами насилия. 6% утверждают, что сами явились жертвами насилия [12]. Треть детей считают, что располагают недостаточной информацией о своих правах. Вместе с тем, в ответ на вопрос, о каких правах им известно, дети, в первую очередь, вспоминают право учиться и играть (67%), затем право на защищенность и здоровье (43%) и право на самоопределение и свободу (38%). Ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь от государства.

Таким образом, государства должны обеспечивать, чтобы учреждения, ответственные за заботу о детях или их защиту, отвечали нормам, установленным компетентными органами в области безопасности и здравоохранения, с точки зрения численности и пригодности их персонала, а также компетентного надзора.

Литература

1. Сафронов А.Д. Защита прав жертв террористических актов в зарубежных странах // Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений. М., 2003. С. 75.
2. Ottunnu O.A. «Special Comment» on Children and Security // Disarmament Forum. 2002. №3. Pp. 3–4.
3. Положение детей в мире, 2005 г. Детство под угрозой. Нью-Йорк, 2004. С. 9.
4. Machel. The Impact of War on Children // Op. cit. P. 55; United Nations Children's Fund, The State of the World's Children 1996. N.Y., 1995. P. 19.

5. International Campaign to Ban Landmines, Landmine Monitor Report 1999; Landmine Monitor Report 2003, а также Landmine Survivors Network.
6. Collier P., et al. Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy, A World Bank Polica Research Report, World Bank and Oxford University Press. Washington, D.C., 2003. Pp. 23–24.
7. Дети риска в Центральной и Восточной Европе: угрозы и надежды // Региональный мониторинговый доклад ЮНИСЕФ. 1997. №4.
8. Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, 2003 Global Refugee Trends, UNHCR, Geneva, 15 June 2004; Norwegian Refugee Council, Internal Displacement: A Global Overview of Trends and Developments in 2003, Global IDP Project, Geneva, February 2004.
9. Положение детей в мире, 2005 г. Детство под угрозой. Нью-Йорк, 2004. С. 45.
10. Гольдин Г.Г. Миграция: между равновесием и развитием // Геополитические процессы начала XXI века. М., 2001. С. 35.
11. Конвенция о правах ребенка. Статья 38.4.
12. Опрос общественного мнения «Голос Молодых», РФ, 2001 // Средства обитания – взрослые. Детство в России. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). ЮНИСЕФ, 2001.

А.В. Кротов

Этноконфессиональные конфликты сквозь призму глобализации и постиндустриализации

События в Париже, теракты в Нью-Йорке, Лондоне и Мадриде имеют очевидный этноконфессиональный контекст. Мы хотим заострить внимание только на двух аспектах межэтнического противостояния. Это внешние факторы межнациональных проблем и внутренние. При этом мы понимаем, что корни рассматриваемых конфликтов раскидываются достаточно широко. Здесь есть место и примордиалистским концепциям, историческим причинам, психологическим предпосылкам этнической розни и т.п.

Внешние факторы этноконфессиональных конфликтов имеют геополитическое и геоэкономическое измерение. Это мировое соревнование ведущих акторов, которые принадлежат к различным формациям (западный мир, мусульманский мир, Китай, Россия и т.д.). Отмеченная конкуренция в действительности проявляется и между социальными, политическими и идеологическими системами. Потому что ведущие державы одновременно предлагают и продвигают прежде всего свои наиболее удобные правила игры (например, либеральные ценности свободы, от которых выигрывают в первую очередь западные страны).

Если мусульманский мир или Китай полностью примут существующее положение дел, их народы никогда не достигнут успехов Запада. Так как при малейшей угрозе своим позициям ведущие державы меняют определенные условия, законы и т.п.

Постиндустриальный мир практически свел на нет межконтинентальные расстояния, и различные общественные конструкции встречаются очень часто. Кратно усилилась конкуренция между экономическими агентами. В связи с мощным экстенсивным ростом производства стали проявляться ощутимые слабые места современной экономической системы: недостаток ограниченных природных ресурсов при нынешнем развитии НТП, резко возросшие претензии основной массы населения развитых и развивающихся стран в плане обеспечения товарами и услугами, несогласие отстающих стран всегда занимать такие позиции. Требования к качеству жизни стали несколько иными, но степень удовлетворенности жизнью не увеличилась.

Западный мир декларирует либеральные ценности, что в принципе означает равенство возможностей отдельных государств, которые с течением времени могут занять более высокое место в табелях о рангах. Но в реальности мир сильно стратифицирован и пробиться в более высокую группу стран крайне сложно (иногда возможно только при согласии наверху находящихся стран). Эти страны нового роста сейчас не допускаются к наиболее прибыльным сферам. Таким образом, сегодняшнее неравенство стран становится вечным, хотя отдельные страны обладают колоссальными свободными (там нет парламентских форм демократии и есть возможность тратить миллиарды долларов практически в любом направлении) финансовыми ресурсами и они могут приступить к реализации различных общественных проектов и инициатив. Эти страны обладают также огромной волей, их население может расти темпами,кратно превышающими аналогичные показатели западного мира (а если в западных странах не учитывать прирост мигрантских групп, то разница может быть больше порядка). Более того, лидеры данных стран часто грезят идеями возрождения былой мощи (арабский мир, как и китайская империя, тысячу лет назад во многом превосходили Европу).

При этом страны, отстающие в своем развитии, являются донорами рабочей силы, которая крайне необходима западному миру. Но здесь вступает второй фактор наличия этноконфессиональной напряженности – внутренний. Западные страны на сегодняшний момент достигли высочайшего качества жизни населения, но при этом сохранилась достаточно большая масса рабочих мест, где коренное население

ние в своей основной массе не желает трудиться. Выполняя данный вид работы, мигранты «первого созыва» слабо высказывают недовольство, но следующие поколения практически являются полноправными гражданами развитого мира и уже претендуют на более высокое качество жизни. Им же отводится обслуживающая роль. То есть основная масса представителей «третьего мира» имеет значительно меньше шансов на социальный успех.

Получая постоянный импульс фрустрации, подпитанный в том числе извне (геополитический фактор), определенное, достаточно большое количество мигрантов разных поколений людей уходит в религию и этничность. Там они не ощущают себя людьми второго сорта.

Предполагаемый мусульманский альянс («халифат»), китайская цивилизация теоретически могут составить западному миру конкуренцию, создав и отстояв свои общественно-политические ценности, тем более что они имеют высокие темпы прироста населения и более высокую пассионарность, чем у западного населения.

О.Ю. Курныкин **О российском опыте в решении** **«мусульманского вопроса»**

Следует признать, что на протяжении последних двух–трех десятилетий повышается значимость религиозного фактора в межнациональных и межгосударственных отношениях, хотя, думается, это еще не свидетельствует об историческом отступлении или тем более поражении секуляризма. Религиозная идентичность является одним из существенных атрибутов субъектности тех или иных народов или государственных образований в условиях глобализации, характеризующейся небывалой в мировой истории плотной тканью межличностных и международных контактов. Как представляется, наблюдаемый сейчас всплеск религиозности не столько объясняется внутренними закономерностями и потребностями духовной жизни общества, сколько является ответом на вызовы современной эпохи.

В силу исторических, геополитических, экономическо-ресурсных факторов на первый план ныне выдвинулись взаимоотношения христианского Запада и мусульманского мира. Христиано-мусульманские отношения на протяжении веков приобрели собственную динамику, обусловленную общими теологическими корнями, поочередной территориальной экспансией той или иной стороны и их диффузией в контактных зонах, общеисторическим изменением баланса сил. Причем еще во времена расцвета колониализма (XVIII–XIX вв.) западные державы встретили наиболее серьезное сопротивление со стороны мусульманских народов. Уже тогда были поставлены вопросы и начали

складываться стереотипы взаимного восприятия христианских и мусульманских народов, которые удивительным образом созвучны стереотипам современным.

В 1870 г. в России была опубликована книга, автор которой задавался вопросом: «Но что же эта за сила мусульманство? В чем его смысл и значение? В Европе на этот предмет существуют самые разноречивые представления. В большинстве случаев исламу изображается пугалом, приводящим в ужас самого равнодушного читателя. Но зачастую на него указывают с завистью, смешанной с благоговением, как на руководителя более чистых и высоких идей» [1]. По сути, такой же разброс мнений об исламе существует на Западе и сегодня, спустя почти полтора столетия.

В связи с этим повышенное внимание привлекает российский опыт взаимодействия с мусульманским миром. Особую значимость «мусульманский вопрос» приобрел для России (как во внутри-, так и во внешнеполитическом аспекте) со второй половины XIX в., что было обусловлено как включением в ее состав обширных территорий традиционного распространения ислама, так и несколько преувеличенной «панисламистской угрозы», исходящей от давнего соперника России – Османской империи, воспринимавшейся тогда как главный оплот исламизма.

Действительно, если многие европейские страны столкнулись с задачей инкорпорирования и социально-культурной адаптации крупных мусульманских общин лишь в последние десятилетия, то российский опыт сосуществования с мусульманским миром насчитывает несколько столетий. Этот опыт не следует идеализировать или упрощать. Политика российских властей в «мусульманском вопросе» отличалась прагматизмом и многовариантностью, подчас осуществлялась методом «проб и ошибок». Она предусматривала применение как законодательно оформленных мер ограничения и даже подавления распространения ислама на территории государства, так и, напротив, поощрительные меры в отношении исламизации, например, казахов-кочевников, а также выстраивания подконтрольных государству исламских управленческих структур, причем не предусмотренных исламскими канонами, но с готовностью воспринятыми в мусульманской среде.

Со второй половины XIX в. в высказываниях российских администраторов об исламе стали все более явно звучать тревожные ноты, вызванные разочарованием в попытках русифицировать, а тем более обратиться в православную веру мусульманских «инородцев» империи. Постепенно в средних и низших звеньях военно-гражданской бюрократии утверждается мнение об исламе как религии, возбуждающей фана-

тизм и изолирующей мусульманское население от «русского образа жизни». Местные администраторы все более настойчиво ставили перед Петербургом вопрос о высылке за пределы страны нежелательных мусульманских проповедников. Подобные настроения распространились среди части общественных и научных кругов, выступавших с государственно-охранительных позиций. Так, востоковед, профессор Петербургского университета В.Д. Смирнов отмечал «религиозно-фанатический задор, составляющий неотъемлемую принадлежность ислама» [2], подчеркивал религиозную обособленность последователей ислама от приверженцев других религий. В российском общественном сознании начинает формироваться комплекс «исламобоязни», ставший порождением трудностей в междивизиционном диалоге.

Вместе с тем исламофобия не затронула широкие слои русского общества, для которого «мусульманский вопрос» оставался периферийным. Отношение к мусульманам определялось представлениями о цивилизационном превосходстве православия и российской государственности над застойным и закостенелым мусульманством. Русские мало знали об исламе, его догматике, обрядах, нормах правового и социального регулирования. В свою очередь, подавляющая часть мусульман вела замкнутый образ жизни, что не способствовало межконфессиональному диалогу.

Следует отметить, что радикальные антиисламские настроения не только не стали массовыми и определяющими в российском общественном мнении, но и не получили поддержки со стороны высших правительственных сфер, стремившихся сохранить устойчивость имперской структуры и готовых при условии сохранения лояльности к империи инородцев и иноверцев признать их право на культурно-религиозную самобытность. Сказывались также своеобразие российского самосознания с его размытой и незавершенной идентификацией, слабость и идейная неотрефлексированность русского национализма, исторически обусловленная толерантность русского этноса, вобравшего в себя целый ряд других этнических групп, создавшего огромный многонациональный и поликонфессиональный имперский комплекс.

На рубеже XIX–XX вв. под влиянием общероссийских политических процессов среди российских мусульман наблюдается активизация общественного движения, лидерство в котором берет на себя татарская интеллигенция. Модернистские течения в российском исламе принимают форму джадидизма, направленного прежде всего на реформирование традиционной мусульманской системы образования и освоение мусульманами научно-технических достижений (джадидизм трактуется некоторыми авторами как предтеча современного евроислама).

Либерально настроенная часть русского общества с сочувствием и одобрительно относилась к пробуждению мусульманских народов России, справедливо расценивая его как закономерный и естественный процесс. Вместе с тем возрастание активности мусульманского компонента в России ослабляло прочность имперской структуры, воспринималось как противоречащее универсалистским устремлениям, что интуитивно ощущали представители консервативно-охранительного лагеря. Последние пытались донести до правительственных кругов свою тревогу и сомнения по поводу самой возможности прочной интеграции мусульман в общеимперские структуры. В результате русское общество к моменту ликвидации Российской империи не смогло выработать консолидированную позицию в отношении «мусульманского вопроса».

Краткий обзор политики в отношении ислама в Российской империи, экстраполируя его в современность, позволяет сделать следующие выводы.

1. Россия сумела сохранить в своем составе те территории с преобладанием мусульманского населения, которые подверглись длительному и глубокому российскому влиянию, оказались наиболее интегрированными в политико-экономическое и культурное пространство России.

2. Сосуществование в российских пределах народов с широкой палитрой языков, культур и верований стало привычным для российского сознания, что снижает потенциал конфликтности в отношениях между православной и мусульманской общинами.

3. Слабая информированность об исламской религии и исламской культуре среди немусульман создает предпосылки для возникновения негативных стереотипов и фобий в отношении ислама.

4. Ислам является непростым «партнером» для руководства немусульманских государств, в которых мусульмане составляют значительное меньшинство. Это обусловлено не только особенностями исламской догматики, порождающей комплекс превосходства над иноверцами, но и прочностью, цельностью мусульманской структуры, самодостаточной и с трудом поддающейся модернизационному воздействию.

5. В силу децентрализованности мусульманской духовной иерархии возможности государственного контроля ограничены либо недостаточно эффективны. Несмотря на существование управленческих структур, подобных Духовным управлениям мусульман, выработка консолидированной позиции мусульманских богословов затруднена. Кроме того, в конфликтных или кризисных ситуациях наряду с «официальным исламом» активизируется «народный ислам», неподконтрольный властям.

6. Более высокая среди мусульман степень конфессиональной солидарности создает предпосылки для организации каналов переброски помощи «братьям по вере» в зонах конфликтов. Однако в условиях России угрозу вмешательства со стороны зарубежных исламских центров не стоит преувеличивать (исламский фактор на Северном Кавказе требует особого рассмотрения).

7. Ислам многообразен. Всплеск активности исламских радикалов не должен затемнять тот факт, что основными в исламе являются умеренные течения, а задача власти состоит в том, чтобы вести диалог с авторитетными и ответственными мусульманскими лидерами, изолируя при этом исламских экстремистов.

Литература

1. Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870. С. 80.
2. Новое время. 1891. 8 марта.

А.Е. Леонтьева

Региональные конфликты современности: эволюция российской политической мысли

Самыми масштабными по числу участников и сложности урегулирования являются международно-политические конфликты. К ним относятся конфликты, происходящие на мировой арене. Необходимо заметить, что понятие международно-политического конфликта шире, чем межгосударственного, так как оно включает в себя не только межгосударственные конфликты, но и конфликты, где сторонами (-ой) выступают международные организации, политические объединения и т.д.

В отечественных исследованиях региональных международно-политических конфликтов современности выделяют следующие направления: «стратегические исследования», «исследования конфликта», «исследования мира». Данные направления интегрируют в себе различные подходы к изучению региональных конфликтов. Так, для «стратегических исследований» характерен в большей степени историко-описательный подход в изучении региональных конфликтов современности. «Исследования конфликта» и «исследования мира» обращаются к опыту социологической науки, занимаясь разработкой теоретико-методологической базы исследований. Для получения комплексного представления о развитии российской политической мысли в области исследования региональных конфликтов необходима интеграция и систематизация разработок по всем трём направлениям.

Периодом становления отечественных исследований региональных конфликтов считаются 80–90-е гг. XX в. Переход к демократической культуре явился переломным моментом в истории российской политической мысли. Идеологический кризис, смена форматов мышления,

отсутствие развитой конфликтологической теории и, в то же время, открывшийся неограниченный доступ к достижениям мировой политической мысли в области исследований конфликта – вот факторы, формировавшие вектор российских политических исследований региональных конфликтов после распада Советского Союза.

Ознаменовавшийся бомбёжками Югославии в конце прошлого века и окончательно завершившийся в начале XXI в. возврат к военной силе, как средству достижения геополитических целей на международной арене, поставил новые задачи перед российскими исследованиями региональных конфликтов. Современные реалии международных отношений сконцентрировали внимание исследователей на вопросах безопасности Российской Федерации. Пристальное внимание к политике Великих держав на международной арене и приоритет российских национальных интересов определяют превалирование идей неореализма в российских исследованиях региональных конфликтов.

Центральные понятия политического реализма – «сила», «национальный интерес», «безопасность» и др. – прочно вошли в обиход российских авторов. Во многом данная тенденция объясняется быстрым распространением международного терроризма и превращением его в весомую политическую силу. В лексиконе российских политических деятелей и учёных постоянно используются выражения «глобальной угрозы», «глобальной войны», «сил зла» и т.д. Часто международный терроризм сравнивается с нацизмом в гитлеровской Германии. Отсутствие чёткого определения и методов идентификации террористов указывает на фантомность данного явления. Это даёт, по мнению большинства российских исследователей, возможность силового вмешательства Великих держав во внутренние дела государства для изменения расстановки политических сил в том или ином регионе. Данная ситуация стимулирует рост числа работ, выражающих прославянскую и резко антизападную позицию исследователей. Особенно ярко этот процесс проявляется в современных исследованиях Балканского конфликта и его последствий, конфликтов в регионе Ближнего и Среднего Востока и в АТР. Исследованиями конфликтов в данной области занимаются А. Богатуров, Н. Арбатова, А. Авксентьев, В. Пластун, Г. Мирский, Д. Володин, Г. Зиновьев, В. Кузнецов, Е. Сатановский, Д. Тренин, В. Титоренко, А. Бакланова, А. Кислова, О. Озерова, А. Бессмертных, А. Хазанова, А. Сафонова, Ю. Фёдорова и др.

Особую актуальность для Российской Федерации приобрели исследования конфликтов на постсоветском пространстве. Как отмечает большинство исследователей, данные конфликты носят, в основном, этнополитический характер. Учитывая эту специфику, в 1990-х гг. – начале XXI вв. возросло количество исследований этнополити-

ческих конфликтов и мер по урегулированию данного типа конфликта. Пристальное внимание уделяется кавказскому региону. Налицо проникновение на Кавказ из сопредельного Ближнего и Среднего Востока международного терроризма и религиозного экстремизма. Важную роль в политической и общественной жизни приобрел «исламский фактор». Изучением конфликтов в данном регионе занимаются Г. Гурев, М. Майоров, Д. Малышева, Л. Ерекешева, Д. Тренин, А. Малашенко и др.

Во многом «исследования мира» и «стратегические исследования» используют наработки и инструментарий «исследований конфликта». Так, проблема этноса, этнического самосознания и т.д. берётся на вооружение всеми тремя направлениями в исследовании региональных конфликтов. Рост числа миротворческих операций породил увеличение числа работ по силовым методам урегулирования конфликтов. Всё более частое упоминание в отечественных «исследованиях мира» таких мер по урегулированию конфликтов, как «принуждение к миру», «военные операции по поддержанию мира», указывает на отход большинства учёных от либеральной традиции в международных отношениях, гласящей, что государства могут решить международные споры мирным путём, путём переговоров.

Российские исследования региональных конфликтов современности в полной мере отражают тенденции и особенности развития современных конфликтов. Рост реалистических тенденций в отечественной политической мысли в XXI в. отражает озабоченность научного сообщества современными геополитическими реалиями и возросшей конфликтностью различных регионов мира.

Литература

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997.
2. Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. №1. Январь – апрель. С. 6–23.
3. Косово: международные аспекты кризиса. М., 1999.
4. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М., 1999.
5. Никитин А.И. Миротворческие операции: концепции и практика / Моск. обществ. науч. фонд. Центр полит. и междунар. исслед. М., 2000.
6. Современная конфликтология в контексте культуры мира (материалы первого международного конгресса конфликтологов). М., 2001.
7. Фельдман Д.М. Политология конфликта. М., 1998.
8. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002.

Д.А. Назаркин
Религиозный фактор в международных отношениях:
исламский вариант

Многие факты свидетельствуют о том, что в последние десятилетия XX в. в различных странах мира имеют место усиление религиозности населения и активизация религиозных движений. Растет число международных религиозных организаций и фондов, а также религиозных движений, орденов, партий и сект, деятельность которых имеет международный характер. Некоторые межнациональные и межгосударственные конфликты носят явно религиозную окраску. Все это позволяет сделать вывод, что религиозный фактор становится важной составляющей международной жизни.

В силу исторических причин, мусульманские государства не принимали участия в процессе формирования основных контуров современной системы международных отношений, формирование которой началось после Первой мировой войны. Единственной великой державой, которая могла бы претендовать на какую-то роль в этом процессе в качестве представительницы мусульманского мира, была Османская империя, но она после Первой мировой войны прекратила свое существование. Отмена султаната в 1923 г. и, год спустя, халифата, а затем лишение ислама статуса государственной религии молодой Турецкой республики оказали сильное влияние на весь мусульманский мир.

Усиление роли ислама в политической жизни многих стран мусульманского мира начинается с середины 1960-х гг. Оно было обусловлено целым рядом факторов локального, регионального и общемирового масштаба, среди которых особо можно выделить следующие:

- Очевидные признаки кризиса как западной, так и советской моделей развития, на которые ориентировалась политическая элита в большинстве мусульманских государств.
- Поражение арабских стран в войне с Израилем в июне 1967 г., которое подорвало влияние националистических (светских) идеологий, в том числе насеризма и баасизма в широких массах населения мусульманских стран, которое начало обращаться к исламу в поисках ответа на актуальные вопросы современности.
- Неудача межгосударственных объединительных проектов в мусульманском мире на национальной основе (арабское единство, магрибинская интеграция и др.) перед лицом нарастающих интеграционных процессов на Западе.
- Значительная финансовая мощь и определенное политическое влияние, которые приобрели в зоне распространения ислама Саудовская Аравия, Кувейт, Ливия и некоторые другие мусульман-

ские государства, в своей внешней политике придерживающиеся курса на исламскую солидарность и активно помогающие исламистским движениям в различных странах.

Исламская концепция мирового порядка исходит из делимости на-родонаселения мира на две группы: мусульманская община – «умма» и все прочие люди. «Дар аль-Ислам» (Мир Ислама) – страны, в которых действует исламская форма правления. Защита Мира Ислама является священным долгом каждого мусульманина. «Дар аль-Харб» (Мир Войны) – государства, объявившие войну мусульманам, а также государства, от которых может исходить любая угроза Миру Ислама. «Дар аль-Сулх» (Мир Договора о Мире) – государства, в которых власть находится в руках невраждебных, примирившихся правителей. При этом Коран признает и делимость мусульманского мира.

Предварительным условием мирных отношений между мусульманским и немусульманским мирами является признание последним единобожия. В целом в исламе очевидно признается существование международного сообщества. Но отношение ислама к этому сообществу активно, поскольку распространение ислама является религиозным долгом и обязанностью исламского государства. Все в зоне распространения ислама – от мусульманина до государства – должны бороться за расширение этой зоны. Вооруженное насилие вошло в историю распространения ислама.

С точки зрения исламистов-шиитов, страны Запада являются «миром неверия». Многие страны, традиционно считавшиеся исламскими, в том числе и Россия, на сегодняшний день представляют собой «мир войны». Правительства этих стран находятся в руках неверных. Классический случай такого рода – Алжир и Египет. С учетом того, что наиболее радикальные круги Запада выделили ислам в качестве основного врага, а это обрекает мусульман на цивилизационное, геополитическое и духовное уничтожение, мусульманин обязан осознавать себя политиком, для которого небезразлична судьба его страны в мировом масштабе. Реальный путь исламского политического движения сегодня – это оппозиция. Исламская оппозиция должна реально напомнить о «третьей силе» в том подлинном смысле этого определения, в каком оно впервые прозвучало из уст имама Хомейни, заявившего после исламской революции в Иране: «Мы ни Восток, ни Запад».

В западном, особенно американском, сознании радикальный исламизм (исламский фундаментализм) связан с Исламской революцией в Иране, с терроризмом, под предлогом борьбы с которым США совершили интервенцию в Ливии в 1986 г. и двумя годами раньше – в Бейруте, после терактов 2001 г. США начали военные операции в Ираке,

Афганистане, напряжённая обстановка складывается вокруг Ирана. Американцы рассматривают исламский фундаментализм в таком же ключе, как и противоречия между Западом и Востоком после 1945 г. Для них угроза исламского фундаментализма выполняет ту же роль, что и коммунистическая угроза. Средства массовой информации Запада внушают мысль, что «фундаментализм, конфликты и ислам идут вместе и создают дискомфорт для международных сил безопасности».

После кризиса в зоне Персидского залива 1990–91 гг. и распада социалистической системы и Советского Союза исламистские движения вступили в новый этап своего развития. Он характеризуется более широкими масштабами террористической деятельности, распространением далеко за пределы мусульманского мира, активным участием исламистов в политических процессах и в конфликтах на постсоциалистическом пространстве (бывшая Югославия, Таджикистан, Узбекистан, Чечня), большей агрессивностью в борьбе за власть в странах своего базирования.

Определённые изменения претерпевает и внешнеполитическая практика правящих режимов в мусульманских странах. В отношениях между мусульманскими странами, особенно в официальной переписке, протокольных мероприятиях, становится обязательным использование мусульманского политического языка, религиозных ритуалов. Сказывается это и на поведении дипломатов мусульманских стран при контактах с представителями немусульманских стран, в частности, вносятся изменения в дипломатический протокол, например, в том, что касается перерывов на молитву во время работы международных конференций, подачи спиртных напитков на официальных приемах, произнесения мусульманином фразы «Во имя Аллаха милостивого, милосердного» в начале своей речи и т.д.

В недрах различных правительственных и неправительственных структур разрабатываются «исламская» теория международных отношений и «исламские» концепции миропорядка и международной безопасности, «исламский» подход к глобальным и региональным проблемам, концепция «исламской солидарности и мусульманской общности», идея создания «исламских объединённых наций», не говоря уж о нашумевшем проекте «исламской бомбы».

Обозначившаяся тенденция к росту геополитического значения мусульманского мира – реакция на вызовы времени: распад СССР и советского блока, гегемонистские устремления США в качестве единственной супердержавы, становление единой Европы, возникновение интеграционных группировок в различных районах мира, смещение основных противоречий из плоскости Восток–Запад в плоскость Север–Юг и др. Повышенная активность некоторых мусульманских стран, непосред-

ственно примыкающих к постсоциалистическому пространству, обусловлена и тем, что исчезновение соцсистемы и распад СССР сопровождаются переделом зон влияния – процесс, в котором эти страны непрочь поучаствовать, так как имеют здесь не только экономические, но и чисто политические интересы, связанные, в частности, с попытками навязать новым независимым государствам свою модель развития, вовлечь их в формирующиеся региональные группировки.

В условиях современного мира попытки мусульманских государств наладить коллективные действия на международной арене, апеллируя к религиозной общности, создать организации государств, объединенных общими задачами и целями, представляющих собственное видение мира и международных отношений, можно трактовать как один из показателей движения к многополярному миру. Во всяком случае за этим просматривается прежде всего стремление мусульманских государств усилить свои позиции, опираясь на объединенные ресурсы в противовес возникающим группировкам, политике Запада и, кроме того, не допустить возникновения новых очагов конфронтации, способных серьезно дестабилизировать мусульманское сообщество. На этапе глобальной трансформации системы международных отношений мусульманские государства пытаются выработать свои подходы к ней, в том числе и с использованием исламских ценностей.

Литература

1. Еремеев Д.Е. Ислам: Образ жизни и стиль мышления. М., 1990.
2. Грюнебаум Г.Э. Классический ислам: Очерк истории (600–1258) / пер.с англ.И. Дижера. М., 1986.
3. Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражений искусстве мусульманских народов России. М., 2001.
4. Lewis B. The Crisis of Islam: Holy War and Unholy Terror. N.Y., 2003.
5. Modernist and Fundamentalist Debates in Islam: a Reader / ed. by M. Moadel and K. Talatof. N.Y., 2002.

Д.Ю. Панфилов, А.Г. Браницкий Миграционная политика Франции как источник этноконфессионального латентного конфликта

Традиционно французское общество использовало политику насильственной ассимиляции национальных меньшинств, и она оказалась вполне эффективной в среде европейских иммигрантов. Однако численность неевропейских иммигрантских этнических групп растет довольно быстрыми темпами, большими, чем прирост населения титульных этносов. В результате этого иммигрантские этнические груп-

пы становятся устойчивыми этническими меньшинствами. Особенно актуальным это является для Франции, основную часть неевропейских мигрантов в которой составляют выходцы из бывших африканских колоний: алжирцы, марокканцы, тунисцы и так далее [1], то есть представители совершенно иной культуры и цивилизации, со своими традициями межкультурного взаимодействия. Это требует от французских властей грамотной политики в сфере интеграции мигрантов во французское общество.

В условиях проживания в чужой стране у иммигрантов активизируются функции этничности, что способствует сохранению идентичности в рамках своей этнической группы. В ряде случаев это может привести к определенной изоляции, естественному образованию гетто, особенно если принимающее общество стремится ассимилировать приезжих. Ситуация в данном случае усугубляется тем, что, помимо этничности, консолидирующим фактором выступает ислам. При таком развитии событий отношения между прибывшими мигрантами и принимающим обществом принимают форму латентного конфликта, и появляется риск его актуализации. Именно так дело обстоит во Франции, где политические традиции общества стремятся оказывать воздействие на участие мигрантов в экономической и общественной жизни. Одним из ярких показателей этого является закон от 17 марта 2004 г. запрещающий ношение в учебных заведениях и учреждениях Франции религиозной одежды и религиозных символов [2].

Культурная и религиозная интеграция мусульман в новое общество подняла вопросы гражданских обязанностей и социального долга, считавшихся в Европе решенными. Поэтому, обращаясь к вопросу влияния ислама на современные европейские процессы, необходимо отметить, что здесь проблемы возникают на фоне требований, выдвигаемых мусульманами. Дело в том, что конфликт между иммигрантами мусульманского происхождения и принимающим обществом является полиэтничным, однако конфессиональным его можно назвать лишь отчасти. Конфессиональная составляющая является хоть и одной из основных, но представлена только исламом со стороны иммигрантов. Секуляризированная Франция не в состоянии противопоставить исламу со стойкими ценностями достойную альтернативу.

Собственно конфликт вызывает французская политическая модель интеграции, согласно которой национальность-гражданство основывается главным образом на присоединении к общественному договору («право почвы»). В этом случае все формы так называемой «этнической» идентификации вытесняются из сферы государственной в сферу частную (светский характер государства), а имплицитной целью поли-

тики является индивидуальная ассимиляция каждого иммигранта через школу и другие институты. Естественно, что предлагаемые французским обществом «либеральные ценности», которые должны быть привиты индивидуально каждому иммигранту, противоречат нравственным ценностям и правилам ислама. Это вызывает отторжение у ассимилируемых и приводит только к обратным результатам.

Конфликт ценностей и культурно-конфессиональные противоречия приводят к еще более серьезным последствиям. Требования мусульман давать своим детям религиозное образование вступает в противоречие с законодательством Франции, по которому все образование должно быть светским. Это увеличивает пропасть между мусульманскими мигрантами и принимающим обществом, а также приводит к тому, что на средства самих иммигрантов открываются частные мусульманские школы, которые дают несопоставимо более низкий уровень образования, чем в государственных школах. Естественно, выпускники таких частных школ не могут составлять конкуренцию другим абитуриентам при поступлении в высшие учебные заведения. И как результат они обречены на низкооплачиваемый неквалифицированный труд [3].

Таким образом, актуализация конфликта, свидетелем которого стал мир осенью 2005 г., является показателем того, к чему может привести несбалансированная миграционная политика. После этого все разговоры о дискриминации французским обществом иммигрантов и социальной исключенности последних являются обсуждением последствий конфликта, а не его причины.

Темпы роста мусульман во Франции, темпы строительства мечетей и уступки, на которые вынуждены идти французские власти по отношению к мусульманам, могут породить ситуацию, когда ислам заполнит духовный вакуум французского (да и европейского) общества и латентный конфликт перейдет в другую фазу – большинство станет меньшинством и не факт, что новое большинство будет воспитано на идеях гуманизма. Но готова ли Франция, а за ней и Европа к такой трансформации конфликта?

Литература

1. По данным Национальной конференции по государственному законодательству (NCSL), в 1998 г. во Францию прибыли мигранты из Португалии (600 000 чел.), Алжира (550 000), Марокко (450 000), Турции (160 500), Туниса (165 500), бывшей республики Югославия (360 000) и из африканских стран, расположенных южнее Сахары (1 400 000). (Recent Immigration Developments in Germany and France // [http:// www.ncsl.org/programs/immig/ eupaper.htm](http://www.ncsl.org/programs/immig/eupaper.htm)).

2. Legifrance. La service public de la diffusion du droit // <http://www.legifrance.gouv.fr>.
3. Денисенко М.Б. Миграционная политика в зарубежных странах и Российской Федерации: опыт сравнительного анализа. М., 2003. С. 238.

В.А. Рябинин

Нравственная и религиозная основа глобализации

Считается, что общество в историческом процессе развивается по пути прогресса. Отсюда возникает предположение, что в рамках прогресса следует также нравственное развитие общества, состояние которого сегодня должно быть уже высоконравственным, с учетом накопленных прогрессивных изменений. И действительно, такой вывод напрашивается, например, при рассмотрении исторического пути института уголовного наказания, в прошлом находившем выражение в таких видах, как колесование, четвертование, распятие, повешение и т.п., которые считались вполне допустимыми и не противоречили нравственным установлениям в обществе. С точки же зрения современной морали такие виды наказания неприменимы. Сегодня во многих государствах мира смертная казнь, как вид уголовного наказания, отсутствует вовсе.

Современный человек знает свои юридические права, которые теперь четко регламентированы, также и юридические обязанности. Если представить, следуя общему мнению, что совокупность этих прав – это общее благо, и чем детальнее они будут отрегулированы, тем лучше, то сейчас они символизируют качественно высокий уровень нравственного состояния общества. Таким образом, если взять за доказательство нравственного роста развитие позитивных прав человека, прослеживается очевидный нравственный прогресс, получается, что нравственность в обществе в ходе всемирной истории заметно выросла, нравственное состояние современного общества можно определить как высокоорганизованное.

Но такое определение является весьма субъективным, потому что развитие позитивных прав человека далеко не единственное доказательство нравственного развития общества, тем более, правовые установления могут не соответствовать реальной ситуации.

Моральные нормы находят свое выражение не только и не столько в позитивном праве, нравственность являет себя всюду в обществе, даже в производстве, допустим, в качестве профессиональной этики. В таком ракурсе в отношении морали все уже не так просто. Прежде всего, она должна иметь под собой какое-то основание. Образно выражаясь, мораль, вместе с ней нравственность, без основания представляла бы собой подобие дома без фундамента или машины без тормозов.

Поэтому у современной морали тоже есть основание, которым является современный «гуманизм».

«Гуманизм» это наиболее мягкое и вместе с тем наиболее выразительное понятие, которое можно здесь задействовать, так как оно являет собой характерное для нашего времени несоответствие – при упоминании, в общепринятом обиходе, символизируя собой положительное явление, в действительности представляет собой нечто иное.

«Гуманизм» ассоциируется с человеколюбием, миром, справедливостью со свободным, полноценным существованием человека как личности в обществе, направленном на развитие и утверждение человеческих благ.

В действительности, феномен «гуманизма» берет начало в западноевропейской культуре, явившись в виде вольномыслия в противовес религиозной морали, духовному господству церкви, что связано с началом переориентаций ценностей в сторону от Бога к человеку. Этот процесс происходит на Западе, начиная с эпохи Возрождения – с удалением человека от Бога следует развитие «гуманизма». Поэтому, хотя «гуманизм» лишь первоначально явился своеобразным противоцерковным философским направлением, принцип «человек в ущерб Богу» в природе «гуманизма», ставшего уже неотъемлемой составляющей, качественным показателем прогрессивного состояния общества, развивался по сей день.

В связи с этим сегодня мы находим полнейшее отречение человека от Бога. В чем можно убедиться, кинув беглый взгляд на элементарные проявления современной духовной жизни. В художественной кинематографии, например, проявление насилия, жестокости, прелюбодеяния не противоречит современному «гуманизму», вместе с тем нравственности; развитие в обществе таких явлений, как гомосексуализм, эвтаназия, аборт и т.п., находит вполне обоснованное «гуманизмом» оправдание. «Гуманизм», начиная со своего появления, по возрастая оправдывает то, что в христианской религии зовется тяжким грехом. Грех теперь стал нормой. Современный человек не только больше внимания уделяет телу в ущерб духу, но и разжигает самые низкие состояния плоти, что считается естественным и даже необходимым. Гуманистическая психология легко оправдывает именуемые грехами в христианстве состояния: гордыню, тщеславие, чревоугодие, прелюбодеяние, блуд и многое другое. Почитание и любовь Бога, против которого изначально направлен «гуманизм», канули в «небытие», поэтому ныне считается, что все религии равны, каждый человек может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

В религиозном плане происходит вырождение человечества, «гуманизм» выворачивает духовную жизнь наизнанку, «испаряется» нравственность, которая базировалась на христианских ценностях в противовес растущей, мертвеей гуманистической нравственности, которая с христианской точки зрения принимает разрушительные черты, окаймляющие процессы современного общественного развития. Не случайно один из мыслителей современности несколько десятилетий назад назвал наше время временем разрушительного нигилизма [1].

Может показаться однобоким представление о соответствии современной нравственности ценностям христианской религии в качестве показателя мирового общественного развития, потому что в современном мире существуют другие, нехристианские, масштабные и содержательные религии. Возражение, подобное этому, возможно, только если не принимать в расчет такое явление современности, как глобализация, с которой неизменно сталкиваешься, рассматривая современное общество. С учетом этого явления все встает на свои места.

Исследователи полагают, что одним из аксиологических оснований глобализации является Западная культура [2], как своего рода ориентир современного общественного развития, к тому же в некотором роде принудительный. Глобализация тащит западную культуру, точнее растаскивает по миру, обезображивая еще больше с точки зрения пространства и развития «гуманизма». С одной стороны, она базируется на сформировавшихся общественных, в том числе «гуманистических», нравственных и религиозных отношениях, с другой глобализация меняет общественные отношения в соответствии со своим содержанием, рождая глобализационный «гуманизм», который по развитию принципа «человек в ущерб Богу» навряд ли уже можно превзойти.

Тем не менее, при этом, в таких условиях, если религия отдельных обществ не противоречит «гуманизму», то они вполне могут быть в добрососедстве, взаимно «дополняя» друг друга, подобно ранее сформировавшимся взаимоотношениям «гуманизма» с западными ветвями христианства. «Гуманизм» способен находить опору в религиях, популяризируя их и превращая в прикладные средства. Например, возможно использование восточных медитации, гимнастики, боевых искусств, основанных на религиозных ценностях, в качестве отвлекающих сознание средств, развивающих телесные навыки человека и т.п.

Там, где содержание «гуманизма» не именуется грехом, он будет вполне нормально существовать, развиваться и процветать. В условиях же глобализации будет вытягиваться и уже вытягивается «химера гуманизма» мирового масштаба, по своей абсурдности выходящая за рамки человеческого сознания, потому что в результате такого разви-

тия общества, еще более разлагаясь, соберется духовная мерзость со всего мира для оправдания самых низменных наклонностей человека. В этой связи один из современных исследователей дал неплохую характеристику современной жизни, оценив ее как подмену Нового Завета «новым мировым порядком» [3]. С уверенностью можно сказать, что этот «порядок» не просто далек, а резко противоречит Евангельским Ценностям.

Литература

1. Rose E. Nihilism. The Root of the Revolution of the Modern Age // <http://www.columbia.edu/cu/Augustine/arch/nihilism.html>.
2. Клеева М.Р. Социально-философские основания глобализма: Дис... канд. филос. наук: 09.00.11. СПб., 2005. С. 99–119.
3. Филимонов В.П. Святое Православие и тайна беззакония – XXI век. М., 2005. С. 297.

И.Д. Сахурия

О роли религиозного фактора в формировании Образа Чужого

На сегодняшний день проблема Чужого становится в науке одной из самых актуальных. Она активно исследуется в философии, психологии, истории и др. Обусловлено это тем, что в современном поликультурном мире вопрос сосуществования с Чужим становится всё более остро [1]. Чужое и чуждость при этом могут пониматься в различных аспектах – как другое по отношению к чему-либо, что традиционно воспринимается как Собственное. В данном случае мы будем говорить об образе Чужого как носителе другой культуры.

В связи с этим можно привести определение культуры, которое даёт американский антрополог Ф. Бок: «Культура в самом широком смысле слова – это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом. Культура включает в себя все убеждения и все ожидания, которые демонстрируют люди... Когда ты в своей группе, все вы видите мир в принципе одинаково, знаете, чего ожидать друг от друга» [2]. Таким образом, категории Собственного и Чужого тесно связаны и даже детерминированы понятием культуры в широком смысле. Чужое и Собственное – относительно к конкретной культуре, и в силу этого неизбежно коррелируют друг с другом. Но Чужое, с которым мы никогда не сталкивались, не актуально. Актуализируется оно только тогда, когда попадает на границу с Собственным, соприкасается с ним и противопоставляется ему.

Собственное – привычно, предсказуемо, безопасно. Оно полностью вписано в рамки культуры, в которой существует человек, полностью описывается её категориями. Собственное, таким образом, не

просто привычно, но понятно и конкретно. Все негативные аспекты, содержащиеся в нём, заранее известны носителю данной культуры и он готов им противостоять (предупреждён – значит вооружён). В противоположность этому – Чужое абстрактно, неконкретизированно и непредсказуемо. Оно несёт в себе потенциальную угрозу, и более того, угрозу неизвестную, что само по себе заставляет ожидать худшего. Именно поэтому Чужое наделяется в сознании отрицательными, агрессивными чертами [3].

Эта особенность нашла отражение в языке. Семантически оппозиция Чужое – Собственное всегда является эмоционально окрашенной. Так, себя народы именуют преимущественно положительными эпитетами – «смелые», «отважные», «доблестные». В противоположность этому, по отношению к Чужому эпитеты употребляются преимущественно негативные. Но здесь есть свои нюансы, обусловленные конкретными особенностями (актуальностью Чужого для Собственного, характером их взаимоотношений). Так, если их контакты минимальны и носят нейтральный характер или Собственное выступает как более сильная, более развитая сторона в этих контактах, то в описании Чужого употребляются эпитеты, несущие минимальную эмоциональную окраску – от нейтральных до умеренно негативных. Причём оценка будет касаться преимущественно уровня культурного развития и интеллекта Чужого, подчёркнуто более низких по сравнению с Собственным [4].

Если Чужое вступает в конфликт с Собственным, создавая ему при этом реальную угрозу (например, военное столкновение), эпитеты в описании этого Чужого будут носить уже ярко выраженный негативный характер. Причём негативная оценка будет касаться скорее морального облика Чужого – «вероломный», «хитрый», нежели его интеллектуальных качеств или военных способностей. Другими словами, угроза, исходящая от Чужого, чаще преувеличивается, нежели уменьшается. Чужое, конкурирующее с собственным, а тем более реально ему угрожающее, – самая благодатная почва для формирования образа Чужого как врага, тем более, что Чужое изначально воспринимается как угроза.

Как отмечалось выше, Чужое и Собственное коррелируют друг с другом. Человек не может помыслить ничего такого, что превышало бы его собственные знания (по сути, знания о Собственном). То есть, образ Чужого конструируется на основе Собственного (а значит, и по аналогии с ним). При этом можно выделить ряд основных признаков или критериев отчуждения, которые являются базовыми при конст-

руировании образа Чужого и создании своего рода демаркационной линии между Собственным и Чужим:

1) этно-лингвистический (язык, культура в узком смысле, этническая принадлежность);

2) этико-вероисповедальный (религиозно-мифологические системы, обычаи);

3) быто-технологический (образ жизни, развитость сельского хозяйства, ремесла и т.д.);

4) пространственно-географический (удалённость, характер местности и т.д.) [6].

В целом, именно на основе этих четырёх базовых признаков и формировался Образ Чужого во все периоды истории. Вместе с тем, важно отметить, что в разные времена и для разных культур значимость каждого из этих признаков была не одинаковой и не равноценной. Изменялись как соотношение отдельных элементов в построении Образа Чужого, так и конкретная фактологическая наполненность этой концептуальной модели. Следовательно, необходимо вести речь об историчности Образа Чужого, его уникальности для каждого определённого исторического периода и культуры. Попробуем коротко рассмотреть принципы формирования Образа Чужого.

Образ Чужого, сформировавшийся в греческой античности – один из самых интересных примеров. Изначально ведущую роль в его формировании играл, очевидно, этно-лингвистический признак. Это выразилось, прежде всего, в именовании Чужого варваром. Данный термин имеет звукоподражательное происхождение, как бы копируя невнятное бормотание чужеземцев. Понятие «варвар» являлось собирательным, чётко отграничивая Чужое от Собственного. Это было особенно важным в условиях того, что Эллада никогда не являлась политическим образованием. Грек никогда не воспринимался как варвар, что позволяло сохранять определённый континуитет Эллады и, по большому счёту, в принципе, обеспечило существование такого исторического и культурного феномена, как «античная Греция».

Важно при этом ещё раз подчеркнуть, что ведущая роль этно-лингвистического фактора отчуждения вовсе не исключает действия других вышеперечисленных критериев отчуждения. Безусловно, имело место и этико-вероисповедальное, и быто-технологическое, и пространственно-географическое отчуждение, но все они не имели определяющего значения и их функция заключалась, в большей степени, в конкретизации Образа Чужого.

Однако уникальность греческой античности заключается не только в ярко выраженном преобладании этно-лингвистического признака в

формировании Образа Чужого. На примере античной Греции мы сталкиваемся с интересным феноменом, который в дальнейшем не раз будет иметь место – формированием Образа Чужого внутри Собственного. Это явление в данном случае было порождено отмеченным выше отсутствием государственного единства Эллады и политическим полицентризмом при сохранении культурного единства. Отдельные полисы, будучи независимыми государственными образованиями, проводили собственную внутреннюю и внешнюю политику, преследуя свои интересы. Это нередко приводило к военным столкновениям между отдельными полисами или союзами. И здесь в действие вступают названные выше закономерности: Чужое враждебно и, в корреляции к этому, то, что враждебно-Чужое. В данном случае, при формировании Образа Чужого, этно-лингвистический признак уже не имел никакого значения, равно как и этико-вероисповедальный, так как эти признаки описывали составляющую, которая являлась Собственным для обеих групп. На первый план выходит быто-технологический признак – как различие в образе жизни, хозяйстве и материальной культуре. В других конкретно-исторических условиях Образ Чужого внутри Собственного мог формироваться в целом аналогичным способом. Отличие состояло в критериях отчуждения, которые выдвигались на первый план, и в их конкретной фактологической наполненности.

В отличие от греческой античности, в которой этико-вероисповедательный признак в формировании Образа Чужого не имел определяющего значения, на Древнем Востоке он играл большую роль. В связи с утверждением иудаизма и зороастризма именно этот признак становится важнейшим в формировании образа Чужого, равно как и Собственного. Для иудея и перса Чужой – это, прежде всего, тот, кто исповедует другую религию, а уже потом – говорит на другом языке. И, несмотря на то, что Древнюю Грецию принято считать основой западной цивилизации, именно здесь, на Востоке, возникает схема формирования Собственного и Чужого, которая на долгое время станет определяющей для Запада в той же мере, как и для самого Востока.

Связано это было, прежде всего, с появлением и широким распространением христианства и, позднее, мусульманства, которые вобрали этот древневосточный принцип построения Образа Чужого. В процессе формирования нового образа Собственного и Чужого (а значит, и в формировании новой идентичности) важную роль сыграли как внутренние закономерности развития христианства и мусульманства, так и конкретно-исторические факторы. С одной стороны, вполне понятно, что религиозная система выдвигает в качестве определяющего принципа в формировании Образа Чужого этико-вероисповедальный при-

знак: Чужой – это тот, кто принадлежит к другой вере. С другой стороны, такого объяснения не достаточно, поскольку, как уже отмечалось, греческая древность, имея довольно развитую религиозно-мифологическую систему, не выдвигала этико-вероисповедальный признак в качестве основного. Очевидно, что в случае с христианством и исламом свою роль сыграли конкретно-исторические условия развития этих религиозных систем. В частности, христианство формировалось в трудных условиях подчинения носителей этой религии римскому (Чужому) господству, подчинения, преодолеть которое силовыми методами было невозможно. Вполне понятно, что в условиях отсутствия хозяйственной, географической и, во многом, даже языковой изоляции, необходимо было избрать такой способ формирования Образа Собственного (и, соответственно Чужого), который бы позволял сохранять свою самость. И этико-исповедальный принцип оказался оптимальным в силу того, что, с одной стороны, препятствовал размыванию общины христиан, а, с другой стороны, позволял включать в неё новых членов по религиозному принципу, тем самым усиливая её. Такой способ формирования Собственного и Чужого оказался настолько удачным, что обеспечил христианству успешное развитие и широкое распространение, господство не только в духовно-религиозной, но и во всех сферах жизни общества.

Не будет преувеличением сказать, что весь период западноевропейского средневековья прошёл под знаком христианства. И, соответственно, в основе формирования образов Собственного и Чужого лежал религиозный принцип [7]. Интересно при этом отметить, что Образ Чужого вовсе не был однороден и неизменен. Можно выделить несколько вариантов Образа Чужого, характерных для западноевропейского средневековья. Это образы Чужого как мусульманина, Чужого как иудея, Чужого как язычника, Чужого как еретика и Чужого как византийца (или христианина, но не католика). В последнем случае Образ Чужого имел умеренно негативную окраску, близкую к нейтральной, так что представлял собой скорее даже Образ Иного, нежели Чужого в собственном смысле. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на ведущую роль этико-вероисповедального принципа отчуждения, другие принципы (из перечисленных выше четырёх) также имели место, хотя и в разной степени выраженности.

Влияние этико-вероисповедального признака ослабевает только в эпоху Нового времени, когда церковь теряет определяющую роль в общественной жизни. Начиная с этого периода уже трудно выявить некий единый Образ Чужого, в основе которого лежал бы один ведущий принцип отчуждения. Этот Образ становится всё более инвари-

антным, и в каждом конкретном случае определяющими выступают разные признаки. Вместе с тем, этико-вероисповедальный принцип, в целом, не потерял своей актуальности и продолжает играть важную роль в формировании Образа Чужого, что особенно заметно на примере многочисленных на сегодня этно-религиозных конфликтов, начиная от басков в Испании и Ольстера в Великобритании и заканчивая проблемой международного терроризма, который часто использует именно религиозный принцип формирования Образа Чужого.

Литература

1. Марков Б.В. В поисках Другого // [http:// www.anthropology.ru/ru/texts/markov/anderen.html](http://www.anthropology.ru/ru/texts/markov/anderen.html).
2. Цит. по: Ионин Л.Г. Культурный шок: конфликт этнических стереотипов // Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия. Мн., 1998. С. 104.
3. Копелев А.Д. Чужие // Одиссей. Человек в истории: Образ «другого» в культуре. М., 1993. С. 8–19.
4. См. например Сурова Е.Э. Кросскультурность как идентификационная модель // *Studia culturae*. Выпуск 3. СПб., 2002. С. 58–79 (см. также [http:// anthropology.ru/ru/texts/ surova/studia03_04.html](http://anthropology.ru/ru/texts/surova/studia03_04.html)).
5. Шукуров Р.М. Введение, или предварительные замечания о Чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 24.
6. Там же. С. 25.
7. Лучицкая С.И. Араб глазами франка // Одиссей. Человек в истории: Образ «другого» в культуре. М., 1993. С. 19–38.; Она же. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.

В.В. Серов

Британский историк о положении иудейских общин в Римской империи

Фергюс Миллар. Иудеи греко-римской диаспоры между язычеством и христианством. (Millar F. The Jews of the Graeco-Roman Diaspora between Paganism and Christianity, AD 312–438 // The Jews among Pagans and Christians in the Roman Empire / Edited by J. Lieu, J. North, T. Rajak.L.; N. Y., 1992. P. 97–123)

Фергус Миллар – профессор отделения ориенталистики факультета классических дисциплин Оксфордского университета. В сферу его научных интересов входит политическая история Поздней Римской республики и Ранней империи. Известность и признание профессору Миллару принесли такие труды, как «Римская империя и её соседи», «Император в римском мире в 31 г. до н.э. – 337 г. н.э.», «Толпа в Риме в Поздней Республике», которые, однако, носят оттенок популяризаторства.

Статья об иудеях не вполне типична для творчества Фергуса Миллара, – и по хронологическому охвату, и по выбранному объекту. Причины её появления следует видеть в усилении интереса к иудейской проблематике, имевшем место в западной исторической науке на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия, при этом наименее исследованным периодом иудейской истории был признан как раз период поздней античности. В данной публикации Ф. Миллар верен своей методике: он много рассуждает о достоинствах соответствующих источников, часто отвлекается от основной линии рассуждений. Впрочем, авторские замечания о положении религиозных общин иудеев в империи опираются на материал источников и потому небеспочвенны, а их содержание таково, что позволяет обнаружить параллели в современной религиозной жизни в России или, по меньшей мере, наводит на размышления о возможных моделях религиозно-этнического сосуществования.

Фрагменты работы

«В Позднеримском государстве существовали одновременно язычество, иудаизм и христианство. Что определяло мирное их сосуществование, взаимодействие или же конфликт? Чтобы действительно ответить на этот вопрос, нужно написать полную историю религиозной и интеллектуальной жизни данного периода. Можно, однако, отметить лишь самые основные моменты отношений этих религиозных систем, вытекающие из их различий, из их религиозной самодефиниции.

Сразу же необходимо оговориться, что, применяя понятие «язычество» по отношению к определённой религиозной системе, мы используем неподходящую и вводящую в заблуждение категорию. Точнее, неправильно было бы использовать её применительно к более раннему времени, – так называемому классическому периоду, – когда имелись глубоко различные философские точки зрения о природе божества, и проводились широкие дискуссии, выяснявшие природу «язычества». Иначе говоря, в период Поздней Республики и ранней Римской империи не существовало определённого и общепризнанного общественно-го представления о сущности язычества. Но во II–III вв. усиливающееся христианство вовлекло тех, кто соблюдали культы богов, в странную философскую рефлексию относительно их системы верования и религиозной практики, в результате чего и родилось более определённое явление, которое мы можем называть язычеством. Параллельно с этим «язычники» начали критиковать христианство, достигнув в этой критике вершины в середине IV в. В конце классического периода можно найти и первые языческие нападки на иудаизм. При этом теоретики язычества тесно связывали иудаизм с христианством. Впрочем, начиная с IV в. серьёзное «языческое» внимание к иудаизму

как религиозной системе не засвидетельствовано источниками (за исключением случая императора Юлиана Отступника, который следует признать особым из-за политического положения Юлиана), в связи с чем можно говорить о начале периода сосуществования этих двух религиозных систем.

Наиболее полно религиозные взаимоотношения в период поздней античности проявлялись на территории так называемой Святой Земли, где на малой площади уместились различные христианские конфессии, язычество, иудеи и самаритяне, – взаимно враждебные, но по необходимости живущие по соседству религиозные учения. Здесь с неизбежностью складывалось более терпимое отношение друг к другу у представителей различных религиозных учений. Опыт Святой Земли интересен для изучения, однако более сложным и потому более интересным кажется феномен так называемой Диаспоры, – в данном случае греко-римской Диаспоры.

Если мы хотим больше узнать о позднеримской Диаспоре, то у нас нет выбора, кроме как взглянуть на неё глазами христиан через призму проблем, вызванных ею. Первая проблема – позволяют ли нам, и в какой степени позволяют христианские источники того времени увидеть реальную современную им Диаспору. Претензии христианства на преемственность по отношению к Ветхому Завету, на право рассматривать послание Ветхого Завета как предсказание появления Христа, на утверждение, что Христос был предсказанным мессией, и на существование «истинного Израиля», – все эти претензии означали, что иудаизм должен был быть лишь частью христианского учения. Если мы поищем иудеев и иудаизм в толще христианского писания этого периода, – как латинского, так и греческого, – то обнаружим немало. Если иудейская литература Святой Земли уделяла христианству мало открытого внимания, а языческие писатели (кроме Юлиана) почти не уделяли внимания иудаизму, то христианские писатели с избытком компенсировали невнимание своих религиозных соседей, сделав иудаизм центральной темой своих работ, а объектом широкой критики – язычество. Христианские критики язычества интересуют нас в меньшей степени, нежели политические мероприятия христиан против язычников, ибо развёрнутая позиция иудеев гораздо лучше видна в отношении к таким мерам.

Центральной проблемой является использование огромного массива христианской религиозной литературы как исторического источника по иудаизму и по истории иудейских общин названного периода. Для её решения необходимо рассмотреть всю христианскую литературу этого периода и её отношение к иудеям, отдельно анализируя: а) противостояние с иудаизмом как вневременной системой, чья характе-

ристика определена Ветхим Заветом; б) явные отличительные признаки верований и позиции внутри иудаизма; в) сведения о современных периоде обычаях иудаизма; г) сообщения о действительных событиях, имевших место в пространстве и времени. Последнее следует рассматривать в связи с законодательством христианских императоров относительно иудеев. Ибо, как ни парадоксально это выглядит, в законодательстве этого периода, имевшем репрессивную направленность, христиане наиболее полно обнаружили своё отношение к реалиям тогдашней иудейской жизни.

Согласно данным литературы и законодательства, в иудейской Диаспоре в последней четверти IV в. наблюдался рост ощущения приближающейся опасности, что было вызвано радикализацией имперской религиозной политики и соответствующих настроений в обществе. И действительно, правление Феодосия I (379–395 гг.) началось с выразительного утверждения о единственно законной религии в империи – католической. Соответственно, все некатолические формы христианства были обречены испытывать прессинг со стороны государства и собственное увеличивающееся бессилие. Несколько позднее последовали и мероприятия против языческих культов; им предшествовали и их стимулировали акты насилия со стороны христиан на местах, направляемых епископами и часто осуществляемые бандами монахов. Повсюду началось разрушение языческих храмов, камни которых становились строительным материалом для католических церквей.

Фундаментальное изменение религиозного климата, начавшееся в 80-е гг. IV в., является важнейшим фактором, который следует иметь в виду, если мы хотим изучить то весьма значительное, но всё же не ставшее решающим изменение, постигшее иудейские общины империи на рубеже IV–V вв. Это изменение ясно продемонстрировано императорским законодательством. До этого периода императорское внимание в отношении иудеев было направлено в основном на два объекта: запрещение иудейского права собственности на рабов-христиан и установление пределов количества и свойств служащих иудейских общин. При этом императоры демонстрировали в известной мере осведомлённость в сфере обычной жизни иудеев, которая обычно была закрытой для непосвящённых. Самое раннее из подобных официальных заявлений, датированное 321 г., является одновременно и наиболее ранним свидетельством существования иудейской общины в Кёльне.

Впрочем, в 80-е гг. IV в. появились новые темы для имперского законодательства. Так, в 383 г. вышел указ о конфискации имущества христиан, перешедших в иудаизм или язычество. Но для самих иудеев иудаизм оставался и в последующее время законной религией. Импе-

раторы конца IV–V вв. явно пытались остановить поток народных христианских эмоций в отношении иудеев, которые, в свою очередь, вызвали ответную реакцию иудеев. Одним из наиболее значительных направлений в имперском законодательстве было сдерживание разрушения или захвата местными христианами синагог и входившего в их состав имущества; но в то же время запреты здесь сопровождались ограничением строительства новых синагог.

Ещё одним важным направлением имперского законодательства в отношении иудеев было запрещение им (и самаритянам, а позже и язычникам) занимать государственные должности, становиться адвокатами и входить в состав городских советов. Эти запреты не означали, что иудаизм становился незаконной религией; они ограничивали влияние иудеев в значимых для христианского государства сферах.

В общем, благодаря усилиям правительства, иудаизм постепенно превратился из «религии» в «суеверие» уже в V в. Словарь имперской риторики отражает фундаментальные сдвиги в отношениях между христианами и иудеями. Ограничения со стороны правительства местного религиозного христианского порыва не были строгими и последовательно воплощавшимися в жизнь. Направленность государственной религиозной политики была определённой. Поэтому обычным для конца IV–V вв. явлением общественной жизни в империи стала опасная толпа возбуждённых христиан, готовых к грабежу и насилию в отношении иудеев и всех прочих отмеченных в законах не-католиков.

Таким образом, рассмотренный период истории Поздней Римской империи был для иудейской Диаспоры весьма сложным по сравнению с периодом Ранней империи. Христианское имперское правительство не запрещало иудаизм официально, но всячески ограничивало его и его последователей. Это порождало проблемы взаимоотношений на местах. Тем не менее, разнообразные исторические данные свидетельствуют о том, что период IV–V вв., отмеченный неизбывной напряжённостью в отношениях между христианами и язычниками, возможно, был для иудейских общин греко-римской Диаспоры сравнительно более благоприятным».

А.В. Сковородников

Политика Великобритании и межэтнические отношения в Югославии в годы Второй мировой войны

Балканы являются одним из самых проблемных и беспокойных регионов Европы, и, пожалуй, всего мира. Проживание на сравнительно скромном жизненном пространстве большого числа народов и наций очень часто на протяжении всей истории приводило к национальным и религиозным конфликтам. Нередко все это заканчивалось кровавыми

столкновениями и человеческими жертвами. К внутренним противоречиям неизменно примешивалось влияние великих держав, преследующих свои интересы. Особую активность на протяжении многих десятилетий проявляла Великобритания. Включение данной области в сферу влияния своей дипломатии являлось одной из приоритетных задач Лондона. Наличие на карте Европы в конце 1930-х гг. крупного полиэтнического образования, коим являлась Югославия, стало новым фактором балканской политики Великобритании. Изменившиеся условия, таким образом, вынуждали искать новые методы и пути воздействия со стороны английских руководителей на события в этом регионе. Порой это приводило к эскалации напряженности и еще большей жестокости.

XX век закрепил за Балканами роль «порохового погреба», который готов взорваться в любой момент. Стоит напомнить, что Первой мировой войне предшествовал ряд кризисов и войн, произошедших на Балканах. Первой жертвой агрессии Тройственного союза также стала балканская страна – Сербия. Но окончание этой войны и создание на интересующей нас территории Королевства сербов, хорватов и словенцев вовсе не означало прекращение межэтнического противостояния народов, населяющих, в частности, эту страну. Вторая мировая война стала печальным подтверждением данных положений. Особой непримиримостью отличались отношения, как ни странно, между двумя христианскими народами – православными сербами и католиками хорватами. Стратегическая важность региона приковывала взгляды не только агрессоров в лице Германии и Италии, но и союзников, коими были СССР и Великобритания. При этом воздействие каждой из указанных сторон было далеко не однозначным.

Целью исследования является анализ позиции Англии в связи с межэтническими отношениями в Югославии в годы Второй мировой войны, с учетом наиболее напряженной линии противоречий – между сербами и хорватами. Взгляд историков на указанную проблему в большей степени, чем по другим вопросам, зависит от их национальной и идеологической принадлежности, чрезмерно эмоционален и грешит субъективностью. Актуальность данной работы обусловлена тем, что на исходе XX в., спустя полвека после окончания мирового конфликта, в Европе опять прогремели взрывы. Источником напряженности вновь оказались противоречия между хорватами и сербами на постюгославском пространстве, происхождение которых связано и с событиями Второй мировой войны. Именно в этот период особую роль в этнополитических отношениях в Югославии сыграли британское правительство во главе с У. Черчиллем и английская дипломатия.

Авторы исторических работ в большинстве своем при освещении балканских сюжетов обращают внимание на геополитическое значение данного региона для ведущих держав мира, в том числе для Великобритании. При этом для советской историографии была характерна негативная оценка югославской политики английского премьера (Бережков, Трухановский, Майский). Западные исследователи, напротив, подчеркивают дальновидность Черчилля и ставят ему в заслугу проведение балканской стратегии (Фуллер, Эрман). Но в том и в другом случаях за рамками исследования остается проблема влияния Англии на внутренние дела Югославии, в частности, на отношения между хорватами и сербами.

В первую очередь нужно подчеркнуть, что Британия в своей политике в каждом из стратегически важных регионов, Балканы и Югославия не были исключением, исходила из собственных интересов. Черчилль хорошо понимал, что рано или поздно придется пожертвовать правами малых народов ради достижения долгосрочных перспективных целей. Здесь речь шла даже не о правах отдельных этносов, а об интересах стран, не по своей воле вовлеченных в военный конфликт и ставших ареной борьбы за сферы влияния между союзниками по антигитлеровской коалиции. Поэтому проведение какой-либо продуманной и последовательной межнациональной политики на территории Югославии не являлось для британского руководства приоритетной задачей в годы войны. С другой стороны, Черчилль и его советники столкнулись с необходимостью так или иначе вступать в контакт с представителями различных народов, ведущих борьбу не только с оккупантами, но и друг с другом. Противостояние и ожесточение были настолько сильными, что порой мешали движению Сопротивления в общем.

Неприятнь, постепенно перерастающая в ненависть между сербами и хорватами, формировалась в течение долгих десятилетий. В 1941 г. хорваты под покровительством Германии и Италии создали собственное государство. Во главе его стал А. Павелич. После этого началась расправа хорватских ультранационалистов (усташей) над двумя миллионами сербских граждан, живших в Великой Хорватии – треть из них была уничтожена, остальные были обращены в католичество или изгнаны из страны. Во многом именно тогда зарождалось понятие этнической чистки, которое мы слышим так часто в наши дни. В то же время многие хорваты считают, что они составляли большинство в партизанских отрядах И. Тито и мучались оттого, что им приходится бороться с режимом, установленным на их малой родине. Они утверждали, что четники (сербские националисты) в массовом порядке истребляли хорватов в годы войны. Цепь взаимных обвинений, таким образом, делала возможность достижения

компромисса очень проблематичной. Ко всему этому примешивалась еще и этническая мифология, пронизанная определенными стереотипами и предрассудками.

Первоначально позиция Англии исходила из необходимости поддержки легитимного королевского правительства Югославии в изгнании, находившегося в Лондоне. Король Петр, в свою очередь, опирался на сербские подразделения во главе с Д. Михайловичем, которые вели непримиримую борьбу с агрессорами, начиная с первых месяцев войны. Черчилль также поспешил установить контакт с этими отрядами, и Англия начала оказывать помощь четникам. Однако постепенно Михайлович терял доверие британских властей. Гораздо более решительные действия партизанских отрядов во главе с хорватом И. Тито оказывали большее впечатление на Черчилля. Здесь речь шла не о национальной принадлежности тех или иных подразделений, а о реальной пользе, приносимой движению Сопротивления в этой балканской стране. Черчилль, как дальновидный политик, понимал, что коммунист Тито ведет борьбу не только с оккупантами, но и с сербской монархией. Но и бездумная поддержка сербских консерваторов могла привести к более пагубным для британской дипломатии последствиям. Хотя Черчилль все же какое-то время пытался уговорить оба движения сопротивления и примирить роялистов и коммунистов. В то же время можно говорить о противостоянии на национальной почве. Так или иначе, большинство сторонников монархии были сербами. Хорваты же не видели надобности воевать за сербского короля. Уже в то время конфликт начал базироваться и на определенных иррациональных основаниях. Во главу угла ставилась национальная идентичность и забывалась совместная борьба против общего врага. В значительной степени влияние на эти процессы оказывали и ведущие государства мира.

К 1943 г. в отношении к двум конкурирующим движениям сопротивления со стороны Британии и СССР сложилась довольно парадоксальная картина. С одной стороны, Черчилль поддерживал коммуниста Тито, а Сталин благожелательно отзывался о монархисте Михайловиче. Все это вовсе не способствовало единению двух соседних народов, а наоборот подталкивало к продолжению междоусобной войны. Непродуманная, непоследовательная национальная политика, а иногда и полное ее отсутствие со стороны лидеров Альянса, в том числе Британии, в отношении народов, населяющих Югославию, в конечном счете привели к долгосрочным и, к сожалению, трагическим последствиям.

Деление государства по национальным районам, нерешенность вопросов этнического характера, попытка загнать проблемы внутрь – вот итог, который во многом является закономерным следствием действий внешних сил. Вплоть до конференции в Тегеране, в конце 1943 г., Лондон

не имел четкой стратегии в отношении Балкан; лишь после этого можно говорить о сколько-нибудь взвешенном подходе к определению места этого региона в собственных планах. Британии было не выгодно существование сильной Югославии, ведь рано или поздно фарватер ее внешней политики мог вновь склониться в сторону СССР. Таким образом, забота исключительно о национальных интересах и пренебрежение к особенностям культуры, мировоззрения малых народов привели к тому, что Балканы и Югославия, как их неотъемлемая часть, вновь стали «пороховым погребом» Европы. Взорваться ему было суждено спустя более чем сорок лет после окончания мирового конфликта.

Литература

1. Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1982.
2. Движение сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1995.
3. История Сербии и Черногории. Антология. М., 2002.
4. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971.
5. Наринский М. Европа: проблемы границ и сфер влияния (1939–1947 гг.) // Свободная мысль. 1998. №3. С. 88–90.
6. Рейнольдс Д. Имперская дипломатия / пер. с англ. / Союзники в войне (1941–1945). М., 1995.
7. Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь / пер. с англ. М., 2003.
8. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.
9. Трухановский В.Г. У. Черчилль. Политическая биография. М., 1968.
10. Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / пер. с англ. М., 2003.
11. Фуллер Дж. Вторая мировая война. 1939–1945 гг. / пер. с англ. М., 1956.
12. Эрман Дж. Большая стратегия / пер. с англ. М., 1957.
13. Югославия / пер. с серб. М., 1986.
14. Юнгблуд В.Т., Костин А.А. Политика США в Югославии в 1941–1945 гг. Киров, 2004.

М.В. Стафеева

Конфликт ценностей как составляющая этноконфессионального настоящего Европы

В последнее время мировое сообщество все чаще и чаще становится свидетелем нового рода конфликтов, сутью которых является противостояние не государств и идеологий, а идентичностей [1].

Сложность данных конфликтов заключается в том, что внешнему наблюдателю причина «конфликта идентичностей» обычно представляется несущественной, однако, она может послужить источником социальной напряженности. Будучи непосредственно связанной с по-

нятием «ценность», идентичность проявляется только тогда, когда ценности, которые лежат в ее основе, подвергаются сомнению в результате взаимодействия с другой идентичностью. При этом, чем меньше различий между ценностями и чем они существенней [2], тем сильнее проявляется напряженность в отношениях между носителями разных идентичностей.

Что касается международных отношений, если не сводить конфликты между государствами к классической битве за ресурсы, то речь пойдет о конфликте ценностей, образов мира, социальных и политических практик.

Примеры таких конфликтов, где основанием для идентификации является принадлежность к той или иной цивилизации, были рассмотрены еще Самюэлем Хантингтоном [3].

Под цивилизацией он понимает культурную общность, которая определяется наличием общих черт объективного порядка (язык, история, религия, обычаи, институты), а также субъективной самоидентификацией людей. При этом главным различием между цивилизациями, по его мнению, является именно религия [4]. То есть в условиях исчезновения традиционной идентификации с государством религия становится основой для обретения новой идентичности, что в свою очередь ведет к «десекуляризации мира».

В качестве источников конфликта между цивилизациями Хантингтон выделяет борьбу за военную, экономическую и политическую власть и, что не менее важно, различия в культуре, в базовых ценностях и верованиях [5].

Конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях. На микроуровне борьбу за власть ведут группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности [6]. Основной конфликт на этом уровне, по мнению Хантингтона, разворачивается между Западом и исламской цивилизацией, и сосредоточен он на проблеме нераспространения ОМУ и средств его доставки.

Другой американский исследователь Фрэнсис Фукуяма также говорит о столкновении идентичностей на ценностном уровне. Однако, по его мнению, в противостоянии либеральной демократии и религии последнюю ждет неминуемое поражение, так как только либеральная демократия способна полностью удовлетворить свойственную всему человечеству «жажду признания». Даже ислам, который в конце XX в.

испытал новый мощный толчок в своем развитии, на его взгляд, не способен «бросить вызов либеральной демократии на ее собственной территории на уровне идей» [7].

Несмотря на некоторые расхождения во взглядах, и Хантингтон, и Фукуяма говорят о противостоянии государств, относящихся к разным ценностным полюсам (Запад = либеральная демократия / остальной мир). Однако на сегодняшний день миграционные процессы, помноженные на телевидение и Интернет, не позволяют говорить о четких географических границах цивилизаций, одновременно ослабевает и роль государства-нации как источника идентификации. На психологическом уровне это ведет к неуверенности, сомнениям, потере чувства идентичности. Как следствие, идентификация, особенно в критические моменты, нередко идет по одному, наиболее очевидному основанию, например этническому или религиозному, что влечет за собой открытые формы конфликтов. Можно говорить о пандемии этноконфессиональной нетерпимости, которая влечет за Европой постепенно охватывает остальной мир.

Основной причиной событий, имевших место во Франции (акции протеста в связи с принятием «закона о хиджабах» в 2004 г., беспорядки в октябре – ноябре 2005 г.), Дании («карикатурный скандал» 2006 г.) и других европейских странах, несомненно, является та иммиграционная политика, которую они проводили после Второй мировой войны. Правительствами этих государств было принято решение о привлечении выходцев из бывших колоний, которые должны были восполнить нехватку рабочих рук в различных сферах экономики.

Однако помимо экономического обоснования подобной политики, которая должна была обеспечить приток дешевой рабочей силы, было еще и другое не афишируемое идеологическое обоснование – идея уничтожения национальной основы европейских государств и слияние их в космополитическое содружество. Метод размывания этнической идентификации граждан европейских стран с помощью массовой иммиграции из Африки и Азии оказался очень полезен в деле денационализации европейцев. Он, безусловно, принес свои плоды, что облегчило процесс объединения Европы, но негативные его последствия оказались более серьезными, чем ожидалось.

Правительства европейских стран начали политику массовой иммиграции с последующей надеждой на интеграцию, не учитывая, что общество по своей структуре к такой ассимиляции не готово.

В европейском обществе в самой его основе силен элитизм, чувство принадлежности к определенному кругу, «community instinct», даже внутри самого коренного населения, и с самого начала речь даже не шла о том, чтобы принять чужаков в свое число. Иммигранты рассмат-

ривались как те, кто будет выполнять определенную работу, но не станет частью этого круга. Такой подход, планировка отдельных районов и строительство отдельных школ, вылился в появление параллельного общества внутри страны, идентифицирующего себя по этническому или религиозному признаку, живущего по своим законам, со своей ментальностью. Массовая иммиграция невольно привела к появлению инокультурных гетто и к столкновению культур по мере их роста.

Для разрастающегося в Европе исламского общества даже было придумано собственное название – «Еврабия» [8]. Крупнейшим постом Еврабии является Франция, которая располагает крупнейшим на всем континенте мусульманским населением (по разным оценкам оно составляет 6 миллионов, или около 10% населения страны). Некоторые демографы предсказывают, что к 2020 г., при условии, что темпы иммиграции и рождаемости останутся на сегодняшнем уровне, мусульмане составят 25% от населения Франции [9].

Тем не менее, некоторые исследователи продолжают настаивать на том, что речь идет лишь о социальном конфликте, причины которого кроются скорее в ошибочной политике государства в отношении иммигрантов, чем в культурно-ценностном противостоянии [10].

Посол Франции в США Жан-Давид Левит на встрече с представителями мусульманских организаций, комментируя ноябрьские события, заявил: «Никакой роли в беспорядках ислам не сыграл. Мы никогда не усматривали здесь какой-либо связи, прямой или косвенной». По его мнению, основной причиной этих событий стали социально-экономические проблемы в стране. Участники беспорядков просто хотели быть «стопроцентными французами» и требовали «полного равенства» [11].

Однако недовольство своим социально-экономическим статусом является всего лишь частью проблемы, верхушкой айсберга. Никакие конкретные и самые действенные меры социально-экономического характера, административные решения, правоохранные операции или изменения эмиграционных правил не приведут к кардинальному урегулированию кризиса, так как он лежит не столько в сфере экономики или социальных услуг, сколько в культурно-психологической плоскости.

С одной стороны, сохранение своей идентичности рассматривается иммигрантами как способ выживания в чуждом им обществе. Если первая волна иммигрантов начала 1960-х в целом успешно смогла интегрироваться, то волна 1990-х практически не интегрируется. С точки зрения этих людей, ислам – это сумма убеждений, превосходящая и христианство, и тем более, современную постхристианскую Европу с ее элементами свободы и вседозволенности, что позволяет им считать

себя людьми лучшими, чем европейцы. А интеграция возможна лишь для тех, кто считает свои ценности худшими или, по крайней мере, устаревшими по сравнению с ценностями того общества, в которое они хотят интегрироваться.

С другой стороны, изменился социально-психологический климат коренного населения, причем почти везде эти изменения уже приобретают политическое значение. Речь идет о так называемой маргинализации нового типа. Она отличается от традиционной тем, что ее характеристикой является не низкий материальный уровень жизни, следствием которого выступает вытеснение из общественной жизни, а наоборот – первично вытеснение из общественной жизни при сохранении высокого уровня материального обеспечения [12]. Несмотря на высокий уровень благосостояния, социально-психологические характеристики этих групп населения остались прежними: эта маргинальная масса предельно подвержена манипуляциям, легко может принять любые лозунги и ценности, легко объединяется на основе любых форм борьбы против «врага», образ которого создается политическими силами. По мере развития социального застоя и все более широкого использования иностранной рабочей силы даже в тех секторах, на занятость в которых не претендовали национальные безработные, возникает иллюзия, что иностранцы отбирают работу и ухудшают положение всех членов общества [13].

В такой ситуации иммигранты реагируют на изменение отношения к ним части западного общества усилением своей обособленности, замкнутости, стремлением зацепиться за свои традиционные ценности, язык культуру, религию и образ жизни, видя в этом единственное средство сохранения своей идентичности. Их интеграция в новое общество становится практически невозможной.

Таким образом, культурная обособленность становится агрессивной и степень агрессивности зависит от степени отчуждения той или иной группы от основной массы населения. В обществе возникают социально-психологические и национально-культурные противоречия, легко трансформирующиеся в противоречия политические [14].

Выход из сложившегося положения найти довольно не просто. Поскольку в Европе все социальные проблемы умножаются на этнические и религиозные, угроза конфликта присутствует постоянно. Если до недавнего времени правительства европейских государств занимались лишь проблемой социального обеспечения иммигрантов, то теперь становится очевидным, что этого не достаточно. На данный момент активно используется силовой вариант решения проблемы. Более того, некоторые европейские политики (например, министр внутренних дел Франции Николя Саркози) предлагают принять закон, который

ограничивал бы миграцию или даже позволял бы высылать из страны иностранцев, нарушающих законы государства.

Следует признать, что абсолютного и бескровного решения сложившейся ситуации нет. Однако в этом должны быть заинтересованы не только отдельно взятые государства, но и европейское общество в целом, и мусульманская община в частности. Некоторые отечественные исследователи полагают, что Европа могла бы обратиться к историческому опыту России по налаживанию диалога православного и мусульманского населения и естественной интеграции последнего в общероссийское культурное пространство [15].

Литература

1. Речь идет о так называемой социальной идентичности, которая позволяет личности отождествлять себя с группой и жестко структурирует систему убеждений.
2. Сергей Переслегин говорит об аксиологических и онтологических различиях: чем меньше различий в наборе ценностей, и чем существенней различие во взглядах на эти ценности, тем сильнее проявление идентичности. См. Переслегин С. О возможном подходе к понятию «идентичность» // [http:// www.igstab.ru](http://www.igstab.ru).
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. №1. С. 33–48.
4. «Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полу-французом и полу-арабом, и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полукатоликом и полу-мусульманином». См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? С. 35.
5. Там же. С. 42.
6. Там же. С. 37.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и Последний человек. М., 2004. С. 90.
8. Термин «Еврабия» был выдвинут Бат Йеор. Он означает светское мусульманское переходное общество, в котором традиционные иудейско-христианские обычаи быстро исчезают. См.: Йеор Б. «Зимми»: христиане и евреи под властью ислама // [http:// safety.spbstu.ru/book](http://safety.spbstu.ru/book).
9. Это частично может объяснить, почему, например, «закон о хиджабах» вызвал такую реакцию именно во Франции, хотя на тот момент подобные законы уже существовали в Германии и Бельгии.
10. «Проблеме пригородов» во Франции без малого 30 лет. Подобные бунты случаются во Франции (и не только) с завидной регулярностью, например, в 1986, 1995, 1999 гг. См.: Саттеруэйт М. Исламский джихад или бунт бедняков? // [http:// www.polit.ru](http://www.polit.ru).

11. Гусев А. Ислам не повинен во французских беспорядках // <http://www.utro.ru>.
12. К маргиналам нового типа обычно относят группы молодежи, впервые ступающие на рынок труда, структурных безработных, «третий возраст» (увеличивающаяся группа пенсионеров), категорию «работающих на себя» (ремесленники, мелкие торговцы, предприниматели, на предприятиях которых занято меньше 25 чел.). Дахин В.Н. Новый радикализм: этнополитический аспект // Современные международные отношения: этнополитический контекст. М.; Н. Новгород, 2003. С. 33.
13. К этому следует прибавить исламофобию, которая после 11 сентября 2001 г. охватила западное общество. Например, 70% французов поддерживают запрет на ношение хиджаба в государственных школах, потому что, на их взгляд, он является не признаком религиозной принадлежности, а символом радикального, фундаменталистского ислама.
14. Результаты референдумов по Конституции ЕС во Франции и Нидерландах – проявление недовольства миграционной политикой Евросоюза, а также нежелания видеть в его составе Турцию.
15. Сюкияйнен Л. Французский урок. Исламская подоплека кризиса // <http://www.religare.ru>.

О.В. Степанова
Этнополитический конфликт
в международно-политическом измерении

Понятие «этнополитический конфликт» сегодня является одним из самых распространённых в научной и публицистической литературе. Для постбиполярной эпохи стало характерно неизвестное ранее по масштабам и глубине противоборство социально-политических сил за переустройство миропорядка и всей системы общественных отношений. Противостояние по социальному признаку («капитализм-социализм»), служившее осью мировой политики, во многом потеряло свою актуальность. На смену идеологическому конфликту стал приходить этнополитический конфликт как проявление конфликта идентичности.

Активизировавшиеся в современном мире этнические конфликты, скорее всего, останутся типичными и в ближайшем будущем. Этнополитический конфликт является чрезвычайно противоречивым и многофункциональным феноменом. Каждому этнополитическому конфликту и его функциям иногда просто невозможно дать обобщённую оценку. Ведь абсолютное большинство конфликтов одновременно выполняет ряд и конструктивных, и деструктивных функций. И всё же необходимо

отметить, что этнополитические конфликты, как всякие ценностные конфликты, отличаются наибольшей насильственностью и интенсивностью, и поэтому их гораздо труднее урегулировать, чем конфликты интересов, тем более что на поверхность выходят такие опасные факторы деструктивной конфликтности, как этнонационализм и международный терроризм.

На фоне глобализации, на первый взгляд, межэтнические противоречия должны стираться. Тем не менее, мобилизуя этнические чувства, наращивая межэтническую напряжённость, агрессивный этнонационализм способствует эскалации латентного, скрытого конфликта до уровня открытого и даже угрожающего региональной (международной) стабильности.

Основное политическое содержание этнонационализма – стремление к созданию своей собственной государственности. В ходе распада биполярной мировой системы открылось «окно возможностей» для обретения независимости или повышения статуса этнополитических группировок. Исторический опыт молниеносного распада государств Восточной Европы и на пространстве бывшего СССР доказал, что, как источник мощных этнополитических конфликтов, национализм оказывает влияние в первую очередь на многонациональные государства, приводя к их распаду. В итоге, глубокой трансформации подвергается политическая карта определённого региона и мира в целом.

Локализованный в начале как внутривнутриполитический, этнополитический конфликт по мере развития часто приобретает международно-политический характер, зачастую представляя собой угрозу стабильности и развитию как самого государства, вовлечённого в конфликт, так и региональной безопасности. Существует и обратная зависимость – затянувшийся характер переходного периода в развитии международных отношений влияет на повышение локально-региональной конфликтности.

В случае эскалации современные этнополитические конфликты легко превращаются в наиболее опасный тип современных конфликтов – вооружённый. Уже в 90-е гг. внутренние этнополитические конфликты стали основным типом вооружённого противостояния современности. Возврат к самым архаичным («средневековым») формам насилия в рамках межэтнического противостояния привлекает внимание мировой общественности к урегулированию гуманитарных проблем.

Особенности современных этнополитических конфликтов – стирание грани между их внутренними и международными аспектами. Тенденция к «интернационализации» внутренних этнополитических конфликтов особенно стала заметна на рубеже веков. Этому способствовали и глубинные тенденции мирового развития (глобализация и автономиза-

ция), и заинтересованность «мирового сообщества» в «интернационализации» конфликта. Одним из проявлений «интернационализации» считается вмешательство «третьей стороны», имеющей в регионе геополитические и экономические интересы, преследующей различные цели: от стремления воспользоваться ослаблением участников конфликта до стремления предотвратить возникшую угрозу международной безопасности. Рост международного вмешательства в ход внутреннего конфликта носит чаще всего неоднозначный и противоречивый характер.

Таким образом, факторами, определяющими особую роль и значение этнополитических конфликтов в современных международных отношениях, являются: фактор насилия в этнополитических конфликтах и связанные с этим гуманитарные проблемы, тенденции интернационализации внутренних конфликтов и вмешательство «третьей стороны», усилившаяся взаимозависимость современного глобального общества.

Вероятнее всего, в ближайшем будущем сохранятся повышенная этноконфликтогенность. Предстоит освоить искусство предотвращения эскалации этнополитических конфликтов, их цивилизованного урегулирования, выявить новые международно-правовые эффективные методы этнополитической стабильности и безопасности в мире.

Б.Б. Таирбеков

О концепции «этноконфессионального конфликта» (на примере «армянского вопроса»)

Прикладная системология определяет и конфессиональную, и этническую общности как социально-экономические объединения. Но функционально-структурный уровень конфессиональной системы – это реализация конфессиональной идеи, а внутренняя структура – сеть материальных (в том числе денежных) отчислений членов конфессиональной общности. Функциональная же структура этнической системы – это ее материальная «подпитка», а внутренняя структура – «переплетение» матримониальных связей. Иначе говоря, в основе существования любой конфессиональной системы лежит концепция жертвоприношения (нередко-человеческая жертва или ее замена, часто, с точки зрения производства материальных благ, – бесполезная потеря времени для богослужения) в целях безопасности (фобо и фаго факторы), а в основе этнической системы – обмен людьми для приобретения и накопления ресурсов (фаго и фило факторы).

Степень идентичности и самоидентификации компонента в любой системе напрямую зависит от давления среды. Конечно, в какой-то момент времени конфессиональная система может включать носителей разных этнических идентичностей. В то же время этническая система может включать приверженцев разных конфессий. В подобной ситуа-

ции существует опасность вычленения из конфессиональной совокупности «этноконфессиональных» группировок, а из этнической совокупности – «конфессионально-этнических» группировок. Если социальное неравенство этих группировок продолжается длительное время (для необратимости процесса достаточно трех поколений), то конфликт неизбежен.

Такой конфликт его участниками воспринимается не как социальный, а именно как «конфессионально-этнический» («этноконфессиональный»). Мало того, в результате конфликта конфессиональное разделение этноса может привести к его распаду. При этом «осколки» могут оформляться как самостоятельные этносы, ассимилироваться или вместе с «осколками» других этносов дать начало новой этнической группе (вне зависимости от ресурсов, накопленных той или иной конфессиональной группой распавшегося этноса). Стало быть, при определенном давлении среды, используя флаго фактор, конфессиональная система, объединяющая представителей разных этносов, формирует из них новый этнос. Достаточной иллюстрацией для совокупности конфликтных процессов этногенеза и конфессионального конструирования может служить пресловутый «армянский вопрос».

«Армянский вопрос» возникал и муссировался на протяжении примерно столетия политиками шести империй (Англии, России, Австро-Венгрии, Турции, Франции, Германии) всякий раз, когда Западу надо было ослабить возрастающее влияние России на Европу, спровоцировав очередную русско-турецкую войну. И хотя «армянский вопрос» сформировался в XIX в., предпосылки его использования возникли еще в период становления Арабского халифата, когда омусульманивавшееся население Ближнего Востока, Средней Азии, Кавказа, Северной Африки, части Южной Европы вовлекалось в одно из составляющих джихада – «священную войну». Сутью тактики военной мобилизации было следующее.

«Безбожное» население каждого нового пункта на пути арабского войска стояло перед выбором: либо стать мусульманами и участвовать в джихаде, либо погибнуть в сражении и отправиться в ад. Исключение делалось лишь для христиан, пропагандировавших непротивление злу насилием. Им предлагалось уплатить налог (десятую часть дохода) за неучастие в джихаде (по современным понятиям – что-то вроде «альтернативной воинской службы»). Таким образом, на протяжении веков регулярно внося десятину, единобожники-немусульмане, т.е. христиане и иудеи, освобождались от исполнения мусульманских обязанностей, в том числе связанных с участием в государственных делах. Число таких жителей в городах мусульманского Востока составляло 3–11%.

Понятно, что христианская община в границах арабского халифата или хотя бы в его восточных пределах была разноэтнической, Она состояла из самых уважаемых и (или) самых презираемых представителей разных народов, например, греков, финикийцев, иранских, арабских, тюркских племен и даже кочевников-цыган. Уважаемых – из-за богатства. Презираемых – из-за образа жизни, который открывал им доступ к богатству уважаемых.

Первой известной науке попыткой объединения христиан мусульманских стран Ближнего Востока можно считать кратковременное (в историческом плане) существование (в период крестовых походов) армянской общины Киликии на юго-востоке Малой Азии. Община имела свою церковь, отличавшуюся от орденов крестоносцев. Собственно, она и была создана для объединения людей, которые не воспринимали культуру и традиции европейских этносов и в то же время конфессионально отличались от своих этнических собратьев-мусульман. Этнические особенности, в том числе разноэтничность, сыграли свою роль и в конфессиональной идентификации. На Вселенском соборе в городе Констанц армянское церковное учение было определено как монофизитская ересь.

После распада ближневосточных государств крестоносцев в результате нескольких волн нашествий среднеазиатских тюрков и после создания их последней волной Османской империи изменилось положение ее населения. Султан упразднил халифат в Багдаде и сам стал халифом, т.е. подчинил главенствующую конфессию государству. Налоги стали взиматься со всех подданных вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Но в армию брали только мусульман: служить в турецкой армии было и почетно, и прибыльно. Этим воспользовалась элита армянской церкви. Прежний налог за освобождение от армии теперь полностью шел в управляемую элитой конфессиональную казну – католикосат.

Эти средства, поступающие католикосу, действительно шли на нужды членов конфессии – на различные образовательные потребности, на взятки для получения тех или иных преференций, на приобретение крупных земельных участков. Например, в Азербайджане католикосат обзавелся несколькими меликствами – владениями, подвассальными шахиншаху Ирана и Карабахскому хану. Армянские общины всегда следовали законам государств, на территории которых они располагались, лишь в той мере, в какой это было надобно католикосату в соответствии с канонами армянской церкви.

Определяющим моментом в выпячивании «армянского вопроса» было ошибочное (как оказалось) решение турецкого султана о ликвидации католикосата в Стамбуле, принятое вслед за ликвидацией Российской империей одного из двух католикосатов на территории североазербайджанских ханств, перешедших во владение России после поражения Персии в русско-персидской войне. Мотив решения турецкого султана понятен – этим он хотел способствовать добровольному переселению армян из Малой Азии на территорию принадлежавшего теперь России Закавказья, прекрасно понимая, что если пограничные территории не будут заселены армянскими монофизитами, то будут заселены православными из российской глубинки. Хотя конфессионально армяне и отличались от мусульманского населения Турции, но этнически были гораздо более близки к нему, чем православные славяне.

Кроме обычных для армян в Персии или Турции привилегий в России добавилась еще одна – переселенцам выделяли землю бесплатно! По мере компактного заселения Закавказья участились матримониальные связи внутри армянской конфессии, т.е. постепенно шло формирование нового этноса. Окончание формирования этого этноса можно соотнести с последним (насильственным!) переселением тюркского и курдского населения Армянской ССР на территорию Азербайджанской ССР в конце 80-х гг. прошлого века. Это население не вошло в расширение нового (армянского) графа матримониальной связности. Безусловно, «карабахским конфликтом», являющимся продолжением вышеотмеченного насилия, воспользовались армянская и азербайджанская элиты (кстати, близкородственные в 3–4-ом поколениях) для захвата властных и экономических ресурсов в своих, теперь уже «независимых» государственных новообразованиях.

Однако, лишь определив системные параметры этноконфессионального конфликта, можно добиться его «разрешения мирным путем». Иначе долго и безрезультатно будет тянуться переговорный процесс между президентом полиэтнической и поликонфессиональной Азербайджанской Республики, которому по наследству перешло формальное лидерство в новоазербайджанской общности, и президентом Республики Армения, даже формально не олицетворяющим сегодня моноконфессиональный и моноэтнический армянский народ (формальным и фактическим лидером этноса является эчмиадзинский Католикос всех армян – лицо вне формата государственной власти).

И.Н. Тарасов
Потенциал этнической конфликтности
в регионе Центрально-Восточной Европы

Проблема полиэтничности в странах Центрально-Восточной Европы рассматривается нами в контексте континентальной безопасности и евро-атлантической интеграции. Под «Центрально-Восточной Европой» (ЦВЕ) понимается регион, включающий Польшу, Чехию, Словакию и Венгрию, т.н. Вышеградскую четверку. Актуализация проблем полиэтничности в регионе ЦВЕ обусловлена вступлением стран региона в НАТО и Европейский Союз, распространением на новых членов евро-атлантических структур коммунитарных норм в сфере соблюдения прав человека и национальных меньшинств.

Достаточно присмотреться к этнической карте ЦВЕ, чтобы увидеть особенности этнополитической ситуации в регионе. Польша и Венгрия – два из немногих государств в мире, в которых более 90% населения принадлежат к одной этнической группе. При этом самые многочисленные национальные меньшинства составляют не более 1,3 – 1,4%. Немцы – крупнейшее национальное меньшинство в Польше (501,8 тыс. чел.), венгры – в Словакии (573,2 тыс. чел.), цыгане – в Венгрии (142,6 тыс. чел.). Мороване и силезцы в Чехии являются «государствообразующими нациями», что подтверждает преамбула Конституции Чешской республики. Словаки – крупнейшее национальное меньшинство в Чехии (318,4 тыс. чел.).

Не трудно заметить, что в каждой из стран ЦВЕ проживают представители национального большинства соседних стран региона. Например, поляки, венгры и словаки в Чехии. Нельзя игнорировать тот факт, что значительная часть народов Центрально-Восточной Европы проживает вне своих национальных государств. Так, 33% венгров проживают за пределами Венгрии, 10 млн. поляков составляют Полонию – зарубежные польские диаспоры.

Положение национального меньшинства в странах региона зависит от различных факторов, среди которых особо выделяются:

- стабильность социально-экономического и политического развития страны;
- степень экономической и культурной интеграции меньшинства;
- территориальная дифференциация;
- культурно-исторические традиции межнациональных отношений.

При определении положения национальных меньшинств необходимо также учитывать этнолингвистическую близость меньшинства к «титальной» нации. Наиболее благоприятные условия развития имеют меньшинства, составляющие культурно-религиозное и (или) лингвис-

тическое единство или родство с нацией большинства. Уникальность венгерской ситуации заключается в том, что здесь нет этнолингвистической группы, близкой к нации большинства. Во многом именно этим можно объяснить относительное равенство в положении национальных меньшинств в стране. В польском, чешском и словацком обществах положение славянских и неславянских, христианских и нехристианских общин различно. В первую очередь, это отражается на положении немцев и цыган.

Можно выделить несколько потенциально конфликтогенных этнополитических проблем в странах региона:

- «цыганская проблема» характерна для Венгрии, Словакии и Чехии, а также для балканских стран и Румынии;
- проблемы польско-немецкого и чешско-немецкого диалога;
- проблема «Восточной стены» в Польше;
- венгерская проблема в Словакии.

Цыганская проблема – это один из серьезнейших и долговременных вызовов Евросоюзу, поскольку интеграция цыган продлится не менее одного поколения. Пять миллионов цыган являются самым многочисленным и самым бедным меньшинством в границах Евросоюза. Всемирный банк подготовил доклад, отражающий удручающее положение цыган в странах континента. Был подготовлен проект «Десять лет интеграции цыган». Наиболее существенными для цыган региона являются четыре основные проблемы: жилье, образование, занятость и участие в политической жизни. Уровень безработицы цыганского населения составляет 60–90%. Цыгане, как правило, заняты в качестве разнорабочих. Две трети цыганских семей живут на государственное пособие, а 20% цыган заняты в криминальном бизнесе. Возможности цыган высказываться на политическом уровне крайне узки. Ситуацию осложняет и тот факт, что точное число цыган, живущих в странах ЦВЕ, до сих пор неизвестно.

Наиболее тяжелое положение европейских цыган отмечено в Словакии и Чехии. Демонстрации и акции неповиновения цыган на востоке Словакии в 2004 г. потребовали чрезвычайного заседания правительства и срочного выезда премьер-министра в район событий. Для наведения порядка были стянуты значительные силы полиции и регулярные армейские части. Начались трагические события с того, что группа цыган разграбила местный супермаркет. Ситуация повторилась в десятках населенных пунктов. Столкновения с полицией приобрели массовый характер. Несколько человек были ранены. Представители «цыганского парламента» объясняли действия своих соплеменников желанием привлечь внимание чиновников к своим проблемам, кото-

рые долгие годы игнорировались словацким правительством. В местах их компактного проживания зафиксирована 90-процентная безработица, катастрофическая ситуация с медицинским обслуживанием и образованием. В Словакии и Чехии смертность цыган вдвое выше среднестатистической по стране. Словацкий премьер отказался признать, что цыганский бунт является следствием социально-экономических проблем. Микулаш Дзуринда назвал его делом криминальных элементов.

Примером реанимации средневековой политики сегрегации цыган служит возведение в чешском городе Усти-над-Лабем стены высотой в четыре метра, с тем, чтобы отделить цыган от нецыганского населения. Лишь под давлением гражданского общества и международного воздействия местные власти отказались от реализации данного проекта.

Все же положение цыган нельзя считать абсолютно неудовлетворительным. Осуществлялись инициативы с целью значительно улучшить положение этого меньшинства. В Венгрии Совет по делам радио- и телевидения выдал лицензию первой независимой радиостанции в Центральной Европе, которой владеют цыгане. В Словакии осуществлялись инициативы, позволившие представителям цыганского и нецыганского населения совместными усилиями осуществлять строительство жилищ, благодаря чему удалось развеять негативные стереотипные представления о том, что цыгане являются пассивными получателями социальных благ. Кроме того, во многих обществах сами цыгане создали несколько политических партий и движений и учредили несколько десятков гражданских ассоциаций. Все же большинство программ по интеграции цыган обречено на провал, поскольку они были разработаны без участия этой этнической группы.

Другой острой проблемой региона выступает проблема венгерского национального меньшинства в Словакии. Венгерское меньшинство консолидировано вокруг умеренно-националистической Партии венгерской коалиции (SMK), которая подтвердила свою приверженность демократическим принципам в годы мечьяризма. Осложняется эта проблема наличием внешнего фактора – активной позицией правительства Венгрии и особенностями расстановки сил на словацкой политической сцене. Демократические партии в Словакии без поддержки венгерского населения могут потерпеть поражение на очередных выборах, а SMK ничем не рискует, имея за спиной поддержку Будапешта. Это часто служит основанием для необоснованных требований венгерской партии.

Проблемы национальных меньшинств польской «восточной стены» (трех самых бедных воеводств, расположенных на востоке страны) имеют конфликтогенность, но лишь в случае крайнего обострения эко-

номического кризиса в стране или внешней агрессии. Однако ни сейчас, ни в обозримой перспективе не просматривается такая возможность.

Проблемы немецкого меньшинства в Польше и Чехии, напротив, не имеют сколько-нибудь значительной перспективы стать основой конфликта. Персонификация права национального меньшинства позволила перевести эти проблемы в юридическую плоскость, решение которых оказывается возможным в рамках демократических процедур.

Проблемы полиэтничности в странах ЦВЕ не могут иметь единого рецепта их разрешения, однако основополагающим принципом их решения является политика интеграции, базирующаяся на защите и поощрении прав меньшинств. Важную роль в деле интеграции меньшинств и борьбы с ксенофобией призваны сыграть средства массовой информации и система образования, равно как и политические представители, руководители общин. На государственном уровне правительства стран ЦВЕ способны обеспечить:

- законодательные меры, направленные на преследование расовой и национальной нетерпимости;
- этнический мониторинг для контроля за положением меньшинств;
- деятельность консультативных и правозащитных органов, занимающихся проблемой этнического и расового равенства. Меньшинства в свою очередь должны приложить усилия для институционализации своего представительства.

С позиции континентальной безопасности проблема полиэтничности в регионе не представляет непосредственной угрозы, однако их игнорирование или неэффективное решение может привести к дестабилизации общественно-политической обстановки в новых странах-членах НАТО и ЕС, что, в свою очередь, негативно отразится на общеевропейских процессах международного сотрудничества и континентальной интеграции.

Литература

1. Die Europäische Union und die Welt. Bruxelles, 2001.
2. Jesenszky G. On National Minorities and European Security // Current Policy. 1991. №37.
3. Sejmowa K. Wydanie specjalne. W-wa., 1997.
4. Sbirka zakonu Ceske Republiky. Praha, 1993.
5. The Impact of Decentralization on Social Policy / ed. by K. Tausz. Budapest, 2002.
6. Оффе К. Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе // Полис. 1996. №2.
7. Хесли В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий // Полис. 1996. №6.

8. Шаповалов А., Шевель В. Табор уходит в никуда. Евросоюз столкнулся с цыганской проблемой // Российская газета, 3 марта 2004 г.
9. Ягелло М. Национальные меньшинства в Польше // Новая Польша. 2001. №1.
10. Ян Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? // Полис. 1996. №1.

Е.В. Уфимская

Исторический спор между католиками и протестантами в аденауэровской Германии

В рамках разговора о конфессиональных противоречиях автоматически возникают ассоциации с религиозными конфликтами XX в., где главными действующими лицами являются представители мировых религий. Это тревожащая данность современности, однако конфессиональные расхождения имели и имеют место на разных пространствах – географических, исторических, политических.

В границах данной статьи предпринимается попытка взглянуть на обозначенную проблему глазами немцев. По словам самих немцев, после объединения Германии появилось некое новое отношение к религии. С одной стороны, среди молодого поколения нередко можно встретить просвещённых атеистов, а с другой – разлом между католиками и протестантами в сегодняшней Германии практически неощутим, особенно если сравнивать сегодняшние дни с ситуацией после окончания Первой и Второй мировых войн.

Пример Германии может стать интересной иллюстрацией того, как в густонаселённой европейской стране, пережившей эволюцию от феодальной раздробленности до трагического торжества гитлеровского национализма, его поражения и восстановления страны на демократических принципах, был преодолен религиозный раскол между католиками и протестантами. Таким образом, временные рамки данной статьи очерчены XX в., основное же внимание уделено периоду после 1945 г.

При упоминании имени Конрада Аденауэра невольно возникает образ благородного старца с уверенной походкой, прямым и пронизательным взглядом, излучающим самодостаточность и уверенность. Политиков, чьё влияние внутри страны и за её пределами было столь безоговорочным и основательным, было немного. Эта особая политическая порода была присуща выходцам Веймарской эпохи, уцелевшим в своём бескомпромиссном неприятии «третьего рейха». Это лишь немногие штрихи к портрету признанного католика по вере и по поступкам К. Аденауэра.

В 1922 г. после продолжительных дискуссий честь стать президентом Дня католиков в Мюнхене была оказана обер-бургомистру Кёльна и президенту прусского государственного совета – Конраду Аденауэру. Его слава успешного реформатора управленческих структур облетела всю Германию. Кроме того, баварские католики усматривали в такой перспективе возможность подчеркнуть собственную привязку к рейнскому католицизму.

Действующий тогда епископ. кардинал Михаэль фон Фаульхабер во вступительной перед службой речи 27 августа 1922 г. на Королевской площади открыто и непривычно резко нападал на виновников поражения революции 1918 г. в Германии.

Аденауэр использовал свою речь четырьмя днями позже для того, чтобы от имени всего немецкого католицизма совершенно чётко дистанцироваться от осуждения Республики. Аденауэр обходился вежливыми формами для выражения собственного возмущения. Обер-бургомистр донёс до слушателей, что кардинал в своей речи выступал не от имени всех немецких католиков.

С этого момента случилось то, что позже вошло в историю, как крупный скандал в католической среде. Размолвка получила своё продолжение в длительных и отчасти ожесточённых спорах между церковными мужами и политиками. Речь даже шла о разграничении полномочий между профессурой и политиками, богословами и мирянами, теорией и практикой.

Видение христианской партии: теория

Благодаря этому нашумевшему спору между двумя апологетами немецкого католицизма не могла остаться незамеченной ещё одна ничуть не менее важная инициатива Аденауэра, проявленная им на мюнхенском Дне католиков. Речь идёт о его нацеленном продвижении в направлении политического сотрудничества католиков и протестантов в рамках «большой христианской партии». В выступлении 28 августа 1922 г. это прозвучало так: «В Германии сегодня треть католиков и две трети не католиков. В борьбе за действенность христианских принципов в общественных делах мы должны искать среди не католиков союзников. Враждебность же тех, кто всё же не станет нашими союзниками, мы должны по возможности ослабить. Возможно, раньше мы слишком сильно сторонились не католиков, вследствие чего не поддерживали и не разделяли общехристианских идеалов, которые высоко почитаются и среди протестантов тоже. Настолько, насколько это возможно, мы должны общими стараниями, как единомышленники, идти с протестантами рука об руку и находить то, что бы нас обоюдно объединяло и поддерживало».

В дальнейших своих положениях эта речь стала программным наброском для «единой христианской партии», которая возникла четверть столетия спустя. За признанием взаимодействия и сотрудничества всех христиан в практической политике последовал и призыв выстроить и усилить международные связи, с тем чтобы «католики различных стран могли объединиться и сотрудничать друг с другом. Никто, кому дорого благосостояние человечества, не сможет уличить нас в нехватке любви к Отечеству».

Ещё в 1922 г. Аденауэр разглядел необходимость политической кооперации христиан. По его мнению, прежде всего, в крупных городах, в которых проживала почти половина населения, с невероятной скоростью вращивались душевные социальные болезни. В связи с этим, одну из важнейших задач политики он обозначал как «возвращение нашим крупным городам свойственного им человеческого облика» [2].

Однако только в конце Второй мировой войны Аденауэр видит знак к переменам: «распространяется убежденность в том, что только одна большая партия, фундаментом для которой в христианско-европейском мировоззрении служат основные принципы христианской этики, способна воплотить необходимые воспитательные задачи для немецкого народа, положить начало восстановления страны и выстроить прочную преграду коммунистической, атеистической диктатуре. Только одна партия, которая охватывала бы все слои населения, смогла бы придать новую форму поверженной и разрушенной Германии. В неё должны входить работодатели и работники, крестьяне и средний класс, служащие и интеллектуальная элита, выходцы с Севера и Юга, высланные из страны и беженцы. Этические основы, которые ХДС сделал своими принципами, могли бы быть настолько сильными и гибкими, насколько необходимо для того, чтобы преодолеть и уравновесить естественное напряжение внутри единой партии. Требуется немало мужества для того, чтобы поднять дух ранее возникших партий, однако ещё больше мужества необходимо, чтобы основать совсем новую партию». Эти слова были сказаны с учётом Центра и ХДС. А тот, кто имеет столь чёткий диагноз и уверен в собственной терапии, не может медлить с действиями.

Аденауэр, не произнося ни слова жалоб на перенесённые несправедливости со стороны оккупантов, явился на заседание регионального отделения ХДС и представил к дискуссии проект программы партии. Уже 22 января 1946 г. он был избран председателем британской оккупационной зоны, а через пять недель его программа была принята.

Единая христианская партия: практика

Говоря о ХДС, стоит, однако, отметить, что создание этой партии не сразу решило благородный замысел Аденауэра о погашении конфессиональных расхождений в послевоенной Германии.

Постепенно, с 1949 г., соотношение конфессиональных сил сместилось: протестанты в ФРГ, в отличие от Германской империи, Веймарской республики и периода нацистской диктатуры, перестали быть отчётливым большинством. В начале 1950-х гг. в Западной Германии проживало 26,2 млн. протестантов и 22,5 млн. католиков. Большая часть протестантских общин пришлась на территорию ГДР. Кроме того, поток беженцев сместил показатели сил конфессий в пользу католиков на Западе. В ГДР это не играло никакой роли, так как обе церкви находились под сильным давлением. По этой причине они не сближались, но и конфессиональных споров тоже избегали. Поэтому католики в Восточной Германии составляли лишь 11% населения.

В результате этой фрустрации протестантов ничего не изменилось и при образовании Христианского Союза, в котором впервые представители обеих конфессий попробовали объединиться в политический союз. Причиной этому было также и то, что в ХДС/ХСС с самого начала было больше католиков. Католическая церковь усматривала в новой христианской партийной единице шанс суметь реализовать собственные представления о христианско-католической реставрированной Европе (вплоть до уравнивания церковного венчания с гражданской регистрацией брака).

В действительности Христианский Демократический Союз, а ещё больше Христианский Социальный Союз, сформировавшийся в Баварии, на своей начальной стадии были католически доминирующей партией.

Проповедовавшие от церковных кафедр священники открыто заявляли, что выбирать либералов или вообще социал-демократов, есть грех. А верховные пастыри в пастырских посланиях перед выборами снова и снова обязывали своих прихожан голосовать только за Христианский союз. Церковная администрация имела всё ещё достаточно авторитета, чтобы верующие почти безоговорочно за нею следовали.

Напротив, в лютеранской церкви с самого начала наблюдалась устойчивая, прежде всего, общегерманская направленность против политики выходца с берегов Рейна. Аденауэра. С целью усиления веса протестантов в партии, в марте 1952 г. в рамках ХДС формируется лютеранское рабочее объединение. Это объединение под руководством президента Бундестага Херманна Элерса должно было фактом своего существования опровергнуть упрёк в том, что ХДС является чисто католическим по своей сути, а также снять конфессиональное напряже-

ние в партии. Одновременно с этим Элерс, как и церковный историк Мартин Грешат, «взывали своих верующих к протестантскому самосознанию, которое не должно быть поколеблено ни притязаниями на власть, ни превышением властных полномочий другой стороной» [4].

Дополнительное усиление конфессионального напряжения в ХДС исходило ещё и снаружи, на чём особенно нагнали руки либералы. Христианский демократ Хайнрих Кроне записал в 1961 г. следующее: «Свободная демократическая партия натравливает христиан друг против друга. Протестанты выступают против католиков и упрекают их в том, что они проводят католическую политику и хотят ввести в Германии католическую диктатуру».

Ещё более тяжёлым бременем ложились на общественный климат 1950-х гг. теологические различия обеих церквей.

Для нахождения общего языка был очень удобным период сразу после 1945 г., когда обе церкви ещё в период преследования нацистами значительно сблизились друг с другом. Однако в 1948 г. Ватикан запретил религиозные беседы с лютеранами. Тем более не шла речь и о совместных богослужениях.

Спустя пять лет перед епископской конференцией в Фульде кёльнский кардинал Йозеф Фрингс в очередной раз подтвердил существование пропасти между конфессиями: межконфессиональные мероприятия, равно как и использование обеими церквями помещений для богослужений, должны встречать противодействие.

Впервые католический фронт стал ослабевать только в конце 1950-х гг. В 1957 г. архиепископ Лоренц Егер учредил в Падерборне Йохан-Адам-Мёллер-Институт, который был призван заниматься вопросами экуменизма. В 1958 г. Католическая Академия в Мюнхене организовала заседание по теме «Христианство и демократический социализм», когда впервые публично дискутировали католические богословы и социал-демократы.

Однако прошло ещё более двадцати лет, прежде чем конфессиональные вопросы были политически урегулированы.

Итак, отвечая на вопрос, какова роль Аденауэра в корректном урегулировании столь тонкого вопроса, как конфессиональные споры, нельзя сказать однозначно, что было сделано удачно и эффективно, или напротив, безуспешно. Однако фактом остаётся то, что сегодня союз ХДС/ХСС в Германии не просто достойная оппозиция социал-демократам, но и ведущая партия, по крайней мере, на период канцлерства Ангелы Меркель. Католики и протестанты сегодня партнёры, и очевидно, именно это хотел видеть Аденауэр, основывая единую христианскую партию.

Литература

1. Vgl. Roegele O.B. Adenauer und das Christentum // Die politische Meinung. Nr. 373. Dezember, 2000. S. 80.
2. Adenauer K. Erinnerungen 1945–1953. Stuttgart, 1965.
3. Vgl. Roegele O.B. Adenauer... S. 81.
4. Schwarz U. Der unchristliche Streit der Christen // Spiegel spezial. Nr.1 2006. S. 72–73.

К.В. Фадеев

Политика в меняющемся мире и «международный терроризм»

*Признай свое поражение: ведь тебе же
не взорвать в одиночку остров Манхэттен.*

К. ди Друммонд, бразильский поэт

Отметим, что термин «терроризм» происходит от латинского «terror» – ужас. Под терроризмом, как правило, понимается способ решения политических проблем методом насилия. Мировой опыт свидетельствует, что террористическая деятельность присуща крайним ультраоппозиционным политическим группам.

Терроризм абсолютно рационален. Террористы не какие-то фанатики, это люди, очень твердо стоящие на земле. Терроризм – это средство политической борьбы, и не более того, но при этом очень эффективное средство в определенных обстоятельствах.

Что можно добавить, если мы говорим о терроризме XXI в., с которым сталкиваемся здесь и сейчас? Мне кажется, что здесь важны три характеристики. Первая: терроризм сегодня действует в глобализирующемся мире, и этим он принципиально отличается от исторически известных видов терроризма, которые развиваются на национальной основе. Вторая: он использует современные технологии и тянется к средствам массового уничтожения. И третья характеристика: терроризм своей целью ставит коррекцию распределения власти в глобальном масштабе в отличие от того, что он делал исторически.

Новое перераспределение власти может быть самое разное. И в рамках идеи всемирного халифата, и в образе влиятельной силы в том или ином контексте, в том или ином регионе мира. Все зависит от того, кто поддерживает терроризм.

Природа терроризма рассматривается исходя из боевых, криминальных и социально-политических проявлений. В соответствии с первой позицией терроризм – это вид вооруженных действий («вооруженный конфликт низкой интенсивности»). Вторая точка зрения рассматривает терроризм как вид уголовной преступности. Третья позиция:

терроризм – это вид политической борьбы, формирующийся на основе социально-политического протеста.

Существенным недостатком правового определения терроризма является то, что оно не принимает во внимание общественную и политическую природу определяемого феномена. Насилие, лежащее в основе любого террористического акта, является результатом взаимодействия сложных социальных факторов, которые выходят за пределы узких правовых определений и ограничений во внешней политике. Политическое насилие часто проявляется во время борьбы за власть, и это подразумевает, что некто или какая-то группа должны иметь власть для определения своих противников как террористов. Группы могут быть заклеены как террористические тогда, когда их оппоненты имеют власть, чтобы сделать ярлык легитимным. Как, например, поступили официальные власти Китая, изменив точку зрения на проблему уйгурского сепаратизма, когда представители последнего были объявлены частью международного терроризма.

Террористическая деятельность может осуществляться террористами-одиночками, группами и организациями. Кроме того, в мировой практике имеются примеры государственной поддержки террористических организаций и их деятельности. Крайним проявлением террористической практики является террористический акт, который выполняет функции устрашения определенной категории лиц или пропаганды идей террористов.

Следовательно, под террором понимается любое предумышленное мотивированное политическими соображениями незаконное использование силы или насилие против лиц или собственности, как правило, с применением оружия с целью запугивания или принуждения правительства, гражданского населения для достижения политических или социальных целей. Так звучит одно из последних по времени определений терроризма. В целом терроризм подразумевает способ решения политических проблем путем насилия с целью приобретения либо сохранения власти.

Есть мнение, что наряду с партиями и группами интересов теперь можно выделить новые субъекты политики – террористические организации. Разумеется, террористическую деятельность можно рассматривать как вид политической борьбы, но терроризм распространился по всему миру, так что можно уже говорить о появлении политических организаций нового типа. Если раньше террористические организации финансировались теми или иными странами (внутри государства – партиями) и защищали их интересы, то теперь они часто действуют самостоятельно, ставя под сомнение авторитет государств во внутренней и внешней политике. Это стало возможным по многим причинам, среди которых есть три главные: развитие средств массовой информа-

ции, которые информируют общественность о любом теракте; усиление международной преступности, во многом по своей организационной структуре схожей с террористическими организациями; развитие науки и техники, породившее новые мобильные образцы оружия. Террористические организации действуют как в странах с низкой политической культурой, так и в странах с давними парламентскими традициями, поэтому наш век можно назвать «веком терроризма».

Сегодня политический терроризм все больше сливается с уголовной преступностью. Их можно порой различить лишь по целям и мотивам, а методы и формы идентичны. Они взаимодействуют и оказывают поддержку друг другу. Нередко преступления уголовного характера маскируются политическими целями, а их участники, выдавая себя за террористов, требуют отношения к себе после ареста как к политическим заключенным. В Латинской Америке, например, ряд террористических организаций (перуанских, колумбийских) переплетается с наркомафией. Нередко террористические организации политического толка для получения финансовых и материальных ресурсов используют чисто уголовные методы, прибегая к контрабанде, незаконной торговле оружием, наркотиками. В Сомали терроризм тесно переплетается с морским пиратством. Террористические группы на Корсике действуют в тесном контакте с сицилийской мафией. Нередко трудно понять, какой характер – политический или уголовный – носит ряд криминальных акций, таких, как убийство ряда крупных деятелей бизнеса, СМИ, захват заложников, угон самолетов и т.п.

В рамках этой войны полностью исчезли все существовавшие ранее классические правила ведения военных действий. Сегодня практически любой мегаполис любой державы можно расценивать как прифронтовой город. И, к сожалению, на переднем крае этой войны стоят простые, часто беззащитные люди, вина которых заключается только в том, что они оказались в ненужном месте в ненужное время. И как одно из неперемennых условий выступает то, что против этих людей действуют в основном профессионалы.

Современные боевики исходят из того, что рассматривают каждого отдельного человека и все общество в целом как материал, сырье, посредством которого можно формировать свою собственную политику. Заложник – это не личность, а элемент игры, механизма. Столь бесчеловечный подход требует адекватного противодействия.

Терроризм – удобный инструмент борьбы с прогрессивными и оппозиционными силами, а также неудобными политическими режимами. Поэтому его практикуют и используют или занимают по отношению к нему двойной стандарт, одной рукой борясь, другой – поддерживая.

Наибольшие выгоды из игры в международный терроризм извлекают США. Их все возрастающему давлению подвергаются Россия, Китай, Иран, арабский мир. Прикрытием этого давления служит идеология терроризма. США, НАТО фактически развязали «Четвертую мировую войну»: ведь насильственное установление мирового порядка является, по сути, войной. Но американско-натовские апологеты войны пытаются подменить ее истинное понятие, называя «Четвертую мировую войну» «борьбой с современным международным терроризмом».

В современном мире наиболее ценным товаром становится информация. Для большинства людей терроризм, как и политическая борьба и многие другие процессы всего лишь виртуальная реальность. Задача ее «конструкторов» – преподнести ее в наиболее выгодном для себя освещении. Опасность заключается в том, что терроризм из информационного повода превратился в товар, а борьба с ним стала бизнесом, ограничить который, сделать его не доходным, уничтожить, можно лишь понимая, что на товарном «рынке терроризма» действуют классические для всех товарных рынков законы. Наиболее известный из них – закон спроса и предложения.

Таким образом, многие моралисты, рассуждавшие в прошлом о политике, пытались развести как можно дальше политику и мораль. Считалось, что там, где политика, там нет друзей, а есть только интересы. И они были правы, утверждая, что «политика – это грязное дело». Пример тому – «международный терроризм».

Литература

1. Савкович Е.В. Уйгурская проблема в рамках ШОС (Казахстан и Китай, 1990-е – 2000-х гг.) // Дневник Алтайской школы политических исследований. №21. Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения). Барнаул, 2005. С. 148–156.
2. Федеральный закон Российской Федерации о борьбе с терроризмом. Принят Государственной Думой 3 июля 1998 г. // Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. Минск, 2000. С. 11–12.
3. См.: Бальский Р. Траект как товар // [http:// www.oilpress.ru](http://www.oilpress.ru).

С.Ю. Фёдоров

Международные организации и урегулирование межэтнических конфликтов: боснийский вариант

Распад единого югославского государства в начале 1990-х гг. породил целую цепочку межнациональных вооруженных конфликтов, получивших общее название «югославский кризис». Они потрясли современную систему международных отношений и стали серьезней-

шим испытанием для механизмов и процедуры многостороннего урегулирования международных конфликтов.

Особое место занимает межэтнический конфликт в Боснии и Герцеговине, самый сложный по составу участников и территориальной структуре. Среди всех бывших югославских республик национальный состав Боснии был самым неоднородным. По данным переписи 1991 г., в республике проживало 1,9 млн. боснийских мусульман (43,7%), 1,4 млн. сербов (31,4%) и 756 тыс. хорватов (17,3%). В условиях распада югославской федерации каждая национальная община республики предлагала собственное решение вопроса о будущем Боснии и ее государственном устройстве. Эти противоречия стали основой для начавшихся в апреле 1992 г. столкновений между сербами, с одной стороны, и боснийскими мусульманами и хорватами, с другой.

Сложная структура боснийского конфликта обусловила уникальный характер процесса его урегулирования. Впервые мировое сообщество в своих усилиях по разрешению межэтнического (и одновременно межконфессионального) конфликта столкнулось с такой ожесточенностью и непримиримостью сторон, чересполосицей и отсутствием единой «линии фронта». В его разрешении были задействованы практически все международные институты, ответственные за обеспечение безопасности на европейском континенте: ООН, СБСЕ, ЕС, ЗЕС, НАТО. В отличие от сербо-хорватского конфликта 1991 г., в Боснии не сработали механизмы традиционного миротворчества. Процесс восстановления мира в Боснии и Герцеговине, затянувшийся на несколько лет, сопровождался становлением новых концепций миротворчества и появлением в арсенале международного сообщества новых инструментов поддержания мира. Впервые в межэтнических конфликтах здесь была реализована схема принудительного урегулирования.

Главная роль в попытках урегулирования боснийского конфликта принадлежала Организации Объединенных Наций. Среди первых, «мягких» действий ООН были призыв ко всем сторонам конфликта прекратить вооруженные действия, отправка в зону конфликта специальных представителей Генерального Секретаря ООН. Однако по мере того, как принимаемые организацией посреднические усилия не приносили успеха, а в докладах спецпредставителей констатировалась невозможность быстрого и безболезненного урегулирования ситуации, были использованы другие, более «жесткие» средства из арсенала ООН. Последовало объявление эмбарго на поставки в район конфликта любых видов вооружений и военного снаряжения, а затем были введены всеобъемлющие экономические и дипломатические санкции против Союзной Республики Югославии (Сербии и Черногории). Вслед за этим последовало расширение мандата

миротворцев из состава Сил ООН по охране (СООНО), учрежденных для урегулирования ситуации в Хорватии. Летом 1992 г. Совет Безопасности ООН увеличил численность миротворческого контингента СООНО и расширил зону ответственности миротворцев на территорию Боснии и Герцеговины, расширил их функции. В частности, Силам ООН по охране предписывалось создать зону безопасности вокруг Сараево и его аэропорта, обеспечивать беспрепятственное поступление и сопровождение гуманитарных грузов в боснийскую столицу.

Однако, когда в середине 1992 г. боснийский конфликт перешел в стадию вооруженного конфликта высокой интенсивности, традиционные миротворческие механизмы оказались неэффективными. Многонациональные Силы ООН по охране обеспечивали защиту мирного населения на подконтрольных им территориях и доставку гуманитарной помощи, однако они не смогли достичь прекращения крупномасштабных военных столкновений между сербскими, хорватскими и мусульманскими вооруженными формированиями, оказались не способны к выполнению задач по силовому установлению мира в Боснии и Герцеговине. Более того, возникла необходимость защиты самих миротворцев из состава СООНО.

Неспособность «голубых касок» ООН принести мир на землю Боснии обусловила обращение в середине 1992 г. Генерального Секретаря ООН Б. Бутроса Гали к военным структурам НАТО с просьбой об оказании помощи Силам ООН по охране. Тем самым, Североатлантическому союзу была передана роль инструмента принуждения в руках Совета Безопасности ООН. Именно тогда были заложены основы формирования современной принудительной модели миротворчества, реализованной в политике НАТО.

Вовлечение НАТО в урегулирование боснийского кризиса шло поэтапно. В 1992–1993 гг. военно-морские и военно-воздушные силы НАТО были привлечены к операциям по принудительному выполнению резолюций Совета Безопасности ООН, предусматривавших морскую блокаду югославского побережья и закрытие воздушного пространства над Боснией. С середины 1993 г. спектр задач, к выполнению которых Совет Безопасности ООН привлекал силы НАТО, был расширен, акцент был смещен в сторону принудительных действий. В качестве основного инструмента руководство альянса избрало политику ультимативного давления на сербскую сторону конфликта, что повлекло за собой нанесение авиационных ударов по сербским позициям, которые в течение 1994 г. носили эпизодический характер. Однако уже весной 1995 г. произошла эскалация военных приготовлений Североатлантического альянса, по инициативе и под контролем НАТО были созданы и развернуты силы быстрого реагирования, что фактически оз-

начало замену миротворческих сил ООН многонациональным контингентом альянса. Авиационные удары по позициям боснийских сербов с этого времени приобрели регулярный и карательный характер.

Вершиной силовой политики НАТО стало фактическое принуждение сторон конфликта к одобрению и подписанию 14 декабря 1995 г. Мирного соглашения по Боснии. В соответствии с этим документом, создавались многонациональные Силы по выполнению соглашения (ИФОР), которые возглавил Североатлантический союз. Впервые в своей истории НАТО развернула сухопутную военную операцию за пределами зоны своей ответственности. Миротворческая операция многонациональных Сил по выполнению Соглашения (с декабря 1996 г. – Сил по стабилизации – СФОР во многом унаследовала черты операций ООН по поддержанию мира, но имела и целый ряд отличительных моментов. В частности, миротворцам НАТО были предоставлены гораздо более широкие права и полномочия по выполнению целей и задач мандата.

Деятельность СФОР продолжается до сегодняшнего дня, однако с течением времени происходит сокращение численности миротворцев НАТО и постепенная передача их обязанностей и полномочий гражданским органам власти Боснии и международным органам гражданского характера.

Действия НАТО по урегулированию конфликта в Боснии в целом достигли поставленных задач. На начальном этапе привлечение сил НАТО было необходимым и фактически единственным способом продолжить миротворческую миссию ООН в Боснии. Благодаря опыту, развитой военной инфраструктуре Североатлантического альянса и наличию у его руководства политической воли для применения силовых средств, действия сил НАТО оказались более эффективными, чем аналогичные усилия других международных организаций. В то же время, на заключительном этапе боснийского конфликта политика НАТО была скорректирована в сторону усиления силовой составляющей.

Боснийский вариант урегулирования межэтнических конфликтов, несмотря на всю неоднозначность его реализации в конкретных условиях и применение «двойных стандартов», продемонстрировал свою эффективность. Подобный же вариант силового разрешения конфликта с привлечением сил НАТО в более жестких формах был реализован в ходе косовского кризиса 1998–1999 гг.

На сегодняшний день боснийский вариант не потерял актуальность. В штаб-квартиру НАТО уже поступают обращения о поддержке со стороны альянса миротворческих сил ООН в зоне межэтнического конфликта в западной суданской провинции Дарфур. И хотя пока речь идет лишь о помощи в области транспорта, логистики и обучения, не исключено, что в дальнейшем участие НАТО в урегулировании этого конфликта будет более активным.

Литература

1. Волков В.К. «Новый мировой порядок» и Балканский кризис 90-х годов // Новая и новейшая история. 2002. №2. С. 11–50.
2. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001.
3. Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А. Балканы сегодня и завтра: Военно-политические аспекты миротворчества. М., 2001.
4. Никитин А.И. Миротворческие операции: концепции и практика. М., 2000.
5. Weiss T.D., Forsythe D.P., Coate R.A. The United Nations and Changing World Politics. Westview Press, 1994.

В.Р. Филиппов

«Этноконфессиональные конфликты»: ущербность концепции

Концепция «этноконфессиональных конфликтов» – тщедушное дитя примордиализма в этнологии и социал-дарвинизма в социологии. Интерпретация социальных конфликтов в качестве «этноконфессиональных» методологически возможна при условии онтологизации «нации» или «этнуса» (И. Сталин, С. Широкогоров, Ю. Бромлей, Л. Гумилев и др.), с одной стороны, и понимания социального конфликта как проявления естественного отбора, борьбы за выживание, характерных для биологических форм жизнедеятельности организмов (Г. Спенсер, В. Самнер, Л. Гумплович и др.), с другой стороны.

Вместе с тем, как этническая, так и конфессиональная общности с трудом поддаются категоризации в теории и эмпирическому вычленению в социальной практике. Если конфессиональная идентичность еще позволяет говорить о более или менее устойчивой группе лиц, идентифицирующих себя с теми или иными догматами веры, то есть с той или иной религией, то «этническая» общность принципиально не может быть описана даже как совокупность лиц, обладающих той или иной «этнической» идентичностью. Принципиальная невозможность пусть даже интеллектуального конструирования такой общности проистекает из невозможности определить понятия «этнос» (или «этническая общность») ни на уровне научной рефлексии, ни, тем более, на уровне обыденного сознания. Ни в отечественной этнографии (этнологии), ни в западной социальной антропологии или этнологии не существует логически корректного определения данного понятия. Нет понятия – нет явления. Соответственно, невозможно вычленить группу лиц на основе их самоидентификации с какой-то общностью, которую они сами не могут определить, и даже мифологизированные представления о которой не совпадают у индивидов, якобы ее составляющих. Так же, как невозможно диагности-

ровать принадлежность индивида к какой-то группе, не имея критериального признака такой группы.

Концепция «этноконфессиональных конфликтов» методологически ущербна даже в том случае, если совершить невозможное и признать существование устойчивых социальных образований, именуемых «этническими» и обладающих какими-то имманентными для них (и только для них!) характеристиками. Даже встав на позиции примордиализма, мы вынуждены будем признать, что статистические совокупности индивидов, составляющих «этнические» и «конфессиональные» общности, нигде и никогда не совпадают. Совершенно очевидно, что среди лиц, обладающих той или иной «этнической» идентичностью, будут как прозелиты самых разных конфессий, так и атеисты. Так же, как среди лиц, отождествляющих себя с той или иной конфессией или церковью, всегда будут представлены носители самых разных «этнических» идентичностей. Соответственно ни конфликт между «этносами» не может быть интерпретирован как «конфессиональный», ни конфликт между адептами различных религий не может быть понят как «этнический». Логическая несостоятельность таких интерпретаций очевидна.

Концепция «этноконфессиональных конфликтов» была сконструирована и мобилизована в политической практике для достижения определенных корпоративных целей представителями политических элит, избравших «этническую» модель легитимации власти. Политические, социальные, экономические конфликты интерпретируются в качестве «этноконфессиональных» с целью политической мобилизации в ходе электорального процесса (на стадии латентной напряженности) или для формирования вооруженной клиентелы (на стадии открытого, связанного с насилием противостояния). В конечном счете, концепция «этноконфессиональных конфликтов» призвана закамуфлировать социальные конфликты, суть которых состоит в переделе властных и экономических ресурсов между элитами и контрэлитами.

Обсуждение в Интернете

Тема: Методологически ущербное возражение (// 2006–04–04)

Сообщение: Уважаемый Василий Рудольфович! Надеюсь, Вы согласитесь, что ничего абсолютно «чистого» в природе и обществе, как правило, не бывает. Нет в природе, например, в чистом виде «молока» и «этнической регионалистики», но тем не менее секторы с такими названиями живут и процветают: –).

Те же самые аргументы, что были приведены Вами, можно привести, например, и против термина «социально-экономическое развитие».

Потому что «социальное» и «экономическое» тоже далеко НЕ СОВПАДАЮТ.

Кстати, а почему Вы решили, что в концепции «этноконфессиональных конфликтов» этническое и конфессиональное обязательно должны полностью совпадать? Кто это утверждает? Мы – совсем нет.

Мы лишь констатируем тот факт, что в социальных конфликтах этническое часто сочетается с конфессиональным. Прослеживаются устойчивые связи, корреляции. Разумеется, с размытыми границами, но это в социальных явлениях обычное дело.

Закрывать глаза на это явление – значит, отказываться от изучения объективно существующего ЯВЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ. Зачем? Только потому, что под него пока нет четкого теоретического определения? «Нет понятия – нет явления»?

Нет, я считаю, что явление все-таки есть. Разумеется, не надо его схематизировать, упрощать, и не надо на нем спекулировать (против чего, мне кажется, и направлен был Ваш пафос).

Но мне кажется, что в этом вопросе лучше все-таки идти не от теории, а от практики.

С наилучшими пожеланиями

Ю.Г. Чернышов

В.А. Шагалов
Этноконфессиональные аспекты
балканского кризиса в конце XX – начале XXI вв.
и новые грани миротворчества

21 мая 2006 г. в Черногории состоялся референдум о независимости этой последней из республик бывшей югославской федерации, которая решила законодательно оформить свой выход из союза с Сербией и обрести все необходимые атрибуты самостоятельного государства. По предварительным подсчетам, около 55% избирателей высказались за этот выход. Таким образом, вскоре может быть поставлена точка в распаде бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Одной из основных причин этого распада многие отечественные и зарубежные исследователи считают конфликт между представителями различных национальностей и религиозных конфессий. Как отмечает И.И. Лещиловская, «югославянские народы с раннего средневековья жили на стыке трех глобальных религий и цивилизаций. После турецкого завоевания Балканского полуострова хорваты стали юго-восточным форпостом католицизма в Европе; сербы составили юго-западный бастион православного мира; мусульмане славянского происхождения оказались на северо-западной границе устойчивого ислам-

ского проникновения в Европу. Религиозная принадлежность народов отражалась на всем облике их общества, культуре с их ценностными ориентирами, внутренней структуре, бытовых особенностях и внешних связях. Три разных мира несколько веков существуют и развиваются в непосредственном контакте и тесном взаимодействии. Балканы как мост между Западом и Востоком, один из перекрестков мировых цивилизаций, являются регионом геополитического разлома. Происходившие здесь события, явления и действия различных лиц то разъединяли между собой, то сплачивали населявшие его народы» [1].

Вскоре после окончания Первой мировой войны, а именно 1 декабря 1918 г., возникло Королевство сербов, хорватов и словенцев. Таким образом была претворена в жизнь идея политического объединения всех югославянских народов. Эта идея впервые прозвучала в 1870 г. в Любляне на совещании представителей национально-освободительных движений Словении, Хорватии, Далмации и Воеводины. С начала XX в. Сербия становится центром притяжения всех югославянских народов Австро-Венгрии, стремившихся к независимости. Несомненно, что идея югославянского единства по-разному понималась представителями различных народов. Сербия, бывшая локомотивом интеграционных процессов на Балканах, рассматривала ее как хорошую основу для создания единого югославянского государства под своей эгидой. Хорваты и словенцы видели в ней прежде всего серьезную опору в своей освободительной борьбе против Габсбургской империи.

Вторая мировая война оставила глубокую, незаживающую рану на теле Югославии. В апреле 1941 г. германские и итальянские войска вторглись в страну и расчленили ее. На политической карте Европы появилось Независимое государство Хорватия, в состав которого вошла и Босния и Герцеговина. Хорватские усташы, верные союзники Гитлера, начали систематическое истребление сербов и словенцев. В Боснии нацисты и их приспешники сознательно спровоцировали вооруженный конфликт между мусульманами и православными. «Нацистская политика на Балканах, нацеленная на стравливание народов, оставила мрачное наследие в их национальной психологии», – отмечал В.К. Волков [2].

Несмотря на межнациональные противоречия, сотни тысяч югославских граждан разных национальностей поднялись на борьбу против фашизма и в конечном итоге, с помощью Красной Армии, под руководством коммунистов во главе с И. Броз Тито, одержали победу. В ноябре 1945 г. была образована Федеративная Народная Республика Югославия (с 1963 г. – Социалистическая Федеративная Республика Югославия). Казалось, что тяжелые времена разногласий и вражды

прошли и на Балканы пришел долгожданный и прочный мир. Однако груз межнациональных противоречий подспудно довлел над народами Югославии.

Новое государство состояло из шести республик – Сербии, Черногории, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины и Македонии. Конституция 1974 г. также предоставила широкие полномочия автономному краю Косово в составе Сербии. Основным критерием при формировании этих республик был этнический состав населения. В конце 1980-х гг. этот фактор был использован идеологами национальных движений и способствовал распаду федеративного государства. Говоря о причинах этого распада, следует также отметить грубые ошибки, допущенные И. Броз Тито в национальной политике. Так, в частности, проблема Косово возникла в 1970-е гг. вследствие активного поощрения руководством Югославии переселения в этот край албанского населения.

Распад Югославии сопровождался вооруженными столкновениями. Особенно сложная ситуация возникла в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Там в первой половине 1990-х гг. шла полномасштабная гражданская война. Усилия ООН по урегулированию ситуации в бывшей Югославии и посылка миротворческих контингентов не увенчались успехом. Военнослужащие этих контингентов, представлявшие разные государства, не имели достаточного опыта по урегулированию этнических конфликтов. Только вмешательство Северо-Атлантического альянса и использование его силового потенциала позволило стабилизировать ситуацию и в конце 1995 г. подписать Дейтонские и Парижские мирные соглашения.

Организация Объединенных Наций имеет большой опыт проведения миротворческих операций. Начиная с конца 1940-х гг., эта организация провела целую серию миротворческих операций по урегулированию различных конфликтов. Однако постбиполярный мир, избавленный от многолетнего глобального противостояния двух сверхдержав, столкнулся с качественно новой угрозой в лице многочисленных региональных, преимущественно этно-конфессиональных конфликтов, при урегулировании которых традиционное миротворчество оказалось малоэффективным.

В рамках поиска новых форм и методов миротворчества ООН решила подключить к этому процессу ЮНЕСКО. В сентябре 1997 г. Генеральная Ассамблея этой международной организации, приняла резолюцию A/RES/52/13 «Культура мира», в которой содержалась просьба к руководству ЮНЕСКО подготовить программу действий по продвижению культуры мира и подготовки нового поколения миротворцев.

В 1999 г. к работе по программе ЮНЕСКО «Культура мира» активно подключается Республика Татарстан. В сентябре этого года в Казани открылся первый в России институт культуры мира. В день открытия института в НКЦ «Казань» прошла научно-практическая конференция «Подготовка кадров миротворцев: международный опыт и проблемы становления российской системы обучения».

Появление в Республике Татарстан такого института не случайно. Вот что сказал по этому поводу его ректор Э.Р. Тагиров: «В силу своего геополитического положения Татарстан всегда играл и играет роль связующего моста, посредника и медиатора во взаимоотношениях между народами, культурами и цивилизациями двух крупнейших историко-культурных систем Европы и Азии. На этом географическом «перевале» накоплен огромный пласт исторического опыта миротворчества и миростроительства».

Летом 2000 г. Казанский институт культуры мира выпустил первых миротворцев-конфликтологов. В рамках обучения они прослушали более 20 курсов, среди которых следует выделить основы миротворчества, особенности современного международного терроризма, переговорный процесс, миротворческая деятельность ООН, этноконфессиональная психология, психоанализ в зоне конфликта и др.

Признанием заслуг Республики Татарстан в разработке новой концепции миротворчества стало проведение 10–13 октября 2000 г. в Казани 1 Международного конгресса конфликтологов. В его работе приняли участие представители 6 стран и 21 региона России. Основное внимание на конгрессе было уделено вопросам урегулирования политических конфликтов и проблеме миротворчества в новом столетии.

После распада биполярной системы мир столкнулся с новой угрозой в лице этноконфессиональных конфликтов. ООН в начале 1990-х гг. поставила новые задачи своим «голубым каскам», начав тем самым поиск новой концепции миротворчества. Сегодня она должна включать в себя не только военно-политический компонент, но и социально-гуманитарный. Это означает активное участие в урегулировании конфликтов гражданских миротворцев, «которые, в отличие от военных, призваны не разводить конфликтующие стороны, а сводить, примирять и объединять их на основе общих, единых для всех задач восстановления всего разрушенного в ходе войн, в том числе разрушенных человеческих судеб. Эти задачи призваны решать миротворцы нового поколения» [3].

Литература

1. Лещиловская И.И. Исторические корни югославского конфликта // Вопросы истории. 1994. №5. С. 40.
2. Волков В.К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. №4/5. С. 4.
3. Шагалов В.А. Проблема новой миротворческой парадигмы на рубеже XX XXI вв. и вклад Республики Татарстан в ее формирование // Вестник ТИСБИ. 2002. №4. С. 78.

М.А. Широкова

Проблема соотношения религиозного, национального и политического в философии истории А.С. Хомякова

Исследователями, изучающими развитие мировой политической мысли, давно замечено, что периоды бурного всплеска национального самосознания всегда находят свое выражение в философии истории. В этом отношении русское славянофильство и западничество не представляли исключения. Мысль об истории как учительнице жизни была чрезвычайно распространена в русском обществе того времени, в особенности после выхода «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. «Полезность» истории осознавалась как властью, так и обществом. После Карамзина за написание исторических трудов взялись М.П. Погодин, Н.А. Полевой, А.С. Пушкин, Т.Н. Грановский. Позже, во второй половине XIX в., – К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев и другие. «Разум века требует новой философии истории», – провозгласил П.Я. Чаадаев, чьи взгляды дали толчок появлению как западничества, так и славянофильства. Задача исторической науки, по Чаадаеву, – не просто накопление и анализ фактов, но поиск смысла истории. Чаадаев хотел превратить историю в «основную и главную из философских наук» [1], которая не только объяснила бы прошлое, но показала бы глубинные законы жизни данного народа и государства и позволила бы, в известной мере, предвидеть их будущее развитие.

Западничество и славянофильство выдвинули две совершенно различные концепции историзма: рационалистический историзм западников, понимающий историю как процесс развития сознания и рационализации общественных отношений, и иррационально-романтический историзм славянофилов, направленный против любых форм рационализма, хотя и использующий его методологический аппарат [2]. Первый из них основывался на идеалах либерализма и Просвещения. Второй же критиковал либеральный подход к истории, рассматривая его как своего рода искажение исторического процесса. Первая концепция допускала резкие скачки исторического развития. Не случайно именно

на почве западничества сформировался революционный демократизм русских социалистов, выдвинувших идею народной революции. Впрочем, и западники-либералы были сторонниками достаточно резкой ломки общественных отношений в форме революции «сверху». Вторая же концепция абсолютизировала непрерывность исторического времени, в резких скачках видела разрыв с «историзмом», понимаемым в данном случае как внутренняя норма развития каждого конкретного общественного организма.

К началу XIX в. философско-историческая проблематика была уже достаточно основательно разработана во многих европейских странах, прежде всего в Германии. В трудах немецких философов Гердера, Шеллинга, Шлегеля, Гегеля зародилась и нашла обоснование идея органического понимания истории, ценности традиций, связанных с народной жизнью, значения религии и искусства в духовной истории народов [3]. Однако А.С. Хомяков, внесший наибольший вклад в формирование славянофильской философско-исторической концепции, признавался, что его побудила взяться за написание труда по всемирной истории неудовлетворенность всеми существовавшими до него разработками в этой области.

В частности, А.С. Хомяков критиковал «Философию истории» Гегеля прежде всего за европоцентризм, за пристрастную интерпретацию истории германцев. В схеме Гегеля Пруссия XIX в. выступала как выразитель абсолютного духа. Этот вывод не мог, конечно, удовлетворить А.С. Хомякова, который считал его искусственным. В отличие от Гегеля, он решил разработать схему изложения всемирной истории, в которой, во-первых, жизнь всех племен земного шара должна быть поставлена в надлежащее отношение, чтобы, во-вторых, славянскому племени было возвращено подобающее ему место и чтобы, в-третьих, видно было действие тех внутренних сил, которыми обуславливается ход исторического развития разных народов, и в особенности главной из этих сил – религии.

Все же, несмотря на явное противопоставление своего подхода гегелевскому, зависимость Хомякова от философско-исторических идей немецкого философа гораздо больше, чем признавал это сам автор «Семирамиды». Эта зависимость выражается прежде всего в том, что Хомяков, как и Гегель, рассматривал историю через призму борьбы свободы и необходимости. Но и тут следует отметить отличие позиции русского философа. Гегель считал, что во всемирной истории совершается прогресс в сознании свободы. Вся история человечества развернулась у него в связную картину эволюции Абсолюта, который проявляет себя в материи, в духе, в субъекте и объекте и потому может

быть угадан человеком. С течением времени человечество постигает закономерность и необходимость связи событий и явлений, а постигая необходимость, человек становится свободным.

У Хомякова же движение истории связывается не с прогрессом свободы, а с ее утратой. Человечество было свободно в доисторические времена «золотого века», который в представлении Хомякова ассоциировался с монотеизмом и единством человеческого рода. Историческим грехопадением человечества Хомяков мыслил Вавилонское столпотворение, в результате которого произошел раскол человечества на враждующие племена. Но этот «внешний» раскол был подготовлен расколом «внутренним» – формированием в духовной жизни людей двух противоположных религиозных начал: религии, поклоняющейся свободно творящему духу и религии, почитающей вещественную необходимость. Первое из этих начал Хомяков назвал иранством, второе – кушитством. Их борьба и определила всю дальнейшую историю человечества. Племена, населяющие земной шар, делятся, по мнению автора «Записок», на те же группы, что и религии: на иранские и кушитские племена. Следует заметить, что, по мнению Хомякова, практически не существует чисто иранских или чисто кушитских народов, однако в религии каждого племени преобладает либо иранское, либо кушитское начало.

После раскола по верам и по племенам произошел третий раскол – по государствам, связанный с возникновением политического, властного начала, истоки которого содержатся в кушитской религии. Этот раскол окончательно нарушил бывшее единство и поделил человеческий род на искусственные объединения, враждующие между собой. Первые политические объединения – государства – были созданы кушитами и использованы ими для завоевания и порабощения своих братьев. В борьбе против них иранцы были вынуждены создавать свои государства.

Итак, три происшедшие один за другим раскола – по верам, племенам и государствам – явились вехами на пути отхода человечества от свободы. Для того, чтобы вернуть себе утраченную свободу, людям необходимо воплотить в жизнь идеал соборного общества – общества, представляющего собой братство народов, религиозное, социальное и политическое единство отдельных людей.

Западная Европа оказалась неспособной осуществить христианский идеал общества, потому что она переоценила политическое начало, основанное на рациональной идее пользы, она предпочла форму содержанию, «внешнее устройство» жизни ее внутреннему смыслу.

Но и Россия за всю свою историю не смогла воплотить этот идеал по той причине, что полная и всеобъемлющая истина, хранившаяся в ней,

не получила должного оформления. Славянофилы пришли к выводу, что формой для идеального общества должно стать нравственное, разумно развитое государство. Создав его, русский народ осуществит свою великую миссию и станет в центре деятельности мировой цивилизации. История, по мнению Хомякова, дает России такое право, так как принципы, которыми она руководствуется, есть принципы истинного христианства. Право воплощения в жизнь общественного идеала дается не народу, а именно государству, на граждан которого возлагаются особые обязанности. Россия стремится не к тому, чтобы стать «самым богатым или самым грамотным или даже самым умственно развитым» государством. «России надобно быть или самым нравственным, то есть самым христианским из всех человеческих обществ, или ничем, но ей легче вовсе не быть, чем быть ничем» [4].

Литература

1. Чаадаев П.Я. Философические письма // Россия глазами русского. СПб., 1991. С. 51.
2. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого: реф. Сборник / ИНИОН РАН. Вып. 2. М., 1992. С. 183.
3. Благова Т.И. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский. Жизнь и философское мировоззрение. М., 1994. С. 56.
4. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1900. С. 337.

Секция 2. Этноконфессиональная ситуация на постсоветском пространстве

Е.В. Волосенкова

Конфессиональные процессы в Краснодарском крае: конфликтологический мониторинг 2005 г.

Одним из направлений деятельности лаборатории политической социологии ЮНЦ РАН является работа по созданию системы мониторинга и прогнозирования этнополитических и этносоциальных процессов, исследования в этом направлении ведутся в рамках проекта «Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа».

В данной статье автор представит результаты, касающиеся конфессиональных процессов на территории Краснодарского края в 2005 г., полученные в ходе реализации первого, пилотного этапа исследования. Исследование основано на включенном наблюдении автора, материалах текущих архивов НКО, государственных органов, публикациях СМИ, базах данных Краснодарстата, материалах, полученных в ходе реализации проекта «Конфликтный и интеграционный потенциал на Кавказе», проводившегося кафедрой политологии и поли-

тического управления КубГУ (базовой кафедры ЮНЦ РАН). Автор выражает благодарность Управлению по взаимодействию с общественными объединениями, религиозными организациями и мониторингу миграционных процессов за оказанную помощь в сборе информации, за организационную поддержку при проведении мониторинга.

Предметом мониторинга является состояние конфессиональной среды Краснодарского края в 2005 г.

Многочисленность этносов и этнических групп обуславливает поликонфессиональность региона. На территории края пересекаются две мировые религии (христианство и ислам), а также традиционные религии. Свыше 86% населения края (русские, украинцы, белорусы и некоторые другие) самоидентифицируют себя с православием; армянское население (4,67%) ориентировано на Армянскую апостольскую церковь и православие; народы, ориентированные на исламское вероисповедание, в крае составляют около 2,8%; протестантские и католические религиозные организации насчитывают около 1% населения. В соответствии с данными Главного управления Министерства юстиции РФ по Краснодарскому краю на 1.01.2005 г., в крае зарегистрировано 670 религиозных организаций, представляющих 31 религиозную конфессию.

Самая многочисленная конфессия, и по количеству верующих, и по влиянию на общественно-политическую ситуацию, является Русская православная церковь. По данным Государственного реестра, в крае зарегистрировано 343 приходов и других учреждений Екатеринодарской и Кубанской епархии Московского Патриархата РПЦ. Ими используются I здание Епархиального управления, 329 культовых зданий (соборы, меркни, молельные дома) и пять монастырей. Второе место по численности занимают христиане-баптисты и пятидесятники, на третьем месте – свидетели Иеговы.

В Краснодарском крае, по данным краевого комитета статистики, проживают до 150 тыс. граждан, для которых ислам является традиционной религией. Это прежде всего адыги-шапсуги, крымские татары, татары, черкесы, азербайджанцы, народы Дагестана, узбеки, башкиры, чеченцы и другие.

Ассирийская община Краснодарского края насчитывает около 8 тыс. чел., которые посещают как Ассирийскую церковь, так и православные храмы РПЦ.

Состояние конфессиональной среды в Краснодарском крае в 2005 г. было стабильно. Одним из источников напряженности в конфессиональной среде послужило выступление прокурора Краснодарского края Сергея Еремина 3 июня в Краснодаре на встрече с представителями государственных и общественных организаций Кубани, а

также лидерами основных конфессий. Встреча была посвящена вопросам совместного противостояния религиозному экстремизму и терроризму. Во время своего выступления он сделал неожиданное заявление о методах борьбы с сектами. Отметив важность сосуществования в многонациональном крае различных религий, С. Еремин подчеркнул, что в последнее время представители разных религиозных конфессий пытаются нарушить установленный порядок. «Хотелось бы обратиться к присутствующим лидерам религиозных конфессий, журналистам по очень злободневным проблемам. Потому что апологеты тех всевозможных сект, которые появляются здесь, христианского, мусульманского толка, подрывают то мирное сосуществование, которое имеется сейчас на Кубани», – заявил прокурор края. «В случае, если кто-то посмеет – христианские или мусульманские проповедники, которые представляют секты, враждебные российскому государству – это будет пресекаться на корню всеми законными методами, а если нужно будет, и незаконными», – подчеркнул он. С. Еремин также призвал глав конфессий активизировать работу по влиянию на молодежь.

Определенную долю напряженности привносила в конфессиональную сферу нерешенность вопроса со строительством мечети и синагоги в Краснодаре, а также безуспешные попытки греческой православной общины Краснодара добиться от городских властей возвращения исторического здания Благовещенской церкви, принадлежавшей общине до 1924 г. По оценке Юрия Аманатова, главы краснодарского Братства греков православного вероисповедания, на территории края около 1000 этнических греков, исповедующих православие и являющихся членами различных приходов РПЦ МП. Несмотря на наличие возможности общаться со священниками, достаточно хорошо знающими греческий язык, они только тогда смогут создать единый приход во главе с греческим священником, когда у них появится своя церковь. Община пользуется поддержкой главы Екатеринодарской и Кубанской епархии РПЦ и имеет документы, подтверждающие, что здание в прошлом принадлежало ей, однако городская администрация с 1997 г. отвечает отказами на все просьбы о возвращении церкви.

Чиновники утверждают, что община могла бы рассчитывать на положительное решение вопроса, если бы официально было признано, что греки были репрессированы советской властью в 1924 г. Кроме того, по словам сотрудников городской администрации, указ Б.Н. Ельцина от 1993 г. о возвращении имущества религиозным организациям касается лишь объектов, находящихся в федеральной собственности, и притом муниципальные власти Краснодара все равно не имеют возможности предоставить новое помещение СЭС, которая сейчас занимает здание бывшей церкви. После того, как в июне 2001 г.

российское правительство приняло постановление, определяющее процедуру передачи имущества религиозным организациям, причем с учетом объектов, находящихся как в федеральной, так и муниципальной собственности, Ю. Аманатов в 2002 г. вновь обратился с просьбой о возвращении церкви. Однако в официальном ответе было сказано, что указанное постановление правительства носит рекомендательный характер и, поскольку в здании размещается городская СЭС, «у администрации г. Краснодара нет оснований для пересмотра вопроса».

На протяжении нескольких лет существует вялотекущий конфликт между еврейской общиной и городской администрацией в Краснодаре. Около трех лет еврейская община г. Краснодара пытается воспрепятствовать застройке старого еврейского городского кладбища. В 2005 г. ситуация получила неожиданное развитие: Еврейская община Краснодара получила повестку Октябрьского районного суда на судебное заседание в качестве ответчика по делу «О защите деловой репутации» по исковому заявлению ООО «Охранное предприятие «Стек», которое просит признать действия ответчика в отношении истца порочащими и несоответствующими действительности, обязать ответчика отозвать свои ходатайства 2003 г. в администрацию г. Краснодара относительно старого еврейского кладбища и направить письмо, не препятствующее строительству на территории кладбища. С общины предполагается также взыскать в пользу «истца» 200000 руб. в счет «компенсации морального ущерба» [1].

Локальный конфликт в конфессиональной сфере в 2005 г. был связан с деятельностью на территории Краснодарского края «Посольства Благословенного Царства Божьего для Всех Народов». Глава: церкви – «Черный пастор», Сандей Аделаджа, гражданин Нигерии. Родился 28 мая 1967 г. Окончил Белорусский государственный университет по специальности «тележурналист». В телевидении не работал, перебрался в Украину и начал в 1998 г. раскрутку религиозного проекта «Слово верь», который со временем перерос в мощную и влиятельную разветвленную структуру. Входит в состав владельцев крупных финансовых корпораций. Структура организации: строгая, иерархическая. Каждый член церкви в обязательном порядке ежемесячно жертвует «десятину» отдает 10% своих доходов. Система имеет вид пирамиды построена по принципу «система двенадцати». чтобы стать членом церкви, необходимо входить в «семью» из 12 чел. и иметь своих 12 учеников.

В 2005 г. на сочинском государственном телевидении активно действовала церковь «Посольство Божье». Приход представителей церкви «Посольство Божье» на сочинское государственное телевидение совпал с реформой системы ВГТРК. Весной 2005 г. все региональные телекомпании

стали филиалами, а ранее самостоятельная сочинская государственная телерадиокомпания превратилась в территориальное подразделение краевой ГТРК «Кубань». Руководителем вновь созданной структуры был назначен заместитель председателя ГТРК «Кубань» Дмитрий Мозалюк, а его правой рукой стала Мария Скарбовская, ранее работавшая на частной сочинской телекомпании «Макс-ТВ». В материале «Народной газеты Сочи» утверждается, что «работоспособные и нужные телекомпании сотрудники были уволены под давлением нового руководства, прямо покровительствующего сектантам». Коллектив быстро разделился на «своих» и «чужих». В кабинетах государственной телерадиокомпания стали раздаваться религиозные песнопения, а отношение к освещению православной тематики резко изменилось. Первыми на «сигнал» сочинских журналистов отреагировали в краевой администрации: после письма телекомпанию посетил чиновник Департамента по делам средств массовой информации, печати и телерадиовещания Краснодарского края. Он провел несколько бесед с инициаторами письма и уехал. Говорили, по словам участников встречи, преимущественно о работе, а не о религии. Руководитель ГТРК Наталья Тованчева провела в сочинской телекомпании экстренное собрание коллектива. Руководитель ГТРК «Кубань» заявила, что в нашей стране существует свобода вероисповедание, и нет ничего страшного в том, что в сочинской телекомпании работают, как выразилась Наталья Тованчева, «протестанты». «Пусть хоть сатанисты, лишь бы во вне рабочее время», цитируют ее слова участники встречи [2].

Таким образом, по составу конфликтогенных факторов в конфессиональной среде 2005 г. для Кубани специфичен. Постоянным триггером общественной напряженности является нерешенный вопрос со строительством мечети и синагоги в Краснодаре. Почву для возможного конфликта создает направленность деятельности органов власти с религиозными организациями. Существует определенный крен в пользу православных конфессий. В 2005 г. в области государственно-церковных отношений работа в большей степени была сосредоточена в рамках Краевой целевой программы восстановления и реставрации православных храмов Краснодарского края на 2005–2010 гг. В 2006 г. ситуация начала меняться, следует отметить положительные тенденции, намечающиеся в разрешении ситуации с предоставлением мест под строительство синагоги и мечети в Краснодаре.

Одним из заметных источников конфликтогенности была деятельность на территории Краснодарского края «Посольства Благословенного Царства Божьего для Всех Народов». Существует вероятность развития локального конфессионального конфликта, спровоцированного активностью секты в регионе.

Литература

1. Fagan G. RUSSIA: Church, Mosque and Synagogue Kept by Southern Authorities // Forum 18. 2005. January 24.
2. Смертин А., Слущкий И. Церковь «Посольство Божие» // <http://www.yuga.ru/articles/society/?id=3773>.

С.В. Голунов

Роль этнического фактора в наркотрафике через границы РФ: реалии и стереотипы

В настоящее время комплекс проблем, связанных с нелегальным производством, распространением и потреблением наркотиков, является одним из самых серьезных вызовов, с которыми Российская Федерация сталкивается в социальной сфере. В контексте проблемы наркоторговли часто говорится об особой роли этнического фактора, на основе которого организуется значительная часть группировок, задействованных в процессе наркотрафика. При такой постановке вопроса «противник» часто видится совокупностью этнических преступных групп и даже, к сожалению, представителями определенных этносов. Подобные представления, ставшие одной из причин снижения толерантности в российском обществе, популярны как на уровне массового сознания, так и во властных структурах.

Сложившаяся ситуация требует тщательного и беспристрастного анализа роли этнического фактора в наркоторговле. К сожалению, не имея доступа к ведомственным материалам, автор во многом вынужден полагаться на интерпретацию косвенных статистических данных и экспертных оценок количественного характера и полученную в ходе интервью с экспертами правоохранительных органов качественную информацию о структурной организации наркоторговли.

По экспертным расчетам, в настоящее время среднесуточная доза героина, потребляемая российским наркоманом, составляет, по крайней мере, 0,5 г., общая же численность наркозависимых в стране по самым умеренным оценкам составляет 1,5 млн. чел. [1]. Условно полагая, что количество героиновых наркоманов находится примерно на уровне 1 млн. чел. и учитывая, что суммарный объем изъятий этого наркотика всеми силовыми структурами в 2005 г. составил чуть более 4 т. (из которых примерно 700 кг. – на границах) [2], можно сделать вывод, что пограничники и таможенники задерживают менее 1%, а все силовые структуры вместе взятые – менее 2,5% от общего объема ввозимых в страну наркотиков. Поэтому способность статистики задержаний служить хотя бы отчасти адекватным отражением структуры наркоторговли вызывает серьезные сомнения. Подобные данные могут во многом указывать лишь на более успешную деятельность правоох-

ранительных органов против определенных групп наркоторговцев, в том числе и групп этнических, которые при пограничных и других проверках привлекают заведомо больше внимания, чем «лица европейской внешности».

Если все же сделать условное допущение, что статистика задержаний хотя бы отчасти адекватно отражает структуру наркотрафика, то получается довольно неоднозначная картина. На первый взгляд, анализ такой статистики позволяет сделать аргументированный вывод о том, что граждане России (среди которых преобладают русские) явно занимают первое место, тогда как на втором находятся граждане Украины; представители же Таджикистана, Узбекистана и Азербайджана не попадают даже в первую тройку. Такое соотношение регулярно прослеживается по статистической отчетности, ежегодно публикуемой Федеральной таможенной службой [3]. В то же время, такая статистика не отражает роль этнического фактора в торговле самым опасным наркотиком – героином: в данном случае доля представителей этнических групп из Центральной Азии, особенно таджиков, заметно выше.

Однако обвинение какого-либо этноса в специализации на наркоторговле по своей логике подразумевает, что более половины представителей такого этноса задействованы в этом процессе и, прежде всего, на стадии оптовой доставки либо распространения. С этой точки зрения утверждение об участии большинства или близкой к половине части центрально-азиатских мигрантов в наркотрафике представляется необоснованным ввиду несоответствия оценочной емкости российского наркорынка (прежде всего, рынка героина) количеству иммигрантов. Упомянутая емкость, по экспертным оценкам, как правило, не превышает 180–200 т., тогда как численность мигрантов из Таджикистана оценивается в 600–800 тыс. чел. в год [4]. Гипотетически, если предположить, что половина въезжающих в РФ из этой страны участвует в контрабанде, поставляя в РФ 100 т. героина, каждый из таких мигрантов должен был бы провозить с собой, как минимум, 0,3 кг. героина. Однако трудно предположить, что столь концентрированное скопление наркотика, перевозимого в узком пространстве массой, как правило, путешествующих вместе людей, заведомо рассматриваемых правоохранительными органами в качестве «группы риска», в большинстве случаев осталось бы невыявленным. Кроме того, практически в половине случаев известных нам случаев задерживались партии героина весом более 1 кг. Все это косвенно свидетельствует о том, что в контрабанде участвует относительно небольшой процент мигрантов из Таджикистана. Количество задержаний за контрабанду героина представителей других «видимых»

этнических меньшинств (узбеков, азербайджанцев, чеченцев, цыган) гораздо меньше, и все это не дает оснований отождествлять преступников с тем или иным этносом.

Попытаемся определить роль этнического фактора с помощью анализа распространенных организационных схем наркотрафика.

Те схемы, которые, по словам экспертов из правоохранительных органов, использует хорошо организованный наркобизнес, во многих случаях не соответствуют представлениям о его моноэтнической структуре. Например, утверждается, что во многих случаях доставка наркотиков дробится на несколько стадий, в конце каждой из которых «товар» перегружается на другой автомобиль с новым водителем, который расплачивается с предыдущим курьером. При такой схеме логично предположить, что российско-казахстанскую границу пересекает транспортное средство с российскими номерами и управляемое гражданином России, в ином случае его ожидает «повышенное внимание» едва ли не на большинстве постов автоинспекции. Представители правоохранительных органов часто отмечают гибкость и осведомленность наркоторговцев, прекрасно ориентирующихся в особенностях пограничного режима и способных быстро менять маршруты трафика при возникновении опасности. Однако такие качества зачастую предполагают, что организованная преступная группировка является интернациональной, причем ее «мозговой центр» находится отнюдь не в Киргизии, Таджикистане или Узбекистане. Кроме того, по мнению работников правоохранительных органов, во многих российских регионах (в том числе и граничащих с Казахстаном) не существует преступных группировок, специализирующихся лишь на торговле опиатами. Однако «разносторонняя специализация» подразумевает способность «проникать» в разные сферы деятельности, что гораздо легче достигается в том случае, если состав таких группировок полиэтничен. Даже если предположить, что во главе многих из таких группировок стоят выходцы из Центральной Азии, то из этого все равно вытекает вывод о том, что количество мигрантов, вовлеченных в наркотрафик, относительно невелико и даже, возможно, имеет тенденцию к уменьшению.

С учетом многомиллионного транспортного потока через новые рубежи РФ, вполне вероятно, что эти границы ежегодно успешно пересекают особо крупные партии наркотиков, трафик которых организован группировками с самым различным этническим составом. Так, в октябре 2005 г. на участке Оренбургской области сотрудник МИД РФ пытался провезти на машине с дипломатическими

номерами 360 кг. героина [5], то есть треть объема этого наркотика, задерживаемого за год на всех границах РФ, десятую часть годового «улова» всех правоохранительных органов и существенно большую долю от того объема, который изымается у этнических мигрантов.

Таким образом, в настоящее время нет сколько-нибудь веских оснований утверждать, что сформированные по этническому признаку преступные группировки играют главную роль в процессе наркотрафика в РФ и тем более о том, что наркоторговля является главной сферой специализации тех или иных этнических групп. Атмосфера массовой истерии, «мобилизацию общественности» на борьбу с «темными чужеродными силами», к которой призывают, в том числе, деятели и печатные издания, близкие к государственным структурам, вряд ли способна принести успех в борьбе со структурами, руководствующимися рациональными экономическими мотивами и прекрасно способными «ловить рыбу в мутной воде». Избирательное преследование «потенциальных наркоторговцев» по этническому признаку не только приведет к негативным последствиям в сфере межнациональных и международных отношений, но и расчистит почву для лучше организованных и законспирированных группировок, имеющих прочные и «высокие» коррупционные связи. Представляется, что более эффективное решение может быть найдено в рамках комплекса сбалансированных и профессионально реализуемых мер, осуществляемых не только в административно-силовой плоскости, но также в социальной и медицинской сферах.

Литература

1. Стройнова О. В одиночку никто не победит // <http://www.mironov.ru>.
2. Тенденции незаконного оборота наркотиков в России в 2004 г. М., 2005.
3. Таможня и наркотики. 2003. Обзор задержаний контрабанды наркотиков. М., 2004.
4. Такая оценка, в частности, прозвучала в заявлении первого заместителя начальника Федеральной миграционной службы РФ И. Юнаша на встрече с журналистами из стран СНГ в сентябре 2004 г. См., напр.: Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар». Таджикиские мигранты и Россия // <http://www.khovar.tj>.
5. Наркотики: под дипломатическим прикрытием // Границы России. 2005. №42. 8 декабря.

Н.В. Греков
Мираж русского национализма
и его политическое значение

В течение последних десятилетий на территории бывшего СССР в целом связь между этничностью и политикой стала очевидной. В различных регионах России возникли межнациональные конфликты. При этом вполне ясно, что сами по себе этнические различия не являются причиной конфликта. Можно вполне согласиться с утвердившимся в литературе мнением, что как такового «этнического» конфликта не существует – под ним понимается целый комплекс конфликтов в социальной, экономической и политической сферах между группами с различной самоидентификацией. Вот поэтому природа этнополитического конфликта как формы взаимодействия субъектов этнической политики крайне сложна. Важнейшим источником этноконфликта может стать межгрупповая конкуренция.

Развертывание этнополитического конфликта предполагает процесс политической мобилизации этничности. Как правило, данная мобилизация следует за событиями, создавшими угрозу интересам этнической группы. Процесс этнополитической мобилизации может быть успешным только в том случае, когда этническое движение обладает своей идеологией, которая способна выполнить ряд важных для мобилизации функций и, прежде всего, сформировать образ общей угрозы всем членам группы.

В условиях этнической конкуренции за политическую и экономическую власть, доступ к природным ресурсам и т.д. особую роль приобретают негативные стереотипы. В частности, в современной России пресса, ссылаясь на работы отдельных социологов, тиражирует, для потребления российской же аудиторией, надуманные «истины» о «массовом русском расизме», о присущей русским ксенофобии, русском «номенклатурном национализме», «скрытом антисемитизме» и пр.

Особую тревогу вызывает навязывание негативных этнических стереотипов именно теперь, когда на территории России обозначилась тенденция противопоставления тюркско-мусульманской и русской православной культур. Государство в этих условиях должно спешно искать механизмы осуществления эффективной национальной политики, использовать технологии, способствующие формированию взаимной этнокультурной терпимости и социального партнерства. Данная работа, безусловно, ведется, но с некоторыми особенностями.

Принято считать, что фактором, неизбежно вызывающим мобилизацию национальных меньшинств, служит национализм «государствообразующего» этноса. Еще в начале XX в. с учетом этой

идеи русские социал-демократы радикального толка строили свою тактику борьбы с самодержавием. Они считали полезным поддерживать всякий национализм малых, «угнетенных» народов и выступать против любой формы проявления великорусского шовинизма. (Следует отметить, что, безусловно, любая форма национальной дискриминации преступна, однако в данном случае речь шла не о защите прав национальных меньшинств, а о способах развала империи). Тогда подобная тактика позволяла максимально ослабить позиции царизма и подготовить условия для революции в России. Времена изменились, государство стало иным, а вот тактика его расшатывания осталась прежней, как прежним осталось приписывание русским роли «имперской нации». Только теперь ослабление государственного начала в России влечет за собой конкретную угрозу окончательного распада страны.

Действительно ли русский национализм представляет собой сколько-нибудь заметное явление? Прежде всего, многие исследователи отмечают царящее в современной России уныние, отмечают, что население «погрузилось в стихию выживания», безволие общества сочетается с широко распространившимся раздражением. По оценке научного директора Института права и публичной политики В.В. Пастухова, «пессимизм, скептицизм и апатия как бы стали частью национального характера. Иными словами, этнос находится в угнетенном психологическом состоянии, утрачивает элементарное чувство самосохранения. Между тем ряд политически ангажированных авторов пытается обосновать этим обстоятельством рост ксенофобии среди русского населения. Логика здесь проста: так как модернизационный рывок России явно «захлебнулся», в общественном сознании получил преобладание традиционализм, а ксенофобия – это всегда одно из его проявлений. Подтверждением служат невероятно преувеличенные в своей значимости относительно редкие факты активности малочисленных преступных группировок подростков, либо существование грозных с виду, но немногочисленных и вполне законопослушных организаций русских националистов.

Игнорировать факт отсутствия массового русского национализма невозможно. И тогда упрямые «обличители» на первый план выдвигают прошлые «грехи» России: русификацию инородческого населения империи конца XIX в., официальный национализм самодержавия, политику русификации, якобы проводившуюся в СССР до середины 80-х гг. XX в., чтобы этим обосновать неизбежность роста ксенофобии русских. Различными политическими силами прилагаются значительные усилия по формированию у русского населения чувства «вины» за от-

сутствующие в реальности националистические настроения. При этом забывают одно: навязываемое чувство вины какому-либо народу вряд ли способно содействовать стабильности в многонациональном государстве. Между тем растет внутренняя и внешняя миграция, в традиционно русских по составу населения регионах увеличиваются этнодиспорные группы. Усложнение современных межэтнических отношений требует соответствующей модернизации методов политического влияния на ситуацию.

Существование цивилизованного общества предполагает ведущую роль государства в поддержании правопорядка, обеспечении безопасности и прав граждан, независимо от их этнической принадлежности. Иные, архаические способы обеспечения безопасности индивида забыты, так как на смену кланово-родственным давно уже пришли неустойчивые социальные связи. Современное общество атомизировано, но в то же время надежды индивида на защиту его прав государством во многом лишены оснований. Эффективность государственных структур низка (чиновный произвол, коррупция), а гражданское общество в России – идеал далекого будущего. В этих условиях разобщенное этническое большинство оказывается незащищенным перед сплоченной, спаянной родственными связями этнической группой. Нередко отдельные этнические группы пытаются обогатиться на территории России за счет применения криминальных методов, в числе которых – захват рыночной торговли посредством устранения конкурентов. При возникновении межэтнических конфликтов во многих регионах юга России русское население склонно «скорее уступить и подчиниться» [1]. Зачастую подобная конформистская модель поведения только подогревает чужую агрессивность. Между тем главное условие сохранения стабильности в полиэтничном государстве – это обязанность соблюдать равные для всех законы, а права какой-либо этнической группы могут быть реализованы только с учетом интересов иных групп.

Вполне очевидно, что устрашающий миф о русском национализме нужен, прежде всего, определенным политическим силам, борющимся за власть в самой России. Ссылки на государственный национализм начала XX в. и искусственное моделирование современного русского национализма позволяют заинтересованным авторам ловко переключаться на критику проектов укрепления российской государственности, выстраивать прямые связи между спецификой формирования российской политической элиты нач. XXI в. и ростом этнофобий.

Литература

1. Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции. М., 2004. С. 91.

М.А. Дедюлина
Кавказофобия как разновидность этнофобии

Ксенофобия стала одной из гнетущих проблем российского общества. Она проявляется в неприязни к чужакам – представителям иных этносов, религиозных меньшинств, специфических, заметно отличающихся от большинства общества по целям и интересам социальных групп, например мигрантов.

Россия – полиэтничное государство, но в последнее время по ней прокатилась волна острых межэтнических конфликтов. Многие из них, в частности на Кавказе, приобрели латентный характер. Это сопряжено с другими проблемами: этнической дискриминацией, национализмом, экстремизмом и т.д. Поэтому в России проблема ксенофобии и ее последствий особенно актуальна.

Самым частым проявлением ксенофобии является этнофобия, которая в большинстве случаев представлена антисемитизмом, синофобией, цыганофобией, русофобией, кавказофобией и т.д. Наиболее опасной для современного российского общества является кавказофобия, и именно она стала предметом нашего исследования. Выработка путей преодоления нетерпимости требует комплексного подхода, систематизирования полученных результатов во всех областях научного исследования.

На наш взгляд, применительно к России в качестве основополагающего следует признать подход А.В. Лубского, который основывается на многомерной модели, построенной на принципах «big structures» (большие структуры), «longue duree» (долгой длительности), «hic et nunc» (здесь и сейчас) в русле «behavioral approach» (поведенческого подхода). Причем, как отмечает исследователь, данная модель требует постепенного сужения фокуса анализа конфликтогенных факторов (т.н. «метод воронки причинности»). При использовании данного метода происходит «спуск» с макроуровня (миграция, модернизация) на мезо-, затем на микроуровень (личностное начало), при этом переход от одного масштаба к другому выглядит следующим образом: «big structures» – «longue duree» – «hic et nunc», т.е. от большего масштаба к меньшему. Переход предполагает, что объяснительный потенциал масштаба и уровня исчерпан. Мы же, руководствуясь, будем использовать эту модель в несколько другой последовательности. Сначала будем рассматривать исторические предпосылки в рамках «longue duree», затем современные факторы в масштабе «hic et nunc», и затем переходим на глобальный уровень – «big structures».

Кавказофобия – термин, сравнительно недавно появившийся в связи с возникновением массовой кавказской диаспоры. Обратимся к ис-

токам русско-кавказских взаимоотношений. Согласно предложенной модели, данный этап носит название *longue duree* Взаимоотношения России и Кавказа развиваются сложно и неоднозначно. В XVI–XVII вв. диалог двух цивилизаций носил в целом взаимообогащающий характер. Большое влияние на этот процесс оказало геополитическое противостояние двух сверхдержав – Британской империи и Российской империи. Россия после присоединения Закавказья перешла к ускоренному насильственному включению Северного Кавказа в свою административную систему, а также к колонизации региона славянскими и другими христианскими переселенцами. Это, в свою очередь, привело к Кавказской войне (1818–1864 гг.).

Угроза потери независимости, необходимость преодоления этнической, клановой и социальной разобщенности активизировали исламизацию Северного Кавказа как интеграционный фактор. Шамилу удалось впервые создать объединенное исламское государство Чечни и Дагестана, связанное и с адыгами Северо-Западного Кавказа. Ресурсный перевес России в Кавказской войне способствовал эрозии нормативно-нравственных кодексов горцев. Культура горцев вошла в универсальную систему российской культуры и адаптировалась к ней.

В 20–80-е гг. XX в. северокавказские национальные культуры становятся составной частью советской культуры, а русский язык – важнейшим ее транслятором. В то же время традиционная культура горцев, несмотря на трагедию гражданской войны, борьбу с религиями, коллективизацию и выселение части народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг., в основном сохранилась, но сегментировалась. В результате кризиса социалистической идеологии происходит превращение российской культуры в мозаичную.

Период с конца XX в. по настоящий день следует рассматривать в следующем масштабе нашей модели *hit et nunc*. Если до распада СССР отношения между Россией и Кавказом носили характер культурного согласия, то в последние десятилетия они все более перерастают в состояние культурного конфликта. В результате деятельности СМИ было утрачено доверие ко всему, что было связано с Российской империей и СССР. Прессу региона всех субъектов РФ на Северном Кавказе захлестнул поток псевдонаучных и наукообразных публикаций по проблемам истории отдельных народов. Основная канва их заключалась в стремлении к чрезмерному приукрашиванию и преувеличению, вопреки фактам, былой исторической роли своих народов, способах внушения им чувства собственной национальной исключительности и превосходства, идеи этноцентризма и ксенофобии. При этом происходит активация регионального государственного иммунитета, проявляюще-

гося в требовании распределения государственной власти в пользу субъектов РФ, а в некоторых случаях и стремление к полной государственной изоляции.

Продолжительная Чеченская кампания 1994–1996 гг., 1998–2000 гг. породила непримиримую вражду между народами Кавказа и России. Такие исследователи, как В. Тишков, З. Сикевич, Э. Паин, Э. Сулейманов считают одной из главных причин кавказофобии антикавказскую агитацию в СМИ. Конечно, кавказофобия имела место и до чеченского конфликта. Именно в это время создается мифологизированный образ «лица кавказской национальности». Как отмечает З. Сикевич, «рядовой «обыватель» чаще всего не придает этой псевдоэтнической категории негативную оценочную окраску, т.к. ему сложно дифференцировать отдельные народы Кавказа по внешнему облику». Причем под категорию «лиц кавказской национальности» зачастую попадают все, кто имеет смуглую кожу и темные курчавые волосы. Г. Витковская, основываясь на последних исследованиях, описала образ кавказца глазами россиянина: «Во-первых, он претендует только на высокий статус в принимающем его обществе. Россиян раздражает сфера занятий кавказца как представителя торгующего, «не привыкшего работать» народа. Экономический аспект является наиболее сильной предпосылкой нелюбви россиянина к горцу. С 70-х гг. кавказцы контролируют большую часть рынков страны (например, 80% цветочного рынка на территории стран СНГ принадлежит азербайджанцам), диктуют цены, иногда воздействуя на местных жителей силовым путем. «Во-вторых, кавказец темпераментно ведет себя «среди чужих». Кавказец, как правило, плохо принимает ценности «чужого» общества. Напротив, он даже пытается навязать свои ценности обществу – несет иную этику, иную мораль, незнакомую речь. В-третьих, в отношении местного населения кавказец зачастую нарушает даже собственные традиции и нормы поведения (уважение к старшим, почитание женщины)».

Здесь, по выражению В. Тишкова, «формируется периферийный национализм, который обретает крайние формы, вплоть до вооруженного сепаратизма». Но, как отмечает А. Малащенко, постепенно среди кавказцев, которые намерены закрепиться в России, появляется тенденция к изменению – хотя бы внешнему – стереотипов поведения, приспособлению к окружающей русской среде.

Следующий масштаб рассмотрения причин кавказофобии – big structures, предполагает исследовать кавказофобию в рамках глобализации и миграции. Следует отметить, что на этом уровне большая роль отводится исламизации мира и России в частности, что способствует

нарастанию тревожности в обществе. Исламизация связана с распространением идеи Великого Халифата. Согласно этой идее, будет создано великое мусульманское государство, которое объединит всех мусульман вместе с территориями их проживания. Главные «виновники», по мнению СМИ и рядовых обывателей, радикальное течение ваххабитов. Однако, роль ваххабитов в развитии фундаментализма на Северном Кавказе сильно преувеличена. С исламом же связан страх населения перед джихадом, которым угрожали радикальные исламисты «расправиться с неверными».

Мусульманские волнения в Европе оказали влияние на формирование образа мусульманина и в России, как агрессора.³ Сикевич отмечает, что кавказофобия в России имеет под собой основу дихотомических представлений: «мы – жертва, они – агрессоры». Важную роль на этом этапе рассмотрения кавказофобии играет также миграция. В современном российском обществе миграционные меньшинства вызывают раздражение, переходящее в неприязнь. На фоне неблагоприятной обстановки на рынке труда и жилья мигранты сталкиваются с потерей своих прошлых статусных характеристик и у них формируется негативное отношение к новой среде. Выходцы с Кавказа перестают «растворяться» в принимающем обществе, а образуют диаспоры, которые защищают их права. Но в целом, миграционная неприязнь основывается на экономических и деятельностных факторах, которые рассматривались в масштабе *hit et nunc*.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что наибольшую угрозу представляют те причины возникновения кавказофобии, которые формируются на уровне *hit et nunc*. Это и экономические факторы, и политические, и нарастание негативизма в СМИ и среди сотрудников МВД к искусственно созданному образу «лицо кавказской национальности», и всплеск национализма, связанный с Чеченским конфликтом и т.д.

Л.В. Дериглазова **Влияние советского опыта на проблему ксенофобии** **в России**

Россия после распада СССР стала не только его правопреемницей, но и наследницей большого числа нерешенных проблем, которые обострились в пореформенный период. Одной из таких проблем, ярко выжившихся в последние годы, является высокий уровень ксенофобии в обществе, что находит выражение в крайних проявлениях национализма, в нетерпимости к представителям других народов, гомофобии (страха и агрессивного неприятия представителей так называемых сексуальных меньшинств), в осознании различного рода угроз с ярко выраженной этнической или конфессиональной окрашенностью. Докла-

ды в рамках данной Интернет конференции, обращенные к данной проблеме, выявляют причины роста нетерпимости в обществе и находят их в потере или кризисе идентичности, в обострении социальных и экономических проблем, в миграционных процессах, в этнополитических конфликтах. Названные причины отражают существующие представления о причинах ксенофобии в современных плюралистических и многонациональных обществах, и не вызывают никаких возражений.

Тем не менее, на мой взгляд, один из важных аспектов данной проблемы требует рассмотрения, а именно-неоднозначное влияние советского опыта на уровень ксенофобии в современной России, что во многом предопределило именно такое развитие. По-прежнему можно встретить мнения о советском опыте интернационального воспитания как позитивном, способствовавшем решению проблем многонационального и многоконфессионального государства с регионами очень неоднородными по уровню и формам социально-экономического и политического развития. Реабилитация советского идеологического наследия особенно заметна в последние годы и нередко используется в политической и партийной борьбе за места в высших эшелонах власти. Представляется, что искаженная подача советского опыта решения национальных проблем и интернационального воспитания и его использование может быть не менее опасным фактором роста ксенофобии в современной России, чем другие факторы.

Во-первых, достаточно часто сторонники интернационального воспитания забывают о формальном характере устройства многонационального государства СССР. Отсутствие открытых этнонациональных конфликтов объяснялось все же не только успешностью советского способа решения национальных проблем, а тем, что многие конфликты подавлялись, причем достаточно жестоко, происходила попытка отмены конфликтов через переселение народов, заключение особых отношений между центральной властью и местными элитами. Конфессиональный фактор, который сегодня начал рассматриваться как одна из причин роста напряженности между представителями различных конфессий, также не мог играть хоть сколько-нибудь существенную роль в советское время в силу опять же своей «отменности», жесткой карательной политики в отношении самостоятельных и авторитетных религиозных лидеров и направлений. Однако внешняя «благодать» межнациональных отношений, символически воплощенная в образах фонтана «Дружбы народов» на ВДНХ в Москве, разрушилась быстрее, чем СССР, именно вследствие ослабления функций контроля и подавления со стороны государства в период перестройки.

Во-вторых, важно учитывать, что СССР был закрытой страной, как для своих граждан, так и для иностранцев. Для него были характерны официально культивируемая нетерпимость к инакомыслию, чужой идеологии и культуре, в сочетании с опять же культивируемой исключительностью и величавостью как нации. Стоит напомнить, что большая часть страны была закрыта для посещения иностранцами до 1991 г., либо эти посещения носили контролируемый и ограниченный характер. Поездки советских граждан за рубеж также носили очень незначительный характер и были ограничены «дружественными» странами социалистического блока под присмотром сотрудников контролирующих служб. Таким образом, у россиян на момент «открытия страны» отсутствовал реальный опыт неконтролируемого общения с представителями других наций, опыт совместного проживания, т.е. не было опыта практической толерантности.

Еще одним следствием закрытости страны была невозможность сравнить собственный опыт с условиями жизни других народов, а отсюда эфемерность представлений о собственном благополучии и превосходстве (идеологическом, культурном, политическом и т.д.) Знакомство с уровнем, условиями жизни народов в других странах показало россиянам относительность завоеваний социалистического строительства и вызвало у многих шок, неприятие и даже отторжение информации, свидетельствующей о несоответствии декларируемых достижений социализма реальностям. Эта переоценка своей страны, ее места в мире происходила в условиях болезненного разрушения даже тех несовершенных завоеваний социализма, которые все же были достигнуты.

Все это привело к тому, что россияне оказались не готовы к столкновению и общению со значительным числом иностранных граждан, представителями других наций, рас, что стало неизбежным следствием открытости страны и попадания России на перекрестье миграционных потоков современного мира, и к нефильтрованному потоку информации и общения с представителями разных народов. Эта неготовность к общению и совместному проживанию проявляет себя в различных формах от бытового расизма до фобий, в ощущениях «угроз», в попытках воззвать к «России для русских», в оправданиях или замалчивании преступлений на национальной почве и т.д. Все это фактически призывы к привычному, защищенному от внешних воздействий и закрытому способу существования нации, возврата к которому нет, если только Россия не перейдет к политике жесткой самоизоляции. Таким образом, советский опыт не подготовил жителей России к вступлению в международное интенсивное не регулируемое государством обще-

ние, а напротив сформировал устойчивые установки, препятствующие практической толерантности.

В-третьих, распад СССР способствовал выявлению скрытого доминирования русской этнической, а достаточно быстро и конфессиональной составляющей, приближенной к власти, несмотря на заявления высших лиц Российской Федерации о многоконфессиональном характере российского общества. Если в СССР русские при всей своей близости к центру власти, распределения ресурсов и богатств страны должны были не выпячивать свою великоросскость, то знаменитое ельцинское «россияне» достаточно точно указывало на наличие титульной и преобладающей нации, которая теперь могла восстанавливать утраченные позиции и уже сознательно стремилась к поиску «потерянной родины» и идентичности.

Фактически создание РФ является таким же национальным проектом, как и формирование национальных государств на развалинах других советских республик, и в нем активное участие принимали большинство партий. Политический мобилизующий национализм стал правящей идеологией во многих странах переходного периода от социализма к либерализму и демократии, и Россия не является исключением. Строительство российской нации происходит в полном соответствии с законами этого процесса – через переписывание истории страны, подчеркивание жертвенности нации, в поисках подвигов и оснований для величия, формирования национальной идеи, которая бы объединила и сплотила разрозненных жителей и потребителей большой страны через осознание «национальных интересов», угроз «национальной безопасности», в национальных проектах, в противопоставлении «остальному миру».

Однако кроме мобилизации избирателей и граждан страны на подержание общенационального единства, политический этнонационализм опасен тем, что плохо контролируется, а также имеет массу осложнений для многонационального и открытого общества. Националистическая мобилизация в период демократического перехода нередко приводила к легитимации насилия против представителей других наций и этносов, легитимации именно на уровне общественного мнения, подкрепляющего выбор националистических лидеров. Именно националистическая риторика торжествовала в 1990-е гг. и торжествует до сих пор на всем постсоветском пространстве, включая и Россию.

Таким образом, всплеск радикального национализма, убийств на национальной, расовой и конфессиональной почве в различных городах России является побочным и неожиданным явлением для идеологов «возрождения России». Однако радикальные проявления «русской

идеи» являются закономерным следствием националистической риторики политиков, управленцев и политических партий России последнего десятилетия на фоне игнорирования и нерешенности насущных проблем общества, столкнувшегося с кардинальными изменениями экономических, социальных, политических и идеологических основ своего бытования.

Литература

1. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997.
2. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И. Степанова. М., 1999.
3. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
4. Snyder J. From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. N.Y., L., 2000.

Г.П. Зырянов, М.М. Волобуева Деятельность Администрации Алтайского края по профилактике и предупреждению конфликтов в этноконфессиональной среде

Уважаемые участники конференции! Позвольте приветствовать вас от имени Администрации Алтайского края⁴. По решению главы Администрации края А.Б. Карлина, который одним из основных приоритетов деятельности краевой Администрации назвал внимательную работу с людьми, было создано управление, в чьи полномочия вошло взаимодействие с населением, со всеми общественными силами и политическими структурами.

Именно данное управление в структуре Администрации края осуществляет взаимодействие с политическими партиями, общественными и религиозными объединениями. Тема данной конференции затрагивает тот спектр работы управления, который отражает взаимодействие с религиозными и национальными сообществами.

Наша конференция, посвященная изучению проблем возникновения этноконфессиональных конфликтов как вызовов современному обществу, началась в то время, когда в Москве проходит Всемирный саммит религий, организованный по инициативе Русской православной церкви и под руководством Министерства иностранных дел РФ. В Москву съехались более 150 делегаций руководителей самых раз-

⁴ Доклад был прочитан на пленарном заседании начальником управления Администрации Алтайского края по работе с обращениями граждан и общественными объединениями Г.П. Зыряновым.

нообразных религиозных объединений мира из более чем 40 стран. Лидеры крупнейших конфессий собрались в Москве в преддверии саммита руководителей стран Большой Восьмерки в Санкт-Петербурге. Символично, что Российская Федерация впервые принимает такое авторитетное собрание религиозных лидеров. Несомненно, это свидетельствует:

- о росте международного авторитета России в мировом сообществе;
- об укреплении демократических преобразований в российском обществе, направленных на защиту и соблюдение основных прав и свобод человека, в том числе и свободу вероисповеданий;
- о желании конфессиональных лидеров открытого диалога и сотрудничества с политической властью для более деятельного участия в решении глобальных проблем современности.

Поэтому наша с вами сегодняшняя конференция является региональным продолжением того масштабного процесса, который начинается в современном обществе. Ни для кого не секрет, что процессы глобализации в мире усиливаются, и Россия как часть мирового сообщества испытывает влияние этих процессов. Вырабатываются некие стандарты экономики, политики и массовой культуры. Однако в религиозной среде универсальность и единообразие невозможны по определению. Поэтому различным религиям и культурам придется научиться сосуществовать в современном обществе в режиме взаимоуважения и возможного сотрудничества. Органам государственной власти необходимо обеспечить гарантии конституционных прав для всех граждан, создать климат толерантности и соблюдения законодательства, прогнозировать и предупреждать любые проявления конфликтности и деструктивности в этно-конфессиональных средах.

Для органов государственной власти это нелегко, потому что в Российской Федерации сегодня действует более 22 000 религиозных объединений 68–70 конфессиональных направлений, и столкновения интересов различных религиозных организаций неизбежны.

В нашем Алтайском крае зарегистрировано 257 религиозных организаций, представляющих более 20 конфессий. Анализ этно-конфессиональной ситуации в Алтайском крае и изучение опыта других субъектов Российской Федерации показали, что сегодня проявления конфликтности в этно-конфессиональных средах классифицируются по следующим типам.

Внутриконфессиональные конфликты, которые являются наиболее частыми и пролонгированными. Данные конфликты, как правило, возникают в результате перераспределения властных полномочий в религиозной организации, смены административного руководства,

финансовых недоразумений, претензий к лидеру религиозного объединения со стороны верующих и т.д. Органы государственной власти не имеют юридического права вмешательства в данные конфликты, если конфликтные процессы не отражаются на гражданских правах верующих и на общественном спокойствии. В Алтайском крае имели место факты внутриконфессиональной конфликтности. Это некоторые проблемы 2004–2005 гг. в мусульманской общине, связанные с определением собственности на здание соборной мечети г. Барнаула. Сегодня здание передано мусульманской общине краевого центра. Необходимо упомянуть конфликт 2004–2005 гг. между двумя организациями адвентистов 7 Дня различной административной подчиненности. Сегодня обе общины мирно делят здание молитвенного дома ул. 5-ая Западная в г. Барнауле. Администрация края владеет информацией о современных конфликтных ситуациях в ряде религиозных организаций края, но не озвучивает их и не вмешивается без необходимости, соблюдая политический этикет.

Межконфессиональные конфликты также являются одними из самых распространенных. Как правило, предметом межконфессиональных конфликтов является миссионерская деятельность религиозных объединений, где сталкиваются интересы по привлечению в свои ряды граждан как исторически присущих российским территориям религиозными направлениями, так и новыми религиозными объединениями. На территории практически всех субъектов Российской Федерации сегодня возникают межконфессиональные конфликты. Только за 2005 г. в аппарат уполномоченного по правам человека в РФ поступило более двухсот жалоб подобного характера. В Алтайском крае за последние 2005–2006 гг. активисты Русской православной церкви пикетировали публичные мероприятия адвентистов 7 дня в мае 2004 г., христиан веры евангельской в связи с приездом английского проповедника Дэвида Хасавея весной 2005 г., ежегодные августовские конгрессы Свидетелей Иеговы на стадионе «Динамо» в краевом центре, благотворительные акции евангельских христиан-баптистов в районах края. Данные конфликты не получили временного и пространственного продолжения на территории края, сохранив только некоторую степень межконфессиональной напряженности. В данном случае органы государственной власти обязаны вмешиваться и способствовать процессу их разрешения исходя из положений Закона «О противодействии экстремистской деятельности» 2002 г. С представителями конфликтующих конфессиональных сторон Администрация края неоднократно проводила беседы и правовые консультации.

Государственно-конфессиональные конфликты имеют место на территории ряда субъектов РФ. Они в основном возникают из-за предоставления земли для строительства культовых объектов, передачи в собственность и реституирования ряда объектов, ранее являвшихся зданиями культового назначения. В Алтайском крае конфликтная ситуация как таковая в данном выражении отсутствует. Но Администрация края владеет информацией о настроениях в Русской православной церкви, мусульманской общине, Римско-католической церкви по вопросам возврата ряда объектов недвижимости, которые сегодня имеют большое социо-культурное значение для края, и ведет серьезную работу по изучению путей разрешения данных вопросов.

Необходимо отметить, что с принятием 131-ФЗ «Об основных принципах организации органов местного самоуправления» полномочия по выделению земельных участков в том числе религиозным объединениям, возврата собственности, решений вопросов благотворительности и опеки перешли муниципалитетам и представительным органам власти. Об этом, видимо, знают еще не все руководители национальных и религиозных объединений, предъявляя претензии к краевой администрации. Администрация края ведет в этом направлении консультативную и разъяснительную работу.

Особый вид **СМИ-конфессиональных конфликтов**, которые особенно распространились в мировой и отечественной прессе за период 2006 г. в связи с протестами мусульманской общественности против резких публикаций в европейских СМИ. Необходимо отметить, что с периода 90-х гг. XX в. и по настоящее время СМИ-конфессиональная конфликтность в России являлась особенно болезненной проблемой. Интерес к религии, который проснулся в постсоветском отечественном сообществе, отразился в безграмотных и нередко провокационных публикациях в различных СМИ. Страницы СМИ становились полем выяснения межконфессиональных отношений и даже средством использования религиозной карты в черном политическом пиаре. В Алтайском крае пик конфликтности пришелся на 2002 г., когда со стороны ряда конфессий (евангельских христиан, пятидесятников, Общества сознания Кришны) были направлены гражданские иски в суд против ряда региональных СМИ «О защите чести и достоинства». Хочу подчеркнуть, что все дела конфессиями были выиграны, а СМИ присуждены различные штрафы. Администрация края вмешалась в создавшуюся ситуацию, были проведены 2 тематических «круглых стола» в 2002 и 2005 гг., посвященных проблеме экстремизма в СМИ в отношении религиозных объединений и профессиональной этике журналистов, необходимой при работе с конфессиональной

тематикой. Сегодня отдельные публикации в районных СМИ края имеют место, но Администрация края ведет с руководителями конфессий и СМИ профилактическую работу и призывает также органы местного самоуправления решать проблемы с конфессиями на законодательном уровне, а не выяснять с ними отношения на страницах прессы.

В крае, кроме более чем двух с половиной сотен религиозных объединений, проживают представители 141 национальности и народности. В крае существует определенная социальная напряженность, которая является следствием многих сложностей в социально-экономической ситуации в регионе, тем не менее, **проявления межэтнической и этно-конфессиональной конфликтности** в крае сегодня как таковые отсутствуют. Опрос администраций городов и районов края, проведенный Администрацией края в 3 квартале 2005 г., выявил незначительные разовые межэтнические столкновения только в 1 районе края, которые объяснялись бытовыми проблемами и не носили предметного националистического или шовинистического характера. Изучение Администрацией края проблемы миграции выявили проблему бесконтрольного потока мигрантов из регионов Закавказья и Средней Азии на территорию края, и негативное отношение к ним со стороны населения, которое пока не привело к развитию конфликтности.

В таком насыщенном поликонфессиональном и многонациональном сообществе, в сопровождении потока миграции, в Алтайском крае потенциальная возможность возникновения каких-либо видов конфликтов **будет существовать**.

Главные задачи органов государственной власти и местного самоуправления, в первую очередь, Администрации края, – **анализировать** сущность уже состоявшихся конфликтов; постоянно изучать этноконфессиональную ситуацию в регионе, **прогнозировать** возможность возникновения и развития этноконфессиональных конфликтов в регионе, изучая факторы, влияющие на их развитие; **осуществлять профилактику** возникновения и развития этноконфессиональных конфликтов в регионе посредством уже разработанных краевой Администрацией и **осуществляемых мер. Среди них следующие:**

- проведение встреч и «круглых столов» совместно с активом конфессиональных объединений под руководством Администрации края, посвященных законодательным основам деятельности религиозных объединений РФ и государственной политики в области этноконфессиональных отношений;
- проведение на базе повышения квалификации государственных служащих и сотрудников администраций органов местного само-

управления лекций о специфике этно-конфессиональной ситуации в регионе, потенциале конфликтности в этно-конфессиональных средах и мерах их разрешения и предупреждения;

- координация совместных с правоохранительными органами профилактических мер по предупреждению и профилактике проявлений экстремизма на этно-конфессиональной почве в Алтайском крае.

Администрация края прилагает все усилия, чтобы в нашем регионе не звучали шовинистические лозунги, люди не оскорбляли и не унижали друг друга по этническому или религиозному признаку. Алтайский край сегодня является одним из субъектов Российской Федерации, где планка конфликтности находится на самом низком уровне. Мы продолжаем работать в данном направлении, но и призываем общественные силы, руководителей конфессий, научных деятелей включиться в эту нелегкую работу на наше с вами всеобщее благо.

И.А. Еремин

Проект «сбережения народа»: консервативный и либеральный подходы

Позицию, согласно которой главной задачей российской власти должно быть «сбережение народа», всемирно известный писатель и правозащитник А. Солженицын высказывал неоднократно. Последний раз об этом он заявил в интервью газете «Московские новости» [1]. В настоящее время в обществе оживленно обсуждается возможность придания предложению А. Солженицына статуса еще одного национального проекта. Подобного рода дискуссия стала следствием того, что в своем ежегодном послании Федеральному Собранию Президент России В. Путин не только процитировал А. Солженицына, но и, признав ситуацию в демографической сфере катастрофической, предложил конкретную программу государственной поддержки рождаемости. В этой связи представляет интерес консервативный и либеральный подходы к решению демографической проблемы в современной России.

Идейным лидером консерватизма в нашей стране, на наш взгляд, является А. Солженицын. Сам он определяет консерватизм как «стремление сохранять и отстаивать лучшие, добрые и разумные традиции, оправдавшие себя в многовековом народном действовании». Именно опираясь на них, сторонники консерватизма надеются вывести Россию из состояния, получившего символическое название «Русский крест». Под этим понимается трагическая ситуация, когда кривая смертности в нашей стране пересекла кривую, отражающую небывалый спад рождаемости, и естественный прирост после 1991 г. сменился естественной убылью населения. В последнее время численность населения РФ ежегодно сокращается в среднем на 700 тыс. чел. А. Солженицын считает, что речь идет о «физическом вымирании русского народа».

Чтобы выправить ситуацию, по словам писателя, необходимо предпринять «все меры по поднятию общенародного жизненного уровня – в бытовом, пищевом, медицинском, образовательном и моральном отношениях». А. Солженицын и его идейные сторонники по консервативному лагерю считают, что без уменьшения того гигантского социального неравенства, которое сложилось в нашей стране за последнее десятилетие, изменить что-то к лучшему в демографической сфере невозможно. Сторонники консервативной идеи предлагают, для заметного повышения уровня жизни населения в достаточно короткие сроки, направить доходы от эксплуатации общенародных природных ресурсов на нужды всего общества, а не на сверхобогащение горстки олигархов, называемых А. Солженицыным «грязнохватами». Это позволит значительно уменьшить нищету и бедность в нашей стране, предоставить многим миллионам людей доступное и качественное образование, здравоохранение, жилье. Кроме того, использование в общенациональных интересах этих средств будет способствовать созданию в нашей экономике наукоемких отраслей, что позволит России заметно сократить безработицу, предоставить трудоспособным гражданам достойную заработную плату и стать современной промышленно развитой страной, а не сырьевым придатком ведущих стран Запада. Консерваторы настороженно относятся к миграции как средству выхода России из демографического кризиса. Они считают, что упор здесь должен делаться на поощрение рождаемости и уменьшение смертности населения Российской Федерации.

Не менее важным делом в «сбережении народа» консерваторы считают морально-нравственное оздоровление общества. Они предлагают использовать все государственные ресурсы для того, чтобы остановить тот чудовищный вал насилия и разврата, который через средства массовой информации ежедневно обрушивается на граждан РФ, прежде всего, морально калечит молодежь. Вместо навязчивой пропаганды разного рода пороков, по мнению консерваторов, упор в информационной политике страны следует сделать на укрепление авторитета семьи, материнства. Видное место в этой работе отводится традиционным религиозным конфессиям России.

Свое видение демографической катастрофы в современной России имеет правящая элита, стоящая на идейных позициях либерализма. Лидером этого направления в российской политике, на наш взгляд, является Президент В. Путин. В отличие от своего предшественника, в своих выступлениях он демонстрирует глубокое понимание тех проблем и вызовов, с которыми сталкивается сегодня страна. Более того, Президент достаточно органично использует в своих речах некоторые консервативные постулаты, в том числе и о «сбережении народа». Как мы от-

мечали выше, руководитель государства не только поддержал инициативу А. Солженицына, но и выступил с масштабной программой поощрения рождаемости. На первый взгляд, может показаться, что либералы и консерваторы идейно объединились для решения самой важной проблемы страны.

Однако такое впечатление, по нашему мнению, как минимум, преждевременное. Все дело в том, что правильно и честно обозначить проблему и озвучить пути ее решения еще недостаточно для успеха дела. Вопрос упирается в наличие ресурсов, необходимых для реализации предложенных обществу проектов. Здесь, судя по всему, все остается на прежних либеральных позициях. Олигархия, как и раньше, будет платить тринадцатипроцентный подоходный налог, получать львиную долю доходов от эксплуатации общенациональных природных ресурсов, вывозить их за границу, приобретая еще больше недвижимости, футбольных клубов, яхт и т.д. Экономика «нефтяной трубы», которую в период чубайсовской приватизации ловко «оседлали» представители компрадорской олигархии, остается неизменной. По данным политолога И. Бунина, в случае падения цены на нефть на мировом рынке даже до уровня сорок долларов за баррель, финансовое обеспечение президентских инициатив станет невозможным.

Совершенно неясным остается и вопрос о том, каким образом власти собираются укреплять авторитет семейных ценностей. Господствующая в современной России либеральная идеология, прочно утвердившаяся в СМИ, прежде всего электронных, помощницей Президенту в этом деле, как минимум, не станет. Следовательно, будет продолжаться ежедневная пропаганда насилия и разврата, разного рода телевизионные «дома» будут и дальше «учить» нашу молодежь, как самым бесстыжим образом «строить свою любовь» и т.д. Хотя даже некоторые высшие правительственные чиновники РФ признают, что подобного рода передачи способствуют дебилизации молодого поколения, остановить это моральное уродство власти не рискуют, в том числе из-за опасения быть обвиненными политической элитой Запада в «наступлении на общечеловеческие ценности» и «нарушении прав человека». Поэтому идейный лидер российского консерватизма А. Солженицын не ждет никаких реальных перемен в политике правящей либеральной элиты. Как с горечью заявил великий писатель, в России у власти находится маленькая «сплотка» людей, которой безразлично, а выживет ли вообще народ, которым она управляет.

Литература

1. Московские новости. 2006. №15. С. 22–23.

Л.Г. Коваленко

Проблема толерантности в современной России

Россия многонациональная и этноконфессиональная страна, что придает ей неповторимую особенность, но и является источником сложных проблем внутри и вовне. В этом плане можно выделить такие проблемы, как: сохранение и развитие национальных культур, включающих сохранение языка, традиций, национальных ценностей; преобладающая религия и ее стремление заявить о себе и утвердиться в сознании и социальной жизни; обретение собственной формы государственности. Все эти сложные вопросы российского социума определяют объективно необходимость воспитания толерантности, как показателя высокого уровня культуры общества, его цивилизованности, а с этим в настоящее время большие трудности в нашей стране. Подрастает новое поколение 1990-х гг., оказавшееся в труднейшей ситуации, когда невозможно удовлетворить значимые для человека потребности – получения образования, профессии, работы, достойного уровня жизни. Возникает напряжение, чувство безысходности, отчаяния. В такие переходные периоды развития общества, в процессе революционной его ломки или трансформации у политических лидеров, активных и продвинутых групп растет желание вмешаться в происходящие процессы, направить их развитие, приспособить к своим целям, манипулируя общественным сознанием и поведением. Осуществляется сознательное воздействие на общественное сознание, изменение естественной логики развития, его искажение, а также дезорганизация социального поведения. Субъектами манипулирования являются политические партии, группы давления, многие из которых выражают интересы олигархических, плутократических и националистических кругов, присвоивших политическую и экономическую власть в стране. Основные средства, используемые ими – пропаганда (устная и печатная) слухи, мифы, пиар-технологии, реклама, телевидение. Так, осенью 1999 г. и зимой 2000 г. активно внедрялась мысль, что стране угрожает диктатура, фашизация страны. И определенный процент населения воспринял эти мысли, активно проводимые СМИ в массовое сознание. По существу, в отношении граждан проводится информационное насилие, что, естественно, создает ощущение грядущей катастрофы. Националистические и ультрапатриотические партии, движения все беды видят в «черномазах», «лицах кавказской национальности», инакомыслящих, «инаковерующих», т.е. следует подчеркнуть, что в России сегодня большинство политических партий использует метод «найти врага» и «навесить» на него ответственность за все беды в прошлом, настоящем и будущем, если «враг» придет к власти. В данной ситуа-

ции оппонент воспринимается как «враг», которого надо подавить, утратить. Этот прием используется даже в институтах госвласти, например, Государственной Думе РФ.

На этом социально-политическом фоне особенно острой представляется проблема социального поведения молодежи: нетерпимость к людям другой национальности и участвовавшие в последнее время нападения на этих «других» при попустительстве правоохранительных органов и общества в целом, когда убийство и другие акции бритоголовых рассматриваются как детская шалость. Некоторая агрессивность исходит и от представителей различных конфессий, например, стремление Русской православной Церкви ввести новую учебную дисциплину в школе, направленную на изучение истории православия (эти курсы, имея различное название, уже вводятся в некоторых регионах), хотя в России есть ислам и другие религии. Это может обострить межрелигиозные отношения, что впрочем, уже имеет место на родных просторах.

Проблема толерантности приобретает первостепенное значение в воспитательном процессе, начиная, быть может, с детского сада. Хотя основы закладываются в семье, школа, вуз, вообще коллектив приобретает первостепенное влияние. Но должна быть государственная программа, которая определяет цели и задачи образования и культуры. Важны также социальные программы, в которых бы люди не разделялись на «1 и 2 сорт». В этом плане имеет значение общий рост культуры всех наций и диалог культур, который может разрешить этнические конфликты и межнациональные противоречия, найти гуманистический смысл для движения навстречу друг другу. Именно диалог – важнейшая форма общения между людьми, народами, в культуре – это взаимное познание, отказ от насилия, поиск взаимной истины мирными средствами, уважение к интересам и правам другой стороны, бескорыстие, терпимость и справедливость. Главное в диалоге – язык, он играет объединяющую роль в межнациональных отношениях. Для России необходима гармонизация межнациональных отношений и, следовательно, совершенствование двуязычия. Сильное государство, гуманистически ориентированное, существующее для человека, гарантирует развитие культур, их диалог. В полиэтнической стране необходимо формирование чувства не только этнической принадлежности, но и ощущение себя российским человеком, что объективно создает условия для единения народов, чувства общей Родины. И еще одна важная задача, решение которой также определяет толерантность поведения – формирование нравственного идеала (от старых отказались, а новые отсутствуют). Сегодня нравственный беспредел сметает на своем пути все, что порождается истинной свободой, выполнением гражданского долга.

Отказ от корней, от наследия не проходил еще никогда бесследно, и только там, где новые реалии переплетаются с учетом национально-специфического, с традициями, дела идут успешно. Поэтому, как представляется автору, необходимо «вспомнить» дружеские отношения, существовавшие между людьми разных национальностей в недавнем прошлом, ощущение единой советской принадлежности (чувство родины) и продолжить эти традиции уже на новом уровне и формировать подобное чувство российского человека (это, как уже отмечалось, чувство единения, родины).

Л.Е. Козлов
Российско-китайские отношения в оценках жителей
Дальнего Востока

Зимой 2005–2006 гг., в рамках работ по гранту Президента России МК-987.2005.6, был проведен опрос «Общественное мнение Дальнего Востока о внешней политике и международных отношениях Российской Федерации». В дополнение к нему было проведено 20 глубинных интервью во Владивостоке. Многие из вопросов, заданных 1200 респондентам Приморского и Хабаровского краев, Амурской и Сахалинской областей, Еврейской АО, в той или иной степени затрагивали проблемы российско-китайских отношений.

Около половины респондентов высказалось за то, чтобы основным географическим приоритетом внешней политики России стали страны Восточной Азии. При этом большинство респондентов (67,7%) полностью или частично признало, что международные интересы Дальнего Востока существенно отличаются от международных интересов России в целом. Свой интерес к Восточной Азии опрошиваемые аргументировали, прежде всего, влиянием Китая в современном мире: «Это глобальная страна, которая скоро будет ведущей страной мира. Причем однозначно, без всяких сомнений».

Заметно более высокий интерес к сотрудничеству с Восточной Азией проявили Приморский край (56,7%) и Амурская область (54,5%). Отличающиеся от них результаты Сахалина (39,6%), а также Хабаровского края и ЕАО (38,8%), скорее всего, можно объяснить отсутствием в Хабаровске и на Сахалине своих «Суньки» и Хэйхэ (то есть меньшим объемом личных контактов населения с китайцами).

Дальневосточные респонденты испытывали минимальные затруднения в оценке отношений России и Китая, по сравнению с другими зарубежными странами, включенными в анкету. Состояние межгосударственных отношений России и Китая около половины респондентов оценило как хорошее. Положительная оценка оказалась более свойственна молодежи и женщинам. Здесь опять-таки наблюдался раз-

рыв между Приморьем (55,9%) и Амурской областью (54,5%) с одной стороны и Сахалином (33,3%), Хабаровским краем и ЕАО (45,6%) с другой стороны.

Позитивные оценки межгосударственных отношений не стоит считать проявлением дружественных чувств к Китаю. Неоднократно респонденты заявляли о разрыве между официально демонстрируемой дружественностью руководства России и Китая и реальным состоянием российско-китайских связей на Дальнем Востоке: «Русские с китайцами друг другу не верят, считают друг друга неполноценными. Вот. Если же с формальной стороны, то все складывается, мне кажется, что по нарастающей». А также: «Они [межгосударственные отношения], наверно, лучше, чем просто у отдельного китайца с русским», «Дружелюбно друг другу улыбаются, а говорят – и как бы держат крестики за спиной. Не холодные, а лицемерные что ли». Встречалось мнение, что с азиатскими странами в принципе не может быть доверительных отношений, ввиду различий в менталитете.

Часто респонденты отмечали вынужденность современной «дружбы» России и Китая, отсутствие пространства для маневра, если эти отношения для России складываются неблагоприятно: «Он большой, их так много. С ними более важно [развивать отношения]. Они нас могут массой задавить». Или же: «Мне кажется, что с Китаем у нас очень осторожные отношения. Мы против них не вякаем, да и вообще против них никто не вякает в последнее время. Они травят уже много лет, и никаких рычагов влияния на них реальных не было, и нет до сих пор».

Почти половина респондентов назвала зарубежную иммиграцию главной внешней угрозой, стоящей перед Дальним Востоком. Респонденты почти всегда поясняли, что имеют в виду Китай, постоянно используя такие термины, как «засилье китайцев», «нашествие китайцев». Комментарии на эту тему давались без малейшего проявления политической корректности и толерантности, например: «Китайцы, собаки, внедряются и, как черви, расползаются. Они как раковая опухоль». Или же: «Они нас задавят массой. Посмотри, они кругом, они хитрые, им территории нужны. А мы отступаем, отступаем». Часто встречались пессимистические прогнозы, такие как: «В курсе да, что скоро мы станем китайской провинцией?».

Китайскую иммиграцию респонденты называли первопричиной других угроз, упомянутых в анкете: военного конфликта, заполнения российского рынка иностранными товарами, эпидемий и др. Опасения относительно китайской иммиграции оказались более выражены среди мужчин и лиц старше 51 года. Даже на удаленном от границы с Китаем

Сахалине регулярно приходилось слышать, что туда приехало слишком много китайцев.

Люди, являющиеся наемными работниками, к китайской трудовой иммиграции относились, как правило, негативно: «Неужели у нас своих работников нет?». Категорически не приемлет идею безвизового режима с Китаем старшее поколение: «Как здесь было спокойно, когда граница была закрыта!». Но респонденты, которые могут себя поставить на место работодателя, понимают необходимость импорта рабочей силы: «Так как русский Ванька сидит на печи и ничего не делает, то я, конечно, найму иностранного рабочего». При этом подавляющее большинство респондентов (85%) уверено, что центральное правительство мало учитывает интересы Дальнего Востока, в том числе в сфере внешней политики и миграционной политики.

Следующей по значимости внешней угрозой опрошенные назвали экономическую экспансию соседних держав (22,6%). Китай снова оказался здесь основным раздражителем: «Эта экспансия уже давно. Мы в ней живем! И товары, и рабочие – все не наше!». Зачастую респонденты поясняли, что экономическая экспансия извне не является угрозой, потому что внешний контроль над рынком Дальнего Востока представляет собой свершившийся факт. Выше среднего эти опасения оказались в Амурской области, очевидно, по причине того, что китайский город Хэйхэ расположен на противоположном от Благовещенска берегу реки Амур и является основным местом шопинга жителей области.

Большинство респондентов (68%) высказало мнение, что социально-экономическое развитие Дальнего Востока существенно зависит от внешней политики России в АТР, в том числе от отношений России и Китая. В Хабаровском крае и ЕАО ощущение зависимости от внешней политики оказалось заметно ниже нормы (56,5%), равно как и удовлетворение внешней политикой В.В. Путина (63% против 69% в среднем). Возможно, причиной этого стало недовольство Дополнительным соглашением 2004 г., в результате которого Китаю отошел остров, видный из центра Хабаровска невооруженным глазом, и экологической катастрофой 2005 г. в реке Амур после взрыва китайского химического завода.

По мнению 58,9% респондентов, внешняя политика России в АТР должна иметь главной задачей развитие экономики Дальнего Востока: «Если мы экономически несостоятельны, то Дальний Восток не будет развиваться, как положено, то есть не будет людей. А не будет людей, некому будет работать и т.п., и рано или поздно мы будем не так смотреть на Китай, как сейчас мы на них, а они на нас

так, типа: «А, это Россия, у них всё отстой». Официальные сообщения о ежегодном увеличении товарооборота России и Китая, судя по всему, улучшают восприятие российско-китайских отношений, ведь самым убедительным доказательством хороших межгосударственных отношений большинство назвало тесное экономическое сотрудничество (53,4%).

Необходимость экономических связей с Китаем подчеркивалась неоднократно: «У Китая сейчас со всеми хорошие отношения. Против них никто не выступает. Они как бы играют в своем направлении. Сотрудничать с ними – это выгодно. Они делают нам поблажки, мы – им». Однако успехи Китая в экономике зачастую рассматривались как угроза России, потому что жители Дальнего Востока убеждены в неспособности отечественной экономики конкурировать с китайской: «Америка же не берет тот ширпотреб, что мы берем. Весь мир берет китайское, но мы не можем запретить им везти к нам такую гадость, бедная мы страна». Знание о проблемах Китая у многих вызывает ироничную или даже одобрительную реакцию.

По мнению 28,1% респондентов, обычно акцентирующих внимание опять же на Китае, международная безопасность стоит выше экономической выгоды: «Нам нужно укреплять границы. Нужно для китайцев ужесточить правила проживания: Они нас задавят – и всё. А ведь у них такие планы! Им это выгодно». Правда, военный конфликт с Китаем, в советское время казавшийся реальным, редко кому сейчас представляется потенциальной угрозой. Старшее поколение еще помнит о провокациях на советско-китайской границе, но молодежь, даже в Приморском крае, почти ничего не знает о боях на Даманском.

В целом опрос показал, что в сознании дальневосточников интерес к сотрудничеству со странами Восточной Азии гармонично уживается с подозрительностью и опасением относительно своих соседей, прежде всего, Китая. Международная ситуация вокруг Дальнего Востока воспринимается местными жителями с тревогой. Экономическое и политическое сотрудничество с Китаем осознается как необходимое, но перспективы этого процесса внушают жителям Дальнего Востока мало оптимизма. Устойчивые антикитайские стереотипы в массовом сознании Дальнего Востока продолжают сохраняться. Фактическое состояние российско-китайских отношений, особенно на региональном уровне, не позволяет предположить, что эти стереотипы исчезнут в обозримом будущем.

В.Н. Козулин
**О некоторых особенностях формирования в России
образа ислама и мусульманина**

В наше время негативный образ ислама и мусульманина, сформировавшийся в европейской цивилизации еще в эпоху средневековья, вновь необычайно актуализировался. Это связано с усилением противостояния западной и исламской цивилизаций, небывалым ростом актов взаимной агрессии (со стороны исламского мира – в основном, в виде терактов, со стороны Запада – в виде военно-политического, экономического и культурного давления). Не нужно говорить, что и нашей страны эта тенденция противостояния в последние годы очень серьезно коснулась.

В настоящем сообщении мы рассмотрим некоторые особенности эволюции образа мусульманина (и ислама) именно в российском обществе, попытаемся выявить специфику их восприятия в России. Рассмотрение этого вопроса, надеемся, послужит очередным скромным вкладом в копилку исследований бескрайней проблемы общественных стереотипов.

Чем больше занимаешься вышеозначенной проблемой, тем больше убеждаешься в значительной роли историко-культурного фактора в формировании стереотипов межэтнического и межконфессионального восприятия. Таким образом, чтобы понять специфику формирования образа мусульманина в России, следует кратко рассмотреть историю взаимоотношений русской (христианской) культуры с исламом.

Исторически так сложилось, что ислам проникал в Россию сравнительно мирно и с древнейших времен на ее территории уживался с господствующей религией – христианством. Во всяком случае, отношения русских с мусульманами не были омрачены в средние века крестовыми походами.

Вообще, в истории России отношение как властей, так и общества к исламу и мусульманам было противоречивым и непостоянным. После освобождения от татаро-монгольского ига началась колонизация мусульманских территорий и зачастую насильственная христианизация их жителей. В XVIII–XIX вв. отношение властей к мусульманам часто было протекционистским: в исламе видели консервативную наднациональную силу, отвлекающую народы от национального сепаратизма. С началом Кавказской войны отношения с исламом, конечно, не могли не стать более напряженными, но, тем не менее, это не привело к такому росту антимусульманских настроений, как сейчас. Напротив, многие русские писатели романтизировали даже образ свободолюбивых горцев (справедливости ради, заметим, что встречались в это вре-

мя и естественные негативные стереотипы вроде «злого чечена» – но все же не «мусульманина» вообще).

Отношение советской власти к мусульманам также было противоречивым. Поначалу большевики были весьма лояльны к мусульманам, видимо, желая использовать мусульманскую карту для расширения своей социальной базы. В ноябре 1917 г. было издано обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России», в котором мусульманам гарантировалась свобода вероисповедания и национального самоопределения. Позднее оказалось, что это обещание, как и многие другие обещания большевиков, носило чисто декларативный характер.

Великая Отечественная война сплотила население России, в том числе и русских с мусульманами. Мусульмане сражались плечом к плечу с русскими, среди них было много героев. После войны в СССР, несмотря на продолжавшиеся преследования верующих мусульман, как и представителей других религий, в целом сформировался относительно благоприятный и даже романтизированный образ мусульманских народов, что видно хотя бы по тогдашнему кинематографу.

Уже с конца 1970-х гг. в стране усугубляется подозрительность к мусульманам, связанная с исламской революцией в Иране и войной в Афганистане. Но еще более резкое ухудшение отношения к мусульманам произошло, конечно, в новой, постсоветской России, и на государственном уровне, и в общественном сознании. Одним из главных факторов стала Чеченская война и последовавшие затем террористические акты по всей России. Дополнительное масло в огонь подлили акты международного терроризма и начавшийся после этого всплеск антиисламских настроений во всем мире.

Коснулась России в настоящее время и другая общемировая тенденция в отношении к исламу, прямо противоположного свойства. Известно, что образ инога, искусственно создаваемого общественным сознанием «монстра», зачастую приводит к обратному феномену этого сознания. Многих неведомое и демонизированное чужое начинает притягивать. Чаще всего разочарование в собственной цивилизации, во все времена характерное для европейцев, подталкивает к такой симпатии к иному. Для образа инога вообще характерны крайности. Возможно, чрезмерная раскрученность образа ислама как «чужого монстра» является одной из главных причин возросшего положительного интереса к исламу (вплоть до перехода в ислам), и эта тенденция тоже особенно затронула россиян.

По разным данным численность этнических русских, принявших ислам, в России в последнее время неуклонно растет (по данным Совета муфтиев России, это число исчисляется уже десятками тысяч еже-

годно в одной только Москве). Каковы же мотивы возрастающей симпатии русских к исламу?

Отчасти, это тот же самый психологический мотив, что и у других европейцев – недовольство собственной цивилизацией. Так, по данным Б. Кнорре, автора статьи «Ислам в России», опубликованной на информационном портале «Portal-credo.ru», многие новообращенные русские мусульмане признаются, что на чтение Корана и интерес к этой религии их подвигли удары по Америке 11 сентября и последовавшие за этим «вопли о «религиозном терроризме», «экстремизме» и т.п.

Другим, не менее важным и уже, пожалуй, специфически российским мотивом исламофилии является, по словам того же Б. Кнорре, определенное разочарование в православной церкви. Православная церковь является для прошедших долгие годы в атеизме россиян своего рода «заезженной пластинкой». К тому же в последнее время церковь часто компрометируется то средствами массовой информации, смакующими реальные и вымышленные подробности из жизни отдельных ее представителей, а то сама себя компрометирует в глазах определенной части общества своей чересчур конформистской, прогосударственной позицией. Поэтому ислам, играя в принципе на том же поле возвращения к традиционным патриархальным ценностям, что и православие, зачастую оказывается (по крайней мере, в глазах некоторых) в более выигрышной, менее уязвимой позиции, чем православие.

Несмотря на известную долю конкуренции ислама с православием в борьбе за людские души, на уровне православной и мусульманской религиозных элит России все больше наблюдается тенденция к консолидации. Контуры конфессионального сотрудничества православия и ислама в России намечаются, например, в статье Н. Нарочницкой «Исламский мир: геополитическое и цивилизационное соперничество», опубликованной на информационном портале «Pravoslavie.ru». Точки соприкосновения ислама и православия в настоящий момент – это, конечно, общая антизападная позиция, противостояние западным ценностям, стремление сохранить собственную цивилизацию, а, проще говоря, собственный патриархально-общинный уклад. В последнее время, действительно, лидеры православной церкви и мусульманства России все чаще блокируются по вопросам защиты традиционных ценностей и противостояния либеральным веяниям – например, в осуждении карикатур на Магомета, книги и фильма «Код да Винчи», демонстрации секс-меньшинств и т.п.

Чтобы сделать окончательный вывод о специфике складывания современного образа мусульманина и ислама в России, обратимся к данным некоторых социологических опросов. Для сравнения сначала при-

ведем данные опроса, проведенного «Институтом изучения общественного мнения» в Германии в 2004 г. (опубликованного во «Frankfurter Allgemeine Zeitung»). Согласно его данным, наиболее часто возникающие у немцев ассоциации со словом «ислам» – это «угнетение женщины» (93% опрошенных), а также «террор», «фанатизм и радикализм» (83%).

В случае с россиянами, как можно предположить, «феминистская» составляющая негативного образа ислама не должна быть так сильно выражена (у немцев она – на первом месте). Между прочим, у русских наибольшей симпатией ислам пользуется как раз среди женщин (быть может, некоторые тоскуют по домостроевским патриархальным устоям, где женщина должна знать свое законное место, а не заниматься сама обеспечением семьи – см. статью «Почему русские принимают ислам» в «Комсомольской правде» от 21 окт. 2003 г.).

Действительно, по данным аналогичного опроса россиян, проводившегося Фондом «Общественное мнение» в 2003 г., у большинства (40% опрошенных) ислам ассоциируется с «терроризмом», «бандитами в мировом масштабе», «фанатиками» и т.п. Однако при этом почти столько же (36%) продемонстрировали, как ни странно, более нейтральное и даже миролюбивое отношение к исламу, высказавшись, что «ислам» ассоциируется у них с «мировой религией», «такой же религией, как и другие». Исключительно положительные ассоциации ислам вызвал только у 3% («что-то возвышенное», «чистота», «человечность», «справедливость») – очевидно, как раз у потенциальных приверженцев ислама (исконные мусульмане здесь не шли в расчет).

Гораздо более негативную картину показал опрос, проведенный Центром Ю. Левады в прошлом году. По данным этого опроса, 58% русских выступают против того, чтобы мусульмане приезжали в российские города и жили в них. А 20% оправдывают нападения «скинхедов» на приезжих из южных регионов. Но в последнем случае, думается, отразился общий рост ксенофобских настроений в России в последние годы (заслуживающий отдельного исследования), а не только «антимусульманская» ксенофобия. Первый опрос все же позволяет с очень осторожным оптимизмом говорить об определенном потенциале налаживания добрососедских отношений с мусульманами. Этот потенциал во многом обусловлен историко-культурным фактором длительного сосуществования и уживчивости православных и мусульман в России – во всяком случае, во многие периоды ее истории.

Таким образом, в современной России можно выделить три тенденции в отношении к исламу и мусульманам. Наиболее сильна в обществе сейчас негативная тенденция. Другая тенденция к консолидации между крупнейшими традиционными религиями России – православием и исламом, характерна для национал-патриотических кругов религиозной и политической элиты. По их мнению, правильный нерадикальный ислам и православие призваны способствовать укреплению традиционных для России патриархально-государственнических ценностей и давать отпор чуждым западным либеральным ценностям. Наконец, в отдельных слоях населения, занимающихся духовными поисками и недовольных собственной цивилизацией, существует третья тенденция – явная симпатия к исламу как альтернативе и современной бездуховной цивилизации и слишком официозному, набившему оскомину православию.

Литература

1. Ермаков И.А. Ислам в культуре России в очерках и образах. М., 2001.
2. Кащей І., Філіп П. Як подолати негативний образ ісламу в німців? // [http:// dialogs.org.ua/ru/material/full/2/1732](http://dialogs.org.ua/ru/material/full/2/1732).
3. Кнорре Б. Ислам в России. Стимулы развития в бывшем православном государстве // [http:// www.portal-credo.ru/site/print.php? act=comment&id=263](http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=comment&id=263) (от 11.07.2003).
4. Метелева С. Аллах Акбар! Воистину Акбар... Русские мусульмане уже называют Москву второй Меккой // Московский комсомолец. 2003. 16 июля.
5. Нуруллаев А. Мы вместе создавали нашу цивилизацию // Аргументы и факты. 2002. 29 октября.
6. Сапожникова Г. Почему русские принимают ислам? // Комсомольская правда. 2003. 21 и 22 октября.
7. Россияне об исламе. 19.06.2003 [отчет] [А.Петрова] // <http://bd.fom.ru/report/map/of032305>.
8. Goble P. Eye on Eurasia: The «Greening» of Russia // Washington Times. 2005. January 18.

В.П. Козырьков

Тоска по родине или поиск национальной идеи?

Русская культура, которая в течение веков воспринималась как единая не только для славянских, но и для многих других народов, для которых она стала основой при формировании своей национальной культуры, в одночасье стала распадаться. Более того, возникшие межэтнические конфликты вызвали процесс суверенизации, основой которого стало отстаивание каждым новым государственным образованием своих исторических культурных ценностей: национального

языка, исторических традиций, этических норм, религиозных ценностей и др. Причем «притязания культуры» (С. Бенхабиб) стали настолько высоки, что новые государства не смущало резкое падение уровня развития экономики, снижение уровня жизни населения, усиление неравенства между различными областями страны, дезинтеграция социально-экономических и политических связей в мировом пространстве. Зато на основе этого «притязания культуры» стало возможным формирование суверенной государственности. Другой вопрос, что в действительности такие притязания культуры к культуре имеют только самое внешнее отношение. Эти притязания стали завуалированной политической формой для утверждения новых государственных образований.

Как же теперь производить свою идентификацию? Что является родиной человека? Как он укореняется в мире? На все эти вопросы ответить не просто. И не только ответить, но и решить их практически. А без того и другого возникает ощущение социокультурной травмы.

Переживание травмированности вызвало активную духовную работу, без выполнения которой трудно, а подчас и невозможно включиться в созидательные проекты складывающегося нового общества. Однако вся духовная работа пока что привела к не очень удачной идее, которая получила название «этноконфессиональных конфликтов». К идее, в которой объединяются два не соединимых концепта: этнос и конфессия. По своей сути это разнопорядковые явления, объединение которых возможно только политическим образом и с идеологическими целями. Разумеется, если эта идея берется на вооружение политиками в их политической деятельности, то она получает свое реальное воплощение, и мы видим сейчас, как стремительно разворачивается эта политическая реальность. И чем шире этот процесс разворачивается, тем больше возникает желающих теоретически его обосновать и представить как процесс закономерный. Но такой механизм гипостазирования идей нам хорошо известен по истории советского общества, в котором мы все дружно изучали «реальный социализм», «зрелый социализм» и т.п. Мы опять начинаем воспроизводить мифы, в которых, как раз, все духовное воспринимается как реальное. Опять эти пресловутые грабли, на которые мы любим наступать.

Сейчас теории часто создаются в отрыве от истории. В стороне остаются базовые социологические понятия (общество, культура, социальная структура, государство и др.), вне взаимосвязи с которыми понятия нации, родины и конфессии остаются идеологическими конструкциями. Тогда они с большой легкостью сводятся к политической форме и под таким видом отвергаются новой политической элитой.

Создается впечатление, что социальная наука тоже начинает втягиваться в этот процесс саморазрушения, не осознавая даже его природы и его возможных результатов, следуя по пути, начертанному новыми идеологами, хотя и анонимными.

Вряд ли сейчас нужно доказывать, что в советском обществе было множество уродливых идеологических явлений, от которых с легкой душой отказалось большинство народа, поддержав начавшиеся в 80-е гг. реформы. За пять лет общество прошло «духовное очищение» через горнило гласности, беспощадной критики, разоблачений и реабилитаций. Общественное самосознание возросло колоссально: рушились кумиры, узнавалась историческая правда, открывались новые духовные ценности. Казалось бы, на волне этой богатой духовной работы общество должны были возникнуть новые национальные идеи. Но ничего такого не произошло. Гора родила мышь: идею этноконфессиональных конфликтов.

Пока общество было занято духовным очищением, государство теряло власть. Институты государства переходили в руки тех, для кого духовная революция была лишь ширмой для завоевания власти и передела собственности. Отказавшись от всех идеологических ценностей, в том числе и ценностей патриотических, но захватив власть, они затем отказали в праве иметь родину другим людям, обрушив лавину клеветы, инсинуаций, чернухи на прежнюю историю страны. Окончательной точкой в этом тотальном разрушении стал распад СССР. И тогда самооплевывание достигло такой степени, что стало даже предметом национальной гордости и прибыльным истоком для сатириков и юмористов. «Но слова гордого отныне / Не может вымолвить язык» (А. Блок). «Слово гордое» родина не могут вымолвить сейчас десятки миллионы людей.

Часть людей в силу презрения к разоренной и нищей России, унижительно называя ее «эта страна». Вероятно, многие не называют родиной потому, что не привыкли еще к мысли, что нет не только Советского Союза, но и прежней, большой России. Есть и такие, для кого «где тепло-там и Родина», поэтому они совершенно равнодушны к дискуссиям «о судьбах родины».

Вполне естественно, что в этих условиях может сложиться представление, что родины как социального феномена вообще не существует. Что же остается? То, что видно: этносы и конфессии, которые стали активно самоутверждаться. Но если родины нет, то свято место пусто не бывает: родиной стали этносы и конфессии. Не может же быть человека без родины. Поэтому идентификация стала производиться по этим новым основаниям.

Но тем самым мы вернулись к временам «покоренья Крыма» и еще в более отдаленное прошлое. Архаизация национальной идеи дошла до средневековья, потому что именно тогда идентификация личности производилась по конфессиональной принадлежности. Что касается этноса, то это уже идея нового времени.

Уже в эпоху Возрождения патриотизм стал высшей социальной формой развития индивидуальности. Но вот парадокс: с одной стороны, он потеснил автохтонные, общинные, сакральные, сословно-корпоративные, бюрократические, классовые и иные способы укоренения человека в мире, а с другой стороны, одновременно, впитал в себя их элементы. В этом вся сложность идеи патриотизма нового времени. Выдвигаясь в политической борьбе в качестве общенациональной идеи, воспеваясь в художественных произведениях, утверждаясь в качестве высшего предмета служения, родина стала универсальным житейным миром, в пределах которого человек приобретал свободу своего индивидуального духовного развития. Справедливы в этом случае слова Г. Федотова: «Последний смысл благословения родины раскрывается только для родины национальной» [1].

Рождается сложное и противоречивое эмоциональное обрамление феномена родины, которое вырабатывается в революционных и национально-освободительных событиях XVII–XVIII вв. Но все же стержневой эмоцией патриотизма становится любовь в тех ее отчужденных формах, которые сотни лет культивировались в религии и в отношениях личной преданности к суверену. Любовь в ее отчужденных духовных и социальных формах переносится на отношения к Родине, но лишь как неосознаваемая форма развития духовности человека.

Только в XIX в. происходит окончательная секуляризация и деполитизация этой формы самосознания. Настолько, что Я. Коллар в 30-е гг. XIX в. разделяет любовь к родине и любовь к нации, настаивая на вторичности чувства патриотизма. «Отечество мы можем легко найти, – пишет он, – если даже мы его потеряли, но нацию и язык – нигде и никогда; родина сама по себе есть мертвая земля, чужеродный предмет, это не человек; нация же есть наша кровь, жизнь, дух, личное свойство. Любовь к отечеству есть что-то инстинктивное, слепой естественный инстинкт; любовь к народу и нации есть скорее дело разума и образования» [2]. Мы сейчас в общественном сознании как раз и воспроизводим идею Коллара.

И все же Я. Коллар подчеркивал, что «мы отнюдь не хотим проклясть любовь к родине, а желаем только, чтобы она перестала носить античный характер и приняла характер гуманный» [3]. Но если патриотизм должен приобрести гуманный характер, то он неизбежно

включит в себя и человека, а вместе с ним и «дело разума и образования». Формулу этой исторической формы патриотизма дал Н.М. Карамзин: «Любовь к собственному благу производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма» [4].

Вместе с тем патриотизм становится и практическим делом «третьего сословия» в его предпринимательской и политической деятельности. Все эти взаимосвязи личности с Родиной опосредуются культурой, изучение содержания и социальных функций которой начинается как раз в период формирования национального самосознания. Только во взаимопересеченных национальных пространствах, в диалоге культур, отдельная национальная культура становится предметом, вызывающим проблемы для социальной науки. И наоборот: только в рамках культуры русская нация обрела необходимую духовную форму своего развития и утверждения, создавая богатую национальную литературу – новую форму национального самосознания (идентификации).

Однако, как показал исторический опыт XX в., патриотизм в его национальной форме позволяет существовать другим историческим формам патриотизма, которые могут рецидивировать в самых различных областях жизни или доминировать в содержании Родины в целом. В силу трагических исторических обстоятельств нам сейчас заново, но в каких-то скомканных и полуутробных формах, приходится проходить весь путь формирования цивилизации, начиная с ее матричных основ. В том числе и местный патриотизм, и космополитизм, и попытки их синтеза, одним из которых стала идея «этноконфессиональных конфликтов».

Так или иначе, но этническая форма родины стала социально-онтологической формой культуры и постоянным источником воспроизводства всех атрибутов человека, в том числе и любви к родине в целом. Вот такой вот парадокс, вот такой вот исторический перевертыш. Этнос стал выполнять функции, которые может выполнять только природа, дом человека, его культура в целом. Но это равносильно тому, как если бы мы заставили мышь родить гору. Но тщетны все ее потуги. Точно так же, как тщетно надеяться, что этнос и религиозная конфессия могут разрешиться родиной. А жить в конфессии и в этносе – это как-то неуютно и неустойчиво, знаете ли, – бездомно.

Патриотический нигилизм аномален и с психологической точки зрения, поскольку отрицание феномена родины происходит, чаще всего, если исследование искреннее, из-за глухой тоски о родине, из-за глубокой ностальгии, пронизывающей все современное российское общество. Таким нигилистам представляется, что если мы докажем,

что родины не может быть вообще, то и ностальгия исчезнет. Но можно переболеть разрушение или лишение Родины, мечтая о ее возрождении. Можно покинуть родину, тайно тоскуя о ней, возвращаясь, мысленно или реально, время от времени. Можно, наконец, со временем обрести «вторую» родину, но нельзя согласиться с одним: с теоретическим доказательством того, что родины как социокультурной реальности не существует. Существуют, якобы, только вещи, предметы, тела, – а все остальное есть выдумка людей и нечто субъективно сконструированное.

Массовая культура рождает и воспроизводит тривиальные, стереотипные представления о родине, которые своим содержанием сглаживают противоречия частного и публичного в самой структуре отношений патриотизма. В этих условиях патриотизм, как выражение социокультурной природы человека, считается чувством архаичным, бесполезным и даже вредным. Отметим и то, что патриотические отношения чаще всего подвергаются вульгаризации, так как они по своей сущности объединяют в себе противоположные социокультурные отношения, – интимные и публичные, – превращение которых друг в друга и является постоянным источником воспроизводства такого социально-эстетического феномена, как пошлость. Но мы, вслед за Г.В. Плехановым, могли бы привести слова Н.А. Некрасова: «Над чем смеяться вздумали глупцы, / Опошлить чувство вздумали какое!» [5]. Опошление родины невозможно по своему существу: опошление родины само себя отрицает. Невозможно потому, что массовый человек не имеет и не знает всей глубины связей с родиной. Опошляется то, что и по своему содержанию пошло, имеет характер «банального национализма» (М. Биллиг), а глубина возможных патриотических отношений при этом не затрагивается.

В современном российском обществе деструкция и вульгаризация сливаются в одного кентавра: идею «этноконфессионального конфликта». В одночасье мы все (а не только те, кто проживает за российскими границами) оказались историческими эмигрантами, подчас даже еще не осознавая до конца данного исторического парадокса. Правительство нас постоянно успокаивает и заявляет, что Россия стала правопреемницей СССР. Но это фасад для других государств, а не для своих граждан. Правопреемство тут избирательное и политическое, а не культурное, не духовное. И выбор этот делают отнюдь не все граждане России, а новая политическая элита, небольшая кучка людей. В этом одна из главных причин внутренних социальных конфликтов. В этом причина того, что мы постоянно свою новую родину находим то в этносе, то в конфессии.

Литература

1. Федотов Г. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 446.
2. Философия любви. Ч. 2. Антология любви. М., 1990. С. 560.
3. Там же. С. 561.
4. Карамзин Н.М. Избранные письма и статьи. М., 1982. С. 94.
5. Плеханов Г.В. Год на родине // От первого лица./ Сост. И.А. Анфертьев. М., 1992. С. 4.

Обсуждение в Интернете

Примечание от модератора: Разделяя многие суждения автора, мы должны отметить, что нигде и никогда не отождествляли понятие «родина» с этносами и конфессиями. Такое отождествление было бы, на наш взгляд, некорректным.

Обсуждение данной темы предлагаем продолжить на форуме (сходная дискуссия намечается, в частности, по статье проф. В.Р. Филиппова).

С уважением, проф. Ю.Г. Чернышов

Тема: История часто бывает научно не корректна (// 2006–04–19)

Сообщение: Я тоже не отождествляю и не хотел бы, чтобы они отождествились. Но с исторической точки зрения такое отождествление вполне возможно и существовало. Но если это было, то может и повториться в эпоху «системного кризиса», когда мы с нового бока хотим «войти в цивилизацию». Скажем, в средние века, когда наций и границ не существовало, решающее значение имела сословно-конфессиональная идентификация и укорененность в мире. Мы часто склонны модернизировать наше прошлое. Но вряд ли кто будет спорить, что этнос (народность) – это форма социальной общности, которая возникла в средние века. Узами, которые связывали эту общность, была общинность, с присущей ей языком и формой религиозности. Одно дополняло и выражало другое, но все же большее значение имела конфессиональность: своими считались все, кто был одной веры.

Проблемы родины в то время вообще не существовало, так как феномен родины в культуре отсутствовал. Важна была сословная привязанность и личная зависимость от общего господина, от монарха. Это мы сейчас задним числом производим в патриоты и А. Невского, и Д. Донского. Однако патриотизма в то время не было. Было многое другое, но раз не было родины как социокультурного феномена, то не было и патриотизма. Люди защищали не родину, а свою веру, свою землю, свое добро, своих близких людей. Но понятия, которое бы все это вместе обозначало понятием родины, еще не было. Разумеется, если нет отдельного слова, то феномен родины не переживается как

нечто целостное и в культуре. И мы не должны нашим предкам приписывать то, что они не чувствовали.

И здесь нет ничего удивительного, если учесть то, что в современном мире происходит нечто подобное, но с противоположного направления. Если раньше родины не было в силу того, что общество как нечто целостное еще сформировалось, то сейчас происходит действие глобальных факторов, и нации трансформируются в такие формы, которые делают их похожими на средневековые поселения этнического или конфессионального характера. Поэтому «слово гордое» «родина» и «не может вымолвить язык», как писал А. Блок. Все эти монстры в виде ТНК, которые не считаются с интересами национальных государств, все эти могущественные корпорации в виде «государства в государстве», все эти процессы интеграции на манер европейских, – все это приводит к тому, что люди больше ценят уже не родину, а корпоративные интересы и ценности. Корпорации, по сути, и становятся для них родиной, а не национальная культура. Точно так же, как когда-то больше ориентировались не на короля (тем более, если это король Лир), а на могущественного герцога, не на свою народность, а на конфессиональную принадлежность.

Да и мы сейчас официально больше говорим не о родине и ее возрождении, а о «территориальной целостности» и «национальных границах». Точно так же, как в средние века, когда «собирали земли», создавали и охраняли различные «рубежи». Правда, с одной существенной разницей: если раньше свою дань города платили завоевателям, когда те приезжали за ней, то теперь вывозим за рубеж сами. И не каждый город вывозит, а все государство стало таким посредником. Это было бы равносильно, если бы, например, Д. Донской, вместо того, чтобы встать войском для защиты своих рубежей, собрал бы дань со всей земли русской и повез бы дань под охраной своего русского войска монгольскому хану. Но мы делаем нечто подобное, когда государство исправно платит международный долг, но не платит долг внутренний, оставляя более чем $\frac{3}{4}$ населения бедными или нищими. Не пора ли назвать реальные социальные конфликты и назвать своими именами?

С уважением

проф. В.П. Козырьков

Тема: Вам, конечно, видней, но... (// 2006–06–14)

Сообщение: Сам я не жил во времена Невского и потому не могу утверждать было/не было понятия Родина, да и патриотизма тоже.

Вот знакомый вернулся из горячей точки и говорит «убивал, чтоб меня не убили». Врёт? Ведь сейчас Путин, а не Невский. Да и кто он

такой? Вот если бы прочитать газету тех времён (но их не было), да ещё и знать, что писавший понимал, о чём пишет. (Медики тех лет не знали медицину, математики – математику, физики – физику,…) Ведь и сейчас у нас тьма писателей: 1 пишет – 10 возражают. 11 чел. – 11 взглядов. А 1000 лет назад? Чей взгляд дошёл до нас? Случайный или лучший?

А теперь вообще ересь: Карамзин и Плеханов. Понимали ли они предмет? С Демокритом ясно: он – отец термина «атом» – не знал, о чём говорил. Бор с его моделью – не знал. А мы сейчас знаем?

Честно говоря, обрадовался, прочитав: «Родина. Этнос. Культура. Идентификация». Но… Увы, не нашёл корректных определений ни Родины, ни Этноса. Увы, потому что их нет ни в словарях, ни в энциклопедиях. (Не корректных и противоречивых – полно!)

Но тема, которую Вы поднимаете, меня очень интересует. Жаль, что я никто. Но, может быть, Вам пригодятся мои поиски в этом направлении. Ознакомьтесь со страницей http://zarus1.narod.ru/ZaRus2_8.htm

Моё предложение – Родина, я всё свершу, чтоб стать твоей гордостью.

С уважением, с надеждой и даже с завистью к делу, которым Вы занимаетесь

ZaRus1

А.А. Кочергин

Тупик секьюритизации этничности

Обсуждение вопросов этничности все больше в последнее время проходит в контексте дискурса безопасности. Данная обеспокоенность безопасностью характерна не только для российского общества, но присуща и для политических дебатов в общемировом масштабе. Ключевым моментом в этой ситуации становится создание внутренних врагов, воспринимаемых как угроза или опасность, и ограничение их гражданских свобод. В условиях господства в социальных представлениях россиян этноцентризма, то есть такого мышления, базисной категорией которого и исходным пунктом при объяснении социальной реальности в котором выступает понятие этноса, секьюритизации одной из первых подвергается этничность. Отношения между государством и меньшинствами рассматриваются не как предмет демократической политики, но как сфера государственной безопасности, ради которой государство ограничивает нормальный политический процесс и вводит ограничения на самоуправление меньшинств.

Российский дискурс этничности во многом генеалогически связан на Кавказе, по большей части на его примерах культурного своеобразия формируется этническое знание наших граждан. С сожалением приходится констатировать, что сегодня Северный Кавказ артикулируется в публичном дискурсе как зона наибольшей

опасности для российской государственности, оплотом которой выступает здесь только русское население, противодействующее враждебным действиям представителей меньшинств. Своего рода форпостом позиционируются «русские» регионы (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края) как ведущие борьбу с экспансией иноэтничных мигрантов. Отношения с «кавказцами» и к «кавказцам» стали моделью, на которой базируется в целом этнический дискурс, и на которую постоянно оглядывается государственная этнокультурная политика.

Акцентируем внимание на ситуации Краснодарского края, который последние десятилетия непременно ассоциируется с темой этничности и миграции. Как манифестируется в доминирующем дискурсе этническая проблематика, дает представление Краевая целевая программа гармонизации межнациональных отношений и развития национальных культур в Краснодарском крае на 2005 г. (далее – КЦП), принятая властями после длительного перерыва в документном представлении своего видения вопроса.

При оценке геополитического положения края особенностью «Северо-Кавказского региона» отмечается то, что «начиная с первых веков российской государственности и на протяжении всей ее истории отсюда неоднократно исходила угроза ее безопасности». Реальностью сегодняшнего дня на Северном Кавказе предстают террористические акты, рост преступности, контрабанда оружия, наркотиков, похищение людей, религиозный и политический экстремизм.

Этнополитическая ситуация непосредственно в крае характеризуется рядом негативных, по мнению разработчиков КЦП, факторов. Среди таковых, прежде всего, отмечается якобы имеющееся стремление национальных общин к компактному проживанию. Объясняющей моделью при этом используется теория о пятнадцатипроцентном пределе конфликтности количества мигрантов по отношению к местному населению. «Такая специфика проживания этнических групп свидетельствует о наличии объективных предпосылок межэтнической напряженности, когда практически любое проявление недовольства населения может быть перенесено в плоскость межнациональных отношений».

Другим важным фактором рассматривается идеологизация межэтнических отношений. Проявляется это в том, что в крае общественные объединения действуют зачастую на узкой этнической и религиозной основе. «Некоторые стремятся оказывать влияние на политическую жизнь в крае, пытаются брать на себя функции власти или диктовать условия органам государственной власти Краснодарского края, вынашивают идеи этнического сепаратизма».

Третьим определяющим фактором выделяется так называемое нарушение исторически сложившегося этнодемографического баланса. «В последнее десятилетие наблюдается тенденция к сокращению численности коренного населения: русских, адыгов, а также представителей других старожильческих этнических групп». В то же время отмечается появление на территории края нехарактерных для него этнических групп. В вину мигрантам ставится все то же стремление селиться компактно и то, что «значительная их часть (армяне, грузины, азербайджанцы, курды, езиды, крымские татары, турки-месхетинцы и др.) оседают в наиболее важных в стратегическом отношении районах – вблизи границы и на Черноморском побережье.

Еще одной значимой характеристикой этнической структуры края определяется экономическое неравенство. Многие из вновь прибывших мигрантов якобы занимают доминирующее положение в экономической сфере и, особенно, в коммерческой деятельности. «Кроме того, они объединены негласными правилами и договоренностями в формировании собственной ценовой и иной протекционистской политики». Существенные средства отчисляются ими на идеологическое обеспечение закрепления диаспор на территории края. «Создаются новые культовые учреждения, а под флагом национально-культурных объединений активно работают по сути политические организации, зачастую реализующие интересы диаспор или их наиболее предприимчивой и организованной части (лидеров, актива)". Местное население в силу различных причин оказалось в менее выгодных условиях и воспринимает мигрантов как угрозу своему благополучию. Поэтому в крае «возникает непримиримое социальное соперничество в сфере распоряжения местными экономическими и природными ресурсами между местным населением и некоренными представителями этнических групп».

Подобную форму секьюритизации дискурса этничности принимает во многом оттого, что базируется на концептах «укорененности» и «баланса». Под коренным, старожильческим, местным населением понимается та этническая номенклатура, которая сложилась в регионе в позднесоветский период. Предполагается, что к 1980-ым гг. на территории края сформировалось единое этнокультурное пространство, которое понимается как некая застывшая структура с конечным числом элементов-этносов и определенной их численностью и соотношением. Эта ситуация рассматривается как должный социальный порядок, изменения в котором вроде как неизбежно обернутся крахом всего общества. Поэтому не только качественные (появление представителей новых этнических групп), но и количественные изменения так называемого этнодемографического баланса характеризуются поистине в катастрофическом духе.

Но в ловушку дискурса ускоренности попадает, прежде всего, русское население, не обладающее в полной мере легитимирующими основаниями для такого статуса по сравнению с кавказскими народами. Отсюда колоссальные усилия тратятся на манифестацию прогрессивного значения присутствия русских в регионе, и особенно, принимая совсем уж гипертрофированную форму, утверждается роль казачества. Ключевую роль в этих конструкциях играет представление о казаках/русских как основе государственного порядка, соединивших Кавказ в едином политическом пространстве и оградивших его народы от исторической угрозы турецкого или персидского поглощения. Практически культивируется дискурс о «начале истории» региона с момента его российской колонизации. Так, п. 1 ст. 2 Устава Краснодарского края гласит, что край является исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения края. При непосредственном участии краевой администрации в 2005 г. в Краснодаре воздвигается новый памятник кубанскому казачеству, который получает название «Казакам – основателям земли Кубанской». Точкой отсчета для празднования юбилеев основания населенных пунктов даже в горных и черноморских прибрежных районах берутся даты их учреждения российскими властями. Тем самым игнорируется факт более раннего проживания здесь адыгского населения.

Данные практики лишь только подталкивают к еще большей этнизации территорий. Ибо исключительно на «своей» территории человек может рассчитывать на определенные преференции, появление на чужой территории вызывает встревоженность и ограничение возможностей жизнедеятельности. В такой этнонациональной парадигме лояльность государству начинает определяться не гражданством конкретного индивида, а его или ее этнической принадлежностью. Меньшинства предстают как потенциально нелояльное население, враждебное и несут опасность.

Мне представляется, что артикуляция дискурса секьюритизации стало способом устранять ряд вопросов с политической арены. В этом языке безопасности происходит затушевывание властных и конфликтных отношений. Индивидуальные действия вычлняются из более широкого социального контекста и перемещаются в рамки рисков, т.е. чего-то объективного, не зависящего от общества и не требующего политических дебатов. Пагубными последствиями таких практик становится не только умаление гражданских свобод, но и подрыв оснований и принципов господства права, отказ от демократического управления. В итоге подобная обеспокоенность безопасностью приведет к общесистемному кризису российского государства.

Н.Л. Краснобаева, Е.В. Тарасова
Конфессиональный фактор этнополитической
стабильности в Восточном Казахстане

В сравнении с другими регионами Казахстана Восточно-Казахстанская область (далее ВКО) отличается относительной стабильностью этнополитической ситуации. Мониторинг межэтнических отношений, проводимый департаментом внутренней политики ВКО, и данные независимых экспертов показывают низкий уровень конфликтности в этноконфессиональной сфере.

Современная конфессиональная ситуация в Восточном Казахстане обуславливается не в последнюю очередь полиэтнической структурой населения. В области живут представители более 100 национальностей. Важным компонентом культуры любого этноса является принадлежность к соответствующей религиозной конфессии. По данным, предоставленным Советом по связям с религиозными объединениями, по состоянию на январь 2006 г. на территории ВКО было зарегистрировано 203 религиозных объединения, представляющих 20 конфессий.

Задача настоящей статьи – определить роль конфессиональных факторов в этнополитическом развитии Восточного Казахстана. Информационной базой для статьи послужили данные социологического опроса, проведенного департаментом внутренней политики ВКО в 2005 г., и материалы опроса студентов вузов г. Усть-Каменогорска, осуществлявшегося в апреле 2006 г.

Ведущей конфессией в регионе является ислам – суннизм ханафитского толка, характеризующийся терпимостью к инакомыслию. Ислам исповедуется казахами, уйгурами, узбеками и верующими ряда других национальностей. На территории области насчитывается 65 исламских религиозных объединений. Наибольшее количество таких объединений (10) зарегистрировано в Семипалатинске.

Православие в Восточном Казахстане является вторым по степени распространенности и численности верующих (после ислама) религиозным направлением. Более 60% славянского населения исповедуют идеи Русской Православной Церкви. На территории области насчитывается 30 православных приходов и 4 старообрядческие церкви.

Последнее десятилетие было отмечено своего рода «религиозным бумом»: наряду с усилением позиций существовавших религиозных организаций наблюдалось появление новых. Так, активизировали свою деятельность протестантские конфессии (61 объединение) – Евангельские христиане баптисты (28), Свидетели Иеговы (10), Адвентисты Седьмого Дня (5), Церковь «Благодать» (4); нетрадиционные протес-

тантские церкви (29) – Церковь полного Евангелия (21), Новая жизнь (5), Миссия Агапе (3); нетрадиционные религиозные культы (8) – Вера «Бахаи» (2), Сознание Кришны (2), Церковь саентологии (1), Ахмадийский жамагат (2).

Согласно итогам социологического исследования, проведенного департаментом внутренней политики Восточно-Казахстанской области в 2005 г. с участием 2000 респондентов, 53,1% опрошенных считают себя мусульманами, 24,8% – православными верующими, 2,7% – католиками, 0,5% – буддистами, 18,6% – атеистами. По этнической принадлежности респонденты распределились следующим образом: 58% – казахи, 35% – русские, 7% – представители других национальностей.

Среди факторов, формирующих этническую идентичность (респондентам было предложено указать не более 5 признаков) религия оказалась на пятом месте: 34% опрошенных указали, что религия определяет этническую принадлежность человека.

Респондентам был задан вопрос о влиянии религиозных объединений на межэтнические отношения в различных сферах общественной жизни. Среди опрошенных преобладают те, кто считает, что религиозные объединения существенно не влияют на условия жизни людей. Те, кто уверен в положительном воздействии конфессий на межэтнические отношения, подчеркивают прежде всего их бытовые аспекты – общение в семье и в кругу друзей. Немногие (от 4,5% до 12,4% опрошенных, применительно к разным сферам общественной жизни) считают, что данные организации оказывают отрицательное влияние. Необходимо обратить внимание и на то, что достаточно большая группа респондентов не смогла определить, как именно влияют религиозные объединения на межэтнические отношения в социально-политической сфере (см. табл. 1).

Показателен тот факт, что, желая подчеркнуть позитивную роль религии, респонденты приводили примеры, связанные с исламом и христианством, а отрицательное влияние религиозных организаций они связывают прежде всего с деятельностью новых религиозных объединений.

Особое значение имеет отношение молодежи к религии и верующим других конфессий. Здесь уместно привести данные опроса студентов вузов г. Усть-Каменогорска, проведенного в апреле 2006 г. Так, из числа опрошенных по вопросу об отношении к людям иной веры 56,2% высказали лояльное отношение, 35,2% – терпимое и лишь 6,7% отрицательное.

Одной из гипотез была зависимость толерантности от места проживания. При анализе распределения ответов в зависимости от места

проживания студентов до поступления в вуз выяснилось, что 68,5% от числа респондентов, проживавших до поступления в вуз в городе, указали на приемлемое отношение к иноверцам, на терпимое – 26,0%. Лишь 4% городских по происхождению студентов негативно воспринимают лиц иной веры. Среди выходцев из села 56,3% терпимо относятся к людям другой веры, 28,1% – лояльно.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Влияют ли, по Вашему мнению, религиозные объединения на межэтнические отношения в следующих сферах?»

Сферы	Влияют положительно	Не влияют	Влияют отрицательно	Затрудняюсь ответить
В семье	35,0	32,2	5,8	26,9
В кругу друзей	23,1	43,2	4,5	29,3
В общественных местах	17,7	32,8	12,4	37,1
В экономической сфере	11,5	35,2	7,1	46,3
В политической сфере	13,4	27,9	10,9	47,8
В социальной сфере	13,2	29,7	7,1	50,0

Этническая принадлежность также определенным образом влияет на восприятие последователей других конфессий. Среди респондентов-казахов 48,2% относятся к ним положительно, 39,3% – терпимо, отрицательно относятся 10,7% респондентов. Среди русских студентов 61,4% относятся к другим конфессиям положительно, 34,1% – терпимо, 2,3% отрицательно.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что деятельность традиционных религиозных конфессий в Восточном Казахстане – это уникальная возможность сохранения и укрепления внутривластной стабильности, гражданского мира и духовного согласия общества. О приоритете этого фактора в государственной политике свидетельствует внимание органов исполнительной власти к религии, создание Советов по связям с религиозными объединениями. Одним из элементов данной политики является проведение Дня духовного согласия, ежегодное празднование которого провозглашено республиканским Конгрессом духовного согласия. В ходе подобных мероприятий представители конфессий и религиозных объединений выступают с призывом

к миру и согласию. Они еще раз напоминают, что ни в одной религии мира нет призывов к человеконенавистничеству, вражде и насилию. Рефреном звучит мысль о том, что взаимопонимание, духовное согласие между людьми, независимо от их происхождения и вероисповедания, – необходимый фактор стабильности. В городах и районах области регулярно проводятся встречи священнослужителей и руководителей национальных культурных центров с молодежью, благотворительные акции и богослужения.

Очевидно, что власти стали оказывать большую поддержку традиционным религиям (прежде всего исламу и православию), соседство которых определяет культурно-исторические особенности региона, и в то же время пытаются усилить контроль над всеми другими религиозными объединениями. В качестве мотива фигурирует необходимость профилактики террористических актов, осуществляющихся под маской религиозного экстремизма.

Таким образом, традиционные религии (ислам и православие) на территории Восточного Казахстана выполняют функцию стабилизирующего фактора не только в силу особенностей идеологии и исторически обусловленного преобладания, но и потому, что они в большей степени задействованы в различных формах сотрудничества с администрацией области и г. Усть-Каменогорска, Ассамблеей народов Казахстана и национальными культурными центрами.

Литература

1. Данные текущего архива департамента внутренней политики Восточно-Казахстанской области.
2. Данные текущего архива Совета по связям с религиозными объединениями (г. Усть-Каменогорск).

**Д.В. Лушпай, М.В. Медведев, О.А. Савенко,
Ю.Б. Сидорова, О.О. Чеботарев**

Общественное мнение Приморского края о роли китайского фактора в экономике региона

Весной 2006 г. нами было проведено 100 небольших интервью с жителями Приморского края на предмет их отношения к внешнеэкономическим связям своего региона. Всего было опрошено по 25 респондентов в городах Владивосток, Уссурийск, Находка, Большой Камень. Среди них было 50 мужчин и 50 женщин, 50 людей младше 40 лет и 50 людей старше 40 лет. Поскольку основным внешнеэкономическим партнером Приморского края является Китай (а конкретнее, провинция Хэйлунцзян), то в абсолютном большинстве случаев респонденты давали ответы на вопросы, опираясь на известные им сведения об отношениях с Китаем.

Как показало исследование, жители Приморского края уверены, что торгово-экономические связи региона более развиты с соседями по Восточной Азии, чем с остальной Россией. Так ответило 92 респондента. По мнению опрошенных, торговля с этими странами является весьма полезной для Приморья, так как обеспечивает население дешевым и доступным ширпотребом, техникой, продуктами питания. Было озвучено популярное в Приморье мнение, что собственного продовольствия хватит лишь на четыре месяца.

Относительно позиций своего региона и России в целом на мировом рынке опрошенные были настроены крайне пессимистично. 59 из них посчитали абсолютно невероятной возможность того, что в ближайшие 10–15 лет Россия сможет стать поставщиком, в первую очередь, высокотехнологической продукции, а не природных ресурсов на мировом рынке. Здесь респонденты чаще всего ссылались на особенности русского менталитета.

Одновременно опрошенные оказались очень патриотично настроены в отношении к отечественному производителю, считая, что тот терпит убытки от импорта дешевой китайской продукции. Задача увеличения вдвое товарооборота с Китаем к 2010 г., поставленная Владимиром Путиным, оценивалась ими не без оговорок и опасений. Даже то большинство (72 респондента), которое посчитало, что увеличение товарооборота пойдет на пользу экономике Приморья, полагает, что выгоды при этом получают, прежде всего, китайские производители, например: «Я думаю, что товарооборот с Китаем и так, прямо скажем, не низкий; если речь идет о повышении ввоза китайского барахла жуткого качества, то я определенно против. Но, с другой стороны, в Китае развиты и наукоемкие технологии, и легальное производство; и если говорить о товарообороте качественных товаров, то я «за» (м., 19). Несмотря на эти опасения, 65 респондентов высказалось за увеличение пунктов пропуска и расширение транспортных магистралей между Россией и Китаем.

Основной интерес респондентов к расширению транспортных связей обусловлен возможностями дешевого шоппинга в приграничных китайских городах. Жители Приморья осознают ущерб, который наносит челночная торговля российской казне, но, в большинстве своем, считают это неизбежным злом, своего рода расплатой за невнимание федерального центра к Владивостоку. «Платят ли челноки из Китая налоги в приморскую казну? Сомневаюсь в том, что все и что эти налоги достаточно высоки для ощутимой помощи росту экономики» (м., 19). «Такая торговля – способ выживания для многих людей» (м., 19).

В Приморье распространена определенная тревога по поводу зависимости Дальнего Востока от того или иного вида импорта. Основное

опасение вызывают китайские продукты питания и китайские рабочие. В первом случае респонденты небезосновательно выражали сомнение относительно условий, в которых производятся продукты питания в Китае: «Страшно представить, на чем китайцы выращивают свои гигантские яблоки и овощи, которые выглядят, как будто их из пластмассы сделали и отполировали; не удивлюсь, если на них наши русские мухи не садятся» (м., 19). Типичные аргументы во втором случае: «Импорт рабочей силы приводит к проявлению безработицы» (ж., 18), «Люди необразованные, носители заболеваний» (ж., 19), «Потому что едут-едут и не уезжают» (ж., 20).

Международные экономические проекты государственного масштаба у приморцев не вызывают энтузиазма. Например, 54 опрошенных были уверены в том, что строительство нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий Океан», получившее в регионе широкую огласку, на достатке жителей края не скажется. Согласно их комментариям, этот проект повысит доходы отдельных персон, прибыль от нефтепровода пойдет в федеральный центр, а не в регион, или вообще не дойдет до населения по причине коррупции.

Участие региональных властей в развитии трансграничной торговли также не вызывает у населения доверия. Большинство населения считает краевые и муниципальные администрации крайне коррумпированными структурами. 41 респондент высказал предположение, что более половины международных экономических связей Приморья реализуется посредством «серых» и «черных» схем, используя слабости законодательства и коррупцию контролирующих органов. 42 респондента заявили, что условия для иностранных инвесторов в Приморье рискованные: «Не соблюдаются правила игры и подзаконные акты, коррупция чиновников убивает инициативу» (м., 54). «Законы такие, что иностранные инвесторы боятся вкладывать деньги в экономику Приморья, на них можно нагнать санэпидемстанцию, пожарников с проверками» (м., 42). «У власти люди (городская, краевая администрация), которым я не доверяю» (ж., 62). «Стабильности в Приморье, как и во всей России, нет» (ж., 19).

Федеральный центр, по мнению большинства опрошенных, недостаточно регулирует торговлю Приморья со странами Северо-Восточной Азии, а если и вспоминает об этой проблеме, то лишь в форме каких-то запретительных мер. «Федеральный центр думает, что без его участия мы ничего не сможем сделать. «Жаба давит», что мы здесь будем хорошо жить» (м., 42). «Федеральная власть иногда «вспоминает» о Приморье, границе: принимает нормативные акты,

35 килограммов для челноков, закрыть границу» (ж., 19). «Государство не препятствует контрабанде. Экспортируется только сырье. Ширпотреб ввозится с низкими пошлинами» (м., 54).

Исследование подтвердило оценки других исследователей, что среди населения Приморского края распространен страх перед увеличением количества китайских мигрантов. Безвизовый режим с Китаем, идея которого периодически возникает на федеральном уровне, вызвала неприятие 67 опрошенных. Основное опасение здесь высказывалось по поводу неконтролируемой иммиграции китайцев, например, «безвизовый режим только для туристов, иначе будет бесконтрольная эмиграция» (м., 53), «тогда китайцы заполняют; азербайджанцы держат рынки и сажают туда нелегальных китайцев, вьетнамцев (м., 52), «вот уж спасибо, их и так пруд пруди, а при безвизовом режиме – не хочу показаться расистом – Приморье превратится в одну из китайских провинций» (м., 19), «потому что китайцев и так много» (ж., 20).

66 опрошенных высказали уверенность в том, что правительство России не принимает должных мер по контролю над китайской иммиграцией, что принимаемые федеральными органами меры неэффективны. Опрошенные часто обращали внимание именно на нелегальную китайскую миграцию, считая нелегалами большинство трудовых мигрантов из Китая в Приморье.

В отношении импорта рабочей силы из Китая респонденты занимают противоречивую позицию. С одной стороны, они опасаются его как канала нелегальной иммиграции. С другой стороны, все они признают, что китайцы – это хорошо зарекомендовавшая себя рабочая сила, дешевая и усердная. В газетах Приморья постоянно публикуется, в основном в разделе «Строительство», огромное количество объявлений из двух слов и телефона: «Китайцы. Дешево», «Корейцы. Дешево». По мнению опрошенных, благодаря китайским и северокорейским рабочим в последнее время в крае очень быстро ведется строительство. Но при этом 62 респондента ответили, что, при необходимости, экономика Приморья все-таки сможет развиваться без привлечения рабочей силы из Китая.

В качестве основного вывода следует подчеркнуть существование в общественном мнении Приморского края противоречивого восприятия отношений с Китаем вообще и китайской трудовой иммиграции в частности. С одной стороны, присутствует понимание необходимости, вынужденной неизбежности тесных связей с Китаем, в том числе использования некоторого количества китайской рабочей силы. С другой стороны, в общественном мнении примор-

цев широко распространены антикитайские фобии, порождающие требование к власти держать китайскую иммиграцию под контролем, ограничивать и в какие-то периоды даже запрещать ее. Одновременно господствует почти полное неверие в то, что федеральная власть может что-либо противопоставить той или иной угрозе с китайской стороны⁵.

Ю.А. Лысенко
Православие и ислам на Алтае
во второй половине XIX – начале XX вв.

В середине XIX в. в силу ряда причин (демаркация границ между Россией и Китаем, административные и земельные реформы Российского государства) началась направленная миграция казахских родов из Прииртышья, Монголии и Китая в приграничные области Южного Алтая. К этому времени на Алтае активно действовала православная духовная миссия, поскольку в рамках общего процесса колонизации Азиатской части Российской империи распространение христианства явилось одним из средств закрепления позиций последней в регионе. Оседание казахов, исповедовавших ислам, в станах Алтайской духовной миссии, поставило на повестку дня задачу обращения их в православие. Для успешной реализации задачи активно использовалась социальная программа, направленная на оказание материальной и финансовой помощи новокрещенным со стороны миссии. Они также получали возможность устроиться работать на местных заводах и рудниках, и наняться на сельскохозяйственные работы у казаков, наделялись землей. Однако, по свидетельству миссионера Черно-Ануйского стана Стефана Борисова, на территории которого наиболее компактно проживали казахи, новокрещенные продолжали соблюдать мусульманские посты и праздники, устраивали поминки и т.д. [1].

Среди причин, препятствующих успешному внедрению православия среди казахского населения, миссионерами назывались: особенности менталитета и психологии казахов, противодействие соплеменников, недовольство со стороны русских-переселенцев и казаков и т.п. [2]. Однако главным фактором большинство миссионеров называло присутствие на территории Алтайского горного округа мусульманских проповедников. «По-прежнему они (татары – Л.Ю.) сотнями и тысячами беспрепятственно разъезжают по степи, закрепляя киргизов в приверженности исламу. Татары сильно парализуют только зарож-

⁵ Доклад подготовлен под научным руководством Л.Е. Козлова, доцента кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

дающееся ещё слабое влияние миссии. Кроме того, по соседству всех миссионеров, по степи путешествуют фанатики-бухарцы и даже турки..., эксплуатируя религиозное невежество киргиз, в то же время распространяют среди них устно и через печатания и рукописные тетради полные понятия о султанах, как о могущественнейшем во всем мире государе, при этом восхваляют турки и другие мусульманские народы, умаляется значение русского народа. Прославляется сила ислама, внушается надежда на будущее торжество магометан над «неверными». «Когда наш правоверный калиф, – говорят они киргизам, – поднимется войною на презренных кяфиров, то и вы здесь не отставайте от нас» [3]. Вредное влияние на казахов, по мнению миссионеров Алтайской миссии, оказывало также и то обстоятельство, что дети богатых казахов имели возможность получить образование в исламских религиозных учреждениях в Бухаре и Казани.

Миссионеры Алтайской духовной миссии, работающие среди казахов, постоянно подчеркивали, что исламизация не принесла ничего положительного казахам-кочевникам. В своих ежегодных «Отчетах» они довольно часто приводили пространные беседы с пожилыми казахами, которые утверждали, что ислам способствовал падению нравов среди казахской молодежи, развивал такие пороки, как пьянство, разгул, неуважение к старшим и т.д. Указывалось, что татарские муллы, работающие в школах, не могут дать достойного образования, поскольку ведут обучение на арабском языке, незнакомом казахам, а сам процесс обучения сводят к механическому заучиванию Корана. Разъезжая по кочевьям казахов, миссионеры отмечали, что кочевники относились к ним с предубеждением, даже с опаской, отказывались приходить на проповеди и даже просто беседовать с миссионерами. Считалось, что соответствующие установки казахами были получены от татарских мулл.

В сложившейся ситуации миссионеры обвиняли гражданских чиновников. Ещё в 30 гг. XIX в. основатель Алтайской духовной миссии Архимандрит Макарий предлагал начать православную пропаганду среди казахов Среднего жуза. Однако в рамках общей линии религиозной политики государства в отношении нерусских (мусульманских) народов империи, среди казахов началось искусственное распространение ислама, строительство мечетей, среднеазиатские и поволжские мусульманские проповедники «заполонили» степь.

Со второй половины XIX в. отношение правящих кругов к проблеме мусульманских народов резко изменилось. Увеличение общей численности мусульман России создавало, по мнению правительства, серьезную угрозу территориальной целостности империи, что вызва-

ло к жизни необходимость выработки новой линии, направленной на сдерживание роста влияния ислама на инородческое население Сибири и Казахстана. На практике эта тенденция нашла выражение в создании, например, на Алтае Киргизской духовной миссии в 1881 г., которая в некоторых документах называлась как «противомусульманская». Главной целью деятельности Киргизской миссии становилось создание системы мер, направленных на сдерживание дальнейшего проникновения ислама в кочевую среду казахов – миссия становилась оружием в идеологической борьбе православных проповедников со своими мусульманскими оппонентами. В связи с этим были выработаны формы и методы распространения православия среди казахов, по своему характеру жесткие и решительные. Во-первых, было предложено выселить с территории Томской епархии, в ведение которой входили Алтайская и Киргизская миссии, «персидских и турецких подданных», занимавшихся пропагандой ислама [4]. В рамках проведения этой акции администрации Алтайского горного округа предлагалось также насильственно выдворять с его территории и казахов, отказывающихся принимать крещение. С начала 90-х гг. XIX в. рекомендации стали претворяться в жизнь. Но, судя по архивным данным, этот процесс был весьма болезненным, администрации приходилось действовать очень осторожно. Миссионер Черно-Ануйского отделения Филарет Синьковский в этой связи писал: «...нам приходилось читать не одно предписание полицейских чиновников сельскому старосте о немедленном выдворении некрещенных киргиз с угрозой строгой ответственности, но через несколько дней от тех же чиновников следовали предписания «не трогать киргиз» под различными благовидными предложениями» [5].

Во-вторых, священники миссии указывали на необходимость менять ситуацию, которая способствовала развитию «татарской грамотности». Так, и прошения казахов в областную и уездную администрацию были написаны арабской вязью. Выход из ситуации миссионеры видели во введении в учебных заведениях грамоты на русском языке, принятии прошений только на русском языке, что «если бы не уменьшило среди киргиз (казахов – Л.Ю.) грамоту татарскую, то во всяком случае усилило бы грамотность русскую» [6]. Итогом стало открытие во всех созданных к 1894 г. станах миссии церковно-приходских школ, в которых совместно обучались русские и казахские дети.

В третьих, действенным средством успешной пропаганды православия священники Киргизской миссии считали «братское объединение» казахского народа с русскими, удаление взаимной вражды. Предлагалось также приграничные районы Российской империи, на-

селенные нерусскими народами, заселять «...только православными, которые одни могут ассимилировать инородческий элемент и образовать твердый государственный оплот против чужеземных народностей» [7].

В целом отметим, что, несмотря на рост численности станов миссии (к моменту выделения её в самостоятельную, в 1895 г., было открыто четыре стана: Буконьский (Усть-Каменогорский), Большена-рымский, Долонской и Шульбинский) и все предпринятые православными миссионерами меры по устранению мусульманских конкурентов, обращение в христианство казахов Бийского уезда, судя по архивным данным, шло довольно медленными темпами. Крещение принимала маргинальная часть казахской общины, лишившаяся скота и средств к существованию, при этом не происходило значительной трансформации религиозного сознания кочевников, которые продолжали исповедовать ислам.

Литература

1. ЦХ АФАК.Ф. 164. Оп. 1. Д. 135. Л.40.
2. Записки Алтайского миссионера Черно-Ануйского отделения священника Филарета Синьковского за 1876–1881 гг. М., 1883. С. 27.
3. Алтайская и киргизская миссии томской епархии в 1892 г. Бийск, 1893. С. 26–27.
4. ЦХ АФАК.Ф. 164. Оп. 2. Д.2. Л. 95.
5. Записки ...
6. ЦХ АФАК.Ф. 164. Оп. 2. Д. 8. Л. 40/об.
7. Отчет о деятельности Алтайской духовной миссии за 1895 г. Томск, 1896. С. 19.

С.С. Малявина

Этническая и религиозная нетерпимость в среде молодежи (детерминация и пути преодоления)

Будучи представителем социума, человек всегда нуждается в ощущении принадлежности к одной или нескольким группам. Именно это ощущение принадлежности удовлетворяет человеческую потребность в психологической стабильности.

Распад СССР и разрушение единого социо-культурного пространства поставили большинство людей в ситуацию потери социальной идентичности, что привело к возрождению у людей интереса к своей исконной, традиционной культуре народа и религии. Этническая и религиозная идентификации являются наиболее прочными и устойчивыми социальными формациями. В ситуации современной нестабильности, когда рушатся одни социальные группы и появляются другие, этнос и религия часто выступают оплотом постоянства для человека и

группы. В стремительно изменяющихся в сторону унифицированности поликультурных системах социальные группы начали искать признаки, дифференцирующие их от других групп. Среди наиболее значимых социально-психологических признаков, которые используются для дифференциации, можно выделить этнокультурную и религиозную принадлежность. Существуют и другие социально-психологические признаки, по которым люди пытаются объединяться, демонстрируя свою внутригрупповую схожесть и отличие от других групп. Однако, именно эти социально-психологические характеристики являются более устойчивыми во времени социальными маркерами, отражающими различия как между большими группами, так и отдельными людьми.

Чрезмерное акцентирование различий по данным признакам становится детерминантой непонимания, нетерпимости на уровне межличностных и общественных отношений. Чаще всего нетерпимость и агрессию по отношению к иным, отличным от своей группы, демонстрируют представители молодого поколения. Это обусловлено рядом социально-психологических причин.

Во-первых, особенности психического развития человека в подростковый период характеризуются стремлением к независимости, чувством взрослости, формированием мировоззрения, основой которого становится подростковый нигилизм. Подросток, демонстрируя собственную независимость, самостоятельность, отрицание всего, что пытаются передать ему взрослые, хочет доказать свою готовность решать социальные проблемы.

Во-вторых, в современном обществе, ориентированном на экономические ценности, отсутствуют социальные институты, позволяющие подростку удовлетворить его потребность в социальной активности. Кружки, интересовавшие подростка раньше, теперь кажутся ему «детскими», не соответствующими его «взрослому статусу». Многие спортивные секции оказываются за пределами экономических возможностей его семьи. Эти и другие причины приводят ребенка на улицу, в организации.

Эта тенденция не распространяется на всех подростков и юношей. Если у ребенка сформирован интерес к какому-либо виду деятельности, в подростковом возрасте он сможет реализовать свою потребность в активности в этой деятельности. А подростки, родители которых заняты обеспечением экономического благосостояния семьи в ущерб общению с детьми, оказываются в зоне риска.

Достаточно гибкое мировоззрение подростка находится в стадии формирования, и этим чаще всего пользуются экстремистские организации разного толка. Здесь подростку представляется возможность

проявить свою взрослость, предлагаются пути «эффективного», быстрого и кардинального решения социальных проблем. Возможно, эти причины формируют этническую и религиозную нетерпимость в отдельных группах современной молодежи.

Таким образом, с одной стороны, социально-психологические особенности взросления подростка сопровождаются отсутствием адекватной социальной среды для деятельности молодых. С другой стороны, и активная рекрутская деятельность экстремистки настроенных организаций приводит к формированию в среде современной молодежи национальной и религиозной нетерпимости. Решать проблемы формирования национального и религиозного экстремизма в среде молодежи необходимо в комплексе, за счет разработки и внедрения научно-исследовательских и образовательных проектов, сотрудничества общественных и государственных организаций.

Научно-исследовательская деятельность должна быть направлена на выявление действительных, а не мнимых сходств и различий представителей различных этнокультурных и религиозных сообществ, изучение места, которое занимают этническая культура и религия в жизни современных человеческих сообществ, изучение социально-психологических признаков, обусловленных принадлежностью человека и группы к этносу и конфессии. Другая научно-исследовательская задача должна раскрыть социально-психологические явления, которые становятся детерминантами формирования нетерпимости на уровне общественных и межличностных отношений. Учитывая эти различия, необходимо искать точки гармоничного или, как минимум, безболезненного, взаимодействия между народами и отдельными людьми.

Проблемы этнокультурных особенностей психики изучаются в рамках этнопсихологии, за счет выявления сходств и различий психологических признаков, обусловленных этнокультурной и социокультурной принадлежностью человека (кросс-культурный подход). Изучение социально-психологических признаков, детерминированных религиозной принадлежностью человека и группы, в современной психологии практически не ведется. Заполнить этот пробел может научное направление, ориентированное на раскрытие социально-психологических явлений, обусловленных религиозным контекстом, на выявление сходств и различий психологических признаков, детерминированных религиозной принадлежностью отдельного человека и сообществ. Данная работа, по нашему мнению, должна осуществляться с опорой на сравнительно-психологический подход, в рамках кросс-религиозного направления психологии, предмет исследования которого заключается в изучении психических особенностей, закономерно-

стей поведения и деятельности людей, обусловленных их конфессиональной принадлежностью.

Образовательная деятельность должна включать в себя разработку и внедрение в педагогический процесс программ, направленных на формирование этнической и религиозной толерантности. На наш взгляд, содержание подобного рода программ должно охватывать три компонента этнической и религиозной идентичности человека: когнитивный, эмоциональный, поведенческий. Когнитивный компонент представляет собой совокупность представлений о социальной группе, с которой идентифицирует себя человек, и знание о других социальных группах. Эмоциональный компонент идентичности охватывает переживание принадлежности к социальной группе и позитивное эмоциональное отношение к представителям других групп. Поведенческий компонент заключается в формировании у человека поведения, базирующегося на ценностной системе группы, и не противоречащего, не попирающего ценности и нормы других групп.

Эффективность образовательных программ зависит от социально-психологической готовности подростков воспринимать необходимую информацию и активно участвовать в работе, направленных на формирование этнической и религиозной толерантности. По форме, образовательные программы должны учитывать возрастные возможности подростков, использовать различные игры, тренинговые курсы, дискуссионные клубы и др. Научно-методические разработки, направленные на формирование этнической толерантности, уже существуют. Например, разработанный российскими этнопсихологами Н.М. Лебедевой, О.В. Луневой, Т.Г. Стефаненко и выпущенный при поддержке ЕС и России (Тасис) в 2004 г. «Тренинг этнической толерантности для школьников». В современном образовательном пространстве необходимо создать условия для обеспечения педагогов, психологов, социологов, работающих с подростками, аналогичными научно-методическими разработками для применения их в образовательном процессе.

Деятельность общественных организаций и государственных служб по профилактике и предотвращению этнического и религиозного экстремизма среди молодежи мы видим в создании механизмов, позволяющих удовлетворить потребность подростков и юношества в социальной активности. Важно развивать сеть социальных институтов, ориентированных на молодежь, в которых молодые люди могли бы найти сферу для личностного роста, среду для формирования гуманистического мировоззрения.

Таким образом, выявление социально-психологических причин возникновения этнической и религиозной нетерпимости среди молодежи, а также путей ее преодоления будет способствовать гармонизации межгрупповых и межличностных отношений в современном мире. К изучению и решению проблем этнической и религиозной нетерпимости следует подходить комплексно, средствами различных наук (религиоведения, психологии, социологии), силами педагогов, работающих с подростками и молодежью, силами общественных и государственных организаций.

О.Г. Мясников **Национальный язык как символ**

В современной социальной антропологии широко распространено представление о нации, как о своеобразном продукте или результате социального конструирования. Нация – не «природная» общность, сложившаяся вследствие некоего сочетания географических, биологических, исторических и прочих факторов. Она создаётся людьми на определённом этапе развития (при переходе общества от традиционного к индустриальному типу), в силу определённых социальных потребностей (необходимость консолидации фрагментаризированного общества под эгидой централизованного государства), которые осознаются и формулируются людьми в виде определённых целей – идея нации как единого и целостного политического сообщества. Нация и есть политическая общность людей, объединённых государством.

Важнейшим средством создания наций всегда был и остаётся национальный дискурс, который и несёт основную ответственность за отчасти мифологизированную и символично-метафорическую природу нации. Дискурс – идеальный инструмент и механизм формирования национального сообщества, поддержания его существования.

Могущество дискурса объясняется просто. Всякий дискурс состоит из интерпретационных схем (фреймов), наборов идей, доводов, аргументов, символов. С их помощью в социальном диалоге происходит обозначение, идентификация, трактовка социальных явлений. В национальном дискурсе – как явлений именно национальных. Дискурс руководит нашим восприятием, он заставляет видеть в общественных процессах определённый набор смыслов и значений, улавливать или игнорировать те или иные связи между явлениями и, на основании описаний и интерпретаций, соответствующим образом строить и организовывать нашу практику.

Так национальный дискурс превращает территорию в «родную землю», в «отчизну» и «отечество». Он возводит довольно случайные с точки зрения реальной истории факты культуры в ранг «национальных

традиций и обычаев». Он интерпретирует политическую борьбу как столкновение надындивидуальных интересов, он создаёт национальных «героев» и «антигероев», олицетворяющих общественные силы, а порой – силы «добра» и «зла». Он, наконец, объединяет громадное количество индивидов в некую однородную общность, хотя бы и «воображаемую», присваивая ей общее имя: американцы, узбеки, украинцы и т.п. Он есть инструмент описания и интерпретации этой, им созданной, общности.

Рассмотрим «нациообразующую» роль дискурса, использующего национальный язык. Как это ни парадоксально, не каждая нация имеет свой национальный язык, если под последним понимать язык «естественный». Латиноамериканские нации говорят на испанском и португальском языках, «другие» американцы (и не только они) – на английском языке, в ряде африканских стран общеупотребительным является французский язык и т.д. и т.п. Иначе говоря, язык не является изначально маркером нации, он именно становится (или не становится) таковым с помощью дискурса, который единственно способен придать языковому различию значимость или ценность. Превращение языка в символ нации есть скорее случайность, но никак не закономерность: оно обнаруживается в ходе конструирования нации как выбор, выбор обоснованный, но не единственно возможный.

Дело в том, что такие задачи формирования нации, как консолидация новой общности, конструирование её границ с «другими», выработка новой идентичности, создание новых мифов и сочинение истории, могут быть решены и без национального языка, т.е. без превращения, осмысливания, объявления какого-либо языка национальным.

В конце концов, история свидетельствует, что возникновение наций и национальных государств шло параллельно и именно оно, возникающее на руинах традиционного общества государство, остро чувствовало все перечисленные проблемы и было самым активным участником процессов национального строительства. Мощным и очень эффективным орудием в руках становящегося национального государства было введение единого гражданства, а также утверждение политического равенства и ликвидация сословных привилегий, введение различных форм народного представительства. Национальный дискурс XIX в. вырабатывался как дискурс демократический, следовательно, «открытый», «включающий», а не «исключающий».

Превращение языка в национальный – это прежде всего социокультурный акт. Язык «ввинчивается» во фрейм (интерпретационную схему) нации и истолковывается в качестве его атрибута. Ему приписывается ряд значений, которые устанавливают жёсткую смысловую

связь между языком и нацией, его превращают в олицетворение нации. Благодаря этому механизму язык становится «национальным достоянием», «средоточием национального духа», «живой связью между нашими предками и нынешним поколением», «хранителем национальной культуры, традиций национальной жизни» и т.д. и т.п. Теперь язык подвержен не собственной логике функционирования и развития, а задаче создания нации.

Прежде всего, он участвует в категоризации и оформлении оппозиции «мы – они», «свои – чужие». Речь идёт не о естественном различии между людьми по языковому признаку, которое в принципе достаточно легко преодолевается под давлением практических потребностей, а о языковой демаркации различий между сообществами. Языковая демаркация – одновременно и естественный, и символический барьер – дополняет государственные границы, которые в эпоху модерны являются также и границами национальными.

Понятно, что жёсткая и однозначная связь между нацией и её языком становится условием для национальной идентификации на основе именно языка. Язык начинает играть роль самостоятельного признака, формальное наличие или отсутствие которого будто бы уже свидетельствует об идентичности.

Но, пожалуй, наиболее очевидна роль языка в формировании национальной солидарности, когда язык рассматривается в качестве одновременно и основы, и средства интеграции индивидов и социальных групп в нацию. Национальный язык сплавляет, соединяет, связывает разрозненных людей в новую суперобщность.

Однако надо помнить, что эта функция интеграции производна от изначального свойства языка быть средством коммуникации. Национальный язык объединяет людей потому, что он преодолевает языковую разобщённость и предоставляет людям новые возможности общения, он создаёт национальную «сеть» коммуникации. Нация же вырастает, образуется, кристаллизуется на базе этой сети.

С этой точки зрения, мягко говоря, некорректны расхожие сравнения процессов становления украинского и французского национальных языков. Французский пример действительно классический. Но это «классика» XIX в., «века национализма».

Французский пример становления нации – это образец её возникновения из раздробленных, дифференцированных, разобщённых региональных, сословных, профессиональных и т.п. общин. Предпосылки возникновения наций – потребности индустриализации и модернизации, потребности в обширных и масштабных рынках труда и капитала, раздвигающих рамки локальных сообществ, а также политиче-

ские потребности в централизованном государстве нового типа. Ответом на это и становится определённая унификация и даже нивелировка общественной жизни, что выражается в формировании общей культуры, демократизации и стандартизации образования.

Общепонятный, или национальный язык в этом контексте – не нечто исключительное и, тем более, символическое. Это весьма практичное и эффективное средство преодоления общественной раздробленности, «работающее» в той же плоскости, что и другие. Привлекательность национального языка обнаруживается в том, что он стирает «языковую демаркацию» между локальными общностями, которые пользовались различными диалектами. Он становится языком новой культуры, владение им равнозначно приобщению к этой культуре и интеграции в новое промышленное общество. Он раздвигает перед индивидами социокультурные горизонты, превращая в поле деятельности и реализации жизненных шансов людей всю страну.

Любой язык одновременно и включает, и исключает. Становление французского национального языка в XVIII–XIX вв. – ярчайший пример доминирования первого процесса, что и объясняет его успех. Кстати, французский пример наглядно иллюстрирует банальную мысль о том, что формирование нации является следствием действия ряда интегрирующих факторов. Нация – не самоцель и не непосредственная потребность, а один из результатов процесса модернизации.

Украинский случай принципиально отличается от французского. Проблема национального языка возникает не в ходе поиска коммуникационных средств, а в процессе «оснастки» нации соответствующей атрибутикой. Отождествление коммуникационной и символической ипостасей языка рождает многочисленные заблуждения, иллюзорные проблемы и их решения вроде защиты «информационного пространства» или перевода «Тараса Бульбы», поэзии Пушкина и Есенина на украинский язык.

Вообще, надо сказать, аналогом национального языка XIX в. сейчас становится язык массовой культуры, восходящий язык компьютерных технологий и информационных сетей. Он адекватен современным процессам глобализации и потому выполняет ту же роль, что и национальный язык, «обслуживающий» становление национальных государств в XIX в.

Обсуждение в Интернете

Тема: Национальный язык в мультилингвистических обществах (// 2006–06–01)

Сообщение: Ситуация с языком и появлением национального языка в XIX в. понятна. Она описана, например, в известной работе Ан-

дерсона. Прагматизм в этом деле характерен не только для государства, интеллигенции, но и для остального народа, который через национальный язык поднимается из низов в более высокие страты. Но как быть с языком в нынешних «постколониальных» странах, где, в отличие от XIX в., поголовная грамотность, возможность получения разнообразной информации не через один канал (официальный национальный язык), а через множество, где – если брать постсоветские страны – люди неплохо владеют двумя языками (например, украинским и русским)? Здесь нет языкового единства только в том смысле, что люди, зная «национальный» (государственный) язык, на практике могут предпочитать использовать другой – русский. В таком случае – и теоретически, и практически – становление национального языка означает не столько приобщение к нему всё новых и новых масс (они его уже знают и могут использовать), сколько вытеснение других языковых «конкурентов», т.е. установление языковой монополии. Это можно сделать, но будет ли это сшивать, сплачивать население в нацию? Другими словами, практический смысл распространения национального языка, который был характерен для XIX в., здесь отсутствует. Что же тогда остаётся от «смысла и значения»? Голый символ, вроде «графического изображения рубля», вроде флага и гимна, который вроде должны быть (всё как у людей), но за своими ограниченными пределами демонстрации существования нации никакого смысла не имеют. Или же смысл «быть национальным» языком в современную эпоху меняется таким образом, что никаких отсылок и сравнений с XIX веком быть не может?⁶

Д.И. Петросян, И.В. Свинцов
Толерантность против национальной нетерпимости
в сознании россиян

Толерантность – одна из базовых ценностей гражданского общества. Именно она выступает формой признания за каждым права на собственные убеждения, верования, интересы и привычки. Означая первоначально преимущественно веротерпимость, феномен толерантности вырастает до требования компенсировать и смягчать непримиримые социальные, политические и мировоззренческие противоречия. Признавая равные права на существование всех самостоятельных философских и моральных взглядов, не давая одним из них возвыситься над другими, принципы толерантности служат защите духовной свободы индивида в плюралистическом обществе. Призывая к достижению взаимного понимания и согласования разнородных интересов без

⁶ Без подписи.

применения давления и насилия, данная ценность предполагает установление в обществе согласия по поводу тех принципов, которые обеспечивают поддержание и сохранение гражданского мира.

Подобное, принятое в современном мире, понимание толерантности утвердилось в последние 15 лет и в России. Причем не только в рамках экспертного сообщества, но и на уровне властных элит, и в массовом сознании. Очевидно, что в постперестроечной России формирование толерантных отношений является одним из основных сюжетов процесса общественной трансформации. Значимость утверждения принципов толерантности в России многократно усиливается, с одной стороны, отсутствием соответствующих традиций, многолетним культивированием подозрительного и непримиримого отношения к любым отклонениям от установленных норм, а с другой стороны – разнообразием самого российского социума, в котором объективно представлены носители различных национальных, религиозных и культурных ценностей.

Между тем, в первой половине 2006 г. в России, похоже, началось переосмысление ценностей толерантности. После состоявшегося в Москве очередного Всемирного русского православного собора открылась дискуссия о том, не завели ли толерантность и общечеловеческие ценности наше общество в нравственный тупик. Напоминание из уст участников Собора об особом пути развития России не является чем-то удивительным и неожиданным. Однако попытка представить толерантность ценностью, не свойственной россиянам и вредной для России, не может не настораживать, особенно в условиях все нарастающей ксенофобии и участвовавших в ряде крупных российских городов случаев проявления насилия по национальному и расовому признаку.

Наша статья основана на результатах ряда исследований, проведенных «Среднерусским консалтинговым Центром» при поддержке Московского представительства Фонда им.Ф. Эберта в 2000 – 2005 гг. («Толерантность против нетерпимости в массовом сознании россиян», «Молодежь России и ценности гражданского общества», «Российская идентичность в условиях общественной трансформации»), в которых оценивался уровень толерантности россиян, в том числе и в сфере межнациональных отношений.

Россия – многонациональная страна, и отрадно, что лишь 16% россиян находят в этом больше отрицательного, чем положительного.

Треть россиян (33%) считает, что в многонациональности России больше положительного, поскольку разные народы обогащают друг друга. Другая треть (35%), соглашаясь с тем, что в многонациональности России много положительного, опасается возможности межнациональных конфликтов.

Отмечая позитивность того, что Россия является многонациональным государством, почти половина россиян считает, что в стране часто встречаются случаи дискриминации по национальному признаку (47%).

Треть опрошенных полагает, что такие случаи если и встречаются, то редко (34%). Лишь 14% убеждены, что случаев дискриминации по национальному признаку практически не бывает.

В целом россияне считают, что чаще всего национальная дискриминация проявляется на бытовом уровне – в отношении к представителям других национальностей как к людям «низшего сорта» (49 – 55%), в оскорблении лиц другой национальности (49 – 50%) и в физическом насилии по отношению к лицам других национальностей (36.5%). Социальные проявления национальной дискриминации, такие как ограничения при поступлении в учебные заведения, при приеме на работу и при продвижении на руководящие посты, отмечаются респондентами заметно реже (соответственно 12%, 29% и 16%).

Обратим, однако, внимание на то, что в многонациональном Башкортостане, жители которого знакомы с проблемами в межнациональных отношениях не понаслышке, дело обстоит иначе. Бытовые проявления национализма респонденты здесь отмечают заметно реже, чем в среднем по России (соответственно 21%, 26% и 28%), уделяя больше внимания социальным формам национальной дискриминации – ограничениям при поступлении в учебные заведения (28% против 4 – 9% в других регионах) и при продвижении на руководящие посты (26% против 11–17%).

Довольно редко россияне обращают внимание на такие признаки национальной дискриминации, как трудности в выстраивании политической карьеры (11%), ограничения в развитии национальными меньшинствами культуры, языка, религии (13%). Жители Башкортостана отмечают их не чаще и не реже представителей других регионов.

Показательно и то, что проживающие в республике русские и татары выделяют наличие практически всех из предложенных вариантов дискриминации по национальному признаку чаще, чем титульные башкиры.

Считаем важным подчеркнуть, что лишь 17% россиян видят проявление национальной дискриминации в открытом существовании организаций, пропагандирующих националистические идеи.

Терпимость и нетерпимость в межнациональных отношениях особенно хорошо проявляются в отношении респондентов к бракам между людьми разных национальностей. Подавляющее большинство россиян (70%) не видят в таких браках ничего плохого. Еще 17% жителей России считают такие браки допустимыми, хотя и подчеркивают, что вступившие в них люди сталкиваются с серьезными проблемами. Лишь каждый десятый среди россиян (13%) категорически выступают против смешан-

ных браков, считая, что брак следует заключать только с представителями своей национальности. Настораживает, однако, что по сравнению с 2001 г. и среди молодежи, и среди представителей старшего поколения доля выступающих против браков между людьми разных национальностей выросла почти в два раза (с 6% до 11% и с 8% до 15%).

Мужчины и женщины проявляют равный уровень терпимости в отношении к бракам между людьми разных национальностей. Они в равной степени часто отмечают, что в смешанных браках нет ничего плохого (по 70%). Мужчины лишь чуть чаще выступают с осуждением таких браков (15% против 11%), а женщины – чуть чаще считают, что вступившие в брак с человеком другой национальности наживает себе серьезные проблемы (16% против 13%).

Итак, на вербальном уровне россияне проявляет довольно высокий уровень толерантности в отношениях между разными национальностями. Больше половины респондентов (68%) находят больше положительного в том факте, что Россия является многонациональной страной, считая, что разные народы обогащают друг друга; подавляющее большинство россиян не видит ничего плохого в браках между людьми разных национальностей (70%);

В то же время жители России отдают себе отчет в том, что межнациональные отношения сложны, противоречивы и таят опасность серьезных конфликтов.

Треть россиян считает, что хотя в многонациональности России много положительного, но это может привести к межнациональным конфликтам (35%). Почти половина россиян считает, что в России часто встречаются случаи дискриминации по национальному признаку (47%); каждый седьмой житель России хотя и допускает браки между людьми разных национальностей, считает при этом, что люди, вступившие в них, испытывают серьезные проблемы (14%). Наконец, довольно заметная часть жителей России (10–20%) проявляет определенную нетерпимость в межнациональных отношениях. 16% россиян считают многонациональность России негативным фактором, утверждая, что одни народы у нас живут за счет других; 13% россиян категорически осуждают браки между людьми разных национальностей, настаивая на том, что брак нужно заключать только с представителем своей национальности;

Как и следовало ожидать, проявляющие нетерпимость в одном из вопросов нетерпимы и во всех других. Выступающие против смешанных браков в 2 раза чаще других негативно воспринимают факт многонациональности России и наоборот. Важно иметь в виду, что группа «нетерпимых» в национальном вопросе плохо структурируется по по-

лу, возрасту или уровню образования – эти факторы практически не влияют на усиление или ослабление уровня нетерпимости. Среди социальных групп лишь одна явно отличается повышенным уровнем нетерпимости – работники торговли и сферы услуг.

Зато уровень толерантности в национальных отношениях тесно взаимосвязан с показателями социального самочувствия. Наиболее высоким уровнем нетерпимости отличаются неудовлетворенные жизнью и негативно оценивающие уровень своей личной свободы.

Е.В. Романова

Особенности этнического сознания малых народов Алтая

Рассматривая особенности этнического сознания народов Алтая, мы, в первую очередь, исходим из того, что этнос – категория историческая и этническое сознание, соответственно, подвержено изменениям в ходе истории. Этническое сознание эволюционирует в рамках той научной парадигмы, согласно которой традиционная культура этноса – это способ и результат групповой адаптации к новым условиям.

Для народов Евразии, как и для многих народов России, XX век таил в себе несколько ключевых, пиковых моментов, когда этносам приходилось перестраиваться, адаптироваться к новым политическим, социально-экономическим, культурным и даже географическим условиям. В результате, этническое сознание претерпело процесс ломки и трансформировалось.

Отражению и закреплению в этническом сознании подвергается не мир, а лишь те его составляющие, которые представляются наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир. Изменение этих составляющих под натиском изменений геополитики приводит к активизации работы этноса по осмыслению и интерпретации происходящего. Так, одним из результатов этой работы стало изменение баланса народов России. Распространение геополитических интересов России на Евразийском пространстве уже в XVIII в., положило начало формированию политической ментальности проживающих там народов. Однако появление стойкого национального компонента в их культуре связано с особенностями складывания культурных ценностей проживающих на данной территории этнических общностей. Мы рассмотрим особенности национального самосознания народов Большого Алтая на примере этнических общностей Горного Алтая.

Республика Горный Алтай – это территория соприкосновения нескольких государств, контакта множества культур и религий, в ней тесно переплелись экономические, социальные, политические связи представителей местного населения и других территорий.

Алтайский край находится в непосредственной близости с Горным Алтаем. Жителям нашего края должны быть не безразличны взаимоотношения алтайцев с русскими и другими народами. Для эффективного контакта необходимо знать специфику данного региона, его этнический состав, этнические настроения.

Целью данной работы является стремление выяснить этноконфессиональное мировоззрение, в целом сознание и современное состояние населения Горного Алтая, его этнические проблемы и настроения.

Большое влияние на становление и развитие этнического сознания народов Алтая оказала этноконфессиональная специфика проживающих в нем народов.

До сих пор считается, что к северным народам Горного Алтая относятся кумандинцы, челканцы, тубалары, а к «южным» – алтай-кижи, теленгиты, телеуты. Каждая из названных групп имеет определённую территорию, родовую структуру, диалект, тип хозяйствования, отличительную внешность, характерный менталитет. Эти обстоятельства порождают в среде алтайцев этнические, социальные, политические противоречия. Современная этническая ситуация характеризуется стремлением «северных» алтайских групп отделиться от «южных». В сложных социально-экономических условиях у телеутов, кумандинцев и челканцев появилась возможность войти в Единый список малочисленных этносов России. Претендуя на статус отдельного этноса, они рассчитывают получить федеральную помощь: денежные пособия, продукты, медицинские средства. Вслед за северными алтайскими группами, о «северном» статусе вынашивают мысль теленгиты, тубалары.

В высокогорном Кош-Агачском районе, граничащем с Монголией, компактно проживают казахи. В последнее десятилетие их этническая ситуация также меняется. Об этом свидетельствуют результаты работы Курултая казахов, на котором обсуждалось множество вопросов, в том числе и проблема этносоциального положения казахов в связи с отсутствием представителей от казахов в республиканском правительстве. Был поднят вопрос о возможности считать казахов третьим коренным народом республики наряду с алтайцами и русскими.

У алтайских казахов есть опыт возврата на историческую родину. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в ответ на призыв казахстанского президента объединить всех казахов казахи-переселенцы из Монголии и Горного Алтая возвращались в Северо-Восточный Казахстан. Однако переселенческое движение потерпело неудачу, и многие вернулись в Горный Алтай. Одна из причин этого заключалась в том, что широкомасштабное скотоводство в Казахстане ушло в прошлое – в советский период пастбища пустили под целину. Другая причина –

в приобретённых вдали от родины алтайскими казахами этнокультурных отличиях. В Казахстане алтайских казахов называли «алтайцами». Алтайские казахи отличаются от казахстанских характерным говором: под влиянием алтайского языка их произношение стало твёрже.

За вековой период проживания в Горном Алтае алтайские казахи сформировались в отдельную этнотерриториальную группу казахского этноса при социокультурном влиянии алтайцев. Первоначально лидеры алтайских казахов видели единственный путь существования алтайских казахов в установлении связей с Казахстаном и поэтому называли себя «казахской диаспорой». Однако сейчас они решили переориентироваться, назвав себя «этнической группой» для того, чтобы добиться статуса «малочисленного народа», живущего в высокогорных условиях, приравненных к «северным».

Для рассматриваемых традиционных обществ, где культура или основные культурные ценности формируются, преимущественно, на основе религиозного мировосприятия, характерна заметная абсолютизация и консервация собственных культурных ценностей и недооценка, а также, иногда, отторжение иноэтнических. В реальной жизни для многих народов Горного Алтая это, в числе прочих явлений, приводило к необходимости осознанного отказа от чужеродных культурных элементов, как принесенного русскими – чужим этносом. Однако, отказ от некоторых «чуждых», культурных ценностей не означал приобщения к мировоззренческим и культурным традициям, которые могли стать единственными для всего российского народа, поскольку история его формирования была достаточно сложной и до сих пор в составе этноса выделяются отдельные, разные по происхождению, этнические группы. Соответственно, для каждой из этих групп и традиционные культурные ценности были различными. Последовательное выполнение принципа возврата к своим собственным ценностям и отторжения иноэтнического привело к тому, что скоро и национальные праздники, первоначально мыслившиеся их организаторами как общенациональные и культуросозидающие, неизбежно превратились в обрядовые, религиозные действия, осуществляемые «своими шаманами», в праздники этнических групп, а затем, в ряде случаев, и в чисто родовые. Религия алтайцев – шаманизм. Часть алтайцев была обращена в православие в XIX в. С 1904 г. алтайцы скотоводческих районов стали последователями бурханистского культа (разновидность монгольского ламаизма в сочетании с элементами алтайского шаманизма). Охарактеризуем ша-

манство на примере наиболее развитых его форм, сохранившихся до наших дней у ряда народов Сибири (нганасан – жителей самого северного региона Евразии – полуострова Таймыр; кетов, населяющих бассейн Среднего Енисея; эвенков – обитателей сибирской тайги; тувинцев, кочевавших в горных степях Центра Азии и других). В целом для всех этих народов и их мировоззрения характерно представление о том, что Вселенная состоит из трех миров: Верхнего, где обитают только духи, Среднего, где наряду с духами живут люди, животные, растения, а также Нижнего, куда уходят души умерших.

На этой религиозной почве при дальнейшем развитии таких процессов назревала вполне вероятная возможность разделения еще до конца не сформировавшейся этнической общности на отдельные этноконфессиональные и даже родовые группы.

В сфере чисто мировоззренческой отказ от православия и поиск собственных религиозных ориентиров объективно означали возврат от единобожия к шаманизму или многобожию, т.е., реальный регресс в мировоззрении, обращение к явлению низшего порядка, уже изжившему себя, основанному на древнейшем и простейшем принципе построения идеологических конструкций на базе взаимоотношений человека и окружающей природы. Поэтому попытки внедрить в широких масштабах вместе с традиционными культурными ценностями и традиционные верования, исторически бесперспективные, многим здравомыслящим людям виделись заранее обреченными на неудачу. Первоначально руководителями этого движения данная проблема вполне осознавалась и ими предполагался возврат не к тому, что было зафиксировано у предков народов Горного Алтая в последние 100–150 лет.

Большинством народов Алтая, живущих в условиях современного общества, бесперспективность полного возврата к традиционным культурным ценностям и к нормам жизни традиционного общества вполне осознавалась. В реальной жизни это бы вело к национальной замкнутости, обособленности от процессов современного общественного развития, существенному снижению уровня инноваций во всех сферах собственного этнического развития, подчинению интересов личности потребностям традиционного общества, определению индивидуальных мотиваций общинными принципами. Поэтому на современном этапе большинство представителей этнических общностей этого региона проявляют стремление к культурному, политическому, особенно экономическому взаимодействию, в целях сохранения и развития на всех уровнях своего национального достояния.

Литература

1. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
2. Трубецкой Н.С. Истинный и ложный национализм // Исход к Востоку. М., 1994.
3. Республика Алтай: фотоальбом. Горно-Алтайск, 1996.
4. Российская Федерация сегодня: спец. выпуск: Республика Алтай. Июль 2003.
5. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в. Горно-Алтайск, 1991.

Н.А. Романович

Ксенофобия как следствие кризиса идентичности

Очередное убийство иностранного студента стяжало для Воронежа с легкой руки СМИ весьма прискорбную славу «столицы ксенофобии». Что же происходит в Воронеже?

Иностранцев студентов, обучающихся в Воронеже, избивать начали лет шесть назад. И надо заметить, что первая половина этой «шестилетки» совпала с периодом распространения в городе символики и атрибутики РНЕ и скинхедов. В феврале 2004 г. в Воронеже был убит студент из Гвинеи-Бисау Амару Антониу Лима. Областной суд посчитал, что убийство было совершено на почве расовой ненависти. В октябре 2005 г. группа в составе полутора десятков молодых людей насмерть забила 18-летнего гражданина Перу, первокурсника Воронежской архитектурно-строительной академии Анхелеса Уртадо Энрике. В своем интервью Российской газете (от 21.10.2005 г.) Иван Замараев, заместитель прокурора Воронежской области, заявил: «Случаи преступлений в отношении иностранных граждан характерны не только для Воронежа. Но здесь наблюдается тревожная тенденция: если за весь прошлый год (2004) было зарегистрировано 61 преступление в отношении граждан других государств, то за девять месяцев этого года (2005) таких правонарушений – 106. Тем не менее, руководство Воронежской области считает, что «демонизация» Воронежа как города, враждебного людям другой национальности, явно незаслуженна.

А какого мнения придерживается на этот счет население города Воронежа? Институт общественного мнения «Квалитас» обратился к воронежцам с вопросом: «Недавно в связи с очередным убийством иностранного студента Воронеж был назван СМИ столицей ксенофобии (расовой неприязни). Согласны ли вы с этим определением»? (Опрос проведен 19–24 января 2006 г. методом личного интервью, выборка – 714 чел. – репрезентативна для населения г. Воронежа). Оказалось, что около трети (31%) опрошенных в той или иной степени согласны с тем, что Воронеж заслуживает такой сомнительной «славы».

Но 64% горожан считают определение Воронежа как «столицы ксенофобии» несправедливым. Хотя большинство воронежцев не согласны считать свой город центром расовой неприязни, ярлык, приклеенный СМИ, к сожалению, оказывается живуч и сокращает поток иностранных студентов, которые, к слову сказать, приносят городской казне немалый доход.

Как правило, после нападений на иностранцев, которые участились в последнее время в России, сами потерпевшие говорят о националистической подоплеке этих преступлений, а отечественные правоохранительные органы больше склоняются к «хулиганской версии». В своем интервью «Российской газете» от 21 октября 2005 г. стажер филфака ВГУ испанец Потиньо Родригес Марио, которому, в отличие от его товарища из Перу, посчастливилось выжить после избиения, на вопрос: «Как вы считаете, напавшие на вас – просто хулиганы или националисты?», ответил: «Не могу сказать определенно. Однако считаю, что национализм в России все-таки есть. У меня много друзей здесь учатся, и большинство были избиты без поводов, просто за то, что у них неславянская внешность». Около трети (31%) воронежцев склонны согласиться с тем, что преступление совершено на почве расовой неприязни, а 53% полагают, что это было просто хулиганство. Хотя, кто сказал, что хулиганство и расовая неприязнь несовместимы «в одном флаконе»?! Но по закону это две разных статьи с разной тяжестью наказания.

Следует отметить, что убийство перуанского студента Уртадо Энрике Анхелеса в октябре 2005 г. – это лишь очередной эпизод в длинной цепи нападений на иностранных студентов, которые происходят в городе чуть ли не каждый день. Ниже перечислены эпизоды, которые попали на страницы СМИ только за 2005 г.

- 3 июля в Воронеже был избит и ограблен гражданин Руанды, учащийся Воронежской государственной лесотехнической академии.
- 30 июня в центре Воронежа был избит и ограблен 24-летний студент из Франции Артур Клеш.
- 15 июня в Воронеже было совершено нападение на китайских студентов филологического факультета Воронежского госуниверситета.
- 17 мая в Воронеже было совершено очередное нападение на иностранного студента, гражданина Кении.
- 18 февраля в Воронеже подростки 16–18 лет с криками «Зиг хайль» напали на двух 20-летних африканцев из Замбии – студентов одного из местных вузов.

- 30 января в центре Воронежа два хулигана избили 23-летнего студента Воронежской государственной строительной академии – подданного Гвинеи-Бисау Антониу Гомиши.

Активность в регионе движений националистического толка стимулируется латентным сочувствием общества к подобным движениям. Это сочувствие проникает во все слои общества, «заражает» власти, правоохранительные органы и СМИ. На вопрос: «Как Вы считаете, есть ли основания у русских не любить представителей других национальностей?» – 45% горожан ответили «да». Некоторые респонденты при ответе на вопрос о мотивах нападения на иностранцев, участвовавших в российских городах, говорили, что последние в этом «сами виноваты». Они ссылались на «непристойное поведение иностранцев в РФ».

Вообще, по мнению аналитиков, все основания, которые приводятся в подобных случаях для объяснения нелюбви русских к представителям других национальностей, можно разделить на три группы: экономические, бытовые и идеологические.

Экономические – сторонники этого объяснения указывают на низкий уровень материального достатка жителей региона на сегодняшний день. А представители других национальностей, зачастую приезжие, якобы отбирают у коренных жителей работу, кусок хлеба и крышу над головой. В оправдание своей неприязни респонденты часто говорят о дерзости и даже наглости представителей других национальностей по отношению к русскому населению, о случаях обмана, о криминальных занятиях и незаконном заработке и обогащении за счет все увеличивающейся бедности коренного населения. И, как следствие: «наши девушки уходят к иностранцам, так как у тех много денег» и т.д.

Бытовые – сторонники этих взглядов утверждают, что в случаях избиения иностранцев молодыми людьми нет никакой идеологической подоплеки. Вспоминают, что ещё в царское и советское время «двор ходил на двор», а молодежь все время сбивается в определенные группировки просто потому, что «кровь молодая бродит» и ищет выхода. Бороться с этим бессмысленно, утверждают носители этой точки зрения, потому что это явление было, есть и будет. Случаи нападения на иностранцев они рассматривают как хулиганство со стороны малокультурной и необразованной молодежи.

Идеологические причины усматриваются в глобальном унижении русской нации и России в целом, которая, будучи Советским Союзом, играла одну из ведущих ролей на мировой арене. Развал страны поставил именно русскую нацию в двусмысленное положение. Она привыкла к своей «ведущей» роли среди остальных наций и народностей. Но сегодня, несмотря на многочисленность русской нации, её роль

«большого брата» стала очень и очень спорной. Известные российские социологи (в частности, Ю. Левада) назвали это явление «кризисом идентичности». Этот кризис подразумевает яростную защиту своей идентичности параллельно с её поиском. Обычно в поисках причин своего унижения человек редко обращает взор на себя, чаще всего он ищет и успешно находит внешнего «врага», который и представляется ему виноватым во всем. Поэтому молодежь, наиболее остро переживающая кризис идентичности, набрасывается на иностранцев, начинает с ними бороться не на жизнь, а на смерть, считая, что таким образом можно восстановить справедливость. Подобная идеология является характерной для экстремистских молодежных движений (например, скинхедов).

Применительно к воронежской ситуации, связанной с избиением иностранных студентов, первая причина – экономическая – не работает, так как иностранные студенты ни у кого не отнимают кусок хлеба, а, напротив, приносят городу немалый доход в качестве платы за обучение. Поэтому, устраняя экономическую причину, т.е. поднимая материальный уровень жизни населения Воронежа, прекратить нападения на иностранных студентов вряд ли будет возможно.

Вторая причина – бытовая – имеет место, если говорить о воронежской ситуации, поскольку ксенофобия наивысшего своего накала достигает именно в молодежной среде и воплощается в конкретные уголовно-наказуемые действия. Но, придерживаясь только лишь бытовой подоплеку в объяснении убийств иностранных студентов, невозможно принять какие-либо эффективные меры для борьбы с этим явлением, поскольку с молодежными драками, как показывает история, бороться бесполезно. Кроме того, эти драки вовсе не «безидейные», а имеют вполне оформленную идеологическую подоплеку.

Поэтому именно третья причина – идеологическая – на мой взгляд, наиболее релевантна для объяснения происходящего в Воронеже. Если стать на эту точку зрения, становятся понятными и способы борьбы с этим явлением. С идеологическими причинами способы борьбы также должны быть идеологическими. Наиболее эффективным методом борьбы в данном случае будет продолжительная хорошо спланированная и продуманная идеологическая кампания, направленная против ксенофобии и крайнего национализма.

Обсуждение в Интернете

Тема: Идеологический и юридический подход недостаточны, но шума будет много (// 2006–04–11)

Сообщение: В.П. Козырьков

1. Автор пишет, что «применительно к воронежской ситуации, связанной с избиением иностранных студентов, первая причина – экономическая – не работает, так как иностранные студенты ни у кого не отнимают кусок хлеба, а, напротив, приносят городу немалый доход в качестве платы за обучение». Но чуть выше автор отмечал «низкий уровень материального достатка жителей региона», «представители других национальностей» «отбирают у коренных жителей работу, кусок хлеба и крышу над головой», обогащение «за счет все увеличивающейся бедности коренного населения. И, как следствие: «наши девушки уходят к иностранцам, так как у тех много денег». Явная нестыковка.

И как автор собирается устранять «экономическую причину, т.е. уровень жизни населения Воронежа»?

2. Странная логика: если в истории всегда были молодежные драки, то и не надо с этим бороться, потому что они всегда будут. Но так можно сказать и о бытовых преступлениях вообще, которые всегда были и будут. Правда, автор добавляет, что «эти драки вовсе не «безыдейные», а имеют вполне оформленную идеологическую подоплеку». Но если это так, то почему мы их называем бытовыми?

3. Утверждение, что «ксенофобия наивысшего своего накала достигает именно в молодежной среде и воплощается в конкретные уголовно-наказуемые действия», звучит убедительно. Но не потому ли, что молодежь не может скрывать своих настроений? Ведь сам автор отмечает, что «на вопрос: «Как Вы считаете, есть ли основания у русских не любить представителей других национальностей?» – 45% горожан ответили «да»». Разве к этим 45% относится только молодежь? И как измерять степень «накала» ксенофобии? Степенью открытости или закрытости? Но это юридическая точка зрения, на основе которой судят не за мысли и настроения, а за совершенные уголовно наказуемые поступки. Социологически более страшны эти 45%, так как это питательная почва, на которой взращиваются эти преступления. Как ее устранить? Вот коренная проблема. Юридически и идеологически ее не решишь. Но шуму можно много наделать.

4. Допустим, что идеологическая кампания нужна, но против чего или за что? Ведь сам автор в качестве идеологических причин называет «глобальное унижение русской нации», ее «двусмысленное положение», «кризис идентичности», ответом на что является поиск внешнего «врага». Разве эти причины можно устранить только идеологической кампанией? Это нас вернуло бы к советским временам, когда мы себя считали самой свободной страной в мире, так как строили коммунизм. Как теперь почувствовать себя идеологически самыми-самыми?

Тема: Ответ господину Козырькову (// 2006–04–16)

Сообщение: Н.А. Романович

Отвечаю на вопросы по порядку.

1. Никакой нестыковки нет, просто в моем докладе описываются сначала все возможные причины формирования негативного отношения к приезжим, в том числе и к иностранцам, а затем рассматривается: какие именно из этих причин имеют отношение к данному случаю (убийству иностранных студентов). Экономические причины здесь не играют роли, во-первых, потому, что иностранцы-студенты приносят городу доход в качестве платы за обучение, а значит поднимают материальный уровень благосостояния его жителей. Во-вторых, они не собираются ни у кого отнимать работу или крышу над головой, а планируют, закончив учебу, уехать к себе домой. В-третьих, нападавшие молодые люди в Воронеже (они сейчас арестованы) как раз отличаются исключительно высоким уровнем материального благосостояния, они закончили в свое время элитные колледжи, на сегодняшний день учились в престижных вузах, все они дети весьма обеспеченных родителей. Поэтому я и делаю вывод, что в данных случаях (случаях убийства иностранных студентов в Воронеже) корень зла лежит не в экономических причинах. Скорее, наоборот, вопреки экономическим резонам, убийцы иностранных студентов наносят материальный ущерб городскому бюджету.

2. На второй вопрос, собственно, не знаю, что отвечать, потому что господин Козырьков приписывает мне суждения, с которыми я не согласна. Я-то как раз не считаю, что с молодежными драками (которые имеют бытовую подоплеку) не нужно бороться. Но выходят такие статьи (их достаточно много), есть в частности такое мнение у коллег из С-Петербурга, что бороться с молодежными потасовками безрезультативно. И в докладе я написала: «Бороться с этим бессмысленно, утверждают носители этой точки зрения, потому что это явление было, есть и будет». То есть, эта точка зрения – не моя. И я думаю, что бороться с этим обязательно нужно в рамках закона, что и происходит в настоящее время. А именно, нападавших, в том числе и убийцу, поймали и арестовали... Только вот меры эти почему-то малоэффективны... И в прошлый раз (2004 г.) тоже поймали убийц и арестовали... А вот все продолжают и продолжают убивать, и шквал этот не стихает, а нарастает. Поэтому я и говорю, что применительно к нашему случаю такая позиция (апелляция к бытовому подтексту преступления) не может предложить эффективные меры борьбы с этим явлением, потому что корень зла опять-таки не в «бытовухе».

3. С суждениями третьего абзаца эссе господина Козырькова я в принципе согласна. Действительно, молодежь убивает иностранных студентов, потому что чувствует латентную ксенофобию большой части населения, в том числе и представителей правоохранительных органов. Постсоветское общество заражено ксенофобией в той или иной степени в разных регионах. Но взрослые люди даже сами себе не всегда в этом сознаются и редко пытаются свою неприязнь антуализировать в неадекватных действиях, вступающих в конфликт с законом. А молодежь настроена максималистски и дает выход своей неприязни. В общем-то я рада, что даже критически настроенные читатели поняли основную мысль моего доклада.

4. На четвертый вопрос, пожалуй, ответить будет сложнее всего, потому что у постсоветских людей осталось такое примитивное представление об идеологии как о заведомом вранье и одурачивании одних людей другими. Для того, чтобы можно было говорить на одном языке, я бы порекомендовала прочитать недавно вышедшую книжку профессора Казанского университета А.Р. Тузикова «Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса масс-медиа». Дело в том, что «кризис идентичности» сам является результатом мощной идеологической кампании, которая не всегда происходит по чьей-то указке сверху, а бывает, если можно так выразиться, спонтанной. Говорят, «свято место пусто не бывает»... Нельзя представить общество без какой-либо идеологии. На смену рухнувшей коммунистической идеологии, которая была безразлична к богатству, пришла новая идеология, согласно которой критерием успешности человека является его материальный достаток. Эта идеология прозападная, она не является традиционной для нашей российской культуры и разрушает эту культуру. Эта идеология разрушает сам смысл принадлежности к этой культуре, сам смысл дальнейшей жизни в неуспешной стране. Поэтому так велик поток эмиграции, особенно среди молодежи, в успешные в материальном отношении страны. Собственно, новая идеология агрессивна, потому что разрушает саму страну, и молодежь, как наиболее чуткая к таким вещам, реагирует на эту агрессию ответной агрессией. Молодежная агрессия направлена против всего чужого, что нас разрушает. Сегодня это «чужое» актуализировалось для молодежи в виде ни в чем не повинных иностранных граждан. Молодежная агрессия в данном случае – попытка сохранить свою страну и свою культуру. Поэтому-то подтекст молодежного агрессивного поведения встречает латентную поддержку и сочувствие со стороны общества. Но убийство иностранных студентов является самым нелепым и абсурдным способом борьбы за сохранение собственной культуры. Поэтому и нужно противодействовать разрушаю-

щей идеологии посредством другой – созидающей идеологии, традиционной для российской культуры. Ведь в конце-концов: «не в деньгах счастье» – это российская поговорка. Это даже не идеологическая кампания, это просто смена идеологии в масштабах страны. Это сложно, для этого нужно созреть.

Ну, а в тактических целях можно провести конкретную, целенаправленную идеологическую кампанию, которая позволит вырвать молодых людей из «лап» руководителей экстремистских организаций, которые существуют в разных регионах России, в том числе и в Воронеже. Публикация в одной из воронежских газет интервью со скинхедом с говорящим названием «За Родину в тапочках не сражаются» показывает, насколько заидеологизированы члены подобных организаций. Скинхеды уверены, что убивая иностранцев, они сражаются за Родину, поэтому считают себя героями. У меня есть эта статья, но не думаю, что её можно вывешивать в интернете, иначе расценят как пропаганду. Вывод – надо спасать не только иностранцев, но и наших ребят, которым руководители экстремистских организаций «загудрили мозги» ложными идеологическими схемами. Эти ложные схемы сможет разрушить не наказание, не тюрьма, а только другие противостоящие им идеологические схемы. Поэтому главный фронт борьбы с ксенофобией – идеологический.

Ю.Н. Рыбьякова

Ненасилие и толерантность в этнопедагогике

Ушедший XX век и век XXI поражают нас своими техническими достижениями. Новые технологии и улучшающаяся с каждым днем техника – вот символы сегодняшнего времени. Но вместе с тем это время принесло человечеству немало проблем, которые ему необходимо решать как можно быстрее. Одна из таких проблем – войны и вооруженные конфликты, которые не затихают во многих точках Земного шара. Еще одна из опасностей человечеству, которую нам необходимо признать, – это терроризм, приобретающий угрожающие масштабы.

Многие конфликты, ставшие причиной войн или террористических актов, носят откровенно национальную или религиозную окраску. Даже конфликты на так называемой бытовой почве разгораются порой из-за расовой или межнациональной ненависти. Создается впечатление, что человечество обрекло себя на некий культ войны, не желая понимать и уважать друг друга, видеть общечеловеческие идеалы и ценности.

Мы должны прекрасно осознавать, что для дальнейшего полноценного развития и планеты и всего человечества, необходимы мир и содружество всех земель. Не случайно первое десятилетие XXI в. объ-

явлено ЮНЕСКО десятилетием мира и ненасилия. Для обеспечения мира необходимо воспитание в каждом из нас не только междрасовой, межкультурной и межнациональной толерантности, но и искреннего интереса к культуре всех народов Земли.

Проблема отношения к «другому» – к человеку, к людям вне своей культуры – древняя как само человечество. В большинстве своем при сравнении уровня развития различных культур мы почти автоматически встаем на позицию западной цивилизации, которая ставит во главу угла критерий развитости технических средств. Но этот критерий не позволяет нам увидеть своеобразие и богатство других культур, других традиций, другого человека. Это непринятие и не понимание «другого» часто и становится причиной разгорающихся конфликтов.

Сегодня важную роль в преодолении этих проблем приобретает наука «этнопедагогика». «Этнопедагогика представляет собой связь педагогики и культурных традиций народа. Этнопедагогика исследует закономерности и особенности этнического воспитания» [1].

Проблема гармонизации отношений в обществе, между разными нациями и этносами имеет отношение ко всем сферам человеческой деятельности, в первую очередь к образованию, так как образование формирует мировоззрение, нравственные ориентиры и ценности. Сегодня на сферу образования должна быть возложена особая задача, суть которой – в формировании нового мировоззрения, которое соответствовало бы эпохе будущего. Поэтому особое значение приобретает этнопедагогика.

Этнопедагогика исследует воспитательный опыт разных народов, национальные педагогические воззрения. Это наука об эмпирическом опыте этнических групп в сферах воспитания и образования детей, морально-этических и эстетических воззрений. Этнопедагогика вбирает в себя различные традиции, обычаи, ценности в деле воспитания и образования.

Современная этнопедагогика неразрывно связана с ценностями ненасилия и толерантности. Они являются, с одной стороны, составляющими самой образовательной системы, с другой стороны – необходимыми ценностями в формировании мировоззрения и мироотношения.

Ненасилие и толерантность в этнопедагогике – необходимые принципы в самой системе преподавания и воспитания. Терпимость, чуткость, уважение к другой культуре и ее понимание – это те качества, которые важны в каждодневной практике этнопедагога. Уроки и занятия нужно строить так, чтобы можно было сказать: «Они заставили нас уважать мудрость своего народа» [2]. Эти слова были произнесены воркутинскими воспитательницами маленьким ненецким «оленоводам».

С другой стороны, важно формировать в сознании и душе каждого человека ценности ненасилия и толерантности: ненасилие и толерантность между разными нациями, внутри одной народности, между разными этносами, в отношениях между странами и просто людьми. Каждая страна или нация имеет свои вероисповедания, нравственные приоритеты, мировоззренческие концепции, каждый народ живет по своим традициям и обычаям, имеет свою идеологию. Но этнопедагогика может воспитать понимание того, что рядом с нами живут другие и необходимо уважать и понимать их культуру. Ведь «мировое древо культуры имеет множество ветвей – национальных культур, каждая из которых отличается неповторимым своеобразием, внесшим свои чудесные достижения в духовную сокровищницу планеты» [3].

Принципы этики ненасилия и толерантности необходимо применять в этнопедагогике. «Этнопедагогика – это наука о любви к человеку независимо от цвета кожи, глаз, языка и пропорций тела» [4].

Важно отметить, что на сегодняшний день интерес к ценностям ненасилия и терпимости очень сильно возрос, так как глобальные опасности второй половины XX в. обострили проблему выживания человечества. Растет потребность в выработке новых мировоззренческих ориентаций, нового отношения к природе, обществу, людям.

Ненасилие – это всегда философия, определенное нравственное учение. Но при этом ненасилие – это конкретная этика жизни, которая определяет основные поступки и действия.

Ненасилие утверждает жизнь человека в качестве высшей существующей ценности, которая должна уважаться без всяких исключений. Ненасилие исходит из убеждения самоценности каждого человека как свободного существа и одновременно взаимной связанности всех людей в добре и зле. В основе ненасилия лежит концепция, согласно которой человеческая душа является ареной борьбы добра и зла. Как писал М.Л. Кинг, «даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла» [5]. Философия ненасилия признает двойственность жизни человека и его души. Но она всегда делает ставку на доброе, «божеское» начало в человеке.

Философия ненасилия рассматривает человечество как единое и неразобщенное, и все люди равны в своем достоинстве и праве на уважение. «Все живые существа суть одно» [6]. Человечество-единный огромный механизм, клеточкой, элементом которого является отдельный человек.

Ненасилие – это метод активного противодействия злу. Ненасилие решительно отвергает пассивность и подчинение всем фор-

мам несправедливости. Цель ненасилия заключается не в достижении победы над противником или врагом, но в преодолении несправедливости, в решении конфликтов и посредством этого создания условий для всех. Ненасилие исходит из установки сохранения гражданского мира, а значит, правового состояния общества, ибо правовое состояние есть неперемненное условие гражданского мира.

В своей прикладной части этика ненасилия представляет собой метод социально-практических действий по конструктивному разрешению возникающих в обществе проблем внешнего и внутреннего свойства. Этика ненасилия задает идейную основу для применения моральных принципов к социальной практике и нравственного обеспечения усилий по преобразованию общественной жизни, продуктивному социальному взаимодействию между людьми, имеющими разные интересы и придерживающимися различных взглядов. В этом состоит ее непреходящее значение. Таким образом, ненасилие – это не только философия и этика, но и социально-политическая практика.

Центром ненасилия является принцип любви. Подобно ненасилию, любовь исходит из самоценности каждого отдельного человека и из признания того факта, что все человечество взаимосвязано, оно едино, и люди равны друг другу. «Любовь, определяемая этим законом (возлюбите врагов ваших), есть только тогда любовь, когда она не допускает никаких исключений и одинаково обращена как на иноземцев, разноверцев, так и врагов, ненавидящих и делающих нам зло» [7].

Это – незаинтересованная любовь. Это любовь, в которой индивид стремится найти добро не для себя, а для своего ближнего. Это любовь ради других, даже ради «врага». Человек любит не потому, что ему это выгодно, а потому, что в любви он находит счастье. Любовь сама по себе уже есть счастье, в котором душа перестает каменеть, размягчается и обращается ко всему миру с сочувствием и добротой. Поэтому любовь есть и доброта. Более того, любовь есть благо и добро. Так как любовь является сущностью души человека. Поэтому он любит не от того, что ему выгодно любить, а потому что он не может не любить. Важно помнить, что такая любовь это не просто любовь к одному человеку, но душевное состояние готовности любви ко всем.

Милосердие отражает еще одну сторону морально-нравственного поведения этики ненасилия. Она заключается в том, что мало просто не делать зла, нужно еще творить добро. В добрых делах и поступках, в заботливом отношении к людям проявляет се-

бя милосердие. Милосердие воплощено в участливом отношении к людям и как таковое противопоставлено небрежению и беззаботности. В милосердие человек ограничивает себя, жертвует собой ради другого. Но если человек видит в милосердии лишь свое переживание, страдание, а другого человека как нуждающегося, как объекта милосердия забывает, то от любви кроме эмоций, а значит, кроме себялюбия ничего не остается. Суть милосердия в том и заключается, что оно живет для другого человека, во имя другого, во имя его блага и учитывает другого как личность. Милосердие нравственно потому, что одно чистое и доброе сердце чувствует другое чистое и доброе сердце. Истинное милосердие идет от сердца к сердцу, оно есть веление сердца.

Милосердие опосредованно служением. И этим оно возвышается над подаванием, услугой. На вопрос, в отношении кого милосердствовать, ответ прост – в отношении каждого. Милосердная любовь предполагает принятие интереса другого независимо от симпатий и антипатий, то есть беспристрастно. Это отношение, в котором все уравниваются. К данному человеку следует относиться так же, как к любому другому. Беспристрастность не означает одинаковости отношения – люди ведь различны. Милосердие должно относиться к каждому, но сообразно тому, в чем каждый нуждается.

Таким образом, этнопедагогика становится важными инструментом в решении сегодняшних этноконфессиональных проблем, а ценности ненасилия и толерантности ее необходимыми принципами.

Литература

1. Кукушин В.С. Столяренко Л.Д. Этнопедагогика и этнопсихология // Ростов-на-Дону, 2000. С. 6.
2. Аромштам М. Чему нам учиться у ненецких детей, или этнопедагогика для взрослых // [http:// www.dob.1 september.ru](http://www.dob.1september.ru).
3. Зубкова Т. Этнопедагогика. Проблемы современности // [http:// www.dob.1 september.ru](http://www.dob.1september.ru).
4. Кукушин В.С. Столяренко Л.Д. Этнопедагогика и этнопсихология. С. 4.
5. Гусейнов А.А. Понятие насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. №6. С. 37.
6. Девяткин С.Д. Искусство сатьяграхи // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки. М, 1996. С. 58.
7. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви // Полное собрание сочинений Т. 37. М., 1956. С. 167.

В.А. Рыжова
Конфессиональные конфликты и социальная работа
российских церквей

Последние 15 лет в России бурно развивается социальная работа – практически-ориентированная деятельность по социальной защите населения, а также ее теоретическое осмысление. Но в той или иной степени забота о наиболее незащищенных слоях населения – благотворительность – существовала практически в любой стране и в любые эпохи. Благотворительностью занималось государство, отдельные лица и, конечно же, разнообразные религиозные организации. В частности, христианство с самого момента своего возникновения считало милосердие, заботу о ближнем, особенно о нуждающемся материально или духовно, своей важнейшей задачей, более важной, чем религиозный культ, что нашло отражение уже в Новом Завете. За две тысячи лет христианством был накоплен богатейший опыт благотворительности. И даже когда в Новое время функции социальной защиты населения во многом перешли к светскому государству, церковный опыт все равно был учтен.

В России благотворительность в различных ее формах (условимся считать этот термин синонимичным «социальной работе») исторически была связана с православной церковью. Уже князь Владимир уставом 996 г. официально вменил в обязанность духовенству заниматься общественным призрением, определив десятину на содержание монастырей, церковей, богаделен и больниц. На протяжении веков средоточием социальной помощи были церкви и монастыри. Кроме того, на Руси была очень популярна идея личной милостыни, также связанная с христианским вероучением. Многочисленные потрясения, которые наша страна пережила в прошлом веке, поставили под угрозу само существование православной церкви и отрицательно отразились на ее социальной работе. С начала же 1990-х гг. церковь активно включается в общественную жизнь, и как результат – активная благотворительная деятельность (диакония) приходов, монастырей, широких церковных кругов, а также специально основанных для этой цели православных братств и сестричеств.

Но Россия была всегда не только многонациональной, но и многоконфессиональной страной. Другие христиане (католики и различные протестанты) жили бок о бок с православными с давних времен и, конечно же, тоже занимались благотворительностью. «Религиозный бум» начала 1990-х привел как к возрождению ранее существовавших христианских церквей, так и к появлению множества новых (как правило, основанных западными миссионерами евангелического толка). Их об-

щественная активность сегодня не уступает православной церкви, а по некоторым показателям – превосходит ее. И в этом контексте возникает проблема конфессиональных конфликтов: исторические обиды и богословские противоречия между различными церквями в современных условиях не сглаживаются, а наоборот – обостряются. Скорее всего, это можно объяснить жесткой конкурентной борьбой на «рынке религий» (ведь современная культура предлагает широкий спектр религиозных учений – от традиционного христианства до восточной мистики и неоязычества), а собственно богословские причины конфликтов, наверное, следует считать вторичными.

В чем же выражаются конфессиональные конфликты и как они отражаются на социальной работе современных российских церквей? Типичный сценарий здесь таков: при чрезмерной миссионерской и вообще социальной активности какой-нибудь «молодой» церкви поднимают голос «традиционные религии» (прежде всего православная церковь), обвиняя конкурента в сектантстве и вредном влиянии на личность и общество (конкретные обвинения могут значительно варьироваться). В результате публикаций в СМИ (и применения иных рычагов влияния) перед «сектантами поневоле» закрываются многие двери, а главное – к ним начинает настороженно (если не отрицательно) относиться общество. Итог: социальная работа церкви если и не сворачивается, то, по крайней мере, «буксует» по многим показателям.

Этот сценарий неоднократно применялся и в Таганроге (Ростовская область), из религиозной жизни которого можно привести несколько примеров. Так, пятидесятническую церковь «Исход», ведущую активную работу по реабилитации наркоманов и алкоголиков, неоднократно в церковной и светской печати обвиняли в мошенничестве – якобы исцеления ложные, а цель церкви – заработать деньги на горе людей. Пресвитерианскую церковь «Небесный путь», организовавшую служение заключенным, буквально «выжили» из тюрьмы православные активисты. Некоторые трудности с социальным служением были и у баптистской церкви «Вифания». Католикам повезло больше – их пока не трогают (тем более, что масштабных социальных проектов они не ведут), но храм дореволюционной постройки им не возвращают. Но больше всего «досталось» в печати даже не протестантам, а одному престарелому священнику, вся вина которого в том, что он принадлежит не к «официальной», а к так называемой истинно-православной церкви, и к тому же активно проповедует.

Отмечу, что власти города хотя в целом поддерживают православную церковь, но препятствий другим христианским конфессиям не чинят. К сожалению, СМИ (особенно епархиальная газета «Юг право-

славный») способствуют нагнетанию конфессиональных конфликтов, что приводит к сложностям в социальной работе христианских церквей. В конечном счете, страдают от этого не столько протестанты, сколько общество в целом, особенно его наиболее «проблемные» группы – наркоманы и алкоголики, заключенные, нищие и т.д.

Конечно, было бы чрезмерным упрощением говорить, что корень проблемы лишь в стремлении православной церкви к «монополии» на социально значимую деятельность. Конфессиональные конфликты нередки и среди протестантских церквей (например, «традиционные» протестанты очень неохотно идут на контакт с неопятидесятниками-харизматами). Наверное, все дело в упомянутой конкурентной борьбе: благотворительность – слишком значимый элемент «имиджа» церкви, чтобы делиться ей с кем-нибудь еще (т.е., признать, что другие церкви тоже могут быть полезны для человека и общества).

Надо признать, что в решении социальных проблем важное значение имеет активная деятельность любых христианских церквей, осуществляющих духовно-просветительскую и благотворительную деятельность. На современном этапе особенно важно развивать социальное служение церквей в следующих областях: работа с семьями, профилактика безнадзорности и социального сиротства, помощь социально-незащищенным слоям населения, профилактика правонарушений, реабилитация наркозависимых и т.д. В условиях же конфессиональных конфликтов такая работа в полной мере осуществляться не может.

На мой взгляд, было бы разумно создать координационный центр социальной работы различных российских церквей (возможно, при помощи государственных социальных служб или внеконфессиональных общественных благотворительных организаций), разработать единую социальную политику и следить за бесконфликтным сотрудничеством церквей в этой области. Разумеется, членство в такой структуре должно быть добровольным и не подразумевать подчинения одной церкви другой. В противном случае в проигрыше останутся не только церкви, но и все российское общество.

В.А. Смирнова

Международная образовательная миграция в Казахстане: этносоциальный аспект проблемы

После распада СССР территория Казахстана стала регионом активных миграционных процессов. Основная масса образовательных потоков миграции была направлена с территории Республики Казахстан (РК): республика не смогла предоставить своим гражданам полный объем высококачественных образовательных услуг. Менее значительным был приток соответствующих мигрантов. Часть из них приезжала на

обучение в казахстанские вузы благодаря государственным программам поддержки казахских репатриантов. Проект поддержки молодежи казахской диаспоры был одним из немногих, связанных с увеличением расходов государства на образовательную сферу. Это доказывает особую значимость проблемы для казахстанского государства.

В данном контексте особого внимания заслуживает вопрос о роли этнического фактора в образовательной миграции казахов на историческую родину, трудностях интеграции репатриантов в новую образовательную среду и путях их преодоления.

Сейчас около 4,5 млн. представителей казахской диаспоры проживают в более чем сорока странах мира. Значительное число казахов живет Узбекистане (около 1,5 млн.), Китае (1,3 млн.), России (900 тыс.) Туркменистане (100 тыс.), Монголии (80 тыс.), Кыргызстане (45 тыс.) [1].

За постсоветский период в Казахстан переехали более 374 тыс. этнических казахов. Только в 2004 г. 5508 из них были студентами вузов [2]. Возможность получения образования в РК стала, с одной стороны, фактором привлечения казахской диаспоры в республику, с другой стороны, одним из важных способов адаптации оралманов в РК. Этнический фактор стал решающим, но не единственным, определившим иммиграцию казахов на историческую родину.

Помимо этнического фактора, стимулятором эмиграционных настроений были размещение производства, не соответствующее кадровому потенциалу соответствующего сообщества, а также степень интегрированности диаспоры в общественную жизнь страны постоянного проживания. В решении коллегии министерства образования, составленном по итогам поездки комиссии министерства в Баян-Ульгийский аймак МНР (место компактного проживания казахской диаспоры), отмечалось, что казахская молодежь не сможет найти применение своим знаниям, так как в аймаке развито только животноводство [3]. Из-за недостаточной интегрированности в социальную среду соответствующих стран доступность высшего образования казахам за рубежом была недостаточной.

Еще одним фактором, стимулирующим иммиграцию в РК, стали изменения в языковой политике стран проживания диаспоры. Так, в 1992 г. Монголия собиралась переходить на старомонгольскую письменность с иероглифами, что способствовало эмигрантским настроениям в казахской среде Баян-Ульгийского аймака. В 2005 г. Туркменистан принял решение о прекращении функционирования двух-язычных школ включая туркмено-казахские. В вузах преподавание велось исключительно на туркменском языке [4], эта политика несомненно также оказала влияние на эмиграционные настроения казахской общины Туркмении.

Государственная политика по отношению к этническим меньшинствам также служила стимулом для отъезда казахов в Казахстан, в том числе и с целью получения образования на исторической родине. В частности, национальная политика в Узбекистане, создавала трудности для успешного продвижения по карьерной лестнице представителей нетитульных национальностей, что также служило толчком для миграции, включая образовательную.

Поэтому можно говорить, что этнический фактор был ключевым стимулом образовательной миграции, однако он действовал только при одновременном действии дополнительных выталкивающих факторов – проблем языковой политики, особенностей социально-экономического положения, специфики рекрутирования кадров, положения этнических меньшинств.

Связанная с образовательной миграцией адаптация ораламанов столкнулась с рядом трудностей. Так, казахская диаспора Китая использует письменность, основанную на арабском алфавите, тогда как казахи, проживающие в Казахстане (а также Монголии, России и ряда других стран), пишут, применяя кириллицу. Свои особенности имеет письменность казахов в Иране и Афганистане [5]. Казахи из Турции в массе своей не знают казахского языка [6].

Кроме того, грамматика казахского языка преподается в разных странах по-разному. Вследствие этого выпускникам, закончившим казахские школы за рубежом, было трудно поступить в учебные заведения РК. Лингвистический аспект проблемы интеграции в казахстанское общество заключался еще и в незнании репатриантами русского языка. Этот барьер сокращал возможности свободного выбора специальностей обучения в вузах, что было особенно характерно для начала 1990-х гг., когда казахские отделения в университетах только начинали расширяться.

Для адаптации репатриантов было решено выделять представителям зарубежной казахской диаспоры квоты при поступлении в вузы РК. При университетах были созданы подготовительные отделения для обучения ораламанов. С 1992 по 1999 г. ежегодно около 200–250 репатриантов поступали в вузы РК. К 1998 г. уже в 8 вузах РК действовали подготовительные отделения для ораламанов, действовали выездные приемные комиссии в Монголии, Китае, Узбекистане [7]. К 2004 г. подготовительные отделения работали в 15 вузах страны [8]. Государство постепенно увеличивало число поддерживаемых студентов ораламанов. В связи с улучшением социально-экономического положения в РК в новом тысячелетии, у государства появилось больше средств для помощи казахской диаспоре. С 2002 г. квоты для репатриантов составили 2% от государственного образовательного заказа на прием у вузы.

Политика поддержки казахской диаспоры за рубежом стала стимулом для продвижения казахстанских образовательных услуг за пределами страны. В частности, для этих целей в 2001 г. был создан филиал Восточно-Казахстанского государственного университета (ВКГУ) в Монголии. ВКГУ – единственный в республике вуз, имеющий филиал за рубежом. Образование в филиале платное. Он являлся коммерческим проектом, хотя и связанным с политикой государства по привлечению репатриантов РК.

Переселенцы, получившие вузовскую специальность, стали квалифицированной рабочей силой для развивающейся экономики. В какой-то мере, они даже явились заменой уехавшему в 1990-е гг. русскоязычному населению. Таким образом, Казахстан получил кадры, а переселенцы – возможность для полноценной интеграции в новую среду.

В целом, этнический фактор сыграл важную роль в контексте процесса интернационализации высшей школы РК. Привлечение в республику иностранных студентов, которые являлись носителями определенной разновидности казахской культуры, стало очень интересным феноменом, и стимулом интернационализации вузовской системы.

Интернационализация вузовской системы РК, главным образом, была связана с недостатком возможностей республики предоставлять своим гражданам весь спектр высококачественных образовательных услуг. Поэтому казахстанцы весьма активно участвовали в программах студенческих обменов.

Образовательные программы для репатриантов стали одним из проявлений обратной тенденции, когда Казахстан мог предоставить такие виды образовательных услуг, которые иностранные граждане казахской национальности не могли получить в стране, где они были рождены.

Литература

1. Указ президента Республики Казахстан «О Государственной программе поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, на 2005–2007 гг.» // [http:// lawyer.zakon.kz](http://lawyer.zakon.kz).
2. За годы независимости РК на родину вернулись 374 тыс. этнических казахов – комитет по миграции // [http:// www.c-asia.org](http://www.c-asia.org).
3. Решение коллегии министерства образования от 16 июня 1992 г. // ЦГАРК.Ф. 2255. Оп. 1. Д.201. Л.22.
4. Казахи протестуют против закрытия школ // [http:// www.gundogar.org](http://www.gundogar.org).
5. Там же.
6. Доброта Л. Диплом для оралмана // [http:// www.naukaz.kz](http://www.naukaz.kz).
7. Председатель комитета образования Ахметов А. Организация и проведение приема в высшие учебные заведения республики Ка-

захстан в 1998 г. // Вестник высшей школы Казахстана, 1998 г., № 4. С. 15.

8. Указ президента Республики Казахстан «О Государственной программе поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, на 2005–2007 гг.» // [http:// lawyer.zakon.kz](http://lawyer.zakon.kz).

Р.С. Смищенко

Проблемы толерантности в межэтнических отношениях

Этническая толерантность представляет собой специфическую черту национального характера, проявляющуюся в терпимости или отсутствии реакции на какой-либо неблагоприятный фактор в межнациональных отношениях. Особенно явно национальная толерантность проявляется по отношению к иным национальностям, иноверцам. По своей сущности национальная толерантность – это мировоззренческая основа этнического разнообразия и одновременно политика компромисса, согласия, единства. Поэтому национальная толерантность стала одним из принципов Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г., характеризующимся согласием, единством, сотрудничеством, уважительным отношением людей различных национальностей друг к другу. Проблема толерантности возникает из попыток мирными средствами разрешить культурные, этнические и другие конфликты и противоречия. Особенно это касается периодов радикальных политических преобразований.

Советская этнополитика была ориентирована на монокультурализм путём определённого упрощения и очищения социальных ролей от этнических, религиозных и культурных специфик. Таким путём толерантность достигалась, но она не была абсолютной, а во многом была следствием политического давления. С распадом СССР этничность осталась единственным эффективно функционирующим институтом и стала движущей силой «парада суверенитетов». Поэтому проблема толерантности в России в значительной мере возникла с обострением этноконфликтов, стремлением этносов непременно реализоваться в государственной форме, с сецессией, с бытовой нетерпимостью друг к другу представителей различных этнических групп.

Толерантность несёт в себе демократическое содержание, состоящее в признании многообразия интересов различных стран, народов, групп и индивидов в качестве легитимных. Однако толкование толерантности как терпимости сталкивается с препятствием следующего рода: а можно ли быть толерантным по отношению к врагам своего отечества, к террористам и т.п.? По обоснованному мнению К. Поппера, «во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимым к нетерпимым. Мы должны объявить вне закона все движе-

ния, исповедующие нетерпимость, и признать подстрекательство к нетерпимости таким же преступлением, как подстрекательство к убийству, похищению детей и возрождению работорговли» [1]. Таким образом, толерантность безгранична. Она не равна безразличию, уходу от политических оценок, пассивному потаканию негативным процессам в сфере межэтнических отношений. Сегодня западные авторы уже говорят о дестабилизирующем воздействии безграничной терпимости, называя её «невозможной добродетелью».

Толерантность не может быть панацеей от всех бед, так как естественное этнокультурное многообразие, сложившееся в той или иной стране, может быть легко нарушено политическим вмешательством, пытающимся обособить отдельные этнические сообщества. Свидетельством этому является конфронтация греков и турок на Кипре, сербов и черногорцев в Югославии, боснийцев-мусульман и косовских албанцев, грузин и абхазов, прежде друживших между собой. В подобных конфликтах призыв к толерантности имел мало смысла. Политика культурного, этнического и государственного разделения сломала былую толерантность.

В современной России интолерантность во многом объясняется дискриминационными практиками, осуществляемыми с целью предупреждения террористических актов: проверка документов у мужчин с характерной «кавказской» внешностью, связанная с определением потенциальных преступников по национальному критерию и т.п. Очевидно, что пока не будет решена чеченская проблема, сложно поднимать вопрос о разрушительном воздействии подобных дискриминационных мер. В последние 10–15 лет практика толерантности в России обычно связывается с политикой государственного субсидирования представителей этнических меньшинств. Такая политика может выражаться в предоставлении квот, стимулировании культурного развития меньшинств, социальной поддержке иммигрантов. Но при всей своей гуманистичности подобные меры невольно заключают охватываемые ими объекты в жёсткие рамки, серьёзно ограничивая свободу выбора индивидов. Например, финансируя создание в российских регионах этнических гимназий, власть невольно снижает шансы их будущих выпускников на глобализирующемся рынке труда. Более того, в политической практике многонациональных демократических государств этническое большинство, несмотря на официально узаконенное равноправие всех граждан, обеспечивает себе приоритетное положение, ограничивая недоминантным группам доступ к власти и ресурсам. Этнические

меньшинства дискриминируются институционально, а потому их лояльность данному государству не гарантирована.

Следует особо отметить и обратную тенденцию. В развитии межэтнических отношений на территории России наблюдается явная спекуляция принципом толерантности. Политическая практика терпимости зачастую позволяет представителям меньшинств «приватизировать» публичное пространство, т.е. власти ряда национальных республик в течение 15 лет проводят политику «национального возрождения». Фактически в рамках борьбы за права меньшинств в пределах государства имеет место притеснение русскоязычного населения, раздача постов и привилегий своим соплеменникам. Как справедливо прокомментировал данную тенденцию исследователь В.А. Тишков, «Всё чаще звучат голоса в защиту не только «притесняемых малых народов», но и большинства, оказывающегося жертвой радикализма и агрессивности меньшинств» [2]. Подобное положение дел порождает негативное отношение к данным этническим сообществам со стороны ненаделённого специальными правами большинства.

Таким образом, проблемы толерантности в межэтнических отношениях остаются открытыми. На наш взгляд, их решение напрямую связано с активизацией процесса воспитания граждан всех национальностей в духе терпимости и солидарности, чему должны способствовать политика и программы в области образования.

Литература

1. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. I. С. 329.
2. Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 356.

Е.О. Хабенская Антисемитизм и борьба с ним – две стороны одной медали

В российской политической жизни, как и в массовом сознании российского обывателя, идея антисемитизма давно утратила остроту и актуальность (некоторый всплеск интереса к этой идее наблюдался в середине 90-х гг. прошлого века и был связан со специфическими особенностями процесса приватизации и первоначального накопления капитала в постсоветской России – тогда была предпринята попытка интерпретации возникшего социально-экономического конфликта «бедные» – «богатые» как «этнического»: «русские» – «евреи»).

Это обусловлено тем, что так называемые этноконфессиональные конфликты, как правило, продуцируются элитами и контрэлитами и апеллируют к реально существующим социальным конкуренциям, которые мифологизируются и преподносятся как конкуренции «этниче-

ские». В современной российской социально-экономической ситуации куда больший отклик в массовом сознании находят мифы об угрозах «чеченских террористов», «нашествии иноэтничных мигрантов», «таджикской наркомафии» и т.д.

Однако, снижение общественного интереса к «борьбе с сионизмом» (иудаизмом, «жидомасонством» и т.д.), с одной стороны, и «проблеме антисемитизма», с другой, оказалось угрозой существованию целого ряда оппозиционных друг другу организаций – «русских патриотов» и правозащитников. Как это ни парадоксально, для их успешной деятельности был, как воздух, необходим перманентный взаимный конфликт, противостояние идей и реальная борьба друг с другом, отраженная в общественном дискурсе. Для поддержания интереса к центральному звену своей идеологии «русским националистам» были необходимы некие публичные акции, призванные, с одной стороны, продемонстрировать обществу актуальность проблемы, и с другой – спровоцировать оппонентов на ответную реакцию.

Подобной публичной акцией стала вызвавшая широкий общественный резонанс история с заявлением генеральному прокурору – так называемым «письмом пятисот» (по числу подписантов) – с требованием запретить на территории России деятельность всех еврейских организаций как «экстремистских». Письмо, направленное в Генеральную прокуратуру 14 января 2005 г., было подписано, в том числе, 19-ю депутатами Государственной Думы (от фракций «Родина», КПРФ и ЛДПР) и целым рядом активистов «русского движения». Письмо было инициировано писателем-публицистом Михаилом Назаровым, известным своими националистическими антисемитскими взглядами, а сам текст письма являлся почти полностью перепечаткой его статьи «Еврейское счастье, русские слезы», размещенной незадолго до этого на сайте газеты «Русь Православная» (гл. редактор – К. Душенов).

Письмо прокурору (статья М. Назарова) содержало развернутые «обоснования» негативного отношения «русских патриотов» к иудеям, причиной которого назван еврейский «экстремизм» по отношению к неевреям, по утверждению автора, предписанный в иудаизме и «практикующийся два тысячелетия». В подтверждение идеи о «еврейском экстремизме» в письме приводились цитаты из свода еврейских законов «Кицур Шулхан Арух», составленного в средние века на основе Талмуда. Автор утверждает, что «человеконенавистнические законы», предписанные в этом своде, акту-

альны для иудеев по сей день и в подтверждение приводит выдержки из вступления к русскому изданию 2001 г., написанному председателем Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений России (КЕРООР) Зиновием Коганом, в котором глава КЕРООР называет «Шулхан Арух» «хрестоматией еврейской цивилизации нашего времени» и призывает верующих иудеев «поступать так, как в ней написано, и быть уверенными, что выполнили волю Всевышнего».

Появление «письма 500» немедленно вызвало встречную реакцию – шквал выступлений и публикаций в СМИ возмущенных «антисемитской акцией» правозащитников и общественных и религиозных деятелей. Реакция «возмущенной общественности», помимо эмоционального отклика, выразилась во встречном заявлении в прокуратуру с требованием привлечь авторов и подписантов «письма 500» к уголовной ответственности за разжигание «национальной и религиозной ненависти и вражды» (ст. 282 УК РФ).

В течение следующих полутора лет суды разных уровней (от районного-Басманного суда Москвы до Верховного) рассматривали все новые и новые заявления «русских патриотов», с одной стороны («письмо 500» в следующей серии превратилось в «письмо 5000», затем – в «письмо 15000»), и правозащитников – борцов с антисемитизмом – с другой. Расследования прокуратуры и вердикты суда на всех этапах сводились к отказу в возбуждении уголовного дела и той, и другой стороне конфликта, поскольку в их действиях не обнаруживался состав преступления. Прокурорские и судебные отказы только еще больше будоражили (и по сей день будоражат) эмоции активистов и того, и другого «лагерей», порождая все новые заявления и новые судебные разбирательства.

Таким образом, очевидно, что для успешного существования и деятельности оппозиционных друг другу структур, эксплуатирующих по сути одну и ту же, но поданную с разных сторон идею, необходима пролонгация взаимного конфликта, в интересах же власти этот конфликт нивелировать. Поэтому наиболее адекватной стратегией поведения представителей власти в данной ситуации представляется по возможности игнорирование эпатажных выступлений «русских патриотов», с одной стороны, и наиболее радикальных, русофобски настроенных правозащитников, с другой. При снижении общественного интереса к деятельности как «борцов с сионизмом», так и «борцов с антисемитизмом», проблема исчезнет сама собой.

А.В. Хахин
«Исламский проект» и его влияние на актуализацию
этноконфессионального аспекта конфликта
на территории Чечни в 1996–2000 гг.

Достаточно важное значение в актуализации этноконфессионального аспекта чеченского конфликта имел так называемый «исламский проект», или попытка перевести конфликт в этноконфессиональное измерение. Основа для реализации подобного «проекта» – наличие сил, стоящих на позициях исламского фундаментализма и ориентированных на трансформацию вооруженной борьбы за независимость в борьбу под религиозными знаменами, несомненно, присутствует и в Чечне, и в целом на Северном Кавказе. Имели место попытки более локальной его реализации (в Чечне – в Шатое, Урус-Мартане и др., в Дагестане – в Кадарской зоне, Цумадинском и некоторых других районах), хотя он существует и на более высоких – субрегиональном (объединение в общий имамат Чечни и Дагестана) и региональном уровнях. Однако, признавая здесь важность исламского фактора, крайне важно видеть и пределы его воздействия, различать его реальное влияние и спекуляции вокруг него.

Опыт мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока свидетельствует о невозможности создания «истинно исламского» государства с абсолютным доминированием шариата, изгнанием из экономики банковских принципов, установлением непреодолимого барьера на пути проникновения любого внешнего влияния. Возврат в «золотой век» ислама пока что не удался никому. С этой точки зрения даже такое государство, как Исламская Республика Иран, является свидетельством невозможности тотальной исламизации и реализации исламского проекта на национальном уровне. В нормальных мирных условиях, когда ислам более не служит средством военно-политической мобилизации, а лозунг джихада утрачивает актуальность, как показывает мировая практика, размывание экстремистских установок практически неизбежно, что, в конечном счете, снижает интерес к созданию исламского государства.

Очевидно, нечто подобное имело место и в Чечне после заключения Хасавюртовских соглашений, когда в условиях прекращения военных действий под лозунгами джихада обнаружилось, что стремление местных радикалов «разыграть карту» исламского государства наталкивается на неприятие этой идеи большинством общества. С другой стороны, неудача национального исламского проекта, в частности и в Чечне, не свидетельствует о его полном провале, и борьба за его реализацию, таким образом, продолжается. И с этой

точки зрения, Чечня является одним из типичных участков мусульманского мира, где действуют группировки со схожими идеологическими установками. Между ними существуют достаточно устойчивые связи, устанавливаются отношения взаимопомощи, в том числе военной. Некоторая (всегда относительно незначительная) часть борцов за реализацию исламского проекта может перетекать из одного конфликта в другой, что опять-таки заметно на примере Чечни, а также Боснии, Таджикистана, Афганистана и др.

Борьба внутри чеченской политической верхушки за ислам никогда не отражала весь спектр мнений относительно исламизации Чечни. У этой идеи были противники вне рамок элиты. Сомнительно, что создание исламского государства в Чечне возможно в принципе. 11 сентября 2001 г. показало, что объекты действий исламистов труднопредсказуемы. Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне можно рассматривать как вызов остальному, прежде всего западному миру. Но в то же время это признание экстремистами собственной несостоятельности, неспособности добиться своих стратегических целей. Взрывы в США свидетельствуют об их чудовищном комплексе неполноценности. Несмотря на всю специфику чеченской коллизии, на «частность» чеченского случая для России, Чечня не является исключением из общих правил «исламской политической игры».

Конечно, частные, пусть и систематические неудачи, крупные военные и политические поражения отнюдь не означают полного краха исламского радикализма, и последние годы могут считаться началом длительного периода высокой политической активности исламистов на самых разных уровнях – локальном, национальном, региональном, макрорегиональном, мировом. Поэтому сегодня важно, и учитывая конкретный «чеченский опыт», и постигая «общеполитический контекст» международных отношений в мире, попытаться определить причины активности исламизма на Северном Кавказе.

Эти причины имеют разнородный характер. Внутренние социально-экономические первопричины состояли в неудовлетворенности мусульманского населения его материальным положением, разочарованием в правящих элитах, не способных предложить скорый и безболезненный выход из кризиса. Экономический упадок зачастую связан с непродуманным осуществлением реформ, с коррупцией правящих режимов, стремительным разрывом уровня благосостояния между большинством общества и его верхушкой. В общественном сознании общий кризис постепенно начинает ассоциироваться с вероотступничеством, деградацией нравов среди верхов.

Второй причиной оживления исламизма на Северном Кавказе и конкретно в Чечне стало сопротивление внешнему давлению (в виде «западных», светских ценностей), которому мусульманские народы противостояли под знаменем священной войны.

Третья причина активности под лозунгами радикального ислама – влияние извне. Речь идет о деятельности радикальных исламских организаций, как национальных, так и международных, которые пытаются распространить свое влияние за рубеж. Одним из объектов их экспансии стали страны и регионы бывшего СССР.

Центральный вопрос, который обсуждается в связи с активностью и расширением зоны влияния радикального ислама, и которому уделяется основное место в данном параграфе, это то, какие причины, внешние или внутренние, являются главными. В России мнения на этот счет расходятся. Согласно официальной позиции, радикализация ислама – прежде всего следствие внешнего влияния, без которого имеющая антироссийскую направленность идея создания на Северном Кавказе исламского государства вообще никогда бы не возникла. Внешним влиянием объясняется и облечение чеченского сепаратизма в религиозную форму.

Российские либералы видят в исламском радикализме вызов европейской цивилизации и непосредственную угрозу стабильности и даже целостности Российской Федерации. Националисты, коммунисты, а также некоторые государственники полагают, что исламский радикализм есть составная часть вселенского антироссийского глобалистского заговора, инициаторами которого являются Соединенные Штаты, использующие исламистов как одно из средств достижения собственных политических целей.

Такого рода рассуждениям созвучна идея о существовании антироссийского заговора, которая довольно часто обыгрывается левоконсервативными и близкими к ним по своим взглядам идеологами. Новый импульс подобный ход мыслей получил в связи с американской антитеррористической операцией в Афганистане: осенью 2001 г. вся российская левая националистическая пресса буквально кричала о том, что США пытаются во что бы то ни стало столкнуть нашу страну с мусульманским миром. С подобными оценками созвучно мнение, распространенное в левонационалистических кругах, о единстве планов НАТО и исламистов по разрушению России, а следовательно, и о необходимости дать им общий отпор. Такой «конспирологический» подход к исламскому радикализму объединяет прозападных либералов, левых радикалов и российских государственников, особенно тех из них, которым присущи квазимперские националистические представления.

Однако даже если согласиться с такими взглядами, все равно нельзя не признать тот факт, что базовые условия для подобной политической и идеологической экспансии были созданы внутренними силами, прежде всего теми, кто формировал политику новой России, находясь в Кремле. В известном смысле речь идет о реконструкции типичного советского подхода, когда последствия собственной бездарной политики и казнокрадства выдавались за «происки врагов». Конечно, нельзя игнорировать тот факт, что исламский радикализм как феномен, его политические движения использовались и используются самыми различными неисламскими государствами. Наиболее характерны в этой связи отношения между Москвой и Тегераном после исламской революции 1979 г. или симпатии СССР к исламским радикалам на Ближнем Востоке, поддержка США и некоторыми другими западными государствами афганского сопротивления в 80-е гг. Напомним, что и Пакистан, помогая движению «Талибан», делал это с одобрения Вашингтона. Тем не менее, в любом случае следует помнить, что даже при сотрудничестве западных спецслужб с исламскими радикалами, при попытках внешних сил манипулировать исламским радикализмом, в конечном счете, исламисты всегда руководствовались собственными целями и поступали в соответствии со своей внутренней логикой.

Подводя итог анализу роли исламского фактора в чеченском конфликте, отметим, что, проявив себя в качестве эффективного средства мобилизации на войну против федерального центра, ислам впоследствии оказался не способен к консолидации населения вокруг единого местного центра власти, не смог стать базовой идеологией, пригодной для мирной жизни.

Литература

1. Айдаев Ю.А. Чеченцы: история и современность. М., 1996.
2. Акаев В. Чечня: возможен ли афганский вариант // Россия и мусульманский мир. 1999. №5. С. 25–29.
3. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, 2002.
4. Кольба А.И. Проблемы политического урегулирования конфликта в Чеченской республике: внутривнутриполитические и внешнеполитические аспекты // Современные проблемы мировой политики. Безопасность, конфликты и их анализ. М., 2001. С. 48–68.
5. Малашенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М., 2002.

А.С. Чесноков

**Этническое измерение миграционных процессов
на постсоветском пространстве и значение
«выталкивающих» и «притягивающих» факторов**

После распада СССР на постсоветском пространстве резко активизировалась реэмиграция представителей разных этносов в направлении территорий национально-территориального (государственного) самоопределения своей этнической группы. Несмотря на то, что этот тренд не был стабилен на протяжении 1989–2005 гг., доля титульных этносов в населении всех без исключения постсоветских республик выросла. Переписи населения, проведенные между 1999 и 2004 гг., показали, что в Армении и Азербайджане 90–98% населения принадлежали к титульному этносу; в Грузии, Литве, Туркменистане, Беларуси и Узбекистане – 80–89%; в Таджикистане, России, Украине и Молдове – 70–79%; в Эстонии и Кыргызстане – 60–69%; наименьшая доля титульного этноса в населении страны остается в Латвии и Казахстане – около 57%.

После распада СССР и до настоящего времени только в трех странах СНГ сохраняется положительное сальдо миграционного баланса: в Беларуси, где оно имеет наибольшее значение, а также в России и Узбекистане. Это означает, что ежегодно, в течение последних 16 лет (с 1990 по 2005 гг.) в эти страны въезжало больше мигрантов, чем выезжало из них. У России было и остается положительное сальдо миграционного баланса со всеми бывшими советскими республиками, за исключением Беларуси. Однако, только в Узбекистане, в отличие от обеих славянских республик, относительно высокий уровень иммиграции сочетается с одним из самых высоких в СНГ коэффициентом прироста населения.

С 1990 по 2005 гг. в Россию из стран СНГ и Балтии въехало более 8,5 млн. чел. Доля этнических русских в иммиграционном притоке в среднем составляла около 65%. Таким образом, примерно 5,5 млн. из 8,5 млн. были этническими русскими.

Русская диаспора в СНГ и Балтии сократилась с 25 млн. в 1989 г., по меньшей мере, до 19,5 млн. в 2005 г. И это без учета тех, кто эмигрировал за пределы СНГ. Однако этническая композиция миграционного потока серьезно варьировалась от страны к стране и от года к году. Если говорить о потерях русского населения, то максимальными они были в странах Балтии. Эмиграция в Россию из этих стран примерно на 70% состояла из русских. Русские составляли 65–70% выезжавших из Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана, около 50% покидавших Украину, Беларусь, Молдову и Узбекистан и около 40% по-

кидавших Таджикистан. Эмиграционный поток из стран Закавказья лишь на 10–20% состоял из русских.

Как уже было отмечено, в 1989 г. в СССР, за пределами РСФСР, проживало 25,3 млн. русских. Из них, 11,3 млн. проживали в Украине, в Казахстане – 6,2 млн., в Узбекистане – 1,6 млн., в Беларуси – 1,3 млн., в Киргизии и Латвии – по 0,9 млн. чел. При этом следует отметить, что доля этнических русских в общем населении республик составляла, соответственно, в Украине – 22%, в Казахстане – 37,8%, в Узбекистане – 8,3%, в Беларуси – 13,2%, в Киргизии – 21,5% и Латвии – 34%.

К настоящему времени русское население Таджикистана, Грузии, Армении и Азербайджана сократилось более чем на 50%. Количество русских сократилось на 25% в Кыргызстане, Туркменистане и Узбекистане и на 20% в Казахстане. В то же время, эмиграция русских из Украины и Беларуси была довольно незначительной.

Основными донорами населения для России на протяжении последних 16 лет оставались Казахстан и Украина. Согласно данным переписи населения РФ 2002 г., украинцы составляют третью (2,01%) по величине этническую группу в населении России, уступая лишь русским (79,8%) и татарам (3,81%) и оставляя позади башкир (1,14%), чувашей (1,12%) и чеченцев (0,93%).

Традиционно, исследователи миграционных процессов выделяют 2 фактора, оказывающие стимулирующее влияние на миграционный процесс: это «притягивающие» факторы и «выталкивающие» факторы. Первые локализованы в потенциальных странах прибытия и связаны с позитивными ожиданиями мигрантов от страны иммиграции (безопасность, социальная стабильность и гарантии, высокий уровень жизни, заработной платы и т.п.). Вторые связаны со странами выбытия и ассоциируются у мигрантов с различного рода негативными ситуациями и/или переживаниями, сопровождающими их проживание в данной стране. «Выталкивающие» факторы представляется возможным классифицировать на три группы.

Первой являются гражданские войны и локальные вооруженные конфликты. Во время гражданских войн в Грузии (между сторонниками З. Гамсахурдиа и Э. Шеварнадзе, а также в Абхазии, Южной Осетии и Самегрело в 1991–1993 гг.), в Молдове (в Приднестровье в 1992 г.), Таджикистане (1992–1997 гг.), а также в Азербайджане (в Нагорном Карабахе, в 1991–1994 гг.), с этих территорий резко увеличился отток населения. Из Абхазии и Южной Осетии 208 тыс. беженцев переместились в Грузию. Из Нагорного Карабаха в Армению бежало 360 тыс. чел. Часть беженцев из зон, охваченных конфликтом, направилась в Россию, Украину и другие страны.

В Таджикистане, несмотря на договор, заключенный в 1997 г. между официальной властью и объединенной таджикской оппозицией, обстановка остается довольно нестабильной. Эта нестабильность усиливается близостью Таджикистана к «несостоявшемуся государству» и одному из главных звеньев мирового наркотрафика – Афганистану, и негативно влияет и на соседние бывшие советские республики – Узбекистан и Кыргызстан.

Вооруженные конфликты в Чечне в 1994–1996 гг. и 1999–2001 гг. и экономический дефолт в 1998 г., хотя и не привели к массовому оттоку населения из России, все же негативно сказались на иммиграционном притоке в страну. Так, сальдо миграционного баланса в РФ в 1995 г. сократилось на 33% по сравнению с 1994 г. и на 34,5% в 1999 г. по сравнению с 1998 г. В целом же, тренд иммиграции в Российскую Федерацию все последнее десятилетие имел неуклонную тенденцию к снижению с периодами незначительных колебаний.

Вторая группа – политическая нестабильность, проявляющаяся, как правило, в виде государственных переворотов, революций, мятежей или попыток совершения таковых. Революционные события на постсоветском пространстве в 2003–2005 гг. несколько повысили миграционную мобильность населения тех стран, где эти события происходили. Так, в 2005 г., по сравнению с 2004 г., иммиграция из Украины в Россию выросла в 2,5 раза, иммиграция из Кыргызстана за тот же период – в 1,5 раза, из Узбекистана – в 1,8 раза. На 10% вырос иммиграционный приток из Грузии в Россию.

Третья группа – дискриминация по этническому/языковому признаку, которая варьируется от мягких (полное или частичное поражение в гражданских, политических и социальных правах, принудительное сокращение употребления языка национального меньшинства, дискриминация на рынке труда и т. п.) до жестких (погромы, депортации, заключение под стражу и т.п.) форм. Так, например, 24% населения Латвии не имеют гражданства этой страны, хотя постоянно проживают в ней. Эмигранты из тех стран, где решающее значение имеет этот фактор, нередко, по прибытии в страну назначения, получают статус беженца. В РФ статус беженца получают, как правило, выходцы из Афганистана и Грузии (вместе они составляют более 95% от всего числа лиц, получивших в России статус беженцев). По предоставлению статуса вынужденного переселенца в РФ лидируют, по убывающей, иммигранты из Казахстана, Узбекистана, Грузии и Таджикистана.

Проблему воздействия «выталкивающих факторов» третьей группы на национальные/языковые меньшинства постсоветские республики решают, как правило, через либерализацию законов о гражданстве и

употреблении языка меньшинства. Например, Беларусь и Кыргызстан утвердили русский язык в качестве второго государственного. В ряде стран СНГ существует или рассматривается возможность предоставления двойного гражданства. Эти вопросы более или менее активно дебатуются в Украине и Армении. Кроме того, отсутствие визового режима почти между всеми странами СНГ значительно облегчает трансграничную мобильность.

Экономическое благосостояние принимающей страны, как правило, служит «притягивающим фактором» и находится далеко не на последнем месте среди факторов, детерминирующих миграционные процессы. Российская Федерация, в отличие, например, от Украины, Беларуси или Казахстана, в настоящее время не может гарантировать абсолютную военную безопасность на всей территории страны (Северный Кавказ). Политическая стабильность в России обеспечивается преимущественно авторитарными методами, что, впрочем, характерно для всех без исключения политических режимов, установившихся на постсоветском пространстве. Однако российский авторитаризм, в отличие от центрально-азиатского и южно-кавказского, не обладает ярко выраженными этническими и клановыми чертами, что делает Россию, а равно, Украину и Беларусь более привлекательными в глазах потенциальных мигрантов. Темпы экономического роста в России, набравшие обороты с 2000 г. и резко ускоренные притоком в страну «нефтедолларов», сделали РФ максимально привлекательной для трудовых иммигрантов, денежные трансферты которых играют роль «неофициальной» финансовой помощи РФ беднейшим соседям по СНГ.

Статистика свидетельствует, что до 10% населения Кыргызстана являются трудовыми мигрантами и ежегодно присылают в родную страну от 200 до 500 млн. долларов, что составляет около 25% ВВП Кыргызстана. За рубежом работают 39% молдаван, денежные переводы которых создают 27% ВВП страны. 40% жителей Армении получают финансовую помощь из-за рубежа. Около 5,6% граждан Таджикистана являются трудовыми мигрантами. Аналогичная ситуация, связанная с экспортом рабочей силы и импортом создаваемого ими капитала, сложилась в Украине и Грузии.

Для России особое значение имеет проблема соотечественников, ставшая темой многочисленных дискуссий в научных и политических кругах. Представляется, однако, что важность этой проблемы несколько преувеличена. Дело в том, что соотечественников, которых активно приглашает Россия, уже фактически не существует. Об этом свидетельствуют данные статистики, фиксирующей ежегодное снижение количества иммигрантов вообще и доли русских в ежегод-

ном притоке, в частности. Кроме того, есть масса сложностей, имеющих как формальный, так и неформальный характер, которые объективно затрудняют адаптацию иммигрантов. Кавказофобия, опасение «желтой угрозы», ставшие регулярными инциденты с избиением иностранных граждан, а также общеизвестные проблемы регистрации мигрантов и получения ими разрешения на работу лишают Россию имиджа «открытой», толерантной к иммиграции страны. Кроме того, есть и субъективно затрудняющие интеграцию иммигрантов факторы – это нежелание самих иммигрантов интегрироваться в принимающее общество, даже притом, что они владеют русским языком и являются выходцами из какой-либо бывшей советской республики. По оценкам специалистов, через 10 лет число владеющих русским языком в странах бывшего СССР уменьшится вдвое, что, по всей вероятности, пропорционально уменьшит и преимущества иммигрантов из СНГ над иммигрантами из «дальнего зарубежья», прежде всего, из КНДР, Китая и Вьетнама.

Стратегической, хотя и официально не признаваемой позицией России является практика предоставления российского гражданства жителям некоторых стран СНГ и непризнанных республик. Так, 84% жителей Абхазии уже имеют российское гражданство. По опросам общественного мнения, до 80% жителей Приднестровья желали бы получить российское гражданство. В Таджикистане российское гражданство имеет 1,2% населения страны, в то время как доля граждан Таджикистана, в составе населения РФ, согласно официальным данным, составляет всего 0,04% и т.д. Таким образом, в случае эскалации напряженности практически в любом из регионов Закавказья или Центральной Азии, можно с высокой степенью вероятности прогнозировать отток части местного населения именно в Российскую Федерацию.

Россия, долгое время являвшаяся аттрактором мигрантов со всего постсоветского пространства, в последние годы сильно сдала позиции, и главная причина этому кроется в непростой демографической ситуации в самих странах-донорах. Из стран постсоветского пространства прирост населения наблюдается во всех пяти республиках Центральной Азии, а также в Молдове и Азербайджане. Однако следует иметь в виду тот факт, что во всех случаях (за исключением Узбекистана) естественный прирост населения сопровождается более или менее интенсивной эмиграцией населения – все вышеперечисленные страны имеют отрицательное сальдо миграционного баланса. Почти в половине стран региона – Армении, Эстонии, Грузии, Латвии, Литве и Украине – наблюдается депопуляция, т.е. естественное сокращение насе-

ления, сопровождающееся миграционным оттоком. Вместе с тем, отсутствие избыточного демографического давления на территориях большинства стран бывшего СССР отнюдь не свидетельствует о затухании миграционных процессов на постсоветском пространстве. Активная эмиграция из стран Закавказья и Центральной Азии в западные страны СНГ и далее в Европу носит достаточно стабильный характер и иногда может увеличиваться, в зависимости от динамики баланса «притягивающих» и «выталкивающих» факторов.

Обсуждение в Интернете

Тема: Как действуют конфессиональные факторы: притягивают или отталкивают? (// 2006–05–11)

Сообщение: Статья весьма содержательна. Но возникает два вопроса:

1. Как этнические факторы взаимосвязаны с конфессиональными?
2. Есть ли какие-то экономические причины всего описанного Вами процесса?

Поясню примером.

Вы пишете, что Россия является экономически привлекательной страной, то есть в ней можно неплохо заработать. Но хорошо известно, что это больше в Москве, а не в России в целом. Кроме того, миграция из ближнего да и дальнего зарубежья не приносит соответствующих доходов нашему государству. Что отсюда следует? Отсюда следует, что есть сильный двусторонний экономический интерес: миграции и бизнеса. Только следование этому интересу не приносит пользы гражданам России.

В. Козырьков

А.И. Элез

К вопросу о применении права в борьбе против национализма

Право есть возведенная в закон воля господствующего класса. Возможности правового воздействия на область национальных отношений определяются объективными экономическими, политическими и идеологическими интересами этого класса.

Капитализм знает две тенденции в национальном вопросе. Одна тенденция – становление наций и национальных государств, другая тенденция – интернационализация человечества и стирание межплеменных и межнациональных перегородок.

Капитал на нисходящем этапе своего исторического движения заинтересован в интернациональной связи буржуазии в той мере, в какой этого требует его борьба за сохранение существующего экономического строя внутри каждой нации; вместе с тем капитал заинтересован в национализме угнетенных масс – как в связи с необходимостью ослаб-

ления их классовой борьбы, так и в связи с межимпериалистической конкуренцией во всемирном масштабе.

Правовая, моральная, психологическая и иная идеологическая (в широком смысле слова) борьба буржуазной власти против национализма есть с одной стороны пропагандистский спектакль, с другой – выражение искреннего стремления этой власти к обеспечению для себя возможно большего общественного спокойствия в условиях, когда классовая борьба находится в состоянии застоя, всё общество в целом – в состоянии экономической и политической реакции, а национализм (вплоть до фашистских форм) еще не востребован для нужд активной контрреволюционной политики. Национализм (от внешне терпимого патриотизма до фашизма) принципиально неотделим от капиталистических производственных отношений, поэтому борьба против национальной нетерпимости без борьбы за уничтожение капиталистической частной собственности так же бесперспективна, как, скажем, лечение ожогов в эпицентре ядерного взрыва.

Вопрос о борьбе против национализма как такового не ставится в условиях открытой фашистской диктатуры, но постоянно ставится в условиях буржуазной либеральной демократии. Это связано опять-таки не со спецификой интересов буржуазии (которые в сущности едины повсюду), а с достаточностью либерализма на определенных этапах исторического движения; при недостаточности либерализма для охранения господства капитала в некотором обществе та же буржуазия – в той же самой стране – в любой момент может взять курс на фашистскую диктатуру.

Но и либеральное регулирование национальной терпимости никогда не достигает декларируемой цели – в связи не только с сохраняющейся экономической почвой национализма, но и с рядом других факторов. Среди этих факторов – космополитизм как основа предлагаемой формы межнациональной терпимости (вместо интернационализма, который предполагал бы снятие капиталистических общественных отношений). Космополитизм способен лишь усугублять межнациональное отчуждение. Еще одним фактором, тормозящим вялую борьбу либерального буржуа против национализма, является противоречие этой борьбы декларируемым нормам демократии, противоречие навязываемого обществу реального права навязываемому обществу бумажному праву. Это противоречие можно проследить на примере современного права в РФ.

Статья 8 УК РФ ограничивает основание уголовной ответственности совершением деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным кодексом. Статья 14 УК РФ определяет преступление как виновно совершенное общественно

опасное деяние, запрещенное данным кодексом под угрозой наказания. Из точного смысла статей 8 и 14 УК РФ вытекает, что мысли гражданина не могут быть основанием уголовной ответственности и не могут образовывать состав преступления, что преступлением может быть лишь некоторое практическое действие (или бездействие – см. статью 5 УК РФ). Вместе с тем, вся официальная пропаганда последних лет требует ответственности гражданина (по статье о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды) фактически не за его деяния, а за те мысли, которые усмотрят в его голове – или даже в своих собственных головах, но якобы в связи с его деянием, – совершенно иные лица («потерпевшие», присяжные, судьи, прокуроры, различного рода общественные экспертизы, судебные эксперты и даже газетчики).

Это касается не только статьи 282, но и статьи 130 УК РФ (Оскорбление). Но статья 130 хотя бы несет следы юридической грамотности, ибо дает определение понятия оскорбления. Статья же 282, предусматривающая в числе прочего «унижение национального достоинства», ни словом не расшифровывает юридическое значение термина «унижение», превращая в этом пункте закон в то, что К. Маркс называл позитивной санкцией беззакония. Закон в данном случае предусматривает наказание якобы виновного гражданина даже не за его образ мыслей, а за то, как соизволит трактовать «унижение» кто-либо из экспертов, судей, потерпевших и т.п., т.е. за образ мыслей совершенно иных лиц. В какой мере это практически неизбежно, можно понять из господствующего в современном правосознании (не только в РФ) понятия оскорбления.

Абсолютно антиправовое понимание оскорбления сказалось не так давно в закрытии волгоградской газеты за изображение некоего религиозного персонажа. В решении о закрытии газеты власти руководствовались тем, что опубликованное изображение может оскорбить приверженцев данной религии (или возбудить религиозную вражду), совершенно забывая о том, что, согласно статье 130 УК РФ, оскорблением является унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, а отнюдь не отказ нормальных людей от соблюдения норм чьей-то религии. Вместе с тем, на неприличную форму в волгоградской газетной публикации не было даже намек. Возбуждение религиозной вражды также не было допущено газетой, а за возможность использования ее материалов провокаторами такой вражды отвечать должны провокаторы, а не газета. Вместо критики чиновника, допустившего абсолютно незаконное и недемократическое деяние, «демократические» СМИ

стали муссировать «целесообразность» закрытия газеты, которая могла-де своей публикацией кого-то оскорбить и что-то разжечь. С таким правосознанием можно закрыть и колхозную баню, если завтра кого-то увидят в ней без некоторых символов посвящения и обвинят в возможном оскорблении представителей некоторой религии. Вместе с тем, конституция гарантирует гражданам РФ свободу совести, что означает, что гражданин РФ не обязан быть ни христианином, ни мусульманином. Никто не может быть юридически обязан выполнять (тем более в светской жизни, а не в религиозном заведении) нормы и запреты той или иной религии. Закон предусматривает наказание лишь за деяние, объективно содержащее состав преступления, а не за деяние, на которое кому-то угодно реагировать как на преступное, т.е., к примеру, за то, что признаётся статьей 130 УК РФ оскорблением, а не за то, от чего кто-то изволил оскорбиться.

Декларируемая законом свобода совести приходит в столкновение с текучими формулировками закона, допускающими произвол в толковании «унижения», «возбуждения» и «пропаганды», лишаящими граждан права критиковать и вообще права высказывать собственное мнение и обязывающими граждан соблюдать предписания всех религий сразу (что невозможно), дабы какую-нибудь невзначай не «оскорбить».

Но о том, где должны находиться вообще все издатели или хотя бы почитатели «священных» книг (т.е. все верующие) в соответствии со статьей 282 УК РФ, требующей наказывать, в частности, за пропаганду превосходства граждан по признаку их отношения к религии, официальная пропаганда умалчивает.

Интересно, что в статье 357 УК РФ (Геноцид) термин «геноцид» имеется только в заглавии, а в основном тексте содержится как раз развернутое определение геноцида. Это-лишнее подтверждение того, что Особенная часть УК РФ составлялась без внимания к соответствию статей некоторому общему формальному стандарту и даже без понимания (или при умышленном игнорировании) необходимости четкой юридической расшифровки расплывчатых терминов обывденного языка. Ведь статья 357, в отличие от статьи 282, исчерпывающе разъясняет состав преступления – но именно потому, что законодатель вносил эту статью явно не в расчете на реальность ее применения. Вместе с тем, внимательное ознакомление с текстом статьи 357 (Геноцид), где указаны причинение тяжкого вреда здоровью членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы (причем не делается исключения для экономиче-

ского затруднения доступа миллионов лиц к здравоохранению), насильственное воспрепятствование деторождению (причем не делается исключения для экономического воспрепятствования деторождению) и принудительная передача детей (причем не делается исключения для коммерческой передачи детей-сирот из государственного призерия за рубеж) не может не породить недоумения по поводу неостребованности этой статьи в практике при постоянной апелляции официальной пропаганды к расплывчатой и вообще не оставляющей шансов грамотного применения статье 282. Мы уж не говорим о том, что статья 357 (Геноцид) не делает исключения для случаев, когда действия против «группы» направлены не только против нее, но и против иных «групп».

Обсуждение докладов

Открытие конференции

Чернышов Ю.Г.: Уважаемые коллеги, мы открываем очередную конференцию Алтайской школы политических исследований, которая проводится совместно с рядом других организаций. Соучредителями конференции являются Администрация Алтайского края, Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки, многие члены которой здесь присутствуют, Конгресс интеллигенции Алтайского края. Необходимо также отметить, что этот проект проведения конференции получил поддержку Российского гуманитарного научного фонда.

Наша конференция посвящена теме, которая была определена в прошлом году, на аналогичной конференции. Некоторые присутствующие помнят, что мы совместно обсуждали, какая тема будет актуальна через год, и тогда был найден консенсус. Многие говорили о том, что сейчас всё большую роль приобретают конфликты на национально-религиозной почве, они представляют всё большую опасность, причём это происходит и в странах бывшего Советского Союза, на постсоветском пространстве, и в Западной Европе, и в мусульманском мире. Очевидно, что есть и некие общие факторы, и причины, которые способствуют возникновению таких конфликтов, и в то же время в каждом регионе есть некие специфические факторы. Всё это необходимо изучать, и долг учёных, специалистов, гуманитариев, причём гуманитариев разных отраслей знаний – и историков, и политологов, и социологов, и психологов, и философов, и юристов и т.д., – по возможности объединить усилия для того, чтобы обменяться опытом и получить некое новое знание.

Иногда говорят, что конференции – это просто сотрясение воздуха, что собираются эксперты, сами себя слушают и потом расходятся довольные, а практического результата никакого. Мы стараемся, чтобы был практический результат. И здесь, в этом зале, несмотря на время отпусков и на такую жару, присутствуют и эксперты, специалисты в самых разных отраслях знаний, и представители власти (представители Администрации края, представители городской администрации, есть представители краевого Совета народных депутатов, приглашены представители ряда силовых структур, которые связаны с проблемами экстремизма, наркоторговли и т.д.). Мы, как всегда, издаём сборники по результатам конференций, стараемся их распространить в том числе

по таким структурам, которые занимаются практической работой. Наша конференция обычно носит не только теоретическую направленность, но и прикладную, практическую.

Прежде чем сказать о регламенте, о разных технических вопросах, я хотел бы предоставить слово для приветствия декану исторического факультета Владимиру Николаевичу Владимирову, который традиционно оказывал огромную поддержку нашей конференции. Без этой поддержки наша конференция вряд ли бы имела такой успех, как сейчас.

Владимиров В.Н.: Уважаемые участники конференции, позвольте приветствовать вас не только от себя, но, поскольку наш ректор Юрий Фёдорович Кирюшин не смог сегодня прийти, то и от имени администрации университета, и от имени исторического факультета. Мы последние дни живём в напряжённом режиме, поскольку у нас только что закончилась одна очень большая конференция по экономической истории и мы плавно перетекли ещё в одну. И вот в это время, поскольку я сам недавно прилетел из Москвы, самолёты из Москвы превращались в такие челноки, которые перевозят учёных из одного места страны в другое, что очень приятно, поскольку было когда-то время, когда они вообще не перевозили ученых. Конференция АШПИ традиционная, и многие из людей, которых я вижу перед собой, участвуют в ней постоянно. Это очень приятно. Другой важной чертой этой конференции, на мой взгляд, является её, несмотря на весь её практический характер, высокая научность. И это, на мой взгляд, очень важно, потому что в той проблематике, в той тематике, которая рассматривается на конференции, есть опасность отойти от научных дискуссий, от научных положений и перейти в то, что мы называем публицистикой или чем-то другим, но не наукой. Вот этой опасности, на мой взгляд, вашей конференции удаётся избежать, и это очень приятно.

Я также от имени жителей края и от имени не знаю ещё кого, приношу свои извинения за те экстремальные погодные условия, в которых проводится конференция. Это становится, к сожалению, традицией. Уже, по-моему, третья или четвёртая конференция подряд, не только конференции, проводимые Юрием Георгиевичем, но и другой тематики, проводятся либо в 40-градусную жару, либо в 40-градусный мороз. Несмотря на большую подготовительную работу оргкомитета, как видите, не удалось понизить градус. Но я думаю, эта высокая температура не снизит градус вашей научной дискуссии. Я от всей души желаю конференции успеха в научном плане и желаю, чтобы властные структуры прислушались к тем выводам, положениям, дискуссиям, которые будут на вашей конференции. Желаю вам успеха и всего доброго. Спасибо.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо, Владимир Николаевич. И сейчас я бы хотел перейти к более практическим вопросам. Небольшая историческая справка. Мы обсуждаем эту тему давно, с весны, в Интернете. Наша конференция проходила на информационно-образовательном Интернет-портале auditogium.ru. Там со всей страны и даже из-за рубежа, из 5 стран, были присланы доклады, и обсуждение получилось достаточно широким и глубоким. Всё это опубликовано уже в Интернете, и мы, собственно, из этих докладчиков и выбрали некоторых приглашённых. Как многие знают, были проблемы с перечислением средств по гранту, поэтому мы не всех могли вовремя пригласить, но тем не менее, к нам приехали те, кто были особенно целеустремлёнными из экспертов.

Я хотел бы представить гостей нашей конференции, тех, кто прибыл из других городов страны с тем, чтобы вы их знали. Они все будут у нас выступать. Греков Николай Владимирович из города Омска, профессор, доктор исторических наук, он уже участвовал в конференциях АШПИ и в очередной раз прибыл на нашу конференцию. Голунов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, директор Центра региональных, трансграничных исследований Волгоградского государственного университета, один из известных экспертов по проблемам безопасности. Он, в частности, выпустил недавно монографию «Российско-казахстанская граница». Это будущая его докторская диссертация, которую он вскоре будет защищать. Фадеев Константин Викторович, начинающий исследователь из Томского архитектурно-строительного университета. Волосенкова Елена Владимировна, кандидат политических наук, доцент из города Краснодара (происхождением она из Восточно-Казахстанской области, из Усть-Каменогорска). Чесноков Алексей Сергеевич, кандидат политических наук из Екатеринбурга, Уральская государственная юридическая Академия. И Романович Нелли Александровна из Воронежа, директор Института общественного мнения «Квалитас», социолог по профессии, тоже не первый раз на нашей конференции, многие её знают. Каждый из докладчиков, приехавших из других городов страны, несёт в своём докладе уникальную информацию. Я думаю, мы услышим интересные доклады.

Как всегда, мы ведём стенограмму, и большое значение придаём дискуссии. Поэтому предлагаем такой регламент. Сами доклады до 15 минут и затем, после каждого доклада, 10 минут можно будет уделить вопросам и высказываниям. Все, кто присутствуют в зале, могут выходить, задавать вопросы, высказывать своё мнение – это всё будет записываться и войдёт потом в сборник, который уже готовится к печати.

Просьба всем подумать и о том, какая проблема будет обсуждаться далее (видимо, она как-то будет связана с темой, о которой мы гово-

рим, с темой ксенофобии, национализма, идентичности и т.д., может быть, и с темой образа России за рубежом, эта тема сейчас тоже очень активно обсуждается). В конце мы ещё устроим общую дискуссию о том, какие проблемы актуальны будут на повестке завтрашнего дня.

Сейчас слово для выступления представляется Зырянову Геннадию Петровичу, начальнику Управления Администрации Алтайского края по работе с обращениями граждан и общественными объединениями.

Обсуждение доклада Г.П. Зырянова

Чернышов Ю.Г.: Спасибо, Геннадий Петрович. Уважаемые коллеги, сейчас есть возможность задать вопросы. Если можно, я хотел бы спросить. Действительно, наверное, все эксперты согласятся, что в Алтайском крае ситуация относительно благополучная, по сравнению, допустим, с Северным Кавказом или другими регионами. У нас уровень толерантности довольно высокий, у нас нет таких тлеющих постоянных конфликтов. Бывают, конечно, проявления антисемитизма, малотиражные газеты выходят с таким душком. В целом же ситуация более или менее благоприятная. Но если посмотреть в перспективу, то сейчас многие СМИ сообщили о том, что по сути решён вопрос о проведении референдума об объединении Алтайского края с Республикой Алтай. Не будет ли эта тема использована политиками для нагнетания какой-то напряжённости, может быть, со стороны противников этого объединения. Как Вы думаете? Не усложнит ли эта перспектива обстановку в Алтайском крае?

Зырянов Г.П.: Я думаю, что нельзя, конечно, исключать и того, что отдельные политические силы и в Алтайском крае и в Республике Алтай могут использовать эти объединительные процессы, которые начинаются, в своих целях для того, чтобы каким-то образом расшатать ту ситуацию, которую мы считаем довольно стабильной, спокойной, которая сложилась в Алтайском крае. Но пока у нас на этот счёт нет пока никакой дополнительной информации. Официально решение об объединении, Вы знаете, пока ещё не принято, и поэтому мы просто отслеживаем ситуацию. Ещё раз хочу подчеркнуть, что возможны различные мнения на этот счёт и использование этой ситуации различными политическими силами, но всё это будем держать на контроле. И я думаю, вместе с представителями общественных организаций мы в состоянии сегодня давать в средствах массовой информации квалифицированные ответы, если будет такая напряжённость каким-то образом создаваться в Алтайском крае.

Курныкин О.Ю.: Управление, возглавляемое Вами, призвано взаимодействовать как с общественно-политическими структурами, так и с религиозными организациями. У меня чисто практический вопрос к Вам. С кем Вам легче работать, с политиками, общественными деятелями или религиозными лидерами? Это один вопрос. И второй

вопрос в связи с этим. Общая политическая динамика нашей страны сейчас, я бы сказал, идет к снижению, и в то же время растёт активность религиозных структур. В связи с этим на федеральном уровне просматривается тенденция к стремлению в религиозных организациях всё более активно воздействовать на общественно-политический процесс. Наблюдается ли такая тенденция в Алтайском крае? Спасибо.

Зырянов Г.П.: Что касается того, с кем легче работать, то, уважаемые коллеги, приходится работать со всеми: и с политическими партиями, и с общественными объединениями, и с религиозными организациями, потому что это по должностному регламенту определено для управления, которое так и называется. Хочу вам откровенно признаться, что легче работать, конечно, с политическими и общественными организациями. Потому что религиозные организации – это специфика, некоторые вопросы, связанные с деятельностью религиозных организаций требуют не только значительной подготовки, но и большого такта, умения не только с точки зрения существующего законодательства и Конституции Российской Федерации, но и той ситуации, которая складывается конкретно у нас в Алтайском крае, наладить диалог со всеми конфессиями, которые сегодня зарегистрированы у нас в Алтайском крае.

Что касается второго вопроса, то я с Вами согласен. В Москве и в субъектах Российской Федерации, в том числе и в Алтайском крае наблюдается желание религиозных организаций более широко распространить своё влияние на те или иные социальные слои населения Алтайского края, в том числе и на представителей органов государственной власти. Это всё вообще в русле тех процессов, которые проходят сегодня в целом в мире. Вы знаете, что не только в Российской Федерации, но и в Японии и в других странах.

Небальзин В.П.: У меня собственно не вопрос, а реплика, скорее, совет, рекомендация. Ю.Г. Чернышов не зря затронул тему объединения Алтайского края и Республики Алтай. На мой взгляд, тема как раз очень серьёзная и это то, что может действительно привести к вспышке каких-то конфликтов. Именно эта тема. Многие у нас в России делают, не думая о последствиях, не потому, что плохая Администрация Алтайского края или Российской Федерации. Просто делают, не подумав. Взяли, допустим, эти национальные проекты, сверху сделали, а потом приходим к выводу, что они не очень эффективные. Закон о монетизации тоже сделали, приняли. Потом выяснилось, что не подходит, народ-то вышел на улицу. Теперь то же самое может получиться и здесь. Сейчас Путин обеспокоен тем, что надо побыстрее что-нибудь

хорошее сделать для народа, давайте объединим. Плюсы и минусы здесь есть от объединения. Однозначно сказать нельзя: хорошо это или плохо. Но Путин сейчас скажет, что давайте объединимся, даст команду Карлину, Карлин даст команду всем и в итоге мы сейчас просто обидим такой необдуманностью эти малые народы. И они будут выражать недовольство. Естественно, что какие-то политические силы воспользуются этим, а Администрация Алтайского края обвинит в этом политические силы. Скажет, что вот они и разжигают эти конфликты. Но это же не так. Это будет происходить от резкости движений, от медвежьих каких-то движений, от того, что слон в посудную лавку попадает.

Зырянов Г.П.: Это, по сути дела, не вопрос, а действительно реплика. Я абсолютно с Вами согласен и разделяю эту точку зрения, которую высказали. Потому что действительно, недооценивать проблемы, которые могут возникнуть и явно возникнут при объединительном процессе, конечно же, не стоит. Хочу ещё раз подчеркнуть, что если даже это будет, то это будет в рамках существующего законодательства, то есть с референдумом, с изучением точек зрения различных социальных групп, проживающих как на территории Алтайского края, так и на территории Республики Алтай. Я с Вами согласен, что если такой процесс пойдёт, то нужна большая подготовительная работа, нужно постоянное общение на уровне политических партий, общественных организаций, нужны совместные действия в этом плане, потому что любое объединение направлено на то, чтобы сделать жизнь в субъектах, тех или иных, которые объединяются, лучше. Это же самое главное. Это мы видим на примере того же Пермского края и то, что происходит сегодня и на Дальнем Востоке. Поэтому здесь только могу согласиться и поддержать предложение, что нам, если пойдёт этот процесс, предстоит совместно работать в этом направлении.

Козлов В.А.: У меня действительно не реплика, а вопрос, вопрос дилетанта. Как Вы считаете, Геннадий Петрович, является ли спокойная обстановка в этих вопросах в Алтайском крае следствием какой-то особой алтайской ментальности, или это заслуга Администрации, или это отражение реальности, которая заключается в земельном изобилии и низкой цене земли на Алтае? Ну и вообще, в целом убогости Алтайского региона на фоне других?

Зырянов Г.П.: Спасибо. Я считаю, что комплекс причин обеспечивает такое национальное спокойствие, в том числе те, которые Вы здесь назвали. Нельзя сказать, что сегодня это заслуга только Администрации края или органов муниципального управления, хотя, как я считаю, проводится грамотная политика в национальном вопросе. Я же

уже вам говорил, у нас более 140 народов и национальностей проживает, но в течение последнего времени у нас конфликтов вообще как таковых на этой почве не было. И в том числе, я считаю, благодаря грамотной позиции, политике, которую выстраивают Администрация Алтайского края и органы муниципального управления. Но это не главная причина. Главная причина, на мой взгляд, Вы тоже её назвали – это определённый менталитет сибиряков, который сложился традиционно уже на протяжении последних веков, когда на территории Сибири, на территории Алтайского края проживали различные национальности и постоянно этот национальный состав у нас менялся в различные годы, в зависимости от тех миграционных процессов, которые особенно в начале 90-х гг. начали проходить, связанных с распадом Советского Союза. Тем не менее конфликтов у нас практически не было. И я думаю, что и дальше не будет. Залогом этого служит и то, что действительно у нас и определённая территория, нельзя сбрасывать со счетов и то, что сегодня нет значительных конфликтов из-за земельных надежд, из-за невозможности переехать и где-то поселиться. Вы знаете, что сегодня особенно сельское хозяйство, особенно сельское население в сложном социально-экономическом положении, не хватает работы, но уж по крайней мере приехать сюда, в Алтайский край, и где-то купить дом небольшой в селе, даже открыть своё маленькое частное подворье для того, чтобы заняться сельским хозяйством в условиях тех реформ, которые сегодня провозглашены, и получить кредит в банке, сегодня такая возможность в Алтайском крае существует. Поэтому я бы ответил, что различные факторы в совокупности влияют на стабильность национальной ситуации в Алтайском крае.

Козлов В.А.: Понятно, что факторы все влияют. Но как бы Вы лично выстроили иерархию?

Зырянов Г.П.: Первое – менталитет. Второе – слаженная и грамотная работа Администраций всех уровней. Третье и четвёртое – всё остальное. Это условно, конечно.

Романова Е.В.: Геннадий Петрович, как ваше Управление реагирует на создание диаспор в Алтайском крае, на стремление к возрождению национально-культурного своеобразия, традиций? И нет ли со стороны лидеров диаспор агрессивного поведения в отстаивании этих прав? Спасибо.

Зырянов Г.П.: Мы всячески выступаем за сохранение тех культурных сообществ, которые у нас есть. Мы только в них заинтересованы. Стараемся координировать деятельность органов исполнительной власти всех уровней по работе с национально-культурными автономными сообществами. Есть ряд высказываний, пожеланий, который мы вместе

с представителями национально-культурных сообществ пытаемся осуществить, в частности, они предлагают создать «Дом Дружбы».

Вы знаете, что у нас на территории Алтайского края на втором месте по численности среди населения немцы, и мы создали Российско-немецкий дом, который в настоящее время такие функции выполняет. Сегодня с представителями национально-культурных автономий мы работаем над тем, чтобы в перспективе создать такой Дом дружбы у нас в Алтайском крае, в Барнауле. Поэтому я ещё раз подчёркиваю, что мы всечески заинтересованы в сохранении и развитии национальной культуры.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо, Геннадий Петрович. У нас эта тема будет звучать на протяжении всей конференции. Я бы ещё добавил маленький эпизод, который подтверждает, что у нас здравый смысл всё-таки в Алтайском крае преобладает. Это эпизод, когда «карикатурный скандал» докатился, помните, до Алтайского края и чиновники Росохранкультуры совершенно неадекватно начали пытаться закрыть информационное агентство «Банкфакс» – из-за одного анонимного комментария. Краевой суд здраво рассудил, что это было мелким хулиганством в Интернете и ничего более, и дело было закрыто. А можно было бы, конечно, из этого сделать политический процесс и т.д. На самом деле у нас уровень толерантности достаточно высокий, и дай Бог, чтобы он сохранялся.

Обсуждение доклада Н.В. Грекова

Небальзин В.П.: Есть ли альтернатива? Если это объективный процесс, то нам нужно двигаться в этом направлении, и кто знает, куда это приведёт. И другой вариант. Если это субъективный процесс, то есть власть такая, группы малочисленные и т.д., то при этом нужно принять какие-то законы, чтобы выправить ситуацию. Как Вы считаете? Какой из этих вариантов?

Греков Н.В.: Спасибо большое. Ну, что делать? Жить – это первое. Второе. К сожалению, одного какого-то разового действия здесь не предвидится. Так эту проблему не решить. С одной стороны, увеличение миграции, увеличение диаспоральных групп на территории России – процесс объективный. Точно также как объективно и их достаточно агрессивное поведение и в сфере политики, и в сфере экономики, и в иных сферах. Что можно противопоставить? Можно противопоставить повышение эффективности деятельности государства. В России действительно всегда было, есть и будет: роль государства очень велика и определяющая. Кроме этого, попытки создания не националистических русских сообществ, а объединений россиян по культурно-территориальному принципу, объединений по принципу самоуправляющихся территорий – это единственный вариант, при котором можно,

оставаясь в рамках определенной законности и определённой цивилизованности, что-то противопоставить деятельности сплочённых этнических группировок и каким-то образом преодолеть вполне естественную, объективно существующую атомизацию общества.

Чернышов Ю.Г.: Вы упомянули о политиках, которые пытаются использовать националистическую карту и рост ксенофобии. И вот совсем недавно мы, к сожалению, имели возможность наблюдать, что, как по графику, происходили нападения на иностранцев в Москве и в ряде других городов. Что это такое? Кто за этим может стоять?

Греков Н.В.: Если обратили внимание, общая направленность моего выступления – это как раз попытка вскрыть тенденцию приписать русским несуществующую ксенофобию. Кому выгодно появление непонятных личностей в белых балахонах с пластмассовыми автоматами, которые вешают таджика? Кому это выгодно? Русским? Вряд ли. Точно так же мы можем задать вопрос о том, кто финансирует всевозможные исходящие с телеэкранов русские так называемые националистические движения? Вряд ли русские. Те же самые силы способны профинансировать и деятельность подонков, совершающих уголовные преступления. Дело в том, что спектр наших политических сил весьма разношерстен, и в политике, я боюсь, наши политические лидеры редко руководствуются интересами государства, интересами страны, интересами народов, населяющих эту страну. Они руководствуются, прежде всего, своими собственными интересами, желанием поставить конкурента, например, находящегося ныне у власти, в сложное положение. Создать ситуацию неуправляемости и хаоса внутри страны и т.д.

Курныкин О.Ю.: У меня сначала вопрос, а потом, если позволите, реплика. Вопрос такой. Всё-таки, исходя из названия Вашего доклада, русский национализм существует, или это мираж? Я вот так и не понял из Вашего доклада.

Греков Н.В.: Он существует, так же как национализм французский, национализм английский, национализм любой другой нации. Но является ли русский национализм явлением агрессивным, негативным и настолько присущим русским, насколько это явствует из СМИ, из современной научной литературы? Здесь я ставлю большой вопрос.

Курныкин О.Ю. Тогда что же такое национализм? Если я себя воспринимаю русским, значит, я уже националист. В этом смысле быть ненационалистом невозможно. Поэтому национализм – это явление более сложное. Я не могу согласиться с тезисом, который прозвучал в докладе, что национализм агрессивен. Я могу привести пример из истории о Ганди, который сделал очень многое для подъёма индийского национального самосознания. Но разве это агрессия? Национа-

лизм бывает очень разный. Конечно, российский национализм существует, и на меня он производит удручающее впечатление. Это смесь комплекса неполноценности с желанием мессианства. Самое печальное, что этот национализм внедряется в массовое российское самосознание.

Точно также я вполне спокойно отношусь к фразе о том, что русская нация – имперская нация. Это действительно так. Со времён Ивана Грозного русские были имперским этносом. Это оказывает негативные последствия. Именно это и не позволяет русским консолидироваться в той же степени, что и малым этносам.

Мне кажется, что будущая ситуация, связанная с русским национализмом, гораздо более сложная, более многообразная. И здесь есть моменты, которые должны вызывать тревогу у российской политической элиты, российского класса. Спасибо.

Греков Н.В.: Я не вдавался в терминологические тонкости. Конечно, национализм – явление сложное. Достаточно открыть любой учебник этнополитологии или этнологии, там всё хорошо разложено. Дело в том, что традиционно принято у нас отождествлять понятие «русский национализм» с явлением негативным. К сожалению, Вы, указав на терминологическую неточность, сами же сказали, что у господина Ганди национализм хороший, а наш национализм – это гадкий национализм. Я вот об этом и говорю. Как же так получается? И ещё раз подчёркиваю. Конечно, национализм – это не одна из форм культурной идентификации, самосознания, формирования нации и т.п., а в данном случае я беру его как разновидность, если угодно, шовинизма и всего прочего. Я уже ссылался на работы Ленина, если помните из истории КПСС. У него русский национализм – это однозначно негативное явление. И он там с присущей ему большевистской экспрессией говорит о том, что мы должны всячески любой национализм мелкой нации, какой бы он ни был гадкий, поддерживать, но всячески находить и давить русский национализм. А что здесь национализм? Всегда ли национализм – это великодержавный шовинизм? Всякий, он подчёркивал, национализм. Поэтому я согласен с замечанием о необходимости терминологической точности и вообще введения понятийного аппарата, но мне казалось, что здесь всё довольно выпукло.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо, Николай Владимирович. Как вытекает из дискуссии, конечно, желательно более или менее четко определять термины. Шовинизм и национализм – это разные вещи, и когда мы говорим об одном, а подразумеваем другое, нас просто не понимают оппоненты и начинают что-то оспаривать. Лучше почётче определять, что мы имеем в виду.

Обсуждение доклада С.В. Голунова

Небальзин В.П.: Я с Вами полностью согласен, что всё условно, всё зыбко, всё относительно, и вообще ничего конкретного сказать нельзя. Тем не менее, всё равно борьба какая-то должна быть? Я могу привести два маленьких примера. Я в 1980-х гг. служил в Польше, так там зам. командующего организовал перевозку наркотиков, в том числе и дефицита всякого. Под грифом секретности, на багаже было написано, что вскрывать нельзя. Сколько провезли, вообще не известно. Потом его посадили, когда выяснили.

Второй случай: мой знакомый работал в милиции и они распределяли этих цыган между собой, между силовыми структурами. Если они влазят в поле деятельности других, то начинаются между ними нестыковки. В итоге, посадили его. Он отсидел полгода. Цыгане написали на него, что он их бил. Таким образом, одна милиция помогала другой и т.д. Я обеспокоен тем, что силовые структуры помогают наркотрафику.

Второй момент. Я с Вами согласен, что не надо делать упор на национальности и т.д., но на бытовом уровне что делать? Я не против цыган, но сын приходит домой из школы и говорит, что сегодня приходили цыгане и бесплатно раздавали наркотики. Что мне думать? Что делать с этой этнической группой, которая без паспортов, без места жительства?

Волосенкова Е.В.: А что Вы скажете про формирование социальных сетей распространителей наркотиков? Это я не услышала. Именно как социальная сеть, потому что Вы упоминали мигрантов, а очень часто неадаптированный, несоциализированный мигрант идёт по этническому признаку в социальную сеть распространителей наркотиков.

Чернышов Ю.Г.: Коллеги, надо напомнить, что тема наркотиков – отдельная тема. У нас, всё-таки, сегодня главный предмет анализа – национальные и религиозные конфликты.

Курныкин О.Ю.: Я знаю, что Сергей Валерьевич давно и заинтересовано занимается наркотрафиком. В связи с этим, первый вопрос. Известно, что наркотрафик – явление очень сложное. Сложная система организации. В связи с этим, может быть, имеет смысл говорить о специализации некоторых наций на определённых этапах наркотрафика? Я имею в виду, что, например, одна нация специализируется на доставке наркотиков из Афганистана, другая – перевозит наркотики к нам в Сибирь и т.д. Может, существует какая-то национально-этническая специализация?

Второй вопрос. Понятно, что для Сибири, а может, и для всей России главным поставщиком наркотиков становится Афганистан. В связи с этим: известна ли динамика поступления наркотиков из Афганистана

в последнее время? Что нам можно ожидать в ближайшем будущем? Меня интересует, занимаются ли этой проблемой, проблемой борьбы с выращиванием мака в Афганистане, миротворческие силы? Спасибо.

Чесноков А.С.: Я с позволения Сергея Валерьевича сделаю одну реплику. Поскольку была обозначена такая тема, как глобализация межэтнической наркоторговли, то было бы не безынтересно посмотреть на выход этой темы на политику, политическую деятельность. Из этой сферы приведу маленький пример. В Екатеринбурге лет 6 назад была создана такая организация, которая называлась «Город без наркотиков». Она была создана под эгидой борьбы с распространением наркотиков в Екатеринбурге. Под этим красивым лейблом на самом деле велась борьба с совершенно конкретными этническими группами, которым приписывалось распространение наркотиков. В первую очередь это были цыгане, таджики и т.д. Поскольку «Город без наркотиков» – это региональная организация, то за ней стояли изрядные финансовые структуры, очень неплохое медиапространство (по меньшей мере, 5 телеканалов, столько же информагентств, радиостанций, контакты с федеральной службой по контролю за торговлей наркотиков, контакты с МВД, создание собственного реабилитационного центра и т.д.). Короче, медиапространство было покрыто различными красивыми и хорошими примерами о том, что «Город без наркотиков» борется с таджиками, которые привозят наркотики, а также с цыганами. Что из этого вышло? Поскольку были близко выборы в Государственную Думу, то председатель «Города без наркотиков» без проблем выиграл эти выборы. Тот человек, который занял его место, через некоторое время победил на выборах в Городскую Думу. Осенью близятся выборы в Законодательное собрание, вероятно, ещё один человек туда попадёт. Исходя из этого, у меня вопрос. Как Вы полагаете, не способно ли это стать федеральным явлением? Есть ли что-то подобное в Волгограде?

Голунов С.В.: Спасибо. В первую очередь, я хотел бы возразить против термина «специализация на наркоторговле определенных этнических групп». Я призвал бы употреблять термин «некоторые части».

Что делать с теми этническими группами, в которых очень широкая маргинальная среда и имеются все предпосылки для того, чтобы наркобизнес там процветал, в частности, с цыганами? Здесь я должен оговориться, что моё исследование охватывало стадию пересечения границы. Это ответ, кстати, на ещё один вопрос. Поэтому с представителями органов внутренних дел я не беседовал, меня интересовала стадия пересечения границы. К сожалению, во-первых, никто не запрещает проводить спецоперации в этих маргинальных средах, я лишь при-

зываю к тому, что средства массовой информации не должны тиражировать информацию об этнической принадлежности задержанных. Это опять-таки не даёт никакого эффекта, никак не помогает, зато совершенно понятно, как мешает. Также удручает, что нет этносоциальной политики у государства в отношении тех же цыган. Я знаю только программу фонда Сороса, которая занималась адаптацией цыган. Фонда Сороса у нас нет, нет программы, и нет государственной политики, которая бы её замещала. Всё-таки нужна какая-то программа, направленная на интеграцию тех же цыган в общество. Эти программы есть в европейских государствах ЕС, практически во всех.

По поводу этнической статистики. Я использовал данные Росстата. Очень трудно, честно говоря, с 2003 г., иметь дело с некоторыми региональными подразделениями погранслужбы. Это гораздо более закрытые структуры, чем раньше. Таможенники – 50 на 50. У них есть сведения по гражданству задержанных. Но на разных участках, в разных региональных управлениях разные структуры, в том числе и по гражданству задержанных. Одна, скажем, в Нижнем Поволжье, другая в Сибири.

Вообще, проблемы наркоторговли, также как и проблемы национальной безопасности, имеют ярко выраженную региональную специфику. Только с большой долей условности можно говорить об общих проблемах безопасности российско-казахстанской границы. Можно говорить о проблемах безопасности, специфических для некоторых региональных и субрегиональных участках российско-казахстанской границы.

Итак, по поводу ивент-анализа, по поводу того, что я взял в качестве единиц граждан. Другого выхода, исходя из того, что мне было доступно, не было. Опять-таки большой вопрос, скажем, в чью пользу были бы сделаны выводы, если бы данные по этнической принадлежности были. С одной стороны, понятно, что некоторые граждане РФ могут быть таджиками, азербайджанцами и т.п., но в наркоторговлю, с другой стороны, вовлечена значительная доля русскоязычных, скажем, граждан Киргизии, Узбекистана и т.д., то есть, опять-таки большой вопрос, к каким бы выводам можно было бы прийти в этом случае.

По поводу этносоциальных сетей я уже говорил, что меня интересовала стадия пересечения границы, но к сожалению, у меня нет под рукой статистических данных. Даже по официальным оценкам, исходящим из Госнарконтроля, лишь четверть преступных группировок, осуществляющих наркотрафик, являются мононациональными. Остальные всё-таки многонациональные. Быть может, у них есть специализация по различным стадиям, но всё-таки они многонациональны.

Есть, опять-таки, этническая специализация на отдельных стадиях, об этом я уже говорил. Должен повторить, что наркоторговля – это структура децентрализованная и конкурентная, некоторые группировки могут, скажем, сдавать друг друга, чтобы расчистить себе поле. Хотя на этом основании, конечно, можно вывести некоторую теорию заговора, кому выгодно эксплуатация роли этнического фактора, но этого делать не будем. Повторюсь, что эта структура достаточно конкурентна, есть одна разновидность структур, есть другая, они в том числе борются за выживание и с правоохранительными органами иногда, и друг с другом. И поэтому всё может меняться, всё присутствует: в некоторых случаях есть специализации, в некоторых – нет. Одни группировки более крупные, с большей вероятностью многоэтничные, другие поменьше, с большей вероятностью являются моноэтничными.

По поводу Афганистана. Что в будущем? Очень сложная тема. Есть очень хороший источник – ооновская статистика. С одной стороны, урожай вроде бы увеличивается. Кстати, ооновская оценка противоречит расхожим стереотипам: последние годы число наркоманов, скажем, в Российской Федерации, если растёт, то очень медленно. Героиновых, я имею в виду. Всё-таки молодёжи, при всей её дурости, хватает ума, чтобы разобраться, что, по крайней мере, героин лучше не колоть. Это опаснее, чем многие синтетические наркотики, и чем марихуана, хотя, конечно, потребление наркотиков в любом случае плохо. Если урожай будет расти, а число потребителей не будет увеличиваться, значит и процесс поставки будет успешней, значит, цена будет снижаться. Вывод такой.

Миротворческие силы в очень сложной ситуации. Если они во всю будут бороться с наркоторговлей, то их просто из Афганистана вышвырнут, потому что наркоторговля – это единственный источник дохода значительной части населения. Недавно мне доводилось слушать доклад одного ооновского представителя. Он сказал, что уменьшение урожая, скажем, маков в таких-то регионах Афганистана – очень тревожный симптом. Значит, нужно срочно слать туда гуманитарную помощь, иначе население просто начнёт вымирать или устроит гражданскую войну. Миротворческие силы более заняты долгосрочными программами, и по прогнозам тех людей, которые за это отвечают, в наркоторговле в лучшем случае можно переломить ситуацию лет через 20, перейти на какие-то замещающие культуры. Например, в Таиланде удалось перевести на клубнику, какие-то цветы и т.д. Для Афганистана это процесс очень сложный и долгий. У нас, к сожалению, очень распространена теория заговора о том, что американцы ничего не делают специально, чтобы нас завалить наркотиками. Дело в том, что в на-

стоящее время европейцы и американцы вложили в Афганистан гораздо больше, чем мы вложили в Таджикистан. Мы в Афганистан вложили 0 рублей, 0 копеек, поэтому мне кажется, что это не совсем корректно было бы говорить.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо, Сергей Валерьевич. Я бы пару мыслей высказал по поводу этой темы. Конечно, наркоторговля – это отдельная тема, но для специалистов по этнической психологии здесь абсолютно всё ясно: это один из механизмов складывания этнического стереотипа, когда говорят о национальности преступника в новостях, и в подсознании основной массы населения откладывается ассоциация данного преступления именно с этой национальностью.

Что касается цыган, то в Алтайском крае более чем достаточно примеров: есть район «Яма» в городе Барнауле, есть в Бийске недавно разоблачённая банда «Мамы Чоли» с определённой тоже национальной спецификой. Но здесь надо чётко обозначить главный вывод, что нельзя этот стереотип распространять на всех представителей данной национальности. А это, к сожалению, происходит. Распространяется простая модель мышления: «все они такие!». Вот этого делать, конечно, нельзя, если мы хотим воспитывать толерантность.

Первое заседание

Глушков А.Е.: Начинаем работу первой секции «Этноконфессиональные аспекты международных конфликтов: история и современность».

Обсуждение доклада А.М. Бетмакаева

Сахурья И.Д.: Можно ли на основании Вашего доклада сделать вывод о том, что религиозный фактор вообще теряет значение в Германии для немцев, и в первую очередь как фактор, влияющий на самоидентификацию?

Бетмакаев А.М.: Одним из факторов изменения политических систем во второй половине XX в. стало как раз снижение влияния каких-то идеологий, сближение к центру и правых, и левых. В условиях этого сближения конфессиональный фактор имеет значение, может быть, какое-то имиджевое. То есть, образ партии увязывается с какими-то ценностями. В данном случае – христианские ценности, как их трактует современный Христианско-демократический союз, в этом плане конфессиональный фактор свою роль играет.

Если говорить о конкретной программе, политике, то эта политика и программа очень близки к Социал-демократической партии. Там нюансы, конечно, сохраняются, но это не связано, что социал-демократы акцент делают на нехристианские, а христиан-демократы на христианские ценности. То есть, может быть, в пропаганде, да, Христианско-демократический союз делает акцент на то, что они христианские цен-

ности отстаивают, но эти ценности также отстаиваются и в Социал-демократической партии. Значение конфессионального фактора уменьшилось.

Голунов С.В.: Короткий вопрос. Если у Вас есть данные, известно ли, за кого в основном голосуют мусульманские мигранты, то есть те мусульмане, которые составляют 4%?

Бетмакаев А.М.: К сожалению, нет, потому что я занимался именно христианской демократией. Здесь я ничего не могу сказать. Они могут голосовать и за «зелёных», поскольку «зелёные» выступают часто с либеральных позиций по законодательству об иммиграции. Скорее всего, именно эта партия. Возможно, социал-демократы, но вряд ли Христианский демократический союз. Это мои предположения.

Волобуева М.М.: Алексей Михайлович, скажите, пожалуйста, а как законодательно сейчас регулируется конфессиональная политика в Германии?

Бетмакаев А.М.: Федеративная Республика является светским государством, и ни за какой из конфессий не закреплён приоритет. Существует законодательство о деятельности конфессиональных общественных организаций. Интересна специфика ФРГ. Очень малое количество конфессиональных организаций в настоящий момент. Они были очень влиятельны в конце XIX в., и особенно в период Веймарской республики, а затем и сами церкви, и сами евангелические общины пошли на то, чтобы сократить участие в политике. Их влияние заметно в различного рода общественных мероприятиях, в фестивалях, и здесь законодательство эти фестивали поддерживает как культурно-религиозную деятельность.

Волобуева М.М.: Я хотела бы дополнить. Дело в том, что современная ситуация в Германии такова, что, действительно, какого-то конфессионального акцента нет, но разделили приоритет конфессий следующим образом: те конфессии, которые включены в налоговую декларацию граждан Германии, то есть те конфессии, куда немцы отчисляют определённый процент своего подоходного налога, либо на благотворительность, либо на конкретную религиозную организацию – это католики, это лютеране, это ряд христианских организаций, а остальные имеют статус ассоциаций. Вот и всё. Я думала, что есть какое-то новшество.

Глушков А.Е.: Если проецировать опыт и судьбу конфессиональной партии Германии на Россию многоконфессиональную, возможно ли создание в России партии такого типа в современных условиях?

Бетмакаев А.М.: По России. Я думаю, что здесь должна быть традиция, то есть традиция, скажем, представления интересов православ-

ных на политическом уровне. У нас такая традиция, насколько я помню, была в начале XX в., но почему-то мне на память приходит черносотенная организация. Может быть, я ошибаюсь, может, там есть какие-то другие организации? Конечно, они были. Всё-таки, я больше занимаюсь историей Германии, чем России начала XX в. Поэтому здесь можно сказать о том, что вообще в современной политической системе, если брать какие-то теоретические основы, конфессиональные организации, политические партии конфессиональные, они обычно дрейфуют всегда к центру. То есть, если говорить о возможности в России появления такой партии, то она должна изначально быть ориентирована на большинство населения. У нас принято считать, что большинство населения православное. Но это опять же спорное утверждение. Нужно учитывать важный момент в сравнении с Германией – это авторитет церкви, католической церкви, евангелических общин. Насколько у нас авторитет этих институтов значителен, как это было в Германии в конце XIX в.? Мы и здесь опаздываем на 100, может быть, 200 лет.

Козлов В.А.: Удобнее будет посмотреть на конфессионально-политическую ситуацию в Германии, если мы сопоставим и состав, и электорат конкурентов, Социал-демократической партии Германии. Необходимо выяснить, можно ли в определённом смысле сейчас считать социал-демократов региональной партией северной Германии, или, может быть, это всё-таки убежище для протестантов, или, может быть, есть какие-то данные, которые характеризуют, сколько человек из католиков голосуют или состоят в Социал-демократической партии? Ситуацию на противоположном фланге политической жизни можете обрисовать?

Бетмакаев А.М.: По цифрам о социал-демократах я, конечно, сейчас не готов сказать. Единственное могу сказать о том, что конфессиональный фактор всё время снижался, его значение было всё менее и менее заметно, и в конце я ещё сказал о том, что современная партия, как правило, ориентируется на массу, то есть, партия для всех. Если говорить о социал-демократическом избирателе, то, конечно, для этого избирателя акцент на христианстве или на христианских ценностях не носит такой характер, хотя сама Социал-демократическая партия в своей программе подчёркивает, что в социал-демократии одним из источников является христианство.

Я ещё раз вернусь к последнему слайду, где можно увидеть, что социал-демократы имеют приблизительно столько же голосов избирателей, что и ХДС/ХСС (около 35% на выборах 2005 г.), хотя католики и лютеране вместе составляют около 70% жителей. Получается, что

социал-демократы имеют в своём активе голоса и лютеран, и протестантов, и мусульман. Здесь нужно смотреть цифры. Но я не стал бы здесь коррелировать, что социал-демократы – это протестанты, а ХДС/ХСС – это только католики. Это не так.

Обсуждение доклада И.Д. Сахурия

Кругова Н.И.: Необходимо уточнить роль географического фактора в формировании образа «чужого». Этот аспект необходимо учитывать хотя бы потому, что вдруг в конце Вашего выступления прозвучала идея о том, что конфессиональный признак вообще играл решающую роль, но известно, что, например, французы недолюбливают англичан и т.д. Так как же сохранилось в эпоху Средневековья и даже обострилось чувство национальной самоидентификации, если все страны в то время были католическими?

И ещё один момент. Вы берёте понятие «чужой» как центральное. Вместе с тем, оно является одним из вариантов категории «другой». «Другой» – «чужой», и «чужой» – это не всегда «враг». «Другой» – «чужой» и «другой» – «враг». Это разные категории.

Сахурия И.Д.: Спасибо, Наталья Ильинична. По поводу первой части вопроса. Я так поняла, что речь в данном случае идёт о том, как складывались отношения в Европе в Средневековье между католическими странами. Здесь, на мой взгляд, речь должна идти о том, о чём я сказала относительно Древней Греции, о формировании образа «чужого» внутри собственного. То есть, существовал определённый образ собственного как католика, который для всех этих католических стран был определяющим, который ограничивал эту католическую Европу от остального мира, мусульманского, языческого и т.д. Но, естественно, это собственное никогда и нигде не было однородным. И внутри этого собственного существовали различия. Здесь идёт речь о формировании «чужого» внутри собственного, и здесь как раз в игру вступают и выходят на первый план те, другие факторы отчуждения, о которых я говорила, то есть, это и этнолингвистические и бытотехнологические и географические факторы. В связи с этим, я хочу ещё раз подчеркнуть, что да, в формировании образа «чужого» всегда какой-то из этих критериев имеет первостепенное значение, но при этом никогда нельзя сбрасывать со счетов остальные три фактора. Они всегда имеют место, хотя и в разной степени выраженности. Это по поводу первого вопроса.

По поводу второго вопроса, по поводу соотношения «другой» – «чужой», и я даже здесь бы прибавила «иной». Это действительно категории, которые, на первый взгляд, имеют, как минимум, очень близкое значение, но при ближайшем рассмотрении оказываются

по-разному эмоционально окрашены. Если категория «другой» не несёт такого негативного эмоционального заряда, то категория «чужой», исходя из самой этимологии слова, несёт агрессивный заряд. «Чужой» – это всегда прежде всего враг. При этом ещё есть такая категория, как «иной», который не такой как я, но при этом не агрессивный по отношению ко мне. Таким образом я бы расставила эти категории.

Чесноков А.С.: Вы сказали о четырёх компонентах оценки образа «чужого». Если это дело экстраполировать не на Древнюю Грецию, а на современную Россию, мигранты явно представляют собой «чужого», не только в России, но и в мире. Исходя из 4 критериев, которые Вы озвучили, как Вы думаете, какие являются определяющими, и соответственно, на втором месте? Как коренные жители России или жители России не в первом поколении, а во втором и т.д., оценивают мигрантов в первом поколении?

Второй маленький вопрос. Поскольку формирование образа – это технология, то существуют ли какие-то технологии превращения образа «чужого» в «своего»? Спасибо.

Сахурия И.Д.: По поводу первого вопроса я хотела бы сказать, что уже, собственно, в конце доклада сказала, что со времени Нового времени образ «чужого» становится всё более инвариантным, то есть, если для Средневековья очень легко было провести демаркационную линию, что «свой» – это католик, «чужой» – это не католик, то для последующих периодов к каждой конкретной группе не «своего» на первый план выдвигаются какие-то конкретные критерии отчуждения. Если говорить об иностранцах в России, то, я думаю, по отношению к каждой из конкретных групп действует в первую очередь какой-то один из этих факторов. Нельзя говорить вот так огульно, что в современной России образ «чужого» по отношению к иностранцу, проживающему на этой территории, формируется на основании данного критерия отчуждения. Я думаю, что каждая группа иностранцев отчуждается на основании определённого, характерного в первую очередь для этой группы, признака.

Второй вопрос. Технология превращения «чужого» в «своего». Видимо, здесь нужно исходить из самого глубинного основания того, что «чужое» – это непонятное, незнакомое, то, что не вписывается в мою собственную картину мира. Таким образом, превращение «чужого» в собственное должно идти по пути делания этого «чужого» понятным, хотя, повторюсь, что в каждом конкретном случае этот процесс должен быть сугубо индивидуальным, поскольку «чужое» формируется в каждом случае уникальным способом.

Обсуждение доклада А.В. Кротова

Аршинцева О.А.: Первый вопрос, я на противопоставлении его сформулирую, связан с известными недавними французскими событиями и с примерами акторов, как там говорилось, претендующих или исполняющих уже роль сверхцентров силы. Почему протест арабской молодёжи в предместье вылился в такую, я бы сказала, радикальную форму, а многочисленные и очень быстро растущие по численности в перспективе китайские общины в Соединённых Штатах не выражают свои позиции в столь радикальном виде?

Кротов А.В.: Интересный вопрос. Я как раз, когда писал доклад, подумал, а почему китайская «пятая колонна», она величайшая в мире, почему она-то не возникает никаким образом? Здесь нужно ответить, что здесь особенности прежде всего религиозные. Вторых, мы говорили, что отдельные страны лучше впитывают. «Плави́льный котёл» США пока китайцев нормально вписывают, хотя они и говорят на китайском языке во втором и в третьем поколениях. А вот «плави́льный котёл» Европы слишком либеральный и слишком демократичный. Ведь если мы возьмём этноконфессиональные конфликты, теракты произошли в крупнейших городах, Париже и Мадриде, самых красивых и самых богатых, то есть, это олицетворение богатства и зла в арабском мире. И в то же время – это самые либеральные и самые демократичные города. Здесь ответ, наверное, заключается в том, что Европа дала много демократии, либерализма, но в какой-то степени не смогла их ассимилировать, показать им своё место. А вот в США китайцы получили свои Чайна-тауны и пока там развиваются. Но когда будет более сильный конфликт США с Китаем, сейчас он не проявляется, потому что китайцы слишком много продают продукции и в США и в Европу. Но когда этот конфликт будет через 20–30–40 лет, то тогда мы посмотрим, как китайцы начнут себя проявлять или не начнут. Здесь, наверное, всё будет зависеть от геополитического фактора. Ещё один момент. В действительности, надо честно признать, отдельные исламские страны через своих крупных финансовых дилеров поддерживают события в Париже, Мадриде и т.д. А вот китайский бизнес пока эту экзальтацию не поддерживает. Это однозначно.

Аршинцева О.А.: На второй вопрос отчасти Вы уже ответили. Почему арабская молодёжь работать не хочет? На самом деле, какое место в мотивации их действий занимает желание интегрироваться в существующую социально-экономическую систему? Большинство публикаций на эту тему подтверждают отсутствие какого-либо желания работать. Они не хотят вписываться в эти сложившиеся институ-

ты. Почему они не хотят работать? И вообще, Ваша схема по поводу мотивации их действий, насколько она предусматривает этот фактор?

Кротов А.В.: По полочкам раскладываю. Во-первых, вчера допоздна говорил с представителем уже теперь Голландии, бывшая наша соотечественница. Говорил, что выступаю с таким докладом, а она сказала: «Ой, как интересно!» И давай костерить турок и жителей Суринама. Я говорю: «Да ты что? Ты тоже это увидела?». Она сказала, что да, только не научными словами, а своими словами, что они не хотят работать. Я не скажу, что все не хотят работать, я такого не говорил. Мы говорили, что 30–35% в мегалополисах активного населения – это мигранты. Представляете, из них только 1/3 часть, 10% реального населения не хочет работать – это очень много. А мы говорили, что даже 2% могут создавать проблемы. Понимаете, если мы берём весь состав мигрантов второго поколения, тех, кто получил гражданство, то не все они не хотят работать, только определённая часть. Часть пытается пробиться, то есть, часть мечтает, а часть как раз, которая осталась внизу, она и выходит на баррикады. Не все мигранты выходят. Если бы все мигранты в Париже вышли, то туда никакой турист не приехал бы. Поверьте мне. Если бы все кавказцы города Москвы, допустим, Измайловского района, выйдут, там ни один москвич не выйдет. У них другая пассионарность, они любят драться, у них другая природа. Это лишь определённый процент.

Ещё здесь влияют средства массовой информации. Они показывают, что горят машины. Они горят, и такое ощущение, что весь Париж горит. Да не горит он весь, там отдельные районы горят. Они очень аккуратно поджигают машины, стараясь без жертв. Пока. Вот это нужно отметить. В действительности, оценивая демографически, это не все люди не хотят работать, это определённый процент. То же самое мы сейчас говорим про Москву, что москвичи не хотят работать. Да не все москвичи не хотят работать, только определённый процент, который меньше хочет упираться, но больше получать. И они просто получают эти высокостатусные позиции, а другие низкостатусные занимают. То же самое и там проявляется. Что по Москве, что по странам Западной Европы.

Мы говорим про отдельный процент, но как раз отдельные политические силы могут этим воспользоваться и опять же артикулировать эти позиции отдельных групп. Надо отметить, что, например, в Европе не появилась политическая сила, которая бы на себя взяла ответственность за арабские бунты, то есть, у них не было силы.

Глушков А.Е.: Спасибо за ответ. Я бы хотел сказать так. Французская система социальной защиты такова, что и французы не хотят

работать. 36-часовая рабочая неделя, оплачиваемые отпуска, различные доплаты, льготы и т.д. – и французы не хотят работать. Поэтому правительство и думает о социальной реформе во Франции, чтобы заставить и французов работать, а не только арабов.

Голунов С.В.: Сначала небольшая реплика. Я думаю, что многие присутствующие в этой аудитории не хотят работать, если бы им предложили рынок, допустим, стройку и т.д. Процентом 70 сказали бы, что мы не хотим работать. Так и мигранты.

А вопрос короткий, но, как мне кажется, важно уточнение. Среди этих мигрантов преобладают выходцы из города или из сельской местности?

Кротов А.В.: У меня нет таких цифр, но, экстраполируя на нашу географию, я думаю, что это всё-таки горожане Марокко, горожане Алжира и т.д., потому что они должны получить определённое образование, они должны определённые ресурсы получить и их должен кто-то там принять. Это только горожане.

То же самое у нас: в Москву не деревня едет, у нас едут глубинные города: Тамбов, Барнаул и др., а не алтайская деревня. Алтайская деревня едет в Барнаул и далее. То же самое, скорее всего, там, если мы берём арабскую страну, только не Кувейт, конечно, а именно бедную. Пусть это будет Сирия и Иордания. Это, действительно, по европейским масштабам, век XIX по менталитету и всему остальному. Я не хочу их обижать, но в действительности это так. Им очень тяжело адаптироваться будет. И такой-то человек вообще на любую работу будет согласен. Это как раз, возможно, в первую эмигрантскую волну такие люди были и они работали. Сейчас, я думаю, что это городская часть, образованная часть населения. Они хорошо читают, они часто интеллектуально близки к европейцам.

Обсуждение доклада К.В. Фадеева

Аршинцева О.А.: Вопрос имеет отношение скорее к критериям оценки и принципам исследования международного терроризма и связан с позицией, заявленной в докладе. Отталкиваясь от завершающей фразы сообщения о том, что мораль и политика не совместимы, первая, предварительная часть вопроса: а в какой парадигме мораль и политика, по крайней мере, теоретически, признаются совместимыми?

Фадеев К.В.: По-моему, ни в какой. В политике морали нет.

Аршинцева О.А.: А как же один из шести тезисов Моргентау, который утверждал, что моральное измерение в политике допустимо? Другое дело, какую позицию занимает тот, кто признаёт это измерение. В связи с этим второй вопрос. С точки зрения попытки выработать ответы на угрозы терроризма. Насколько в рамках сложившейся

достаточно давно, можно даже её назвать, универсальной концепции государственного суверенитета, в её современном понимании, возможна выработка адекватных ответов на угрозу терроризма?

Фадеев К.В.: Я думаю, что нужно разграничить понятия «терроризм» и «международный терроризм». «Терроризм» как понятие существует давно, ещё с древних времён. А понятие «международный терроризм» – выгодное понятие, когда можно под это определение включить кого угодно. Как был нарушен суверенитет Ирака? Не так давно по телевидению началась кампания по Ирану, который входит в так называемую «ось зла», о том, что в Иране есть ядерное оружие, что там фундаменталисты, которые поддерживают связи с Аль-Каидой и т.д. Этот виртуальный образ вездесущего главного злодея Усамы Бен Ладена довольно-таки выгоден тем же Соединённым Штатам Америки. Используя его, можно создать какую-то коалицию и опять начать действия против того же Ирана, и здесь не будут учитываться никакие суверенные права этого государства.

Романович Н.А.: Террористы активизировались в России, потому что у Путина высокий рейтинг. Считаете ли Вы в таком случае, что если бы рейтинг у нашего президента был ниже, активность террористов была бы меньше?

Фадеев К.В.: Террористы, которые действуют на территории России – это связано с проблемой Чечни. Поэтому я имел в виду то, что наша политическая система акцентирует в себе то, что Путин – главный и больше никого нет. Если бить по рейтингу президента, который обещает, что мы победим терроризм и т.д., и тут совершаются очередные теракты, то это показатель того, что власть, которую большая часть населения проецирует на президента, начинает терять свой рейтинг.

Рубцов П.В.: Я не понимаю, терроризм всё-таки является угрозой или нет? Или это просто миф, который выдумали США?

Фадеев К.В.: Международный терроризм является мифом, выдуманным США.

Рубцов П.В.: А дипломаты в Ираке?

Фадеев К.В.: Здесь совершенно другая ситуация. Нужно учитывать, какая ситуация сейчас там. Там полный беспорядок. Миротворческие силы, которые там находятся, обеспечением порядка не занимаются. Для них главное – нефтепровод, который они контролируют. Вот и всё.

Рубцов П.В.: Хорошо, а самолёты кто направлял?

Фадеев К.В.: Даже у самих американцев нет единого мнения, кто направлял самолёты. Может, Вы знаете, есть такое издание, которое буквально сразу вышло из печати, в котором говорится, что сам Пентагон был виновен. Поэтому определённо я сказать ничего не могу. Я

могу предположить, что после этого довольно-таки удачная ситуация складывается для Соединённых Штатов Америки.

Рубцов П.В.: То есть, международного терроризма нет в принципе?

Фадеев К.В.: В принципе нет.

Кругова Н.И.: Скажите, пожалуйста, на Ваш взгляд, процессы глобализации – это реальность или нет?

Фадеев К.В.: Да, и от этого никуда не уйти.

Кругова Н.И.: Не логично ли предположить, что международный терроризм как явление – это обратная сторона процесса глобализации? Мне хотелось бы услышать от Вас логическое разъяснение. Если Вы отрицаете понятие «международный терроризм», то это надо как-то обосновать. Под международным терроризмом в литературе понимается то-то, по таким-то критериям. Тогда отрицание международного терроризма может считаться реальным.

Фадеев К.В.: Спасибо за вопрос. Вообще определение международного терроризма в литературе мне не встречалось, чтобы я мог Вам процитировать. Предположительно то, что сейчас понимается под международным терроризмом – разрозненные террористические группировки, с одной стороны, это исламские экстремисты, с другой – это социалистические группировки Латинской Америки и т.д., и все они координируются из одного центра, возглавляемого Усамой Бен Ладеном. Я думаю, это глупость. Примерно так это будет звучать. Я думаю, у каждой из этих террористических организаций есть свои цели, которые они преследуют. Но как я сказал, терроризм – довольно-таки выгодное занятие. Там проводится гигантская подготовительная работа. Те же террористы проходят обучение не хуже, чем специалисты каких-то спецслужб, причём в разных странах. По большей части инструкторами у них являются те же специалисты из спецподразделений. Это, думаю, не является секретом.

Рубцов П.В.: Всё-таки есть международный терроризм?

Фадеев К.В.: Может быть, не международный терроризм, а использование этих групп со стороны определённых государств, я бы так сказал.

Кругова Н.И.: Я встречала данные о том, что финансирование этих террористических групп и проведение терактов носит международный характер. Я думаю, что это главный критерий, который позволяет судить о том, что это явление международное. И подготовка. Сами инструкторы из разных стран. И теракты проходят тоже в разных странах. Финансирование этого процесса идёт из самых разных источников, почему же он не носит международный характер? Ни одна страна при этом не застрахована от теракта.

Фадеев К.В.: Насчёт этих лагерей подготовки. Там люди разной национальности будут, но это же не говорит о том, что это международный терроризм. Приезжают люди обучаться, вполне легально из разных стран. Если, например, в обычный университет приехали из разных стран, мы же не говорим, что они являются какой-то международной организацией. Например, исламские фундаменталисты. Они вполне официально приезжают на территорию, например, Сирии обучаться теологии и под этой маркой они обучаются там боевым действиям и т.д.

Рубцов П.В.: Ну они же являются международными студентами?

Фадеев К.В.: В мире глобализующемся, как мы уже сказали, границы становятся более свободными, открытыми, поэтому передвижение граждан одной страны в другую вполне вероятно.

Кругова Н.И.: На Ваш взгляд, каких ещё качеств не хватает этому явлению, чтобы ему присвоить статус международного?

Фадеев К.В.: У него нет единого организационного центра, который направляет все эти действия.

Рубцов П.В.: Ну, он же между народами?

Глушков А.Е.: Понятно, спасибо, дискуссия закончена.

Степанова О.В.: В Вашем выступлении прозвучала фраза, что международного терроризма как явления не существует. Можно сказать и так. Можно сказать, что международный терроризм существует. Речь идёт о международном терроризме как об орудии политической власти. Как Вы относитесь к теории, что международный терроризм в современном его звучании является орудием, военным средством, достаточно эффективным военным средством слабых субъектов международных отношений против более сильных. Это такое страшное, не рациональное, можно даже сказать иррациональное, но это орудие – эффективное. Оно эффективно против мощных армий, против современных средств вооружения.

Фадеев К.В.: Я понял, спасибо. О том, что термин «международный терроризм» используется как вид политической борьбы, я об этом, по-моему, говорил в докладе. Эти террористические группы – ответ на неолиберальные реформы, которые проникают в традиционные общества, ломают эти традиционные общества, навязывая им свою западную идеологию, да, это является ответом со стороны традиционных обществ, которые в силу изменяющейся психологии либо не хотят, либо не могут себя найти в этом меняющемся мире, и один из простых способов ответа, негативные реакции на эти реформы – это терроризм.

Глушков А.Е.: Дискуссия показывает, что проблема спорная и невозможно дать однозначного ответа. Спасибо.

Обсуждение доклада О.В. Степановой

Козлов В.А.: Такая же ситуация была 12 и 15 лет назад. К войне готовились, но в неё не верили.

Греков Н.В.: Экономисты считают, что в силу экономических причин схватка коалиции европейских держав невозможна. Между прочим, генералы всех коалиций считали совершенно противоположное. Согласно некоторым исследованиям, невозможность будущего конфликта состоит в чрезмерной разрушительности. Мне бы, в связи с этим, хотелось бы вернуться к тематике нашей конференции. В связи с чем обратились к тому, что этнические вооружённые конфликты наиболее вероятны, и наименее вероятны крупные конфликты между коалициями? Потому что этнические конфликты – это порождение хаоса, они непредсказуемы и нерегулируемы, в отличие от конфликтов между коалициями и государствами. И в этом как раз все эксперты и видят угрозу. Эта проблема связана с выступлением предыдущего молодого коллеги по поводу терроризма, когда терроризм стал уже давно сетевым, то есть, он утратил ту структурированность, когда есть глава, бойцы, люди, которые занимаются финансами, когда можно взять голову и снять всю систему. Нет. Это сетевой терроризм, он охватывает по определению и страны, и континенты, независимо от национальной принадлежности участников сети, объединяет только идея. Здесь этноконфликты непрогнозируемые, и неуправляемое развитие сетевого терроризма – эти две вещи выделяются военными специалистами как наиболее серьёзная угроза миру, не только этническому миру, но и миру на планете, учитывая возможность и, как выясняется, достаточно лёгкую возможность доступа к ядерному оружию. Спасибо.

Степанова О.В.: Да, в этнополитических конфликтах очень весом элемент иррациональности. Иррациональность угрозы соответственно вызывает иррациональность ответа на эти угрозы.

Обсуждение доклада А.В. Сковородникова

Греков Н.В.: Естественно, Великобритания действовала через систему спецслужб во время войны и реализовывала свою политику. Скажите, пожалуйста, не является ли тот факт, что Югославия не погрузилась после завершения Второй мировой войны в пучину межнациональных конфликтов и распрей поражением британских спецслужб? И не является ли, собственно говоря, конец 80-х гг. XX в. реваншем служб западных на той же самой территории?

Сковородников А.В.: Видимо, говорить о том, что британские спецслужбы периода Второй мировой войны ставили своей приоритетной задачей непосредственно разжигание межнациональных конфликтов не приходится. Но, по крайней мере, существует точка зрения, что

британские спецслужбы причастны к смене руководства Югославии в конце марта 1941 г. Тем не менее, не существует свидетельств того, что именно спецслужбы разжигали межнациональные конфликты.

Греков Н.В.: Простите, а Вы не знакомы с книгой, два года назад вышла у нас, «Служба стратегических операций Великобритании во Второй мировой войне», написана одним из руководителей этой службы в 50-е гг.?

Сковородников А.В.: К сожалению, нет.

Курныкин О.Ю.: Мой вопрос выходит за рамки представленного доклада, но меня заинтересовал такой аспект. Известно, что югославское государство появилось после Первой мировой войны и просуществовало на протяжении большей половины XX в. Вопрос следующий. Можно ли сказать, что западные державы признали неэффективность югославского проекта? Когда они отказались от югославского проекта, и с чем это было связано?

Сковородников А.В.: Здесь в первую очередь, как мне кажется, нужно говорить о целом комплексе причин, приведших, в конечном счёте, Югославию к крушению. Одна из точек зрения: Югославия, возможно, в конце 80-х – начале 90-х гг. стала ненужным игроком на международной арене. Вполне вероятно.

Второе заседание

Обсуждение доклада М.М. Волобуевой

Ерёмин И.А.: Во-первых, хочу поблагодарить Марину Маратовну за очень интересное выступление, содержательное и очень глубокое. Вопрос у меня связан вот с чем. Ситуация в одном из субъектов Федерации, Чеченской Республике. Ситуация там, прямо скажем, уникальная. До 1991 г., как мы все знаем, более 40% населения этого региона составляли русские люди, то есть 4 чел. из 10 были русские. В период с 1991 по 1994 гг., когда пришли к власти криминал-сепаратисты, русское население, составлявшее порядка 300 тыс. чел., было практически изгнано из Чечни самым варварским способом. При этом, по некоторым данным, в ходе этой массовой этнической чистки было уничтожено до 30 тыс. русских, мирного населения. Повторяю, это произошло до I Чеченской войны. Вот прошло уже более 10 лет. Прошли две Чеченские войны и мы сегодня можем констатировать такой печальный и трагический факт: Чеченская Республика – это первый субъект Российской Федерации, полностью очищенный от русских, в котором недавно было 40% населения русских. При этом всё прошло тихо и мирно. Сегодня речь идёт о возвращении только чеченских беженцев. В связи с такой ситуацией, когда фактически власть закрыла глаза на это и не говорит даже ни о каких возможностях возвращения русских людей в этот регион,

не считаете ли Вы, что такая ситуация просто провоцирует экстремистов, национал-сепаратистов к массовому изгнанию всех русских с Северного Кавказа под лозунгом: «Всех русских – за Дон»?

Волобуева М.М.: Я, скажем так, хочу повиниться перед аудиторией, я не имею исторического образования, но имею некоторые представления о регионе Северного Кавказа. Дело вот в чём. Мне пришлось в мою бытность в аспирантуре на кафедре религиоведения, тогда это была не Российская академия гос. службы, а Академия общественных наук при ЦК, и мне во время моей аспирантуры приходилось там бывать в начале 90-х гг. Мы там встречались с ребятами, которые тогда входили в элиту республик Северного Кавказа, это были кабардинцы, это были чеченцы, ингуши. Мы разговаривали с ними и они поведали очень интересные вещи. Они говорили, что «мы только терпели из-за Советской власти присутствие, как тогда выражались, большого брата». Со времён ещё I Кавказской войны говорили, что терпели. «А теперь», – говорят, – «терпеть не будем. Это наша земля». Я не говорю, что это хорошо, я понимаю, что это ужасно. Люди, которые селились на Северном Кавказе, казачьи поселения, их естественно и искусственно селили туда, чтобы они как-то укрепляли границу империи. Тем не менее, получилось так, что в XIX в. пришли туда с имперскими войсками люди другой национальности, и другие люди, которые их приняли, долго ждали удобного момента, чтобы их оттуда выгнать. Я не говорю опять же, что это хорошо, но я разговаривала с людьми, которые были в то время коммунистами, членами Коммунистической партии Советского Союза, которые и Устав знали, и партбилет в кармане имели, и все они почему-то с невероятной страстью страдали русофобией. Мне пришлось в конце 80-х гг. быть в разных командировках, то есть до того, как развалился Советский Союз, и я хочу сказать, что дружба народов Советского Союза – это был большой миф, очень большой миф. Степень национальной нетерпимости друг к другу была невероятно высока, особенно в национальных регионах. Получилось так, что война, экстремальные условия спровоцировали всплеск той ненависти, которую не смогли во времена Советской власти задуть и нивелировать.

Аршинцева О.А.: Я думаю, что дискуссия на эту тему может продолжиться, поскольку у нас заявлен в том числе и доклад представителя Краснодарского края.

Небальзин В.П.: Каков количественный коэффициент мигрантов из Азии официальный и неофициальный?

Волобуева М.М.: Сегодня уже есть и исследования, мне пришлось сталкиваться и с выступлениями специалистов, со статьями на эту те-

му. Через 10 лет, минимум, в 30% регионов Российской Федерации доминировать будут мигранты. То есть, Дальний Восток – это лица китайской национальности, и приграничные со странами Средней Азии регионы – это, соответственно, лица тюркских национальностей, потому что у них другой менталитет, извините, другая рождаемость, они не притязательны, поэтому способны к перемещению. Так что за голову можно уже сейчас держаться.

Курныкин О.Ю.: Как Вы оцениваете конфликт вокруг найденной археологами «алтайской принцессы»?

Волбуева М.М.: Могут сказать, что существует у каждого региона историческая культура. Люди требуют на сегодняшний день, как они, по крайней мере, считают, вернуть уникальную археологическую находку на место её обнаружения. Вопрос второй, что у Республики на сегодняшний день, не думаю, что есть средства, чтобы создать соответствующий музейный комплекс, чтобы содержать этот уникальный экспонат, охранять его, тратить соответствующие деньги на всевозможное письменное, аналитическое оформление этого памятника. Но дело в том, что каждый имеет право просить то, что он хочет. Я считаю, пусть просят, это их право. Но никто не думает, что с этим потом делать. То же самое. В очень многих субъектах Российской Федерации существует такая проблема: церковь просит вернуть различные иконы, иконостасы и т.д. Им говорят, что если мы этот памятник отдадим, церковь у вас не обустроенная, это всё либо сгниёт, либо испортится, охранять это надо и т.д. В Подмоскovie у ряда священников есть деньги, они провели сигнализацию, пуленепробиваемые окна поставили, но не у всех есть такие деньги. Поэтому ещё раз повторяю, что политпиар сегодня вокруг этой статуи развивается не шуточный, она уже принимает образ национального возрождения, то есть, либо мы её вернём и всё будет хорошо, либо вообще всё будет ужасно, если она не вернётся, хотя от этого вообще ничего не зависит. Но почему-то многие не думают, что взять можно, а что с этим дальше делать – программы нет.

Кругова Н.И.: Есть ли опасность эскалации конфликтов?

Волбуева М.М.: Я говорю, как специалист и аналитик, который знает, что есть факторы. Эти факторы налицо. И, как говорится, если зерно посеяно, и причём зерно не одно, одно может и пропасть в почве, а если их много, они обязательно где-нибудь вырастут. На сегодняшний день просто не нужно закрывать глаза на то, что все условия для того, чтобы возникала экстремистская деятельность в этноконфессиональной среде, в субъектах есть. Но спровоцируется ситуация или нет – это зависит от очень многих моментов. Есть объективные ситуации, когда ничего нельзя с этим поделать, стихия просто наступает.

1999–2000 гг. мы пережили как страшный сон, потому что эти мессианские, даже армагеддонские настроения в религиозных организациях провоцировали какую-то мистику, и с этой стихией ничего нельзя было поделаться. А есть искусственно провоцируемые конфликты. Их можно, естественно, прогнозировать и предупреждать. Поэтому я говорю о том, что условия есть, но это не значит, что конфликты будут. Но это не значит, что их никогда не будет.

Обсуждение доклада В.Н. Козулина

Небальзин В.П.: Центр ислама – Иран и вокруг него, Афганистан и Ирак, то есть там, где идёт агрессия сейчас против Соединённых Штатов, идет формирование всех исламистов вокруг этой идеологии, борьбы с США, с Израилем и прочими неверными. Не ждёт ли нас в скором будущем, что всё-таки борьба цивилизаций идёт и что цивилизация ислама вытеснит другие цивилизации? Это так?

Козулин В.Н.: Я думаю, что я не в состоянии ответить на такой вопрос, и не только я, думаю. Но моё мнение, что всё-таки я бы не сказал, что всё так пессимистично и что ислам завоеует весь мир, хотя, конечно, у ислама очень много таких черт, которые альтернативны современной бездуховной цивилизации. Это всегда привлекает. Но кроме ислама есть много и других подобных явлений, которые сейчас представляют альтернативу тому же исламу. Не известно, что будет, но я бы так пессимистично на эту ситуацию не смотрел. Иран, да, представляет угрозу, но это уже геополитический вопрос, я бы не связывал его чисто с исламом. Это определённый центр. Конечно, ислам после исламской революции играет консолидирующую роль в Иране, но, чтобы он завоевал весь мир в ближайшем будущем, – это мне кажется сомнительным, потому что существует не только Россия, но и Запад. Соединённый Штаты, Европа достаточно сильны, чтобы дать отпор и защитить собственные ценности. Если такая ситуация, как сейчас в мире складывается с воспроизводством населения, особенно в России и в Европе те же самые процессы существуют, то в принципе, можно склоняться к пессимизму, но, наверное, в отдалённой перспективе, мне кажется, что тут всё не так просто, и ислам не скоро такую задачу может выполнить.

Аршинцева О.А.: Прежде чем дать слово для следующего вопроса, я просто хочу защитить Вячеслава Николаевича, он не может единолично отвечать за развитие концепции Хаттингтона по поводу столкновения цивилизаций, хотя пытается это делать.

Сахурия И.Д.: Исходя из самой формулировки Вашего доклада о некоторых особенностях формирования образа ислама и мусульманина вытекает, что есть некоторые «мы», некоторое «собственное», и мы

формируем наше представление о некотором «чужом» по отношению к нам, то есть исламе. Другими словами ислам и мусульманство позиционируется как чужое по отношению к России, что само по себе, на мой взгляд, довольно опасно и не вполне адекватно для такой исконно многонациональной и многоконфессиональной страны, как Россия. Вы упомянули ситуацию в Германии в качестве примера, но, мне кажется, что это не вполне адекватная параллель, потому что Германия и Россия всё-таки по-разному прошли этот путь и ситуация достаточно разная. Это реплика, требующая Вашего комментария.

Кругова Н.И.: Я хотела бы вернуться к началу Вашего выступления. Там прозвучала такая мысль, что такая напряжённая ситуация стала складываться после свержения монгольского ига. Дело в том, что в те времена, во время свержения татаро-монгольского ига, эти самые татаро-монголы не были мусульманами. И само распространение ислама в тех республиках, которые сейчас являются мусульманскими, относится к гораздо более поздним временам. Первой стала исламизироваться Казань, однако я хотела бы обратить Ваше внимание на то, что те татарские роды, которые вошли в политическую элиту, не изменяли исламу.

Русское государство в течение XVII, XVIII, и даже XIX вв. проводило сознательную политику исламизации части народов, которые оказались в составе России.

Я думаю, что нам надо последствия имперской политики Российского государства оценивать более взвешенно.

У нас, несмотря на трагические события на юге России, у основной массы народа нет ненависти. Эти традиции надо закреплять.

Козулин В.Н.: Я абсолютно согласен с Вашей репликой. Единственное, с чем я не вполне могу согласиться – наверное, с тем, что российские мусульманские народы перешли в ислам после того, как пало татаро-монгольское иго. Это не совсем так. Они в конце XIV в. перешли в ислам, а татаро-монгольское иго пало в 1480 г., как известно. Можно согласиться с тем, что благодаря уживчивости православия и этих татар, не мусульман уже в России, они не смогли принять ислам. С остальным я вполне согласен.

Вопрос Ияны Дмитриевны. Почему противопоставляются в самой теме доклада мусульмане и православные? Нет, я вовсе не хотел этого сказать. Конечно, мусульмане тоже россияне, но, тем не менее, есть такой оттенок восприятия мусульман представителями русской православной культуры, воспитанными на православных ценностях, не обязательно православными, восприятия их как чужих. И даже не обязательно православными русскими вос-

принимаются мусульмане как чужие, просто атеистами, людьми, далёкими от религии, всё равно эта традиционная консервативная религия и её традиционное исповедание воспринимаются как нечто инородное, не понятное, чужое, вызывает, по меньшей мере, удивление. Во время той же Второй мировой войны, мне рассказывали, на линии фронта мусульмане совершали намаз и молились. Это вызывало удивление и, конечно, это воспринималось как чужое. Ислам и православие – это разные религии, и какого-то их объединения в рамках единого российского религиозного пространства нельзя ожидать.

Аршинцева О.А.: Я позволю себе две короткие реплики по поводу выражения не очень удачного, как мне показалось, хотя я не сторонница жёсткого соблюдения политкорректности, но когда говорят, что мусульмане – это тоже россияне, тут явно одно слово лишнее.

Вторая реплика вызвана и содержанием доклада и дискуссией, развернувшейся в связи с вопросами. Как мне кажется, представление о конфессиональных и других симпатиях, приведённое относительно ислама в российском контексте, является ещё более односторонним, если не оценивать, скажем, общее состояние, в том числе, насколько можно русских в большинстве своём ассоциировать с православной конфессией. Это тем более искажает картину, как любое одностороннее представление, и не является средством корректного анализа, как мне кажется.

Ерёмин И.А.: Вячеслав Николаевич, у меня вопрос конкретный по Казани. В 80-е гг. прошлого века в Советском Союзе готовились отметить 800-летие Казани. В прошлом году, как мы все с вами помним, во всемирном масштабе праздновалось 1000-летие Казани, хотя некоторые ведущие учёные Российской Академии Наук, историки, мягко говоря, сильно сомневались в отношении того, что найдены такие доказательства, которые увеличивали возраст Казани на 200 лет. И тем не менее, это празднество состоялось. Отсюда вопрос. Как Вы считаете, не связано ли подобное мероприятие с желанием современной правящей элиты в России добиться таким образом лояльности по отношению к центру тех регионов, в которых относительно большое количество мусульманского населения?

Козулин В.Н.: Я думаю, да, можно согласиться. Это продолжение той политики, возможно, лояльности к национальным регионам России, которая была начата ещё во времена Ельцина («Берите суверенитета столько, сколько хотите») и укрепление позиций Шаймиева тогда в Татарстане как раз произошло. Наверное, да. Во многом, это попытка договориться.

Обсуждение доклада Е.В. Волосенковой

Бойко В.С.: Каково отношение местного населения к исламу, мусульманскому миру и Кавказу в целом?

Волосенкова Е.В.: То, что касается образа ислама, мусульманского мира и Кавказа в степных территориях, то есть в Ставрополе, Ростове Краснодарском крае, то это достаточно противоречивый образ. С одной стороны, на образ, который складывается, большое влияние оказывают факторы мифологемы границы: образ своего и чужого. Постепенно эта мифологема приходит в политику, становится явью, когда образ чужого как раз ассоциируется с образом кавказского человека. Во-вторых, достаточно большое количество людей, которые приехали из Чечни. Проблема вся в том, что отток русского населения произошёл не только из Чеченской республики, а фактически из всех кавказских республик и не только. Соответственно, эти русские во многом являются проповедниками негативного образа Кавказа. На сегодняшний момент, помимо образа врага и языка вражды в средствах массовой информации появляются и положительные тенденции. Заключаются они в том, что в научной среде начинают восстанавливаться связи, которые в своё время, после развала Советского Союза, были разрушены. Очень активную деятельность ведёт Дагестанский университет на фоне той напряжённой политической обстановки, которая существует в Дагестане, они ведут очень активную деятельности по пропагандированию положительного образа России в Дагестане. Плюс исследования, которые до конца 90-х гг. отличались тем, что, будем говорить, творилась местная история, на сегодняшний момент она изменилась в лучшую сторону, с моей точки зрения. Появляется рациональное зерно. Отрицательная тенденция ещё существует. Ю.Г. Чернышов задавал вопрос по поводу объединения, у нас, например, очень серьёзная ситуация с объединением Адыгеи и Краснодарского края, которая вызвала колоссальный кризис. Образ Кавказа неоднозначен.

Кругова Н.И.: Как Вы оцениваете казачество, как стабилизирующий или дестабилизирующий фактор?

Волосенкова Е.В.: Казачество начала 90-х и казачество в 2000 г. – это совершенно разные объекты для исследования. Если в 90-е гг. в большей степени казачество ассоциировалось с ряжеными, то на сегодняшний момент казачество приобретает достаточную политическую силу, если говорить о Краснодарском крае. Причём, что касается дестабилизации отношений: казачество, например, лоббировало выделение средств из краевого бюджета на реконструкцию православных храмов. С одной стороны, они сделали колоссальнейшее дело, потому что на Кубань теперь приятно приехать. С другой стороны, это вызва-

ло очень резкое отторжение и деструктивную политику со стороны других конфессий, которые, объединяясь, говорили, что нас не воспринимают, если нас не слушают. Соответственно, это на данный момент является дестабилизирующим фактором. Также, что касается конфликтов в этнической сфере. Обычно субъекты конфликтов – это представители казачьих организаций и представители или армянской диаспоры, или же представители национальных меньшинств. Соответственно, субъектом конфликта на локальном уровне является казачество. То есть, имеются и положительные, и отрицательные моменты. А то, что казачество крепнет – это факт.

Греков Н.В.: У вас прозвучала цифра, что 87% населения Краснодарского края – это русские. Я в литературе встречал значительно меньшую цифру, и что постоянно растёт миграция на территорию Краснодарского края из Армении и других республик Закавказья и, естественно, в данном случае увеличивается именно контингент мусульманского населения. Скажите, пожалуйста, каким-нибудь образом Вы изучали проблему влияния миграции на процессы конфессионального взаимодействия?

Волосенкова Е.В.: Я говорила об официальной статистике, то есть я привыкла иметь дело с официальными данными. По переписи 2002 г. я привела данные. То, что касается статистики по незаконной миграции, у меня нет таких данных, и соответственно, насколько я знаю, методик подсчёта на сегодняшний момент достоверных нет. Если говорить об эмоциональной оценке миграции, то чаще всего говорят, что из 5-миллионного населения Кубани каждый 5-й мигрант. И, соответственно, доля мигрантов очень высока. При этом обычно демографы говорят, что в общей структуре количество русских сокращается. А что касается этнических меньшинств, то их доля растёт. Единственное сокращение показывают немцы и татары в связи с отъездом в Крым. Если говорить о зависимости и влиянии миграционных процессов на конфессиональную среду, я бы прямую зависимость не ставила. Я вообще очень сложно отношусь, когда говорят, что 87% населения ориентированы на православие, какое-то количество населения ориентированы на ислам. Но проблема вся в том, что у нас нет критериев оценки, практикующие это верующие или нет. Поэтому, когда мы говорим, что 87% исповедуют православие и, например, что данные мигранты увеличивают долю мусульманского населения, а это, соответственно, увеличивает долю представленности традиционного ислама, то с моей точки зрения, это не совсем корректно. Потому что неизвестно, данный человек является верующим или нет. В нашем крае на

сегодняшний момент не проводилось таких исследований. Поэтому я бы не говорила, что это угроза.

Волобуева М.М.: Огромная благодарность за прекрасную информацию, очень приятно, что мы не одиноки в своих исследованиях и есть ещё структуры и люди, которые так подробно занимаются этой темой. Я хотела бы такой вопрос задать. К конфликтогенным факторам сейчас относят в разрезе активизации миссионерской деятельности не только раздражающих миссионеров со стороны протестантов, которые вызывают раздражение у православных или ещё у кого-то, а вот есть сейчас такое интересное явление, как русский ислам. Предыдущий оратор никак его не коснулся, хотя это тоже образ мусульманина сегодня в России. Я хочу сказать, что на фоне благостных выступлений, что как чудесно дружат православная церковь и мусульманские организации, русский ислам дико раздражает православную церковь. На сегодняшний день это небольшой процент. На них косо смотрят мусульмане, в Алтайском крае тоже есть такие случаи и очень негативно смотрит православная церковь. У Вас как раз такой регион, который может содержать такие явления, есть ли у вас это? И если есть, то есть ли конфликтогенные какие-то аспекты?

Волосенкова Е.В.: Я не встречала исследований на эту тему, я сталкивалась на практике с переходом, но чтобы люди афишировали и соответственно, чтобы проводились какие-то качественные исследования, я с этим не сталкивалась. Тенденция существует, но скорее это в Ставрополе. По Ставрополю были отдельные исследования. У нас таких исследований не было. Но факты есть. И чтобы в официальных заявлениях каким-то образом упоминали это, тоже не встречала.

Волобуева М.М.: Сегодня разъезжает по России известный всем бывший православный священник отец Вячеслав, ныне Али Полосин. Он издал труд, где описал мусульманский путь России. Если Россия вступит на мусульманский путь развития цивилизации, она только выиграет. Последнее мероприятие было в Тобольске весной, куда приезжал Али Полосин. Было довольно большое скопление представителей разных мусульманских административных объединений и как раз там и разбирался этот вопрос. Тобольская епархия резко реагировала, но не официально. На сегодняшний день это конфликтогенный фактор, поэтому интересно было бы, конечно, его рассмотреть.

Кругова Н.И.: На сегодняшнем заседании один доклад несколько выбивался из общей тематики – доклад Бетмакаева Алексея Михайловича о снижении конфессионального фактора в политическом структурировании, в идеологии Германии. А в России нет такого сокращения?

Аршинцева О.А.: Так случилось, что мы разделили два процесса: процесс политической мобилизации, что в наших условиях достаточно осложнено, и конфессиональных измерений.

Волобуева М.М.: Я попытаюсь со своей точки зрения ответить. Дело в том, что в ГДР тоже существовала политика атеизма, но, как это ни удивительно, на бытовом, на семейном уровне не преследовалось посещение религиозных мероприятий. Поэтому Германия, в общем и целом, сохраняла ту долю конфессиональности в своём менталитете, которая у неё и была. В России, я не говорю про 70 лет, но лет 40, то есть пара поколений, выпали вообще из этого, и когда разрешили всё, народ бросился на эту информацию без разбора, и не только обычное население, но и политики, политтехнологи. Поэтому, естественно, религиозную карту стали очень активно использовать во всех сферах. То есть, Германии просто повезло, что она прокатилась по проблемному времени в определённом смысле на коньках, а мы, как говорится, в этих коньках шли по асфальту. А теперь, на сегодняшний день, когда можно было бы заниматься нормальной, правильной, хорошей, и качественной, профессиональной политикой, мы не знаем, что с ней делать. Это моё мнение.

Волосенкова Е.В.: Этноконфессиональный фактор в политике на сегодняшний день присутствует очень скрытно и не явно. Достаточно активно Русская православная церковь лоббирует свои интересы в политических структурах. В основном это происходит или через духовников наших политиков, или же через депутатов, которые являются активными прихожанами той или иной церкви. Соответственно, политические решения принимаются путём лоббирования прессы.

Греков Н.В.: Из Вашего очень информативного выступления и из ответов на вопросы у меня сложилось впечатление, что Вы не жительница суперконфликтного региона, а приехали, например, из Рязанской области, где всё тихо, мирно и спокойно. Мне бы хотелось уточнить, может, я что-то пропустил в Вашем рассказе? Скажите, пожалуйста, конфликтологический потенциал нарастает или снижается?

Волосенкова Е.В.: Снижается.

Греков Н.В.: А почему?

Волосенкова Е.В.: Люди стали меньше конфликтовать. Миграция уменьшается за счёт программ стабилизации миграционной политики, которая проводится в крае. Уровень инвестиций самый высокий из 89 субъектов российской Федерации. Я не говорю, что у нас низкий уровень конфликтности, но я говорю, что он снижается.

Чернышов Ю.Г.: Уважаемые коллеги! Прежде чем продолжить работу секции, хочу сообщить две новости. Первое: вчера прошел сюжет о нашей конференции по телевидению, по ГТРК. Там был отражен эпизод, когда наш коллега Владимир Павлович Небальзин говорил о том, что объединение двух субъектов Федерации – Республики Алтай и Алтайского края – может привести к некоторому обострению национальных и религиозных противоречий, и ответ на это Геннадия Петровича Зырянова. И еще одна новость, очень характерная и относящаяся к нашей теме. Сегодня прозвучало в новостях, что выступление Назарчука на тему объединения двух субъектов вызвало очень сильный негативный резонанс в Республике Алтай, и там появились заявления, что он объявляется персоной нон грата на национальном празднике, посвященном присоединению алтайского народа к России. Более того, готовится сжигание чучела Назарчука и т.п. Это все – наша тема, тема этноконфессиональных конфликтов. Это показывает, насколько чувствительна национальная ткань, насколько ранимы религиозные чувства. Глава администрации Алтайского края – А.Б. Карлин – сделал заявление о том, что он извиняется перед жителями Республики Алтай за заявление нашего спикера. Налицо конфликт, погасить который на фоне предстоящего «укрупнения» будет трудно. Вот так сама жизнь еще раз подтвердила актуальность обсуждаемых вопросов.

А теперь мы продолжаем работу секции.

Аршинцева О.А.: Коллеги, я вас приветствую. Начинаем работу. Слово предоставляется нашему гостю Чеснокову Алексею Сергеевичу из Уральского юридической академии.

Обсуждение доклада А.С. Чеснокова

Чернышов Ю.Г.: Спасибо большое за доклад. Алексей Сергеевич очень четко и ясно представил общую картину. Попутно просим его оставить эту презентацию для наших студентов, так как там дан очень наглядный материал.

Но здесь есть одна глобальная проблема, без решения которой все конструкции, которые выстраиваются на непрочном фундаменте, будут неустойчивы. Проблема эта – в термине, который используется, а именно «соотечественники». Мы об этом тоже недавно дискутировали. Когда начинаешь разбираться, что это за термин, оказывается, что он ненаучный. Это, скорее, такой эмоционально-политически-публицистический термин. Он заведомо некорректен, потому что, если исходить из этимологии, соотечественники – это люди, имеющие общее отечество. Строго говоря, ближе всего здесь принцип гражданства: люди, имеющие российское гражданство, являются нашими соотечественниками. Вот более или менее четкая граница. Совершенно дру-

гой критерий – «русскоязычное население». Это люди, которые живут по всему миру и разговаривают по-русски. Но это вовсе не значит, что все они русские или что они считают Россию своим отечеством. Я столкнулся с этим в Казахстане, когда разговаривал с некоторыми русскими, живущими там. Они говорят, что их родина – Казахстан, их отечество-Казахстан. Это говорят русские, говорящие по-русски. А мы их записываем автоматически всех в «соотечественники». С другой стороны, Вы взяли в качестве критерия «этнических русских». Но как определить, насколько они чисто этнически русские? Как правило, люди, которые едут из Средней Азии или с Кавказа, имеют смешанную кровь, и очень трудно определить, этнически русские они или нет. С другой стороны, если татарин приехал из Казахстана – он не соотечественник? Или калмык? К сожалению, этот термин лукавый, и, по большому счету, надо от него избавляться, когда мы говорим в научных терминах. И в законодательных актах, по-моему, надо от него уходить. Надо четко выбирать критерии. Это очень серьезная вещь, на которую, как мне кажется, надо обратить внимание. Может быть, надо заменить этот термин на что-нибудь более точное?

Чесноков А.С.: Я подозревал, что термин «соотечественник» вызовет неоднозначные реакции. Я совершенно с Вами согласен, что термин очень туманный, очень зыбкий и в научном, и в политическом отношении, и, несомненно, нужно это каким-либо образом прояснить. Еще раз повторюсь, что для простоты анализа я ограничил поле этическими русскими, хотя и этот термин, по большому счету, нуждается в своей дополнительной конкретизации. Подозреваю, что, поскольку политики в нашей стране, начиная от Кремля и заканчивая всеми регионами и муниципалитетами, сельскими образованиями, исходят из того, что соотечественник – это что-то реально существующее, а не некий виртуальный образ, термин «соотечественник» имеет право на существование. Это подтверждает факт разработки закона о соотечественниках, факт того, что президент буквально неделю назад озвучил, причем очень настойчиво (что позволяло сделать вывод, что соотечественники станут нашим пятым национальным проектом), эту проблему: соотечественники должны возвращаться в нашу страну. Вместе с тем, он не конкретизировал, кто такие соотечественники. Максимум, что он сделал, это обозначил, что это те люди, которые знают русский язык и желают приехать в нашу страну жить. Причем приехать не туда, куда они хотят, а куда Россия хочет, что очень странно. Поедут ли иммигранты при таком раскладе? Конечно, не поедут. Корректен ли термин «соотечественник»? Полагаю, он имеет право на существование. Единственное, что всякий раз, по крайней мере сейчас, пока этот тер-

мин заброшен в политический дискурс и некоторым образом «варится», и никто не пришел пока к единому общепринятому мнению, он нуждается в конкретизации, в четком терминологическом определении. Но я подозреваю, что этот термин может быть принят как адекватный в политической науке.

Дитц А.Х.: Алексей Сергеевич, Вы сказали в своем заключении, что Россия в последующее десятилетие все-таки может рассчитывать на приток иммигрантов, главным образом, из стран Восточной Азии. Вы не можете сказать, сколько примерно может быть мигрантов из Китая, Кореи, Вьетнама и других стран, и каким образом Россия планирует регулировать этот поток, в котором нелегалов больше? Два дня тому назад здесь состоялась международная конференция, на которой говорилось, что по переписи 2002 г. официально в России было зарегистрировано всего 43 тыс. китайцев. Но я слышал, и уже не однажды, что эта цифра гораздо больше – 7 млн. и т.д. Какова в этом вопросе перспектива? Планирует ли Россия свою демографию поправлять за счет мигрантов из этих стран, или все-таки планирует увеличить рождаемость своих соотечественников, которые живут этой культурой и действительно могут укрепить Россию?

Чесноков А.С.: Что касается китайцев, то действительно, существующий таможенный пограничный статистический учет дает нам абсолютно обратную картину в противовес той, которую мы все в голове обычно имеем – что китайцев невероятное количество, и они расплодись совершенно невероятно, что в Благовещенске или Владивостоке русских практически не увидеть. Эта самая статистика свидетельствует об обратном, как ни парадоксально. Я видел, что за последние несколько лет из количества пересечений границы российскими и китайскими гражданами в обе стороны российских граждан, пересекающих границу в направлении Китая больше, чем китайцев, пересекающих границу в направлении Российской Федерации. Следует оговориться, что все граждане России, пересекающие границу с Китаем, возвращаются обратно, чего нельзя сказать о китайцах, которые пересекают границу, а обратно не возвращаются и растворяются где-то на просторах нашей необъятной родины. Поэтому цифры легально проживающих в нашей стране китайцев близки к тем, которые Вы озвучили – что-то около 50–100 тыс., может быть 150 тыс. Я встречал по меньшей мере шесть источников, дающих кардинально разные цифры, потому что ведутся разные методики подсчета, поскольку четкого статистического учета на границе не ведется, кто какой национальности прибывает. Просто дается общая масса. И кто из них китайцы, кто из них уйгуры, кто из них моголы, кто из них прибывает транзитом из третьих или четвертых стран – неизвестно. Поэтому будем

представлять, что все это китайцы. Если этот поток мы некоторым образом попытаемся четко определить, то одни исследователи дают цифру в 200 тыс. чел., другие дают цифру в 400 тыс. чел., третьи – даже 7 или 10 млн. чел. К сожалению, четких цифр ни у кого нет. Я нигде не встречал четкой цифры, в том числе и у Росстата и прочих источников, и даже, по большому счету у тех служб, которые за это отвечают, то есть у федеральной миграционной службы и у ФСБ, которая это дело контролирует и очень серьезно. Есть примерные цифры. Поэтому нам приходится варьировать между 200 тыс. и 7 млн., что, конечно же, совершенно неадекватно, но другого варианта у нас нет. Справедливости ради стоит оговориться, что американцы тоже не знают, сколько у них, скажем, мексиканцев проживает в стране. То ли одно количество, то ли другое, разнящиеся одно от другого в 10 раз, примерно так же, как и у нас.

А что касается четкой политики, направленной на контролируемое принятие мигрантов из Китая, то можно сказать следующее. Один исследователь – Анатолий Григорьевич Вишневецкий, известный демограф – озвучил такую интересную идею: не в демографических способностях нашей страны в ближайшие десятилетия заселить Дальний Восток; на этой территории может проживать 1 млрд. чел., а мы не обладаем таким демографическим ресурсом, и он легко может быть отторгнут, если он будет заселен вполне конкретной моноэтнической группой. Поэтому интерес Российской Федерации заключается не в том, чтобы пресекать китайскую иммиграцию. Пресекать мы, конечно ее можем, закрывать границы мы можем, но мы ничего не получим. Мы будем иметь ноль легальных иммигрантов, и все, которые были легальными, присоединятся к огромному массиву нелегальных иммигрантов и все равно заселят эту территорию. Поэтому разумная политика (мне понравилось просто это утверждение), со слов Вишневецкого, будет заключаться в том, чтобы заселять этот регион этнически различными группами, чтобы Дальний Восток заселяли не только китайцы, но приглашать туда вьетнамцев, индийцев, иранцев, еще какие-то этнические группы, чтобы они селились не компактно, а дисперсно. Таким образом, ни у одной этнической группы не будет однозначного приоритета на этой территории, и она не сможет претендовать на ее отторжение в пользу, соответственно, Северной Кореи, Китая или еще какой-либо территории. Естественно, здесь исключаются русские, поскольку они туда не поедут. Напротив, они оттуда уезжают очень массово. Во всем Дальневосточном федеральном округе проживает всего 4,5% населения нашей страны. Это гигантские территории, которые заселены какими-то несколькими миллионами человек. Мизерная совершенно цифра. Контролировать демографически эту территорию

невозможно. Поэтому такой вариант. Другой вариант – пытаться привлекать иммигрантов каким-то целевым образом, давать различные субсидии, ипотеку в том числе, земли, недостатка которых нет на Дальнем Востоке. Но такой политики пока нет, есть благие намерения. В том числе и в той программе о соотечественниках, которую озвучил наш президент, который предложил иммигрантам, так называемым соотечественникам, приезжать и селиться там, где родина покажет. Еще раз повторюсь: четкой политики в отношении приема иммигрантов из Китая, Кореи, Вьетнама, Лаоса, Индии и других стран у нас нет, потому что основной фокус нашей внешней миграционной политики сконцентрирован на постсоветском пространстве, на проблемах гражданства, на проблемах привлечения соотечественников, на проблемах защиты прав соотечественников за рубежом, там, где они представляют собой изрядные диаспоры, например, в Латвии или Казахстане. Абсолютно за рамками, что совершенно непонятно, остается миграция из демографически гораздо более мощных регионов, то есть Восточной Азии, и она совершенно не регулируется. Я не встретил ни в одном документе – у нас есть Демографическая концепция Российской Федерации, Миграционная концепция Российской Федерации, принятые не так давно нашим правительством – ни слова про Китай, например. Совершенно непонятно, почему так. Раз из фокуса выпадает, значит концентрироваться на этом, видимо, не следует.

Волосенкова Е.В.: Скажите, насколько перспективно в блоке правовых документов по миграции принятие закона о репатриации? Возможен ли такой закон или нет?

Чесноков А.С.: Существует двоякая точка. Часть исследователей полагает, что термин «репатриация» в случае нашей дискуссии не применим в принципе, потому что та практика, которую имеет Германия в режиме принятия своих восточных немцев на территорию, или Израиль, соответственно, принимающий евреев со всего мира, в нашем случае существовать не может, потому что репатриация предполагает возвращение в отечество. Кто определит, где это отечество? Юрий Георгиевич приводил как раз пример из этой серии. На самом деле, для многих русских, проживающих не только в Казахстане, но и Прибалтике, давным-давно родина – те страны, в которых они проживают. И разнообразные истерии по поводу ущемления прав русских – это на самом деле истерии и мифы. Вторая точка зрения, которая время от времени озвучивается, что нам необходимо принять закон не о соотечественниках, а о репатриации или репатриантах. Но я подозреваю, что это ничего принципиально не изменит, потому что мы подменяем один смутный термин на другой, не менее смутный термин. Чем будет от-

личаться соотечественник от репатрианта? Я не вижу принципиальной разницы. Может быть, в юридических терминах репатриацию можно определить четче, чем, скажем соотечественников, группу соотечественников или русскоязычную диаспору. Но я не вижу в этом нужды, честно говоря.

Курныкин О.Ю.: Алексей Сергеевич, оценивая миграционный потенциал на постсоветском пространстве, очевидно, следует учитывать мотивацию для переезда в Россию. В связи с этим у меня такой вопрос: меняется ли образ России среди русской диаспоры на постсоветском пространстве? Является ли для них Россия такой же притягательной страной для переезда, какой она была в начале 90-х гг.?

Чесноков А.С.: Российская Федерация в гораздо большей степени является притягательной для трудовых мигрантов. В нашу страну на постоянное место жительства приезжает не так много людей, на самом деле. Та цифра, которую я озвучивал, – 125 тыс. чел. за 2005 г., согласно данным Росстата, – это люди, приехавшие в нашу страну на постоянное место жительства. Естественно, этим объем мигрантов, прибывающих в нашу страну, не ограничивается. Мы не берем здесь в расчет нелегалов, и тех, кто приехал учиться в нашу страну. Остается еще достаточно большая когорта, которая представлена трудовыми мигрантами, которые даже не имеют видов, чтобы здесь остаться. Они приехали заработать деньги, помочь своему клану, семье, самому себе, и, заработав эти деньги, вернуться обратно. Есть элементарные данные: 40% населения Армении получают финансовую помощь из-за рубежа, преимущественно из Российской Федерации; две трети населения Молдовы являются трудовыми мигрантами, причем большая их часть прибывает на заработки в Российскую Федерацию, часть – в страны Западной Европы, преимущественно в Португалию; в Таджикистане такое же примерно количество трудовых мигрантов, которые разъезжаются по всему постсоветскому пространству, но большая часть прибывает в Россию, немножко меньшая – в соседний Узбекистан. Было озвучено такое мнение, что Россия играет роль неофициального финансового донора для всех стран, которые ее окружают, поскольку все эти страны уступают ей в экономическом развитии. Даже в отношении Эстонии, которая как бы обгоняет нас, можно, будучи разумным человеком, понять, что Эстония никогда нас не обгонит в возможностях развития. Мигрантов мотивирует, во-первых, финансовый интерес. Во-вторых, есть еще одна особенность, о которой я не упомянул. Часто мигрантов не столько притягивает Россия, сколько выталкивает своя собственная страна. Если сравнить ежемесячные данные по притоку иммигрантов в нашу страну, то после майских со-

бьтий в Андижане, в Узбекистане, в прошлом году – резкий скачок с июня и до конца года иммигрантов в нашу страну; после революции тюльпанов в Киргизии – точно так же несколько месяцев после революции дают нам скачок. Обычно небольшое количество, – из Киргизии в нашу страну каждый год прибывает тысяч 15 чел., – а в ближайшие месяцы после этих событий скачок в два-два с половиной раза. Можно еще приводить примеры. Это свидетельствует о том, что не только и столько Россия притягивает своими возможностями заработать, но и сами страны, в которых не так стабильна политическая и военная ситуация, провоцируют эти потоки.

Обсуждение доклада Н.А. Романович

Коробкова Н.П.: Скажите, пожалуйста, удастся ли Вам поддерживать диалог с местными властями, ведь они, как политическая элита, должны предвидеть последствия подобной ситуации? А Вы уже сказали, ваш город заинтересован в непрерывном поступлении иностранных студентов, которые приносят весомый доход. Или они игнорируют Ваши экспертные оценки? Какая ситуация на сегодня?

Романович Н.А.: Я уже сказала, что власти не то, что игнорируют, они не хотят верить этому. Были передачи телевизионные на эту тему, были представлены мнения экспертов. Власти считают, что эта кампания в большей степени раздута СМИ и убийства иностранных студентов относят часто к разряду бытовых явлений. То есть, они рассуждают так: когда убивают русских, никто не кричит на страницах прессы, а убили иностранца – поднимается большой крик, на самом деле неизвестно, кого чаще убивают и т.д. В принципе, они этого не признают, поскольку им это невыгодно признавать, это минус для их собственной работы. Хотя, конечно, какие-то движения в этом направлении делаются: ужесточаются требования к правоохранительным органам, повышается уровень охраны иностранных студентов, общежитий. Что-то делается, но целиком и полностью они не озадачены этой проблемой.

Шейда Г.П.: Владимир Александрович Рыжков был в Воронеже в прошлом году и участвовал в одном из массовых мероприятий. Он видел своими глазами, как действуют органы правопорядка – довольно грубо, по-хамски, хватают молодежь, тащат в милицию, в кутузку. Но это к слову. Нелли Александровна, Вы знаете, что несколько лет назад в стране появились молодежные движения, которые называются «Наша», новое движение появилось «Местные», в Москву десятками тысяч свозится молодежь, они идут по Тверской, по другим улицам, только, правда без факелов. Мы все знаем, что эти движения патронированы нашей официальной властью. Не способствовало ли, на Ваш взгляд, появление этих движений росту ксенофобии в стране? Не от-

мечали ли Вы всплеска преступлений в связи с появлением и пропагандой этих движений?

Романович Н.А.: Вы знаете, нет. Я считаю, что это как раз обратная связь. Я положительно оцениваю создание таких молодежных группировок со стороны именно власти. Почему? Есть проблема, есть латентная ксенофобия, которая ищет выхода. И если власть не будет создавать легальные, законные формирования, они будут создаваться в виде нелегальных. Что, собственно, уже существует. Потребность у общества уже существует. Зависит от власти, в каком виде она будет реализована. Лучше в таком. Я вижу как раз обратную связь. Ксенофобия существует вне зависимости от того, будут создаваться эти движения или нет. То, что власть это делает, я считаю положительным явлением.

Еремин И.А.: Во-первых, хочу поблагодарить Вас за интересный доклад. Я хочу с Вашей помощью ликвидировать свою неграмотность в одном вопросе. Пожалуйста, проясните, есть ли ксенофобия в том сюжете, который я Вам приведу, или нет ксенофобии. А если есть ксенофобия, то кто в ней виноват? Сюжет из Екатеринбурга середины 90-х гг. В местном цыганском поселке ведется открытая, бесконтрольная массовая продажа наркотиков. Власти никак не реагируют, хотя жители постоянно обращаются к властям принять меры. Об этом был снят документальный сюжет и показан по телевидению. Число умерших молодых людей местного, прежде всего русского, населения растет и исчисляется десятками. В конце концов, местные жители обращаются к уралмашевской братве. Бритоголовые затылки получают просьбу от отцов и матерей уже умерших от наркотиков, проданных цыганами, детей, от тех, кто лечится от этого зла: раз власти не могут нам помочь, поговорить по-бандитски с руководителями цыганского табора и заставить цыганский поселок исчезнуть. И показываются кадры, когда эти бритоголовые ребята подъезжают на джипах и говорят цыганскому барону: «Даем три дня, через три дня чтобы вас здесь не было». Через три дня цыганский поселок пустеет, все уезжают. Руководство братвы избирают депутатами областного совета. Так вот, вопрос: ксенофобия ли это, а если ксенофобия, то кто виноват?

Романович Н.А.: По-моему, здесь ответ очевиден. Это борьба населения против преступной группировки. Что касается вмешательства организованной преступности, то это еще раз свидетельствует о том, что если власть будет бездействовать в этом отношении, то функции власти возьмут на себя другие, нелегальные и противозаконные структуры. Вот и все.

Голунов С.В.: Вопрос терминологический. Насколько здесь уместен термин «ксенофобия», поскольку это-нелюбовь к иностранному, а

в данном случае бьют все-таки не американцев и не англичан, а представителей определенных рас?

Романович Н.А.: То, что американцев не бьют – неправда. Еще как бьют. Я сама этому свидетель: к нам приезжали американцы и очень сложно было спасти их от побоев. Бьют, собственно, скинхеды, которые циркулируют на улицах города Воронежа. А они бьют всех, если услышат иностранную речь. Им все равно-белый или черный. Я думаю, что употребление термина «ксенофобия» вполне оправдано, поскольку я говорила именно о неприязни по отношению к другим национальностям. В частности, нами выяснялось два вопроса – латентная и открытая неприязнь. Мы спрашивали: «есть такие национальности, к которым Вы лично относитесь отрицательно, которые для Вас неприятны». 15% в Воронеже сказали да, 81% сказали нет. Но среди молодежи – 25%, каждый четвертый молодой человек говорит: «да, есть такая национальность». Но это вербальный уровень, в скрытом состоянии – гораздо больше. Мы спросили: «Как Вы считаете, заслуживают ли иностранцы неприязни?». Как вы думаете, сколько человек ответило «да»? 45%! Почти половина.

Обсуждение доклада Ю.А. Лысенко

Чернышов Ю.Г.: Сначала, наверное, многим показалось, что это далекая история, не имеющая отношения к современности. На самом деле – это хороший исторический доклад, основанный на архивных данных. Там выплывают факты, которые не совсем вписываются в те традиционные схемы, которые мы в свое время изучали в школе: что все дружно и добровольно устремлялись в Российскую империю, а в Российской империи царила полнейшая толерантность, и все народы исповедовали те религии, которые хотели. Из этого вытекает следующий вопрос: во-первых, нуждается ли в корректировке та прежняя схема толерантности, которая царила в Российской империи? Или, может быть, это лишь отдельные факты, которые не отражают общую тенденцию? И могут ли эти факты быть использованы теми же казахскими националистами, которые говорят, что пришли русские империалисты, угнетали, истребляли и так далее?

Лысенко Ю.А.: Я думаю, что казахстанская сторона, безусловно, может эти факты принять... Но это скорее все-таки отдельные факты.

Кругова Н.И.: Юлия Александровна, такая ситуация с казахами мне кажется совсем неудивительной. Для кочевников вообще ислам гораздо более приемлем, чем любая другая религия. Вся история ислама показывает, что ислам первыми всегда принимали кочевники. Он создан был для кочевников. А православие совершенно чуждо миру кочевников. Вместе с тем, в каждом сообществе, в каждом этносе ислам принимал свою окраску. Вопрос заклю-

чается в том, насколько казахский ислам близок исламу других народов. Стали ли казахи мусульманами, частью мусульманского мира, допустим, в течение XIX в., или их приобщенность к исламу была поверхностной?

Лысенко Ю.А.: Спасибо, Наталья Ильинична. На этот вопрос можно отвечать очень долго, но если коротко, то интеграция казахов в общероссийское мусульманское движение происходит в конце XIX – начале XX в. с ростом политизации общества, с ростом национального самосознания казахов – они принимают участие в работе Первой и Второй Государственной Думы и т.д. Но на протяжении XIX в. ислам у кочевников, в принципе, был характерен для степной элиты, для социальных верхов этого кочевого общества. В целом это было поверхностно. И погребальные обряды, и свадебные обряды, и обряды, связанные с рождением ребенка оставались языческими. На это, собственно, и рассчитывали мусульманский проповедники, когда пришли в степь.

Греков Н.В.: Скажите, пожалуйста, такая миссия со странной задачей распространения православия среди кочевников-казахов была создана только на Алтае, или по всей территории нынешнего Казахстана работали аналогичные миссии?

Лысенко Ю.А.: Я только собираюсь заниматься этой исследовательской темой. Но с момента отделения киргизской миссии, с момента перенесения центра в Семипалатинск в 1895 г., начинается ее деятельность на территории Казахстана. Но еще раньше, в середине 60-х гг., когда образовано было Туркестанское генерал-губернаторство, в городе Верном, ныне – город Алма-Ата, тоже была создана Семиреченская миссия, которая выполняла те же задачи.

Степанова О.В.: Известны факты, что, когда алтайская миссия действовала среди кочевников-алтайцев, то очень успешным элементом пропаганды являлось распространение санитарных знаний, пропаганда прививок и т.д. В отношении мусульманского контингента применялись ли такие методы «мягкого» просвещения и пропаганды православия?

Лысенко Ю.А.: Безусловно, это так, но больше этими вопросами занимались после проведения административно-территориальной реформы 1867–1868 гг. на территории Казахстана волостные и уездные «медпункты». Перед миссионерами, безусловно, ставилась такая задача, но насколько они были готовы пропагандировать эти медицинские знания, представляет проблему.

Аршинцева О.А.: Спасибо большое, Юлия Александровна, за ответы на вопросы и за доклад. Прежде, чем сделать перерыв, слово предоставляется Александру Христиановичу Дитцу.

Дитц А.Х.: Прежде всего, я хочу сказать, что тема нашей конференции чрезвычайно актуальна в наши дни, и очень правильно, что научная и общественная интеллигенция сама захотела разобраться в этих сложных вопросах, которые существовали раньше, и которые существуют сегодня не только в России, но и во всем мире. За это огромное спасибо Юрию Георгиевичу, который всегда подбирает такие актуальные темы конференций. Мне кажется, что это помогает и краю, и России в целом. Это первое.

Второе. Такая ситуация сегодня сложилась не только в России, но и во всем мире, когда обострились национальные и религиозные проблемы, которые возникли в последние 10–15 лет, но которые появились не в эти годы, а на протяжении всего XX в. Я считаю, что белая раса, к горькому сожалению, через 50 лет станет расой второго сорта. Желтая и черная расы, исламские народы заранее подумали о том, что они могут овладеть всем миром только в том случае, если их численность будет преобладать над какими-то другими народами. А политики в XX в. забыли, что народонаселение, демография белой расы так же важны, как все остальное, чем живет общество вообще. Поэтому белой расе придется, видимо, очень непросто. Хотя, может быть, не все еще потеряно, можно принять какую-то глобальную программу, не только российскую, но и касающуюся всех стран, где проживает белая раса, и усиленными темпами поднять рождаемость самих белых людей, чтобы как-то сохранить свое преобладание хотя бы в тех странах, где они еще сегодня преобладают. Это чрезвычайно важно.

И третье. Сегодня идет правильный разговор. Еще 5–7 лет тому назад у нас, на Алтае, мусульманские этнические группы очень активизировались. Я это отношу к положительным факторам. Они стали проводить какие-то свои праздники, культурные мероприятия. Но где-то подсудно, в душе остается подозрение, что это – общая стратегия мусульманской политики во всем мире. На мой взгляд, белой расе нужно быть более внимательной ко всему этому и все эти мероприятия нужно точно отслеживать, и проводить такие мероприятия, которые бы уравновесили эти факторы. На мой взгляд, это очень важно, хотя, может быть, в этом я и не прав. Большое спасибо, еще раз, за конференцию. Я думаю, что этот материал, если он широко разойдется, поможет и политикам, и властям посмотреть на эту проблему несколько с иной стороны.

Аршинцева О.А.: В том числе, наверное и для того, чтобы преодолеть какие-то скрытые или отчасти открытые российские комплексы. Спасибо, Александр Христианович.

Чернышов Ю.Г.: По сути, Александр Христианович начал более общий разговор, но мы еще пока не переходим к этому разговору. Я бы

хотел поблагодарить Вас за то, что Вы пришли, и отметить что главная цель нашей конференции – способствовать воспитанию толерантности в нашем обществе. Межнациональные отношения – очень деликатная сфера, поэтому я бы сказал, что нужно очень аккуратно формулировать наши мысли, чтобы ни в коем случае никого не обидеть, не оскорбить, не вызвать предубеждения. Я бы не стал употреблять термины «раса», «белая раса» с подтекстом, что белая раса лучше, а какая-то другая нежелательна. Россия – многонациональное государство, и та же самая желтая раса – это тоже часть нашего государства, часть нашего населения. Они такие же россияне. Еще раз спасибо Вам за участие.

Дитц А.Х.: Юрий Георгиевич! Я не хотел своим выступлением кого-то обидеть и кого-то унижить, просто каждый народ имеет право на борьбу за самовыживание.

Обсуждение доклада И.А. Еремина

Устюгов А.Н.: Если я правильно понял, Вы сказали, что президент, глава государства – лидер либерализма. Означает ли это, что он насаждает сверху либерализм? Или все-таки либерализм имеет истоки в обществе, а не в государстве?

Еремин И.А.: Спасибо за вопрос. Естественно, я противник теории заговора, что какая-то группа политиммигрантов в plombированном вагоне была к нам заброшена откуда-то и стала внедрять этот либерализм по заданию, скажем, ЦРУ. Конечно это не так, все гораздо сложнее. Не случайно первым, кому позвонил президент Ельцин в 1991 г., когда были подписаны беловежские соглашения, был президент Джордж Буш-старший. В этом все дело. Правящая элита объективно служит интересам мировой олигархии, Международному валютному фонду, тому, что современные политологи (тот же Леонтьев) называют «вашингтонский обком». Отсюда идут не то что бы команды или инструкции, а направления, согласно которым проводятся наши реформы. Они проводятся не на благо нашему народу, а как выполнение тех рекомендаций, которые дают эти структуры. Поэтому проводится линия на то, чтобы такие вещи активнее проникали в наше общество. Президент в этом плане многое делает. У него девиз какой? Он сказал так: «Главная ценность нашего общества – это абсолютно свободный и совершенно раскрепощенный человек». Вот цитата из выступления господина президента. Поэтому эти ценности, которые навязываются, ассоциируются в том числе с его личностью. Он постоянно говорит о том, что мы от демократического выбора, под которым как раз и понимается все, о чем я говорил выше, не отступим. Вот мой ответ.

Гончаренко А.И.: Когда я читал название данного выступления, мне казалось, что оно будет более научное, нежели политическое. На-

шу конференцию всегда отличало то, что она носила (и, на мой взгляд, это правильно для такой аудитории) более научный характер. К сожалению, я не услышал, что такое консервативный подход, что такое либеральный подход именно с позиций науки. Какие в этом плане существуют учения? Я – человек из здравоохранения, и в нашей, медицинской науке, когда мы обсуждаем какой-то вопрос, то мы приводим различные теории по каждому пункту. К сожалению, я этого не услышал, хотя тема злободневно обозначена как «сбережение народа». На мой взгляд, сбережение народа базируется на следующих позициях: рождаемость, о которой нужно говорить, демографическая ситуация, которую нужно улучшать. Чем же отличается консервативный подход к повышению рождаемости от либерального? Далее, снижение смертности. И опять же: чем отличается консервативный подход к снижению смертности в России от либерального? И третье: миграционная политика. Чем они отличаются? Мне хотелось бы, чтобы Вы, задав высокую тему, ответили мне на эти три ключевых момента, которые входят, по-моему, в понятие «сбережение народа».

И второй момент. Когда вы выступали, Вы говорили о троцкизме. Какой период в истории Советского Союза относится к этому периоду?

Еремин И.А.: Тут получается целых три блока вопросов. Начну я с подходов консервативного и либерального в общем плане. Консервативный подход, в данном контексте и по другим проблемам, представляет из себя идеологическое обоснование развития так называемых традиционных обществ. Он опирается на традиции, патриархальный уклад, обычаи народа, которые необходимо сохранить, перенести в новое историческое время, и, опираясь на достижения предков, приспособляться к новому миру. Консервативный подход всегда национален, то есть представляет какую-то культуру, какой-то народ, какую-то нацию. Либерализм космополитичен. Он представляет стремление к свободе, прежде всего, в плане раскрепощения личности, к социальному, экономическому, политическому раскрепощению. При этом либерализм не уделяет большого внимания тем ценностям, которые были накоплены. В этом принципиальная разница. Что касается отношения этих двух подходов к главным возможностям решения катастрофы в области демографии, то есть увеличению рождаемости, снижению смертности и миграционной политике, то либеральный и консервативный подходы даже структурно имеют разную точку зрения. Например, если мы говорим о консервативном подходе, то там на первое место ставится уменьшение смертности среди населения Российской Федерации. Потом идет повышение рождаемости. и на третьем месте миграционная политика. Если брать либеральную точку зрения, которую озвучил

президент Путин в своем послании, то там акценты расставлены по-другому. На первом месте уменьшение смертности населения. На втором месте, как было сказано, – эффективная миграционная политика. И на третьем месте – повышение рождаемости. Факт, который говорит сам за себя. Что касается средств решения этих проблем, консервативное направление упирает на возвращение государства в сферу социальных отношений. Как раз, главный упрек либеральному государству, либеральным властям со стороны консервативного лагеря заключается в том, что с их точки зрения государство полностью ушло, или почти ушло, из социальной сферы, перекладывая все проблемы на самого гражданина, не давая ему возможность зарабатывать достойную заработную плату, чтобы оплачивать все социальные платные услуги. Поэтому главный момент, о котором я говорил, – необходимы средства для того, чтобы оздоровить наше население, чтобы мужчина в 59 лет не умирал. Для этого нужен целый комплекс мероприятий, нужны гигантские средства. Главнейшее направление, чтобы такие средства появились, – вернуть обществу природные ресурсы, чтобы природные богатства, которые сегодня эксплуатируются олигархами, пошли на социальные нужды.

Немаловажный момент – борьба с абортами. У консервативного направления это одна из краеугольных черт программы. По статистике, на одно рождение приходится от двух до четырех абортов. Демографы говорят, что, если бы в масштабах страны один аборт можно было бы уменьшить, то такой катастрофы с рождаемостью у нас не было бы. Какое главное средство борьбы с абортами? Не запрещение, конечно, ни в коем случае, а пропаганда крепких семейных ценностей, пропаганда такого качества русской души и характера, как целомудрие. Я разговаривал с девушкой, которая, будучи студенткой, прослушала курсы православной культуры. Она сказала, что просто восхищена этими курсами и жалеет, что их поставили поздно, на старших курсах. Я спросил, почему, и она мне честно и искренне ответила: «Я никогда не могла себе представить, что аборт, оказывается, – это грех. Если бы я послушала это раньше, то сколько ошибок мной не было бы сделано».

В вопросе миграционной политики консервативный подход делает ставку на то, чтобы дать возможность обустроиться в России соотечественникам. Что касается либерального подхода, то президент Путин тоже сказал о соотечественниках, но очень интересное высказывание у него было в 2004 г. на Соборе православной церкви. Когда епископ читинский привел тревожные данные о том, что происходит массовое проникновение китайцев в Читинскую область, президент дал ему та-

кой совет: «А Вы обращайтесь их в православие». То есть, здесь, по сути, не ставится разграничение между соотечественниками и гражданами дальнего зарубежья, в отношении Китая в частности. В этом плане проявляется существенное различие.

Теперь, что касается средств, которые должны быть использованы для реализации всех этих решений. Я уже говорил, что, согласно либеральному, правительственному варианту, все это должно проходить в рамках национальных проектов. А консервативный подход предлагает использовать доходы от эксплуатации природных ресурсов на нужды всего общества.

Аршинцева О.А.: Простите, что перебиваю, но вопрос заключается в том, как эти доходы получить, с тем, чтобы их использовать уже в рамках консервативного проекта.

Еремин И.А.: Никто из основных наиболее видных фигур консервативного лагеря никакую вульгарную национализацию не предлагает. Предлагается государству выкупить эти нефтяные компании у нынешних их владельцев по той же остаточной стоимости, по которой они приобретали во время ваучерной приватизации.

Аршинцева О.А.: Вопрос все равно остается открытым по поводу средств и политической воли, которая, по Вашей же оценке, у современного государства в его нынешнем либеральном существовании отсутствует.

Еремин И.А.: Еще к вопросу о троцкистах. Александр Исаевич Солженицын в своем фундаментальном труде «Двести лет вместе» пришел к выводу, что огромные успехи Советского Союза в социально-экономической сфере, которые были общепризнанны и сделали Советский Союз второй экономической державой мира, стал возможен только тогда, когда находившиеся у власти троцкисты (так он называет радикальных социалистов, главная идея которых – разрушение государственного начала) тем или иным путем были отстранены от власти. Он имеет ввиду 40-е гг..

Аршинцева О.А.: Прежде чем дать возможность коллегам задать вопросы, позвольте мне одну реплику. У большинства здесь присутствующих, насколько я представляю себе состав аудитории, есть свои взгляды на вопрос о консерватизме и либерализме, о дефинициях. Я думаю, что если мы дискуссию в эту сторону уведем, то мы явно не уложимся в регламент. Поэтому просьба задающим вопросы обращать их к материалу доклада.

Голунов С.Б.: Возможно ли привести конкретные примеры, когда в какой-либо стране либеральный или консервативный подход работал в период новейшей истории? Мы имеем мусульманский мир, где насе-

ление, независимо от подходов, увеличивается, и где достаточно пуританская среда. С другой стороны, мы имеем Индию, Китай, Латинскую Америку, где нравы, в общем-то, не очень пуританские. Такое ощущение, что там все происходит стихийно. А есть ли примеры из новейшей истории, когда целенаправленная политика в этом направлении реально работала?

Еремин И.А.: На мой взгляд, самые серьезные проблемы на Западе в плане убыли местного населения, коренного европейского населения, начались с так называемой неоконсервативной (а на самом деле неолиберальной) волны конца 70-х – начала 80-х гг. Я имею в виду приход к власти Маргарет Тэтчер в Великобритании, Рейгана в Соединенных Штатах. Пропаганда откровенного социального дарвинизма, сворачивание социальных программ очень сильно повлияли на ситуацию в и без того неблагоприятной Великобритании на вопросы рождаемости. Что касается консервативного подхода, то я с Вами согласен. Если брать тот же исламский мир, то там консервативная установка на развитие традиционного общества, и там постоянно высокая рождаемость. Здесь есть продолжение традиционной линии на сохранение семейных ценностей, что приводит к тому, что сохраняется семья и, соответственно, повышается рождаемость. Консервативная тенденция, возможно, проявит себя в Польше. В прошлом году в Польше победили братья Качинские, которые представляют крайне правые, патристические, христианские политические партии, которые во главу угла ставят укрепление традиционных ценностей католического общества и, прежде всего, укрепление семьи и увеличение рождаемости. Посмотрим в отношении Польши. Я думаю, что первые шаги, которые там будут предприняты, покажут, сработает ли такая ситуация. Но здесь надо иметь в виду следующее: сами по себе меры по поощрению рождаемости, без укрепления моральной основы общества, совершенно бесполезны. Поэтому неслучайно братья Качинские на первое место ставят моральное оздоровление и укрепление семьи.

Небальзин В.П.: У меня реплика. Когда философы собираются, то говорят, что сначала нужно определить понятие. У нас начинается непонимание. Докладчик имеет в виду одно, а мы другое в отношении либерализма и консерватизма. Это сложные понятия, и для начала надо разобраться и пояснить, что Вы имеете в виду. Вы называете Путина либералом, но его так называть можно с большой натяжкой. Тут получается какая-то субъективная точка зрения. Я думал, что эти форумы дают сигнал нашему обществу, в каком направлении двигаться, а мы, наверное, неправильно сигнал задаем, какой-то субъективный. Как будто стоит поменять Путина, к примеру, или Зурабову – и все резко

улучшится. Но это не так. Наверное, есть какие-то объективные процессы и те причины, о которых мы еще не подозреваем, и которые воздействуют на наше общество, на нас. В итоге мы приходим к тому, что вымирает наше общество, что оно спивается. Но это происходит не потому, что Путин – либерал, а по каким-то другим причинам. Хотелось бы услышать на этом форуме доклады в таком направлении, а не в упрощенном.

Рачковская Л.А.: Я хотела бы задать вопрос по поводу «сбережения народа». Вы говорите, что Путин ответил на этот вызов Солженицина повысить рождаемость. Вы даже это позитивно оцениваете. Но Вас не настораживает то, что произошло после этого? Путин в своем постулате о рождаемости говорит только о том, что будет. Но Солженицин другое имел ввиду: чтобы сберечь народ, нужно сегодня делать для этого народа максимально все, чтобы повысить уровень жизни. У Путина всего одной строкой и при том между делом – надо позаботиться и о тех детях, которые есть. Вы не считаете, что для того, чтобы выполнить постулат Солженицина, нужно было вот это делать главным, то есть позаботиться сначала о детях, которые есть, и тогда те, кто собирается завести ребенка, непременно заведут. Они скажут, что наше государство действительно заботится о детях. Вы не видите тут очередной пиар-компании президента для того, чтобы ответить на современные вызовы, понравиться народу? Чиновники заговорили, пресса просто вопит, а что делается? Уже сказано, что эти 250 тыс., так красиво прозвучавшие, будут выплачивать через три года, когда президента не будет, правительства не будет, а насчет преемства у нас ситуация известна.

Еремин И.А.: Собственно, лейтмотивом моего выступления, когда я говорил про консервативный подход, было то, что надеяться здесь не на что, и если брать мое мнение, то я никаких надежд с ныне правящей элитой на улучшение положения в стране не связываю ни в коей мере. Что касается пиар-проекта, Вы десятикратно правы. Конечно, это так. Даже политологи, которых называют «кремлевскими, например, тот же Игорь Бунин, говорят, что абсолютно все национальные проекты – это пиар-компания с целью проталкивания к власти преемника господина Путина. Кто это будет – пока не совсем еще известно. Может быть, не господин Медведев и не господин Иванов. Но то, что все ресурсы брошены именно под этого человека, вся наша пропаганда – совершенно очевидно. Учитывая колоссальное влияние нашего телевидения, это в какой-то степени будет срабатывать. Но то, что это не искренняя политика заботы о народе – совершенно очевидно.

Шейда Г.П.: Игорь Александрович, а как Вы объясните избирательный подход в реализации консервативного подхода в нашей политике, в отношении национализации нефтяных компаний? В отношении одних предпринимателей действует подход «все забрать», а в отношении других компании выкупаются, при том не по той стоимости, по которой они им достались, а по рыночной – за 11 млрд. долларов.

Еремин И.А.: Вопрос поставил Владимир Александрович Рыжков в программе Марианны Максимовской «Неделя» 4 июля 2005 г. на канале Ren-TV. Он спросил буквально следующее: почему одному олигарху можно быть губернатором, дарить президенту яхту под названием «Олимпия», а другому – Михаилу Борисовичу Ходорковскому, который прошел такой же олигархический путь – тюремные нары? Тут можно понять Владимира Александровича – его друга посадили, а Роман Аркадьевич процветает. Здесь нет никакой объективности в расследовании дела ЮКОСа. Если так подходить, то надо было или ко всем, или ни к кому. Здесь речь идет, выражаясь современным языком, о внутриклановой разборке, когда по существу активы Ходорковского, под тем или иным «соусом», перетекли в карманы других олигархов. А суть системы осталась прежней.

Аршинцева О.А.: Можно задать вопрос, возвращаясь к теме доклада? Вопрос связан со средствами реализации того или иного проекта. Оставляя в стороне дефиниции, политически ангажированные и неангажированные оценки, хотелось бы узнать относительно консервативного проекта Солженицина. Насколько, с Вашей точки зрения, этот консервативный проект, основанный во многом на уникальном, диссидентском и очень мужественном опыте Александра Исаевича Солженицина, адекватен и учитывает уmonoстроение народа, за возрождение которого он так ратует? Насколько это соответствует нынешнему состоянию России?

Еремин И.А.: Социологические опросы, Института Левады, в частности, свидетельствуют о том, что пожелания нашего современного электората накануне избирательного цикла 2007–2008 гг. совершенно определенные. Более двух третей, более 70% нашего населения выступают за усиление роли государства в нашей стране, за усиление борьбы против олигархии, за восстановление социальной справедливости, за возвращение в нашу жизнь традиционных семейных ценностей и патриотизма. Поэтому все те постулаты, которые предлагает Александр Исаевич Солженицин и его единомышленники для современной России, – никакой не мираж, никакая не оторванность от жизни. Это потребность нашей жизни. Абсолютное большинство людей воспринимает эти ценности как присущие душе нашего народа.

Аршинцева О.А.: Ссылаясь на мнение народа, Вы приводите данные о точке зрения электората. В какой-то из книг я прочитала фразу, которая мне понравилась, хотя она звучит несколько вульгарно: «Электорат – это одноразовый народ». Насколько идентичны позиции электората и народа, чтобы подтверждать ту или иную точку зрения?

Еремин И.А.: Известный шоумен поздней перестройки, Богдан Титомир сказал такую фразу: «Пипл все схавает». Так это выражение можно отнести к понятию «электорат». Электорат все схавает, грубо говоря. Но народ – это другое, я согласен с Вами. Я сказал, конечно, неправильно, опрос проводился среди народа, среди населения Российской Федерации.

Обсуждение доклада Е.В. Тарасовой

Гончаренко А.И.: У меня к Вам два вопроса. Скажите, пожалуйста, проводилось ли исследование на предмет, в какой из национальных групп больше процент атеистов? И второй вопрос: исследовали ли Вы, у какой этнической группы выше уровень толерантности – у мусульман или у православных?

Тарасова Е.В.: Спасибо за вопросы. Уровень атеистов выше у русских, украинцев и всех прочих, так скажем, неказахов. Но я полагаю, что это связано с тем, что для казахов, в силу тех процессов, которые проходили в течение 90-х гг., связанных с изменением идентичности этой этнической группы, принадлежность к исламу очень важна даже как формальный признак. То есть, те, которые себя относят к исламу, не обязательно исповедуют ислам и ведут мусульманский образ жизни в классическом понимании. Представители других этнических групп просто гораздо проще относятся к религии. То есть, человек может самому себе и другим честно сказать, что он особенности разных мировых религий не очень знает и их не практикует. Он считает себя атеистом, либо замысловато выражается, что верит в существование каких-то высших сил, но без конкретики, без приверженности какой-то религии.

Что касается толерантности, то уровень нетерпимости среди респондентов-казахов был показан более высоким, особенно в сельских районах.

Гончаренко А.И.: Среди казахов или среди мусульман?

Тарасова Е.В.: В формулировке были заданы градации по пяти позициям: можно было ответить «отношусь нейтрально», можно было ответить «затрудняюсь с ответом», но определенный ответ «отношусь с неприятием» был распространен среди мусульман, среди казахов.

Гончаренко А.И.: Как я понял, цель многофакторного анализа не ставилась?

Тарасова Е.В.: Видите ли, в чем дело. Если бы мы сами могли определять программу исследования, задавать формулировки, то был бы, наверное, другой результат. Просто на этом первоначальном этапе мы были вынуждены работать с той базой, которую нам предоставили. Опрос проводился не нами, и это предопределяет заданность оценок.

Голунов С.В.: У меня два вопроса. Первый состоит из двух частей: во-первых, имела ли место в прошлом тенденция использования православия какими-то ирредентистскими и автономистскими силами и, в то же время, не было ли тенденции со стороны государства более поддерживать ислам как форпост государственности в противовес православию? И второй: можно ли говорить о каком-то сколько-либо значимом социальном явлении в случаях перехода казахов в православие и другие христианские вероисповедания и перехода русских в ислам?

Тарасова Е.В.: Что касается использования православной церкви ирредентистскими силами, такие попытки были в первой половине 90-х гг. Это достаточно широко известные случаи с привлечением казачества, заявление славянского общества «Лад» относительно угнетения по этническому и религиозному признаку. Но православная церковь повела себя достаточно корректно в этой ситуации: она попросту не участвует в подобных проектах, не делает таких заявлений и дистанцируется от таких экстремистских и прочих групп. По поводу приоритетного внимания к исламу можно говорить о том, что правительством более активно осуществляется сейчас строительство мечетей, чем православных церквей на территории региона. Но это объясняется с позиций восстановления исторической справедливости и компенсации за тот период, когда возможности для мусульман исповедовать свою религию были как-то ограничены, и, кроме того, правительство долгое время шло на поводу у титульной этнической группы, учитывая ее настроение, потребность чувствовать себя более защищенными, особенными, чувствовать свой более высокий статус. В этот период исламу уделялось намного больше внимания со стороны и республиканского руководства, и региональных властей. На сегодняшний день можно говорить о том, что в целом актуальность этой проблематики – религиозной и конфессиональной – снизилась. Острота проблем, связанных с деятельностью религиозных объединений, снизилась, и ни один из вопросов, связанных с их деятельностью, не доходил до высшей точки конфликта. На начальных этапах, когда происходило позиционирование, обозначение своих интересов – имущественных или земельных, шел диалог с администрацией, и проблема как-то решалась или откладывалась, консервировалась. В целом, относительно других регионов,

ситуация достаточно стабильна, даже если смотреть в динамике за последние 15 лет, за годы независимости.

Что касается перехода мусульман в православие, то это, скорее, единичные факты. Если мусульмане и переходят в другую религию, то это религии новые, это эксперименты молодежи с новыми направлениями протестантского толка. Такие явления отмечались, но они, с точки зрения статистики и социологии, большого значения не имеют.

Голунов С.В.: Вызывает ли это общественный резонанс?

Тарасова Е.В.: Скорее нет, чем да. Особенно в последние три-четыре года к этим явлениям потеряли интерес и общественные организации, и газеты.

Небальзин В.П.: Скажите, пожалуйста, в этом регионе в ближайшее время возможны какие-либо причины, которые могут привести к повышенной этноконфессиональной конфликтности, чтобы нам ожидать исход русских из этого региона?

Тарасова Е.В.: Почему только русских? Не нужно так жестко привязывать миграционные процессы к этническим характеристикам. Что касается обострения этнополитической ситуации, то в ближайшее время этого ожидать в Восточном Казахстане, я полагаю, не стоит, потому что наиболее острые (за обозримый период) ситуации возникали в середине-второй половине 90-х гг. На сегодняшний день не существует организаций, каких-то общественных или политических сил, которые могли бы осуществлять какую-то оппозиционную деятельность, сформулировать какие-то идеи, которые смогли бы мобилизовать часть населения. Население достаточно аморфное, а для конфликта нужно противопоставление интересов и мобилизация, по крайней мере, двух каких-то групп, противостоящих друг другу. Но этого не стоит ожидать в ближайшее время, равно как и исхода русских.

Кругова Н.И.: Та ситуация в Восточном Казахстане, которую Вы обрисовали, достаточно благополучна. Вместе с тем, Вы связываете благополучие этой ситуации с проведением различных программ. Но охватывают ли эти программы по воспитанию конфессиональной толерантности детей школьного и дошкольного возраста? Я думаю, что политика воспитания толерантности может тогда быть названа перспективной, когда она обращена к подрастающему поколению. Вы сказали, что ближайшее время конфликтов ожидать не приходится, и у нас вчера все время звучали оценки, что в ближайшее время мы конфликтов не ожидаем. Но мы все время оказываемся заложниками ситуации, мы все время реагируем на то, что уже случилось. Мы можем каким-то образом хоть что-то спрогнозировать?

Тарасова Е.В.: Оптимистические выводы, касающиеся стабильности и отсутствия конфликтов в ближайшие годы, касались именно

конфессионального аспекта. Я могу назвать сферы, в которых острота противостояний между разными социальными группами и группами интересов достаточно остра, но с религией это никак не связано. Это вопросы социальной политики, это вопросы социальной защиты отдельных групп населения, это проблемы, вызванные ускоренной «урбанизацией» Казахстана, потому что вымирание сел и рост городского населения носит стрессовый характер и порождает массу проблем, в том числе связанных с внутриэтническими взаимоотношениями – между городскими казахами и недавними мигрантами из сел, которые формируют группировки по клановому, родственному признаку. Это связано с криминогенной сферой. Эти конфликты обычно даже не предполагают конфессиональную риторику.

Закрытие конференции

Чернышов Ю.Г.: Уважаемые коллеги! Если говорить о результатах нашей работы, то, несмотря на страшную жару, по результатам регистрации за два дня 78 чел. посетило этот зал, прозвучало 17 докладов, у нас было шесть гостей из других городов, плюс среди докладчиков из Алтайского края были представители из разных вузов.

Эта конференция, мне кажется, была полезна для всех по многим причинам: это и обмен мнениями людей, которые не встречались ранее или редко встречаются, это и обкатка своих собственных выводов. Причем мы не отбирали доклады заранее по каким-то идеологическим соображениям. Вы обратили внимание, что у нас был плюрализм на конференции, мы не подбирали людей с тем, чтобы они все говорили одно и то же. Конечно, это придало определенную пикантность и остались вопросы по многим докладам и по терминам, но это-отражение того, что есть в обществе. Наша конференция должна служить и этой цели. Мы не все такие рафинированные, не все идеально толерантные, и даже в ученой среде иногда проскальзывают стереотипы и неосторожные формулировки. Но это нормально, и над этим надо размышлять и работать.

По уровню доклады тоже различались. Были доклады экспертов опытных, имеющих уже огромный багаж фактического материала, докторов наук или собирающихся стать докторами наук. И были выступления совсем молодых исследователей – аспирантов, ассистентов. Мы, опять же, не «чистили» программу, потому что это хороший шанс для наших молодых исследователей чему-то научиться, посмотреть, как выступают другие и посмотреть на себя на их фоне. Будем надеяться, что эта конференция послужит их профессиональному росту.

Теперь, что касается вопросов, которые хотелось бы обсудить при закрытии. Во-первых, если есть желание у присутствующих, просьба

высказать, что понравилось, что показалось интересным, и что, может быть, надо совершенствовать, что не очень понравилось. То есть, ваше общее мнение о конференции. Во-вторых, что мы будем планировать на следующий год, какую тему, и когда проводить конференцию? В качестве конкретного варианта для обсуждения я хотел бы высказать два предложения. Первое – по срокам проведения конференции. Предложение сдвинуть сроки проведения конференции на более прохладный период, скажем, на конец сентября следующего года. Второе предложение касается тематики. У нас уже вызревал один проект, который пока не получил грантовой поддержки, – как воспринимается Россия за рубежом. Эта тема сейчас активно обсуждается, создаются государственные структуры, которые пытаются заниматься имиджем страны, есть телеканал «Russia Today» и т.д., выделяются огромные деньги. Но делается все это пока не очень непрофессионально, возможно, иногда даже больше вреда, чем пользы от таких чиновничьих попыток. А по серьезному, по научному, этим мало кто пока занимался. Вопросы на нашей конференции по этому поводу звучали интересные. Например, был хороший вопрос, как изменяется восприятие России в странах СНГ. Может ли кто-то полновесно ответить на этот вопрос? Чтобы на него ответить, надо изучать, очевидно, и СМИ, и общественное мнение и т.д. Пока нет таких ответов. И не менее важен и сложен вопрос: как воспринимается Россия на Западе? Не только Путин, но и в целом Россия, русские, как меняются стереотипы и представления о стране и народе? И почему враждебность, которая была во время холодной войны, переходит в некое холодное отношение к России, которая не является уже коммунистической? Тут много вопросов, и можно найти разные аспекты этой темы. Может быть, в рамках этой темы прозвучат какие-то предложения?

Романович Н.А.: Во-первых, что понравилось. Понравилась сама организация конференции, за что хотелось бы поблагодарить руководителей. Понравилась четкость проведения конференции. Я думаю, никакие советы тут организаторам не нужны, они сами прекрасно знают, что и как делать. Что касается будущей темы, предложенной Юрием Георгиевичем, то в рамках этой темы мне хотелось бы еще исследовать не только отношение к России за рубежом и в странах СНГ, но и отношение к России самих россиян, как они, собственно, воспринимают свою страну.

Литвинов М.В.: Спасибо за приглашение. По поводу конференции я считаю, та тема, которая представлена на обсуждение, является одним из первых шагов для ответа на вопрос, не всегда ли мы рассматриваем какие-то ситуации постфактум. Я глубоко убежден, что это-как раз та самая ситуация, когда мы пытаемся нащупать какие-то, может быть, опасные си-

туации, какие-то возможности выхода. Учитывая, что я достаточно долгие годы занимаюсь политическим анализом того, что происходит у нас в крае и в России, у меня последнее время складывается впечатление о деградации политической системы в России. Но дело в том, что последние совершенно неудачные шаги политической власти в плане реформации современной политической ситуации и политической системы могут привести или подтолкнуть к резкой активизации как раз этноконфессионального компонента, потому что он имеет в себе огромный потенциал. Причем этот потенциал может быть как позитивным, так и негативным, он может иметь взрывной характер. И последние 20–25 лет мы все видели многие примеры использования этих аспектов в современной политической борьбе. Я не верю в те вещи, которые называются национальные проекты, я не верю в их перспективы и боюсь, что когда общество поймет их бесперспективность, возникнут совершенно реальные политические (я хочу это подчеркнуть) силы, которые могут использовать и этноконфессиональные компоненты для того, чтобы добиться других политических целей. Я считаю, что здесь находится большая пороховая бочка, которая может серьезно дестабилизировать ситуацию. То, что мы пытались прощупать возможности этого, было большим шагом вперед, так или иначе, тем более, что появляется масса вопросов не только к докладчикам, но и для самих себя, чтобы какие-то вещи осмыслить дальше.

И по поводу белой расы и криков о спасении белой расы, плюс проблемы демографии. Я считаю, что в рамках своей семьи я демографическую проблему решил – три дочери. При этом не задумывались о каких-то ценностях семьи и т.д. – не до того, видимо, было. Это один момент. Вторым моментом: я не уверен, что надо спасать какую-то расу, как и возродить какой-то там народ, потому что это понятия абстрактные и к серьезной дискуссии мало относящиеся. Но хочу подчеркнуть, что, когда я начал перечислять национальности, которые есть у нас в роду, то у меня – половина русских, половина татар (причем татары чистокровные); у жены, правда, больший интернационал: там – поляки, евреи, украинцы и русские. И так или иначе, между этими национальностями нет какого-то конфликта. Поэтому все разговоры о «желтой опасности» или угрозе белой расе я считаю достаточно серьезной политической провокацией, потому что все определяет экономика, а не политические заявления. Именно здесь стоит поискать, на мой взгляд, снижение конфликтности.

Небальзин В.П.: Все было достаточно интересно, и, как я уже говорил, сигнал обществу от научного сообщества должен быть более или менее правильный, а не беспорядочный.

Продолжая тему демографии – я тоже для себя ее решил: у меня четыре сына, последнему полгода. Может быть, если бы каждый из нас

что-то делал, то не пришлось бы говорить о том, что вымирают русские. По поводу тематики следующей конференции: тема хорошая, но, может, включить такой вопрос, как отношение россиян к западным странам? Может адекватное отношение идет с той стороны: мы-то почему-то негативно настроены. Неважно, меняем мы строй или не меняем, отношение остается.

Шейда Г.П.: присоединяюсь к словам о том, что конференция прошла очень успешно. Действительно, Алтайская школа политических исследований выбрала одну из самых острых и актуальных тем, и, думаю, что в ближайшие годы эта проблема не иссякнет и будет нарастать. Мой пессимизм связан с участием в круглом столе в Республике Алтай, на котором обсуждались проблемы национальных проектов и как они реализуются в Республике Алтай. К сожалению, не был затронут такой аспект, как может измениться в ближайшие годы этнический состав внутри субъектов Федерации. Я убедился, что алтайцев в Республике Алтай волнует не только строительство газопровода на Китай, строительство дороги на Китай, которую они, кстати, называют «дорогой смерти алтайского народа». Их волнует, что эта дорога и газопровод серьезным образом изменят этнический состав в Республике Алтай. Алтайцев там проживает всего 70 тыс. чел. За 10 лет их количество сократилось на 5 тыс. К тому же строительство дороги и газопровода создаст в Республике Алтай, по их прогнозам, около 100 тыс. рабочих мест. Причем, по их мнению, эти рабочие места не достанутся алтайцам, поскольку эти рабочие места будут требовать более квалифицированной рабочей силы. В итоге, они опасаются, что изменятся пропорции национального состава Республики, отсюда произойдет потеря их влияния, и поэтому там очень и очень сложные процессы, нарастает негативное отношение к новым властям Республики, к принципам их формирования. Делаются заявления, активно поднимаются творческие организации. К сожалению, федеральная власть, которая провела уже два референдума по объединению, порой недооценивает процессы, которые происходят в субъектах Федерации. Например, глава Республики Алтай делает такое заявление по газопроводу: раз президент решил, значит надо стоять, и нечего эту тему обсуждать.

Курныкин О.Ю.: Одна из проблем, которая здесь затрагивалась, – миграционная политика. На мой взгляд, Россия еще не осознает в полной мере значимость этой проблемы. У меня уже был повод говорить, что в середине XX в. кардинальным образом изменился важнейший вектор российской истории. Речь идет о том, что наблюдалось истечение русского этноса из этнического ядра на дальние территории, и последним всплеском этого было освоение целины. Сейчас же демогра-

фический потенциал русского народа настолько подорван, настолько изменились геополитические условия, что речь идет об обратном движении, о собирании русских. Тем более, что русские пока еще не освоили те огромные пространства, которые сохраняются под контролем, и русским, собственно, не удастся их освоить за счет демографического потенциала. Это совершенно очевидно. Поэтому российскому обществу нужно быть готовым к тому, что Россия станет страной иммигрантов. Несомненно, доля иноэтнического компонента будет возрастать. Но российское сознание к этому пока не готово, как не готова и политическая элита России. Здесь очень важно, чтобы рост миграции на территорию России не приводило к росту политической, этноконфессиональной напряженности. Здесь очень многое зависит именно от научного, экспертного сообщества.

В целом, хотелось бы сказать, работа конференции прошла успешно, и радуется то, что к нам приезжают гости из других городов. Мы всегда рады их видеть и слышать, приезжайте к нам еще. Спасибо.

Устюгов А.Н.: Я хочу искренне поблагодарить за приглашение на такую интересную конференцию. Думаю, многие ко мне присоединятся в том, что конференция прошла очень эффективно. Я вынес для себя следующие уроки: вызовы возникают тогда, и только тогда, когда происходит угроза унификации, угроза самобытности какой-либо народной культуры. Когда это происходит в меньшей степени, мы говорим, что существует меньше вызовов в XXI веке. Далеко не всегда все проблемы решает политика, далеко не всегда все проблемы решает экономика. Наша конференция – еще один шанс показать обществу, что народы многонациональной России все в большей степени осознают себя, осознают свои культуры и выстраивают диалог культур. В качестве пожелания: я посмотрел программу и не увидел американский опыт. Может быть, был смысл посмотреть на примере США, как наиболее молодого государства, как происходят эти процессы.

Волосенкова Е.В.: Мне хотелось бы поблагодарить оргкомитет за систематичность проведения этих конференций, за упорство, с которым каждое лето проводятся конференции. По поводу тематики: из опыта проведения конференций в нашем регионе видно, что когда мы приглашаем представителей разных конфессий, получается достаточно интересный диалог. Правда, не всегда диалог происходит мирно, иногда он превращается в монолог, тем не менее, иногда это бывает очень интересно. А тема следующего года мне кажется очень интересной, действительно востребованной.

Чернышов Ю.Г.: Мы подробно об этом не говорили, но мы, совместно с администрацией Алтайского края, приглашали представите-

лей разных конфессий. Был список из 50 чел., руководителей самых разных религиозных течений, которые есть в Алтайском крае, с ними работает администрация, приглашает периодически на всякие семинары. Было предложение их всех сюда привести. Но, наверное, это было бы много. Мы половину из них пригласили, но пришли единицы. Причем, общаясь с этими людьми, я почувствовал, что они хотя и идут на такие семинары, но внутри сохраняют прежнее свое убеждение, что единственная истина – это их собственное учение, все остальные – это, в лучшем случае, еретики, грешники и т.д. Эта нетерпимость пока непробиваема, никакими научными дискуссиями ее, конечно не разобьешь. Надо и воспитанием детей заниматься с раннего возраста, и нас самих приучать к культуре общения. Конечно, будем стараться работать с теми, которые идут на контакт. Надо мирить их между собой. Многие из них не общаются, не разговаривают между собой. Будем стараться действовать в этом направлении.

Хилькова Н.В.: Мне хотелось бы обозначить еще одну тему (не знаю, подойдет она для конференции или нет) – украинцы в России. Мы говорим о многих народах – и о татарах, и о башкирах, и о евреях. А украинцы? Их больше всего, кроме национальных республик, во всех регионах, после русских. Затем, многие русские, а на Алтае, мне кажется, вообще до трети, имеют украинские корни, а некоторые люди, числящиеся официально русскими, идентифицируют себя как украинцы или хохлы, при этом гордо бьют себя в грудь. Русские и украинцы – это одно и то же или нет? Воздействует это на какие-то процессы или нет? Почему об этом как-то молчат? Или, например, украинцы, которые давно здесь живут, и украинцы на Украине – это одно и то же или нет?

Чернышов Ю.Г.: Хороший вопрос, его можно будет рассмотреть в рамках общей темы. И сегодня мне тоже как-то резало слух, когда один из докладчиков сказал, что из всех крупных национальных меньшинств только украинцы имеют свое государственное образование за пределами России. Я вспомнил одного нашего профессора-социолога, который призывал ограничить права тех народов, которые имеют государственные образования за пределами России. Логически из этого вытекает, что тогда следует выискивать среди нас украинцев и ограничивать им права. Видите, до какого абсурда могут доводить некоторых ученых мужей их националистические предубеждения? К счастью, на нашей конференции преобладал здравый смысл.

В заключение хочу искренне поблагодарить всех, кто высказался. Большое спасибо гостям и всем участникам! Я думаю, конференция у нас получилась. До новых встреч!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Встреча с московскими экспертами, 15 апреля 2006 г. Стенограмма

Чернышов Ю.Г.: Уважаемые друзья! К нам прилетели гости из Москвы. Они участвуют в семинаре по местному самоуправлению, но любезно согласились выступить в классическом университете, пообщаться с нашими продвинутыми студентами, здесь присутствуют ещё и наши преподаватели. Я представлю гостей, и у нас будет возможность с ними пообщаться в свободном режиме. Они сделают небольшие выступления, а затем можно будет задавать ваши вопросы.

Карацуба Ирина Владимировна, к.и.н., доцент кафедры региональных исследований Московского государственного университета. Опубликовала более 40 работ, в том числе монографию, очень известную, всюду обсуждаемую, которая называется «Выбирая свою историю: развилки на пути России от Рюриковичей до олигархов». Работала за рубежом, т.е. это учёный, известный за пределами России. Тема кандидатской диссертации: «Россия последней трети XVIII – начала XIX вв.: восприятие английских современников». Основная тема сейчас – это «Восприятие России в Великобритании». Здесь присутствуют по большей части как раз международники, так что это по их профилю.

Эмиль Абрамович Паин, известнейший эксперт. Некоторые наши студенты уже встречались с ним на предыдущем семинаре. Это доктор политических наук, профессор, автор 13 книг и более 400 статей, генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований, руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращения экстремизма Института социологии РАН. Он был советником президента России в 1996 – 1999 гг. и заместителем начальника Аналитического управления президента России. Один из самых известных экспертов в области этнических отношений, ксенофобии и т.д.

У меня предложение такое. Может быть, нам не растекаться по многим темам, а поговорить о том, чем занимаются наши эксперты, и коснуться, в частности, проблемы ксенофобии в современном мире и, в частности, в России, потому что эта тема сейчас, увы, становится всё более актуальной. Мы всё чаще слышим в новостях сообщения о том, что где-то убили, где-то избili «чужих» какие-то скинхеды или фашисты. И всё это происходит всё чаще. И всё чаще эта тема обсуждается. Вот общественная палата озаботилась этой темой. Хотелось бы услышать мнение на эту тему учёных-экспертов и, конечно, примыкающие к этой теме сюжеты тоже можно затрагивать.

Паин Э.А. Доклада я не готовил, да и времени, если бы я начал его читать, не хватило бы. Поэтому, несколько тезисов спонтанных. Хорошо, что здесь присутствуют, в основном, специалисты по истории международных отношений, потому что последнее время и меня очень заинтересовали исторические сравнения. Последнее время я изучаю страны, которые в течение многих лет находились в состоянии политического авторитаризма. Скажем, Португалия – 50 лет, Испания – 40 лет, Чили – 16 лет, в Италии после войны 40 лет была одна партия и очень много похожего. И вот я думаю над тем, а как удалось обеспечить так долго существование такого политического холодильника? Оказывается, что почти во всех этих странах набор элементов, обеспечивающих такую ситуацию, был достаточно похожим, и особенно в странах, которые переживали когда-то левый авторитаризм. Причём, левый не только с точки зрения типа собственности (в условиях авторитарных режимов система собственности не очень существенна, когда государство влияет, то частной собственности по настоящему нет), но и тип идеологии. Как правило, она базируется на традиционализме: религия, самодержавие, народность. Практически везде это было. Причём, народность в понимании национализм. И практически везде была ксенофобия, то есть консолидация против, как элемент самосохранения. В этом смысле меня интересует ксенофобия не столько по причинам спонтанно возникающим, а как элемент политической технологии. Вот я полагаю, что: а) наша ксенофобия является прежде всего элементом политической технологии; б) наша ксенофобия мало похожа на то, что наблюдается на Западе. Когда говорят, что у нас будет так же как во Франции и т.д., мы ещё не доживём до того, что во Франции. Потому что во Франции, когда были выступления и митинги и бунты в кварталах, то они были в кварталах, и за всё это время погиб один пенсионер. Один пенсионер за несколько месяцев. А у нас каждый день погибают. И природа этих явлений разная. Будет вопрос, я, естественно, отвечу.

Я думаю, что ксенофобия – это системный фактор нашего общества, он такой же, как, например, коррупция. Значение обоих этих факторов будет возрастать в условиях смены социально-политической системы, которая сейчас ещё не установилась, а только устанавливается. Ещё пройдёт, на мой взгляд, немалое время, пока она выкристаллизуется и проявится. Она связана с развитием этих двух аспектов, прежде всего: коррупции и ксенофобии. Но эти же факторы будут факторами смены. Вот так в самом общем виде, потому что детально это надо долго рассказывать про всю совокупность факторов, которые возникают, и про кризис идентичности, и про специфику молодёжных дви-

жений, и про то, что когда нет белого гражданского общества, то неизбежно возникает чёрное, ну, и про многое-многое, о чём нужно было бы рассказывать, говоря об этой непростой теме.

Карацуба И.В.: Здравствуйте, мои дорогие! Поскольку я всё-таки больше историк, и занималась именно историческими аспектами, то в добавление к тому, что сказал Эмиль Абрамович и с чем я совершенно согласна, я хочу прибавить небольшие исторические штрихи. Начну я со Священного Писания. В посланиях Апостола Павла есть знаменитые слова: «Несть во Христе ни эллина, ни иудея, ни мужеско пола, ни женско, ни раба, ни свободного, но везде и во всём Христос». Мои студенты это переиначили следующим образом: «Несть во Христе ни эллина, ни иудея, одни славяне». И я боюсь, что действительно в последнее время ментальность, в том числе и православного нашего народа, она приобретает вот именно этот характер. Как человек, который занимался вообще имагологией – это такая научная дисциплина, которая сложилась в 60–70 гг., которая изучает то, как складываются образы народов – я хочу привести пример, который мне очень нравится. Это один из классических тестов имагологии, тест Енсена, очень давний, между прочим, 1967 г., если мне память не изменяет. Было проведено такое исследование среди средних американцев, людей с очень средним образованием и очень средним достатком, не интеллектуалов. Им дали список из 10 национальностей и попросили в двух или трёх фразах выразить своё отношение к ним. Там были испанцы, то, сё, пятое, десятое, и были там данирейцы, то есть национальность, которая не существует. И просто хотели посмотреть на то, что напишут об этих данирейцах. Так вот, все как один написали, что данирейцы – люди плохие, на слово им верить нельзя, и вообще от них нужно держаться подальше, хотя ни один человек в жизни не видал ни одного данирейца. Как правило, в имагологии этот тест используется для того, чтобы доказать, что, чем меньше мы знаем о другом народе, тем хуже бывают наши представления. Это, конечно, корректируется уровнем той аудитории, которая была опрошена.

Было такое событие в нашей истории, печальное довольно, – это церковный Собор 1666–1667 гг., на котором снимали сан с патриарха Никона, но подтвердили очень тяжёлую по своим последствиям проведённую им церковную реформу, им и Алексеем Михайловичем. И на этом Соборе выступал митрополит Гасский Паисий Лигарид, скользкий тип, но один из главных оппонентов Никона. И Лигарид сказал следующие слова, которые мне очень нравятся, и вы сейчас легко узнаете в этих словах Паисия Лигарида те слова, которые говорили многие русские люди и вам очень хорошо знакомые, это такая постоянная наша тема. Лигарид сказал: «Искал я корни сего духовного недуга (раскол имеется в

виду) и нашёл его в отсутствии училищ и недостаточности библиотек. И если бы меня спросили о способе лечения сего недуга, я бы ответил, во-первых, школы, во-вторых, школы, в-третьих, школы». Мне кажется, что задача гражданского просвещения и вообще просвещения, то благородное дело, которым занимаетесь вы и занимаемся мы, – это один из способов лечения тех болезней, о которых мы говорим. Болезней, которые, действительно, может быть, и являются необходимым атрибутом современной жизни, может быть, действительно, после левого авторитаризма наступает правый. У нас, правда, до левого был правый, монархия-то, лет 500–600. Бог его знает, а, может быть, этими циклами Чижевского, 12 лет одного цикла, 12 лет другого цикла, а мне почему-то кажется, что на самом деле нынешний цикл не надолго. Я думаю, что в ближайшие годы мы увидим большие изменения. Есть у меня такое «premonition», я бы так сказала. Это те тезисы, которые я бы хотела выдвинуть и, может быть, они послужат базой для каких-то вопросов, согласия, не согласия, мнений и дискуссий.

Паин Э.А.: Я насчёт того, что чем меньше знаем, тем больше не любим. И да и нет. Мы проводили исследование, и у меня это написано в книжке «Этнополитические маятники», выявили два типа «не наших»: естественные и виртуальные. Не просто выдуманные данирейцы или ещё кто-нибудь, но скажем и те, которых реально никогда не видели, например, массовый антиамериканизм. Он носит преимущественно виртуальный информационно сформированный характер, потому что где-нибудь на Рязанщине, может быть, ни одного живого американца и в природе не видели. Оказывается, что интенсивность ксенофобии к виртуальным объектам всё же ниже, чем к тем, кого знают. Их тоже придумали. Скажем, наш образ чеченца или азербайджанца тоже в известном смысле придуманный. Но та придумка, которая держится на плоти, которая более или менее связана с чем-то реальным, она более устойчива. Поэтому, когда мы анализировали пики социологические, скажем, за 10 лет наблюдения Центром, проводили социологические опросы, то уровень ксенофобии к реальным, к тем, кого знают, но придумывают, и к тем, кого никогда не знали, ну, скажем, периодически вспыхивала ненависть к арабам после 2001 г. и др., то интервалы ненависти намного меньше.

Второе. Есть три типа ксенофобов, я их делю: ветреные, кожные и головные. «Ветреные» – это те, которые сегодня ксенофобы, завтра – друг, брат и товарищ. Скажем, наша молодёжь в 90-е гг. была потрясающе толерантна. Уровень ксенофобии у молодёжи был крайне низок, даже по сравнению с другими странами. Сегодня у той же молодёжи уровень ксенофобии крайне высокий – это социологическая сен-

сация. В России она сегодня выше, чем у стариков, хотя во всем мире старики более ксенофобны, чем молодые. Но это такие настроения. Сегодня за это, завтра за чипсы «Лэйс», послезавтра – за «Спартак», потом за Рыжкова, потом против. Это крайне неустойчивые формы и они ненадолго. А вот устойчивые формы – «кожные» – возникли в тех местах, где исторически существовала память о неких стычках. Скажем, на Северном Кавказе, в Ставрополе, в Ростовской области уровень ксенофобии устойчивый и он, безусловно, выше определённых типов ксенофобии, чем в той же Москве или в Петербурге, где преобладают исторически сезонные колебания предпочтений. И, наконец, «головные». Это те, которые не верят ни в бога, ни в чёрта, ни в ксенофобию, ни в антиксенофобию, которые используют попутный ветер. Скажем, есть такая партия, которая называется Либерально-демократическая. В то время, когда её создавали, были популярны такие слова – либерально-демократический. Сегодня и то и другое слово бранные, особенно для той партии, которая использует это слово. Тем не менее, это закрепилось. Вчера они были такие, сегодня другие, завтра будут третьи и т.д. Есть определённый уровень понимания конъюнктуры, когда в ходу мытьё сапог в Индийском океане, потом это уже не интересно, никого не трогает. Потом будут: «Мы за русских, мы за бедных», «Мы за русских, мы за богатых» и т.д. То есть, это такая смена этикета при том, что основной интерес в другой сфере, это сугубо политико-рыночная система, и должен вам сказать, что именно этот слой ксенофобов самый опасный. Должен вам сказать ещё раз, что специальные исследования показывают, что фанатичные ксенофобы не растут. Их доля как была в 1990-м г. 8–10% от всей массы недовольных, так она и осталась. Главный рост двух других групп: те, которые берут этот лозунг в политических целях, а завтра могут взять какой-нибудь другой, и те, которые поддаются, то есть та часть населения, которая легко конструируется в том или ином направлении. Это и радует, что нет такой массы фанатиков, но это и огорчает, потому что при определённых обстоятельствах и притом, что механизмы конструирования все изготовлены и только нарастают, это вызывает огромную тревогу. Вот и всё.

Ответы на вопросы

Коваленко Е.О.: У меня вопрос следующего плана. Вам не кажется, что в принципе, государственная политика, в частности, Российской Федерации, сама по себе провоцирует ксенофобные настроения в обществе? В частности, меня очень волнует вопрос государственных праздников, особенно 7 января, когда Рождество Христово у нас стало государственным праздником в стране, где очень много конфессий,

страна считается многоконфессиональной. Может, не стоит на государственном уровне акцентировать внимание вот на таких вот..., я не считаю, что это мелочи, на преобладании людей одной конфессии в стране? Может, это заложено даже на государственном уровне? Может, дело в государственной политике, появление таких настроений?

Паин Э.А. Я с этого и начал и об этом говорил. Первый ответ, да. Я полагаю, что центральная проблема – это политтехнологическая, не какие-то стихийные, спонтанные процессы, а некий процесс консолидации на истории. Скажем, знаете ли вы русскую мечту? Есть американская мечта, она описана. Есть немецкая мечта, она описана. А у нас? Мечта – это цели в будущем. Раньше говорили: «Догоним – перегоним». А сейчас кого догоним – перегоним? Они хуже нас, что их догонять. Они плохие. Мы их не любим. Запад мы не любим – это не цель. Восток – азиатчина, никогда не был целью. И позитивная консолидация, как показывают социологи, сегодня в основном сформирована и формируется сверху, на консолидации традиционной, то есть на нашей святой истории, на великой истории. Наши праздники уходят всё дальше вглубь, уже в 1612 г. Уже никто не знает, что там случилось в тот день, но тем не менее. Потом мы уйдём ещё куда-нибудь, ещё дальше и т.д. Это один из элементов формирования традиционалистской основы для консолидации.

Дальше. Церковь либо не была отделена от государства, то есть она была просто институтом, министерством пропаганды, агитации и идеологии. Либо даже если и была отделена, то фактически власть опиралась на неё как на некую идеологическую базу. Чем отличаются левые и правые? Левые основаны на придуманной религии (марксизм-ленинизм и т.д.), а правые – на естественной, на традиционализме. Вот это всё и заложено. Тут вот такая штука. Я не считаю, что у нас есть государственная ксенофобия. К счастью. Может быть, и будет, потому что бывали периоды, бывали страны, в которых ксенофобия была государственной политикой. Сегодня власть не ставит себе задачу ксенофобии, не может ставить, потому что сегодня сама власть – объект ксенофобии. Скажем, правительство-объект ксенофобии во всех листовках, где написано, почему мы плохо живём, потому что у нас такое правительство, не русское и т.д. В этом смысле власть не ставит задачи ксенофобии, более того, она даже, может быть, и ставит задачу борьбы с ней. Я в это тоже готов поверить. Но та политика, которую они проводят для других целей, это в разных разделах. Один департамент отвечает за консолидацию, другой – за борьбу с ксенофобией. Тот, кто за борьбу с ксенофобией, он с ней может как-то и борется. Он создаёт общественную палату, она принимает решения. Кстати, бессмысленный орган не может принять осмыслен-

ного решения. Если орган заведомо бессмысленный, безответственный, то и решения его заведомо будут безответственные. Бессмысленные органы – тоже важный элемент поддержания холодильника. Я всё думал, зачем Франция, Салазар и т.д., создавали вертикальные профсоюзы, вертикальное гражданское общество? Для того чтобы показать, что мы тоже такие демократы? Нет. Для них это было 225-е значение. Они тоже выполняют важные функции в поддержании этой системы. Главная функция состоит в том, что если ты создаёшь искусственное гражданское общество, то оно занимает место натурального, оно не позволяет развиваться самоорганизации. Когда в Португалии была своя перестройка и гласность в 1973 г., там сменилась власть, пришёл более либеральный период, было предложение создать настоящий профсоюз. Но уже есть государственный, хватит. В этом смысле эти системы очень важны.

Теперь насчёт праздников как института. Праздники – вещь не случайная, не бессмысленная. Праздники тоже имеют определённую политтехнологическую основу. Я много раз писал об этом в газетах и т.д. Франция тоже не вчера родилась. Тоже страна Бог знает с какой историей, ещё поспорить может с Россией. И что, у них главный государственный праздник День взятия Орлеана Жанной д’Арк или ещё какой-нибудь более давний? То есть, они могли бы тоже в своей истории найти и 1612 г. и 1013 г. и 801 г., какой угодно год, там найдётся немало знаменательных дат, для французской памяти важных. А у них память – День взятия Бастилии. Почему? Потому что характеризует начало новой республиканской истории, характеризует базовые ценности общества. Это праздник, характеризующий их ценности, их устремлённость. Вот чего они хотели: республиканизма, свободы, равенства и т.д. и т.п. Если бы у нас взяли курс на восстановление монархии, то тогда бы я сказал: «Правильно. Это 1612–1613 г. и должен быть нашим национальным праздником. Он отражает те ценности, тот общественный консенсус, который сложился». Но вроде бы такого консенсуса в обществе нет. Думаю, что даже и не вроде. По этому поводу уж точно массового ажиотажа, что, мол, давайте, вернёмся в 1612, у нас не было. Так что косвенные элементы политики консолидации на основе истории, безусловно, являются одним из факторов. Косвенное влияние консолидации по принципу «против», «враги внешние», «враги внутренние», «сплотимся против врагов», они, конечно, дают ксенофобию, и поэтому тот департамент, который отвечает за борьбу с ней, он не имеет шансов, поскольку более мощные департаменты работают на создание условий куда более благоприятных. Это, кстати, не значит, что я вообще считаю, что ничего не надо делать. Но это отдельный вопрос.

Карацуба И.В.: Я хотела бы в добавление сказать о двух вещах. Конечно, по вопросу с праздниками я тоже совершенно согласна. Но тут проблема, на мой взгляд, вот в чём: всё-таки российская идентичность, начиная с Ивана III, Ивана IV, была идентичностью имперской. Рухнула империя в феврале 1917 г. Большевики её потом собрали с некоторыми потерями. Рухнула в 1991 г. Ельцин произнёс знаменитые слова: «Дорогие россияне!». А кто такие россияне? Что общего у русского с чеченцем, у якута с евреем и т.д.? Мы в поиске своей российской идентичности. Есть разные варианты, предложения. Есть вариант православной идентичности. Я бы даже сказала православно-милитаристской идентичности. Был такой хороший советский писатель Тендряков, и в одной из его повестей есть школьный учитель истории, который ест только бородинский хлеб с полтавской колбасой. Этот бесконечный бородинский хлеб с полтавской колбасой в нашей истории – это совершенно дикая идеализация, скажем, Дмитрия Донского, который жутко себя вёл с Русской православной церковью. Его политика в церковной сфере не поддается никакому описанию. Известно, что в русских землях было одновременно три митрополита, ни одного из них он в Москву не пускал, потому что у него были свои идеи по поводу митрополитов. Тем не менее, он был канонизирован Русской православной церковью не так давно, то есть тогда, когда всё забылось в церковном сознании. И похуже люди у нас канонизированы: Андрей Боголюбский («по локоть в крови»), свирепый, жестокий. Вообще, лучшие православные священники в 1960–70-е гг., например, отец Сергей Желудков, в 1967 г. сказал в личной беседе: «Если нас сейчас пустить на телевидение, мы такого петуха дадим!». А отец Александр Мень ещё лучше сказал, что «когда падёт коммунистический режим, начнётся страшный суд над Русской православной церковью». Но, к сожалению, одной из первых жертв этого страшного суда стал сам отец Александр Мень. Поэтому мне кажется, что вообще это очень опасные попытки сконструировать нашу новую идентичность на базе православности и православно-милитаристских сюжетов. Я вам хуже скажу, про 1612, 1613 гг. Можно эксперимент небольшой, практическое занятие? Пожалуйста, достаньте любую монету, рубль, два рубля, пять рублей. Мне нужно, чтобы вы на неё посмотрели. Сейчас объясню одну интересную вещь. Посмотрите, пожалуйста, внимательно на орла. Не кажется ли вам, что орёл немножко отличается от того, который есть у нас на государственном гербе? Не так ли? Да. А чем он отличается? Скипетр и держава. А почему сие такое удивительное? Объясняю. Потому что когда рухнул Союз нерушимых республик свободных, который сплотила навеки великая Русь, срочно нужно было

печатать какие-то новые монеты, и Центробанк взял за образец то, что вы сейчас видите – это герб Временного правительства. А Временное правительство тут же сняло корону с голов орлов, и правильно сделало, потому что какая монархия? А у нас началась такая шизофрения. На монетах у нас орлы без корон и без скипетров и держав, а в гербе у нас в коронах и со скипетром и державой. Я очень много преподаю американцам, и они очень любят задавать такие вопросы. А что у вас орлы в коронах? У вас что ли монархия? Один раз меня спросили, тоже хороший вопрос: «Ирина, вы рассказывали, что Петербург переименовали в Петроград, а потом в Ленинград, а потом опять в Петербург, а почему Ленинград переименовали в Петербург, а не в Петроград? Он же Петроградом был до этого?» А хороший вопрос, да. А почему? А царей потому что очень любим. Потому что начинается вот это конструирование. Заметьте, что даже советская деревенская проза, вспомните Николая Рубцова, замечательного поэта, у которого одно из лучших стихотворений в русской поэзии XX в.: «Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны». Супер! Вспомните, «не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны, но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей». Короны ему не жалко, а у нас, очевидно, что-то тут изменилось. Конечно, праздник 4 ноября – это просто за гранью добра и зла. Советую всем зайти на сайт журнала «Отечественные записки» – strana-oz.ru – и почитать статью нашего лучшего медиевиста и специалиста по XVI–XVII вв. Владислава Назарова, где очень подробно объясняется, откуда взялась эта дата и какое она вообще имеет отношение к действительности. Лучше Назарова это никто не знает. Там это ювелирно совершенно разобрано. Это у меня такое первое затянувшееся замечание.

И второе очень короткое. Вы знаете, конечно, мы все прекрасно видим невооружённым взглядом, как ксенофобия конструируется, как её будут сейчас использовать, очевидно, как мотор для чего-то там, какой-то политической игры. Дело на самом деле ещё хуже. Тут по Платону: «Свет изнутри встречается со светом извне», или как у Стругацких в «Неоновой лампе» изобретатель кричит: «Уи в нутре». Вот «уей в нутре» сидит очень много: комплексов, стереотипов, автостереотипов, установок, которые мы проецируем. Что такое антиамериканизм? Антиамериканизм – это глубокие проблемы у нас внутри, это проекция своих собственных комплексов, это «веймарский комплекс» исторического поражения нации и многое, многое другое. Конечно, те, кто это конструирует, понимают это, на этом играют. В какой степени мы рефлексируем на то, что у нас внутри? А в имагологии давно доказано, что любые стереотипы, в том числе этнические, отталкиваются от

автостерейотипов, от того, как мы самих себя воспринимаем, они неразрывно связаны. Мне кажется, нужна работа с этими реалиями. Это всё давно изучено, разработано, опубликовано, я бы даже сказала, сейчас уже мода прошла на эти исследования, это было модно в 60–70-е гг., но мода-то прошла, а проблема осталась. Было бы неплохо сейчас это знание актуализировать. Как историк я могу сказать, что нашу историю нужно передумать, переосмыслить, уходить от этой карамзинской концепции самодержавия, уходить от идеи, что «Россия для русских», вольно или не вольно, она именно так у нас излагается. Попробуй найди учебник, где была бы какая-то другая история, кроме истории русских. Эта задача нам всем вполне по силам. И она сейчас начинается, хотя бы силами и не отечественных историков, а зарубежных. Выходят книги Капелера, Хоскинга, и наши тоже постепенно начинают писать эти труды. Но тут впереди у нас длинная дорога.

Глушков А.Е.: Как бы Вы прокомментировали такие тезисы: «нищая страна – богатая ксенофобия», «карьерная ксенофобия» и «бытовая ксенофобия»?

Паин Э.А.: Первое, что я хотел сказать, что прямой связи между ксенофобией и богатством и нищетой нет в том смысле, что высокий уровень ксенофобии возникал при разных типах экономического развития. Скажем, пик американской ксенофобии (расизм – это тоже ксенофобия) был в 60–70-е гг. Такой был расизм, что чуть Америка не пропала и потому и начала менять радикально на уровне элиты общественную парадигму. Сегодня нельзя сказать, что Россия беднее, чем в 90-е гг.. Ни по каким параметрам на это не похоже. А уровень ксенофобии на порядок выше. Особенно агрессивны организованные формы. В начале 90-х гг. ничего не было, никаких организованных групп. Сейчас каждый год удваивается их число. Смешно слушать иногда по телевидению заявления о том, что такой-то разгром не был связан с людьми, входящими в организацию. То есть, оказывается, милиция знает всех, кто входит и не входит. Как же так? Запрещённые организации? Милиция знает всех поголовно и ничего не делает? Это просто нонсенс какой-то. Так вот, при разных типах экономического развития действительно разные типы ксенофобии. Бывают ксенофобии как форма бунтов голодных. Плохо объясняют, что будет лучше, если выгнать тех, которые понаехали. Это один из элементов. Но поскольку всегда главные не эти – это бытовая ксенофобия, которая возникает на кухне, я её не люблю и т.д. Она может веками быть и никого это не трогает. Кстати, перемены в американской политике, громадные перемены (К. Райз и т.д.) в стране, где в 60-е гг. в Вашингтоне, кроме Union

Station, не было ни одного места, где белые и негры могли официально быть, они произошли на политическом уровне, а на уровне ментальности пока ещё расизм бушует будь здоров. Но уже нельзя. Уже власть не допускает, пресса не допускает его проявления. И это позитивно. Постепенно привыкают. Поэтому эта бытовая ксенофобия, которая возникает от неудовлетворённости, я бы сказал, что страна наша живёт сегодня не хуже, чем в Европе, но людей, которые живут хуже – огромное количество. Скажем, наш слой – профессорско-преподавательский – уж хуже не было. Получать меньше, чем медсестра или работник социальной сферы. Вот я профессор, заведующий отделом и у меня зарплата ниже, чем у работника социального страхования. Конечно, это не слыханно. И многие категории по простым причинам переносят на понаехавших свой комплекс бед. Но не в них проблема. Я могу сказать, что пока тенденция в ближайшие два, три года, до 2008 г. просто гарантированно, просто нет никаких сомнений, не изменится и, скорее всего, будет нарастать. И она не связана непосредственно ни с бытовой ксенофобией, ни с теми или иными улучшениями или ухудшениями экономической жизни. Она преимущественно носит политико-идеологический характер и поэтому не сильно зависит от колебаний экономики. Вот такое моё мнение.

Лебедева Е.Б.: У меня вопрос к Ирине Владимировне. Я хотела спросить, какой имидж России сегодня? Нужно ли его менять? Кто этим занимается, и какие работы проводятся по этому? Какое финансирование выделяется для этого?

Карацуба И.В.: Вы имеете в виду, кто занимается чем?

Лебедева Е.Б.: Кто-нибудь занимается формированием имиджа страны сегодня в России?

Карацуба И.В.: Канал «Russia Today», знаменитое детище, оно вроде бы занимается сейчас формированием нашего имиджа. Я не видела ни одной его передачи. Могу только догадываться. Вы знаете, имидж России за рубежом, конечно, очень разный. У нас на факультете (я работаю на факультете иностранных языков, кафедра регионоведения Московского государственного университета им. Ломоносова, а сама заканчивала истфак и там же защищалась), у нас есть китайские студенты, а есть американские и английские студенты. И у них, конечно, разный образ России. Если, скажем, американцы, англичане, французы считают, что всё-таки мы потихоньку выходим из очень тяжёлого периода, что тоталитарное прошлое с пережитками у нас позади, они этот процесс приветствуют, они видят сложности, считают, что в целом изменения в позитивном плане, что мы идём по правильной дороге, но, может быть, неравномерно. А китайцы, на-

пример, считают, что это не правильно, что мы отказались от социалистической системы, что нельзя было это проводить так резко, как получилось. В общем, разные есть образы. Затем, знаменитая максима Черчилля остаётся постоянно в силе. «Russia is a riddle, rapted in mystery inside an enigma». Но дело всё в том, что Черчилль сказал это при очень определённых политических обстоятельствах. Это была речь в Британском Парламенте в октябре 1939 г., после пакта Молотова–Риббентропа, начала Второй мировой войны. И там, в начале идёт фраза: «Considering the Soviets I can not predict to you the movement to the government of Russia. Russia is a riddle, rapted in mystery inside an enigma». В общем, конечно, у них тоже присутствует это. Но в духе политкорректности, по крайней мере, западный мир в восприятии России исходит из мысли о том, что мы все братья и мы должны помогать друг другу. У восточного мира немножко другое наше восприятие. Я общалась с китайцами и японцами – другое восприятие. А то, что вы говорите, государственная политика формирования нашего имиджа за рубежом, так, понимаете, она как называется? Государственная политика формирования положительного образа России за рубежом. Это, конечно, замечательно. То есть мы формируем фантик глянцевого, гламурный, денег мы на это не жалеем. Какова эффективность этого фантика, можно судить, да. Как историка, меня всё время обуревают желание уйти к истокам, докопаться до истины. Конечно, все эти современные события вокруг ксенофобии, взрывов, того, сего, пятого, десятого... Вспомните, во-первых, Александра III с «Россией для русских» и резолюцией на доклад одного из губернаторов, что население очень радуется, когда били евреев во время еврейских погромов, Александр написал: «Да я, признаться, сам рад, когда евреев бьют». И вот эта Россия для русских, чем она тогда кончилась, почему прабабушка Стивена Спилберга говорит по-русски, почему прабабушка Сильвестра Сталлоне говорит по-русски? А потому что наш народ, который отсюда смотался, далеко не худший народ, наоборот, самый смелый, самый предприимчивый, который не боялся начать с нуля, на новом месте, в другой стране, с другим языком. Сколько мы таким образом потеряли? Как жалко, что именно эту часть генофонда мы потеряли. И вспомните Вячеслава Константиновича Плеве с его знаменитой фразой о том, что «нам нужна маленькая победоносная война». И что получилось из нашей замечательной маленькой победоносной войны? Первая русская революция с дальнейшими событиями. История повторяется трижды. Один раз как трагедия и два раза для тупых. Я прошу прощения, но это сказал зловредный Книжнин.

Паин Э.А. Вы знаете, меня очень заинтересовал этот вопрос по двум причинам. Первая. Очень важный вопрос – а как сделать позитивный образ? В какой мере управляемо сознание? В какой мере оно конструируемо? И этот закон уже известен. Оно конструируемо настолько, насколько общество либо хочет, либо ему безразлично. А если возникают большие сомнения, то конструировать его больше бесполезно. Во времена Брежнева анекдот был: «Включишь утюг и там Брежнева увидишь». Уж «Малую землю» и по радио, и по телевидению, и в книжках и в школах и т.д. – никто не читал, все плевались. А Высоцкого на пластинках рентгеновских слушали, так как он был популярен. Это известное имя. Поэтому сильно сконструировать не очень получается даже внутри. А вовне уж тем более. Я хочу поддержать то, что сказала Ирина Владимировна, но немножко и добавить. Потому что у нас разные зоны исследования. Я член Международного Совета выпускников Международного центра им. Вудро Вильсона, и каждый год мы собираемся на конференцию. Там представители научного мира из разных стран, в том числе, кстати, и из Японии. И что происходит? Ну, с поляками и болгарами понятно. Это действительно. У них есть твёрдое убеждение. И когда хорошо было-плохо, и когда плохо-плохо. У них есть определённый настрой, что должно быть плохо. И это понятно. Действительно, все проецируют своё. Каждый видит то, что хочет видеть. Что касается условно западного мира, включая и Японию, потому что те люди, с которыми я общаюсь, ничего такого специфически японского не демонстрируют. Начиная с 2004 г. впечатления, что «они потихоньку выкарабкиваются» закончились. Если раньше я говорил, что вот там у нас такие недостатки, а те говорили: «Ой, вы, русские, у вас всегда алармизм, попытайтесь увидеть хорошее», – говорили мне американцы и японцы. «Попытайтесь увидеть перемены, а вы всё тревожитесь». На последней конференции всё абсолютно наоборот. У них полное впечатление, что мы вернулись к империи, диктатуре, тоталитаризму. Я говорю: «Ну, ребята, вы перегибаете палку. Ничего такого. Видите, я езжу, выступаю, не в тюрьме ещё пока». То есть, произошёл слом. В моём сообществе, где в основном лидеры общественного мнения, те, кто формируют политологию, которые задают тон в «New York Times» и во всяких там газетах, они изменились. И теперь хоть две тысячи раз «Russia Today» – ничего не изменишь. Они склонны впадать в крайность больше даже, чем мы, хотя нас упрекают в этом. Но у них очень высокий уровень перебора. Так вот это изменилось. Сейчас для доказательства обратного никакая пропаганда не поможет. Должно произойти нечто. Ну, я не знаю – Ходорковского не просто выпускают, но избирают губернатором Алтайского края. Вот тогда да. Что-то такое изменится.

Малахов С.В.: Эмиль Абрамович! Демократическими силами Россия сейчас квалифицируется как авторитарное государство. Международная независимая организация «Freedom House» несколько месяцев назад вывела Россию из числа свободных стран Европы и квалифицирует её как страну не свободную. Таких стран сейчас, по их оценке, в Европе две: Белоруссия и Россия. Меня с этой точки зрения интересует Ваше мнение, как человека, занимавшегося Испанией и Португалией середины XX в. Что общего между режимами Салазара, Франко и Путина? Есть ли это общее? Спасибо.

Паин Э.А.: Во-первых, меня заинтересовало то, что много сходства в истории. Все названные страны были империями. Революция в Португалии случилась потому, что она увязла в Африке в колониальной войне, и вместе с экономическим и энергетическим кризисом это и привело к взрыву. Испания была страной ультраамериканистской. Почему? Потому что ещё в 1925 г. она воевала с Америкой за колонии в Карибском море. И вообще, память о том, что «за нами вся наша Латинская Америка стоит». Очень похожая страна. Там те же циклы, революции, контрреволюции, в те же годы начались, и наш Александр I и их в одно и то же время приступили к правлению. Вообще, потрясающе. Единственная разница, что их Корнилов с Деникиным победили, а наши проиграли. И их Франко показал, что было бы в России, если бы Деникин с Корниловым победили. Хрен редьки не слаще. Потому что в Испании в эти годы погибло 10% населения. Это побольше, чем в России. А по эмиграции политической ещё выше. Поздний Франко-это очень похожий на нас. Уже не вешали, уже была какая-то свобода слова вертикальная, вертикальные профсоюзы, вертикальное гражданское общество. Всё это было. Государственная монополизированная экономика? Было. Пять крупнейших семей держали всё в руках, все были зависимы от одной главной семьи – от Франко и т.д. Я недавно напечатал об этом статью. И сейчас я печатаю целый цикл статей об аналогиях в журнале «Большая политика». Первая вышла в прошлом номере, а в следующих номерах будет и про остальные наши сходства. Более того, даже операция «наследник» произошла похоже. Для самосохранения власти решили отключить демократию и придумали операцию «наследник». И в Испании придумали. И Ельцин взял не из родственников, а чужого человека. И Франко взял не из родственников, а чужого человека. Оба даже жили долго за границей в германоязычных странах. Хуан Карлос был вывезен из Швейцарии и говорил преимущественно по-немецки. Дальше пошли различия. Так вот, я считаю, что у нас движение от левого к правому, от полу – к полному. Если сравнить с Белоруссией, с Туркменией, и даже с Салазаром и

Франко, то ещё полу-. Но тенденции те же примерно. Потому что не обязательно запрещать партии, их можно отключить и иным способом. Ведь никто не запрещал «Открытую Россию», но методом спора хозяйственных субъектов она уничтожена. Никто не запрещал НТВ, но методом спора хозяйственных субъектов, она прекращает свою деятельность. То есть, найден удобный механизм. Но! Вот у Ирины Владимировны позитивные тенденции, а у меня негативные, потому что я смотрю опросы общественного мнения и вижу, что сегодня в обществе спроса недовольство нарастает, но недовольство вовсе не тем, чем недовольны «Freedom House» и все остальные, а прямо противоположным. Не тем, что не достаточно свободы, а слишком много воли ещё есть. Не достаточно жёсткий руководитель. Радиостанция «Эхо Москвы» два раза провела совещания. Первый раз: «если бы завтра были выборы, кого бы вы выбрали – Путина или Лукашенко?» В первый день было 80/20%. 80% – за Лукашенко, 20% – за Путина. А когда их руководитель Венедиктов сказал, что этого не может быть и вы не правильно задали вопрос, на следующий день опрос повторился. Действительно, результаты изменились. За Лукашенко было только 70%. Изучая фундаментальные вещи, видишь, что спрос на сильную руку, на борьбу с коррупцией, коррупция всех достала, все слои общества от неё устали, но проблему выхода из коррупции видят в усилении жёсткости. Коррупция и ксенофобия – два системных фактора, они будут определять эти вещи. И то и другое будет требовать сильной руки. Сильная рука как противоядие тому и другому. Значит, закономерности того, что история повторяется трижды – абсолютно точны. Просто изменяется форма, а ощущение того, что мы не наелись этим, в обществе существует.

Золотарёв М.: Так уж повелось, что инструменталистские теории трактовки этничности существовали ещё давно, то есть, это когда этничность рассматривается как некое чувство солидарности одних и используется другими для достижения определённых политических и экономических благ. В этой связи возникает вопрос. Не кажется ли Вам, что тема ксенофобии слишком активно муссируется как в прессе, так и в общественности? И ещё плюс к этому. Компетентно могу Вам заявить, что ксенофобии на Алтае как движения молодёжи нет. И плюс к этому хотелось бы сказать, что здоровый национализм стимулирует к развитию. Что Вы по этому поводу думаете?

Паин Э.А.: Мне понравилось последнее: «Компетентно заявляю». «Как мать говорю, как женщина» – вспомнил я Галича. Я несколько переиначу Ваш вопрос, потому что на первую часть я ответил. Я про это всё время и говорил. А по второму я считаю, что Вам нужно про-

ходить серьёзный курс по этнополитологии и этнологии, который покажет, что есть и инструменталистские и более широкие конструктивистские концепции. Более того, применение их в розницу очень опасно. Я своим студентам всегда рассказываю, что нет отдельных инструменталистских концепций. У инструментализма есть пределы. Отчасти я уже говорил о том, что не всё управляемо. Есть ситуации, когда хоть тысячу раз попытайся настроить общество, ничего не получится. Все тезисы, все элементы, которые сегодня используются, были и в начале 90-х гг. Я писал об этом. РНЕ было, и националисты крутые, а слышало их два с половиной человека. И тогда могли сказать студенты Москвы, что компетентно заявляют, что в Москве этого не было. Потому что тогда ещё не было. Так у вас пока ещё нет. Тут есть сложные вещи, и это переход к вашему второму вопросу о неком позитивном, разумном и т.д. национализме.

Мне потребовалась бы очень большая речь по поводу рассказа об исторически позитивных формах этнического национализма. Могу сказать, что для современной России у этнического национализма абсолютно отсутствует какая-либо позитивная форма. В наших конкретных исторических условиях, при том, что идея сохранения целостности вроде бы не подвергается сомнению... Или Вы подвергаете? Нет, не подвергаете. Вот и я не подвергаю, потому что я не вижу ничего позитивного, если вдруг распадётся. Если бы мне показали хоть что-нибудь, что может измениться к лучшему, я ещё подумал бы. В такой стране, если она ещё будет распадаться с её ядерным потенциалом, химией, с фанатиками разного рода в разных республиках, которые растут. Если представить, что целостность – эта та цель, которую общество в целом поддерживает, то по этому поводу, по-моему, есть консенсус. Я не видел больших групп, которые бы считали, что от этого будет хоть какая-то польза. В этих условиях никакой позитивной основы консолидации на этнической базе нет. Потому что это сообщающиеся сосуды. Если вы живёте в обществе, где исторически сложилось, что рядом с вами алтайцы, и хоть переименуйте вы Республику Алтай в Алтайскую губернию или во что хотите, а всё равно они там будут. А на Кавказе – кавказские территории, и численность их, концентрация только растёт, а не уменьшается. В этих условиях возникает один вид национализма у одной группы, автоматически, мгновенно возникает консолидация. Уровень, степень и скорость консолидации меньшинств всегда выше, чем у большинства. Пока море разогреется, там уже такой костёр будет, ничем не загасишь. В этом смысле абсолютно уверен, что никаких основ для позитивной консолидации на этнонациональной основе нет. А вот на национально-гражданской да.

Если мы вспомним, что мы, как написано в Конституции, и есть источник власти. Как возник гражданский национализм во Франции? Тоже по принципу «мы – они». Только «мы – они» были другие. Мы – народ, а они – власть, которая узурпировала наши права. И вот мы должны подписать общественный договор или перейти на основу договора, и власть должна знать своё место, она – наш менеджер наёмный. Вот этот вид сознания, он, действительно, в наших условиях может быть позитивным и консолидирующим. Беда в том, что у нас была разная история, и в последние 10 лет признаков самоорганизации народной не было. И что западники и славянофилы с разных сторон об одном и том же говорили: «Вот придёт государь, барин, либо он (барин) не допустит проникновения чуждого влияния, либо барин потащит за шиворот к Западу», но всегда барин должен был что-то решить, хоть с той, хоть с другой стороны. Я думаю, что опыт других стран, которые пережили те же коллизии, и те же проблемы идентичности, показывает, что рано или поздно произойдёт переход к гражданско-национальному сознанию, когда мы оцениваем, что вот мы – нация, независимо от этнических корней, религиозности. Авторитаризм живёт тогда, когда в обществе есть представление, что «так жили и только так жить можно». И он уходит, когда возникает другое представление – «так жить нельзя». Везде эти перемены начинались с общественного консенсуса по поводу того, что «так жить нельзя». Когда он возникает в значительных массах, происходит изменение, и никакое прошлое не мешает.

Чернышов Ю.Г.: Наверное, уже пора приближаться к завершению. У меня ещё один вопрос к Ирине Владимировне. Не могу не воспользоваться случаем. У нас вообще-то читается тоже спецкурс по этническим стереотипам, и один из самых трудных вопросов, на которые мы искали ответы со студентами, заключается в том, как, собственно, с ними бороться, как их преодолевать или хотя бы слегка поворачивать? Проблема в чём? В том, что, во-первых, они закладываются в раннем детском возрасте и, во-вторых, закладываются на уровне подсознания, то есть, они не преодолеваются какими-то рациональными аргументами. Плюс к этому: мы долго искали ответ на вопрос о том, не является ли потребность в «пятиминутках ненависти» объективной потребностью человеческого существа? К сожалению, человеку надо на кого-то выплёскивать негативные эмоции, на кого-то сваливать свои беды. И если винят кавказцев, некоторое время забывают о евреях, но если вспоминают о евреях, то наоборот. Всё равно получается, что что-то нужно. Как канализировать эту агрессию и негативную энергию в безопасное для всех людей русло? Всё-таки, какие в современных ус-

ловиях методы борьбы с ксенофобией можно было бы предложить и обществу и государству, если говорить о том, что делать?

Карацуба И.В.: У меня узко профессиональный интерес. Я считаю, что вообще изучение истории России, подлинной только, не по Гумилёву, Фоменко, – это очень хорошая прививка от лозунга «Россия для русских». Потому что видны все последствия, когда это на практике начинает осуществляться, и знание своего прошлого вообще очень эффективная прививка от всяких химер. Был такой средневековый алхимический трактат, тогда ведь очень любили схоластические споры, и этот трактат назывался так: «Может ли химера, в пустом пространстве жужжащая, поглотить вторичные интенции?» Вот таких химер очень много, и когда мы изучаем историю и видим, что было вследствие того, сего, пятого, десятого, то это, как мне кажется, очень хорошая прививка на будущее. Причём даже не то, как часто говорят, что «надо знать свою историю». Вообще, знать историю невозможно, потому что она постоянно переписывается, и правильно делается. Меня очень часто спрашивают: «Когда вы закончите переписывать историю?» Да никогда не закончим. Потому что через каждые 20–25 лет в жизнь входит поколение историков новое, которое видит другими глазами. И история любой другой страны переписывается через каждые 20–25 лет. И точки зрения на Робеспьера и Наполеона во Франции меняются также часто, как у нас на наших славных героев. Поэтому, мне кажется, что знание своего прошлого в полном объёме и знание не по Карамзину, а всё-таки с учётом того, что после Карамзина было написано, доходя до наших дней, – очень хорошее средство борьбы с этническими стереотипами.

Чернышов Ю.Г. Ну, историю и сейчас поворачивают все, кому как угодно.

Паин Э.А.: Первое, я дарю Вам нашу книжку Института социологии, я редактор и составитель этой книги, которая называется «Толерантность против ксенофобии. Зарубежный и российский опыт». Что-то там посмотрите, как это делалось в разных странах. Теперь по поводу тезиса. Действительно, это-закон и в конфликтологии, и в различных других науках. Одни конфликты гасятся переводом в другие. Но тут существуют определённые ограничения. Ну, скажем, замена антисемитизма антикавказчиной или античеченизмом толку никакого не даёт, потому что ксенофобию трудно удержать. То, чем мы занимаемся в Институте, показывает, что в 90-х гг. у нас было только две группы, к которым негативно относились – чеченская и цыганская. С 2000 г. процесс вырвался и пошёл по разным направлениям. Растёт и антисемитизм и всё другое. Если на пятиминутке не-

нависти ты попробуешь сосредоточиться только на одних врагах, то через некоторое время, трудно сказать, какое, но гарантированно (это многократно доказано и историей, и специальными исследованиями) перейдёт. Второй тип перевода то, о чём я говорил, перевода этнического в политическое или социальное. То есть, мы говорим, что проблема возникает не потому, что «они понаехали» или «они – другие» или «культуры не сходятся», а они – социально-политические, они – те, которые узурпировали наши права. Это более позитивная форма перевода одного конфликта в другой. Но главная форма перевода состоит в переходе от негативной консолидации к позитивной. Мы сейчас говорили в основном о русской ксенофобии, хотя это не правильно. В России она началась совсем не с русской ксенофобии, а с антирусской. 90-е гг. прошли под бурным ростом антирусской ксенофобии. Кстати, надо признать факт того, что русская ксенофобия в известном смысле и ответная. Первоначально, после распада, возник кризис идентичности, и первые формы этнического сплочения и противоречия были только в кругу меньшинств: осетины с ингушами, татары с башкирами – это было повсеместно. Но почему произошло затухание того уровня ксенофобии? Отчасти потому, что у небольших народов, это было очень заметно, произошёл переход значительной части активного населения, которое раньше не видело себя ни в чём другом, кроме как в консолидации своих против чужих, в другие сферы (бизнесы открыли). Бизнес отсосал и в Башкирии, и в Татарстане, и в Якутии огромную часть тех, кто раньше реализовывал себя в другой сфере. Открылись новые вакансии, новые формы – в политику пошли. То есть, как только открывается позитивная перспектива, то вместо консолидации на прошлом консолидируются на будущем. Вместо подпольно закрытых гражданских институтов, вроде скинхетизма и др., открываются открытые, только б не придуманные, потому что молодые люди очень чувствуют липу. Если вы просто придумаете какую-то организацию для того, чтобы занять молодёжь, чтоб она не дурила, то это всё заглухнет. Вот когда она натуральная, когда видно, какой от неё прок, какие последствия, то это работает. Поэтому я уверен, что в России преодолют эту самую ксенофобию. В историческом плане у меня нет ни грана сомнения. Этот переход будет первоначально состоять: а) в переходе от изменений типа «они» от этнических к социально-политическим характеристикам; б) в расширении позитивной консолидации. Вместо проблемы «свободы от» будет «свобода для». Когда появится огромная сфера, расширяющаяся сфера самоорганизации, сфера проявления инициативы, цели новые, перспективы новые, в том числе и внешнеполити-

ческие. Сегодня надо признать, что внешнеполитическая ситуация тупиковая. А кто нас зовёт к себе? Вот я рассказывал выходы, как Португалия выходила, как Испания выходила. Один из главных факторов – они хотели вернуться в Европу. И там их ждали. А здесь кто ждёт? Куда входить? Существует ещё фактор внешнеполитической неопределённости, неопределённости целей. И преодоление этого набора целевой неопределённости – это и будет тем основным магистральным направлением перевода энергии из негативной в позитивную. Ещё раз повторяю, большого количества фанатиков в России ни в каких регионах нет. Народ в принципе пригодный для больших свершений. Большое количество людей буквально послезавтра готовы быть, ну я не знаю, тимуровцами, или на что угодно готовы.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо, Эмиль Абрамович. Я тоже хотел добавить, что если историю российскую объективно трактовать, то она учит тому, что российский народ – один из самых толерантных в истории и благодаря этому и удалось создать такое государство-многонациональную Россию. Так что, я думаю, это рано или поздно всё-таки скажется и всё наносное уйдёт, вся эта пена.

Надо поблагодарить наших гостей за встречу. Огромное вам спасибо! Мы надеемся на дальнейшие встречи.

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла как общественное учреждение, зарегистрированное управлением юстиции Алтайского края 9 февраля 1996 г. Статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Чернышов Юрий Георгиевич. Заместитель директора – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Алтайского отделения Ассоциации европейских исследований Бетмакаев Алексей Михайлович.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы – неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей – историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодёжного отделения АШПИ – студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы – **проведение международных научно-практических конференций, издание сборников** по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. – Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. – Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. – Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. – Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. – Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. – Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. – Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. – Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. – Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. – Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. – Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. – Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. – Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. – Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. – Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. – Региональные выборы 2004 г. – волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века)

Кроме этого, Школа постоянно занимается *просветительской работой* – организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную

Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о войне в Чечне, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ в 1998, 2000 и 2003 гг. представлял Алтайское отделение РАПН на Первом, Втором и Третьем Конгрессах политологов, проходивших в г. Москве; в 2001 и 2002 гг. участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в 2004 г. – в Конвенте РАМИ в МГИМО и т.д.

Еще одно направление деятельности – **консультирование, проведение прикладных политологических исследований**. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Первые исследования электоральных настроений были проведены во время президентских выборов 1996 г. Осенью 1996 г., накануне губернаторских выборов, АШПИ провела два анкетных опроса жителей края (более 2000 респондентов). В сентябре 1998 г. в г. Барнауле был проведен телефонный опрос об отношении населения к правительству РФ и местной власти. В ноябре 1999 г., накануне выборов в Государственную Думу, АШПИ провела опрос избирателей города Барнаула. В начале 2000 г. были опрошены 2540 жителей Барнаула (об отношении к кандидатам на должности президента РФ, глав администраций Алтайского края и города Барнаула, а также кандидатам в депутаты краевого Совета и Городской Думы). В 2003–2004 гг. были проведены опросы по теме выборов. Кроме того, были исследования, не связанные непосредственно с выборами. Так, в марте 1998 г. АШПИ провела в пяти школах г. Барнаула исследование на тему «Восприятие школьниками социальной действительности». В 2000 г. эксперты АШПИ провели опрос по теме «Международные проблемы глазами барнаульцев»; такие же опросы состоялись в 2002 и 2004 гг. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на Интернет-сайте Школы, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет – Мир без провинций» в 2001 г.

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и **приглашает к сотрудничеству** всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

Авторы докладов, выступлений и тезисов

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: arol@hist.asu.ru

Балуев Дмитрий Геннадьевич

Доктор политических наук, профессор кафедры политологии Нижегородского государственного университета им.Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. E-mail: baluyev@hotmail.com

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: bet@hist.asu.ru

Бойко Владимир Сергеевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, научный руководитель лаборатории «Россия и Восток» Барнаульского государственного педагогического университета. E-mail: boyko@uni-altai.ru

Борисов Сергей Николаевич

Кандидат философских наук, ассистент кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного университета, г. Белгород. E-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

Браницкий Андрей Геннадьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им.Н.И. Лобачевского, исполнительный директор НПО «Фонд европейских исследований в Нижнем Новгороде», г. Нижний Новгород

Бушев Александр Борисович

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета, г. Тверь

Владимиров Владимир Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой архивоведения и исторической информатики, декан исторического факультета Алтайского государственного университета. E-mail: vlad@hist.asu.ru

Волосенкова Елена Владимировна

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник лаборатории политической социологии Южного научного центра РАН, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар. E-mail: polit-sociology@mail.ru

Волобуева Марина Маратовна

Кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой религиоведения и теологии Алтайского государственного университета, консультант управления Администрации Алтайского края по работе с обращениями граждан и общественными объединениями, г. Барнаул

Глушков Анатолий Ефимович

Кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: mo@hist.asu.ru

Голунов Сергей Валерьевич

Кандидат исторических наук, доцент, директор Центра региональных и трансграничных исследований Волгоградского государственного университета, г. Волгоград. E-mail: sgolunov@mail.ru

Гончаренко Александр Ильич

Председатель АРО ПП «Яблоко», председатель АКОО «Защита и поддержка гражданских прав и инициатив», член Совета Конгресса интеллигенции Алтайского края. E-mail: goncharenko@alt.ru

Греков Николай Владимирович

Доктор исторических наук, профессор кафедры «История, философия и культурология» Омского государственного университета путей сообщения, г. Омск. E-mail: nikon.gor@mail.ru

Дедюлина Марина Анатольевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Таганрогского государственного радиотехнического университета, г. Таганрог. E-mail: ded2000@pochtamt.ru

Дериглазова Лариса Валериевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: larisad@post.tomica.ru

Дитц Александр Христианович

Президент Международного фонда реабилитации и помощи жертвам сталинизма и трудармейцам, президент общественного движения «Сообщество российских немцев Алтая», член Совета Конгресса интеллигенции Алтайского края. E-mail: adietz@yandex.ru

Еремин Игорь Александрович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Барнаульского государственного педагогического университета, г. Барнаул. E-mail: dean@uni-altai.ru

Золотарёв Максим

Студент исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Зырянов Геннадий Петрович

Начальник управления Администрации Алтайского края по работе с обращениями граждан и общественными объединениями, г. Барнаул

Калинкина Марина Юрьевна

Аспирант Кельнского университета, г. Кельн (ФРГ). E-mail: Marina.Kalinkina@mail.ru

Карацуба Ирина Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований Московского государственного университета, г. Москва

Коваленко Елена Олеговна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, член молодёжного отделения АШПИ – студенческой организации «Международник», г. Барнаул. E-mail: yelenochka@mail.ru

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Козлов Леонид Евгеньевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток. E-mail: rotten1979@yandex.ru

Козлов Виктор Александрович

Кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: kozulin@bk.ru

Козырьков Владимир Павлович

Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии культуры и духовной жизни Нижегородского государственного университета им.Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. E-mail: kozir3@yandex.ru

Коробкова Наталья Петровна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кочергин Алексей Анатольевич

Заместитель директора по вопросам прикладной аналитики Северо-Кавказского научно-исследовательского института истории и социокультурных исследований, заместитель главного редактора журнала «Гуманитарная мысль Юга России», г. Краснодар. E-mail: a-coch@mail.ru

Краснобаева Нелли Леонидовна

Кандидат исторических наук, заведующая кафедрой философии и социально-политических теорий Восточно-Казахстанского государственного технического университета, г. Усть-Каменогорск (Республика Казахстан). E-mail: krneli@yandex.ru

Кротов Александр Викторович

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кругова Наталья Ильинична

Кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: to@hist.asu.ru

Лебедева Евгения Борисовна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, член молодёжного отделения АШПИ – студенческой организации «Международник» г. Барнаул. E-mail: gorezeusoon@mail.ru

Леонтьева Анна Евгеньевна

Студентка 5-го курса специальности «Регионоведение» Алтайского государственного технического университета. E-mail: leontanna@yandex.ru

Литвинов Михаил Владимирович

Директор ООО «Алтай-Имидж»

Лушпай Д.В.

Студент специальности «Международные отношения» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток. E-mail: Sidorova.yulya@mail.ru

Лысенко Юлия Александровна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: orient@hist.asu.ru

Малахов Сергей Викторович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: orient@hist.asu.ru

Малявина Светлана Сергеевна

Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск. E-mail: sms26@list.ru

Медведев М.В.

Студент специальности «Международные отношения» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток. E-mail: Sidorova.yulya@mail.ru

Мясников Олег Генрихович

Кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социологии Макеевского экономико-гуманитарного института, г. Макеевка (Украина). E-mail: olms@hotmail.ru

Назаркин Денис Алексеевич

Студент 3-го курса факультета философии и социальных технологий специальности «Политология» Волгоградского государственного университета, г. Волгоград. E-mail: etoya-86@mail.ru

Небальзин Владимир Павлович

Заместитель председателя АРО ПП «Союз правых сил», член Совета Конгресса интеллигенции Алтайского края, г. Барнаул. E-mail: sps@aport2000.ru

Паин Эмиль Абрамович

Доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма Института социологии РАН, г. Москва

Панфилов Дмитрий Юрьевич

Студент 4 курса факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им.Н.И. Лобачевского, направление «регионоведение», директор Итальянского культурного центра, г. Нижний Новгород. E-mail: dmitrum@hotmail.com

Петросян Дмитрий Ильич

Кандидат философских наук, генеральный директор «Среднерусского консалтингового Центра», г. Владимир. E-mail: ilyich@mrcc.elcom.ru

Рачковская Лилия Александровна

Журналист, ГТРК «Алтай», г. Барнаул

Романова Елена Вениаминовна

Аспирант факультета политических наук, преподаватель кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Романович Нелли Александровна

Кандидат социологических наук, директор Института общественного мнения «Квалитас», г. Воронеж. E-mail: nelly@qualitas.ru, nellyromanovich@pisem.net, qualitas@comch.ru

Рубцов Павел Владимирович

Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: mo@hist.asu.ru

Рыбьякова Юлия Николаевна

Аспирант философского факультета Уральского государственного университета им.А.М. Горького, г. Екатеринбург. E-mail: raybceva@mail.ru

Рыжова Виктория Алексеевна

Студентка 5-го курса Российского государственного социального университета, г. Таганрог. E-mail: ryzhov@pochtamt.ru

Рябинин Василий Александрович

Аспирант кафедры философии и политологии Костромского государственного университета им.Н.А. Некрасова, г. Кострома. E-mail: vasilevr@mail.ru

Савенко О.А.

Студент специальности «Международные отношения» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток. E-mail: Sidorova.yulya@mail.ru

Сахурья Ильяна Дмитриевна

Аспирант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: iliana8@rambler.ru

Свинцов Игорь Валерьевич

Исполнительный директор «Среднерусского консалтингового Центра», г. Владимир. E-mail: isvintsov@mrcc.elcom.ru

Серов Вадим Валентинович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: mo@hist.asu.ru

Сидорова Ю.Б.

Студентка специальности «Международные отношения» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток. E-mail: Sidorova.yulya@mail.ru

Сковородников Александр Васильевич

Аспирант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: mladic@mail.ru

Смирнова Вера Александровна

Аспирант, ассистент кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета, г. Волгоград. E-mail: v_a_smirnova@mail.ru

Смищенко Руслан Сергеевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Стафеева Мария Валерьевна

Аспирант факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им.Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. E-mail: mstafeeva@ot.ru

Степанова Оксана Владимировна

Старший преподаватель кафедры регионоведения Алтайского государственного технического университета им.И.И. Ползунова, г. Барнаул. E-mail: oxana_oleinik@mail.ru

Таирбеков Бахадур Байрам оглу

Член-корреспондент Всемирного клуба системологов, главный редактор издательства «Asiman», г. Габала (Азербайджанская Республика). E-mail: bahadur_tahirbeyov@rambler.ru

Тарасов Илья Николаевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического университета, г. Саратов

Тарасова Елена Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета, г. Барнаул. E-mail: tarasova_e@rambler.ru

Устюгов Алексей Николаевич

Помощник депутата Государственной Думы В.А. Рыжкова, г. Барнаул

Уфимская Евгения Владимировна

Стажер Технического университета, г. Хемниц (ФРГ). E-mail: gitetais@mail.ru

Фадеев Константин Викторович

Ассистент кафедры истории и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета, г. Томск. E-mail: fadeevk@rambler.ru

Фёдоров Сергей Юрьевич

Кандидат исторических наук, г. Ярославль. E-mail: feodoroff@mail.ru

Филиппов Василий Рудольфович

Доктор исторических наук, заведующий сектором этнической регионалистики Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, г. Москва. E-mail: fvrd@rambler.ru

Хабенская Елена Олеговна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, г. Москва

Хахин Артем Вениаминович

Соискатель кафедры политологии Нижегородского государственного университета им.Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. E-mail: teem-teem@yandex.ru

Хилькова Наталья Венедиктовна

Заведующая филиалом краевой медицинской библиотеки, член Совета Конгресса интеллигенции Алтайского края, г. Барнаул

Чеботарев О.О.

Студент специальности «Международные отношения» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток. E-mail: Sidorova.yulya@mail.ru

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор Алтайской школы политических исследований, председатель Совета Конгресса интеллигенции Алтайского края, г. Барнаул. E-mail: ashpi@narod.ru

Чесноков Алексей Сергеевич

Кандидат политических наук, старший преподаватель Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург. E-mail: alexright@mail.ru

Шагалов Вячеслав Александрович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений и политологии Казанского государственного университета, г. Казань. E-mail: vash@rambler.ru

Шейда Геннадий Петрович

Помощник депутата Государственной Думы В.А. Рыжкова, руководитель Алтайского отделения Российского общественно-политического центра, г. Барнаул. E-mail: soglasie@barrt.ru

Широкова Марина Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Элез Андрей Йовович

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнической регионалистики Центра цивилизационных и региональных исследований РАН, г. Москва

АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

✉ 656049 г. Барнаул,

просп. Ленина, 61, к. 310

☎ Tel./fax (3852) 66-84-15

📁 E-mail: ashpi@hist.asu.ru

или ashpi@narod.ru

🖨 http://

hist.asu.ru/ashpi/ashi/ashi.html

или [http:// ashpi.narod.ru](http://ashpi.narod.ru)

СОДЕРЖАНИЕ

Дискуссии о ксенофобии и этноконфессиональных конфликтах
(предисловие ответственного редактора).....3

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ
(ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ
И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА), 4–5 ИЮЛЯ 2006 Г.11**

**Секция 1. Этноконфессиональные аспекты международных
конфликтов: история и современность12**

*Аришницева О.А., Бетмакаев А.М., Глушков А.Е.
Конфессионализм и эволюция христианской
демократии в Германии12*

*Бадурев Д.Г. Этничность и национализм
в условиях глобализации.....15*

*Борисов С.Н. К вопросу о традиционной природе современного
терроризма.....17*

*Бушев А.Б. Языковые аспекты дискурса о беспорядках
во Франции.....25*

*Калинкина М.Ю. Положение детей в вооруженных конфликтах
на территории стран бывшего социалистического
лагеря.....30*

*Кротов А.В. Этноконфессиональные конфликты сквозь призму
глобализации и постиндустриализации35*

*Курныкин О.Ю. О российском опыте в решении
«мусульманского вопроса»37*

*Леонтьева А.Е. Региональные конфликты современности:
эволюция российской политической мысли41*

*Назаркин Д.А. Религиозный фактор в международных
отношениях: исламский вариант44*

*Панфилов, Д.Ю. Браницкий А.Г. Миграционная политика
Франции как источник этноконфессионального
латентного конфликта.....47*

*Рябинин В.А. Нравственная и религиозная основа
глобализации50*

*Сахурия И.Д. О роли религиозного фактора в формировании
Образа Чужого53*

<i>Серов В.В. Британский историк о положении иудейских общин в Римской империи</i>	<i>58</i>
<i>Сковородников А.В. Политика Великобритании и межэтнические отношения в Югославии в годы Второй мировой войны.....</i>	<i>62</i>
<i>Стафеева М.В. Конфликт ценностей как составляющая этноконфессионального настоящего Европы</i>	<i>66</i>
<i>Степанова О.В. Этнополитический конфликт в международно-политическом измерении.....</i>	<i>72</i>
<i>Таирбеков Б.Б. О концепции «этноконфессионального конфликта» (на примере «армянского вопроса»).....</i>	<i>74</i>
<i>Тарасов И.Н. Потенциал этнической конфликтности в регионе Центрально-Восточной Европы.....</i>	<i>78</i>
<i>Уфимская Е.В. Исторический спор между католиками и протестантами в аденауэрской Германии</i>	<i>82</i>
<i>Фадеев К.В. Политика в меняющемся мире и «международный терроризм».....</i>	<i>87</i>
<i>Фёдоров С.Ю. Международные организации и урегулирование межэтнических конфликтов: боснийский вариант</i>	<i>90</i>
<i>Филиппов В.Р. «Этноконфессиональные конфликты»: ущербность концепции</i>	<i>94</i>
<i>Шагалов В.А. Этноконфессиональные аспекты балканского кризиса в конце XX – начале XXI вв. и новые грани миротворчества.....</i>	<i>96</i>
<i>Широкова М.А. Проблема соотношения религиозного, национального и политического в философии истории А.С. Хомякова.....</i>	<i>100</i>
Секция 2. Этноконфессиональная ситуация на постсоветском пространстве	103
<i>Волосенкова Е.В. Конфессиональные процессы в Краснодарском крае: конфликтологический мониторинг 2005 г.</i>	<i>103</i>
<i>Голунов С.В. Роль этнического фактора в наркотрафике через границы РФ: реалии и стереотипы.....</i>	<i>108</i>
<i>Греков Н.В. Мираж русского национализма и его политическое значение.....</i>	<i>112</i>
<i>Дедюлина М.А. Кавказофобия как разновидность этнофобии... </i>	<i>115</i>
<i>Дериглазова Л.В. Влияние советского опыта на проблему ксенофобии в России.....</i>	<i>118</i>

<i>Зырянов Г.П., Волобуева М.М. Деятельность Администрации Алтайского края по профилактике и предупреждению конфликтов в этноконфессиональной среде.....</i>	<i>122</i>
<i>Еремин И.А. Проект «сбережения народа»: консервативный и либеральный подходы.....</i>	<i>127</i>
<i>Коваленко Л.Г. Проблема толерантности в современной России.....</i>	<i>130</i>
<i>Козлов Л.Е. Российско-китайские отношения в оценках жителей Дальнего Востока.....</i>	<i>132</i>
<i>Козулин В.Н. О некоторых особенностях формирования в России образа ислама и мусульманина.....</i>	<i>136</i>
<i>Козырьков В.П. Тоска по родине или поиск национальной идеи?</i>	<i>140</i>
<i>Кочергин А.А. Тупик секьюритизации этничности</i>	<i>148</i>
<i>Краснобаева Н.Л., Тарасова Е.В. Конфессиональный фактор этнополитической стабильности в Восточном Казахстане</i>	<i>152</i>
<i>Лушпай Д.В., Медведев М.В., Савенко О.А., Сидорова Ю.Б., Чеботарев О.О. Общественное мнение Приморского края о роли китайского фактора в экономике региона .</i>	<i>155</i>
<i>Лысенко Ю.А. Православие и ислам на Алтае во второй половине XIX – начале XX вв.</i>	<i>159</i>
<i>Малявина С.С. Этническая и религиозная нетерпимость в среде молодежи (детерминация и пути преодоления)</i>	<i>162</i>
<i>Мясников О.Г. Национальный язык как символ</i>	<i>166</i>
<i>Петросян Д.И., Свинцов И.В. Толерантность против национальной нетерпимости в сознании россиян</i>	<i>170</i>
<i>Романова Е.В. Особенности этнического сознания малых народов Алтая</i>	<i>174</i>
<i>Романович Н.А. Ксенофобия как следствие кризиса идентичности</i>	<i>178</i>
<i>Рыбьякова Ю.Н. Ненасилие и толерантность в этнопедагогике.....</i>	<i>185</i>
<i>Рыжова В.А. Конфессиональные конфликты и социальная работа российских церквей.....</i>	<i>190</i>
<i>Смирнова В.А. Международная образовательная миграция в Казахстане: этносоциальный аспект проблемы.....</i>	<i>192</i>

<i>Смищенко Р.С. Проблемы толерантности в межэтнических отношениях</i>	<i>196</i>
<i>Хабенская Е.О. Антисемитизм и борьба с ним – две стороны одной медали.....</i>	<i>198</i>
<i>Хахин А.В. «Исламский проект» и его влияние на актуализацию этноконфессионального аспекта конфликта на территории Чечни в 1996–2000 гг.</i>	<i>201</i>
<i>Чесноков А.С. Этническое измерение миграционных процессов на постсоветском пространстве и значение «выталкивающих» и «притягивающих» факторов.....</i>	<i>205</i>
<i>Элез А.Й. К вопросу о применении права в борьбе против национализма</i>	<i>210</i>
Обсуждение докладов.....	215
<i>Открытие конференции</i>	<i>215</i>
<i>Первое заседание</i>	<i>229</i>
<i>Второе заседание</i>	<i>241</i>
<i>Заккрытие конференции.....</i>	<i>272</i>
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	278
Встреча с московскими экспертами, 15 апреля 2006 г.	
 Стенограмма	278
 Ответы на вопросы	282
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	298
АВТОРЫ ДОКЛАДОВ, ВЫСТУПЛЕНИЙ И ТЕЗИСОВ	301

Научное издание

**ДНЕВНИК АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. №22**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(этноконфессиональные конфликты
и вызовы XXI века)**

**Материалы международной
научно-практической конференции**

Публикуется в авторской редакции

Верстка, макет, дизайн обложки А.М. Бетмакаева

Изд. лиц. 020261 от 14.01.1997 г.

Подписано в печать 06.09.2006. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная №1. Усл. печ. л. 18,8.

Тираж 500 экз. Заказ 962.

Издательство Алтайского госуниверситета:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»

г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а

тел. 62-91-03, 62-77-25

E-mail: azbuka@dsmail.ru